Министерство образования и науки Российской Федерации
Кубанский государственный университет
Факультет истории, социологии и международных отношений
Научно-образовательный центр
«Северокавказское славяноведение»

ГОД ПОЛЬШИ В РОССИИ:
вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей

Краснодар2015

УДК 94 (438):94 (470) (063)
ББК 63.3 (4Пол):63.3 (2) я 431
Г 59

Редколлегия:

Э.Г.Вартаньян, доктор исторических наук, профессор (научн. ред, сост.);
А.В. Ващенко, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета ФИСМО Кубанского государственного университета;
О.В. Матвеев, доктор исторических наук, профессор (научн. ред., сост.)

.

Рецензент:

Г.Ф. Матвеев, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Г 59 **Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей:** материалы Международной научно-практической конференции (17 октября 2015 г., Кубанский государственный университет, г. Краснодар) / *Научн. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев.* Краснодар: Изд-во: «Традиция», 2015. – 357 с. Тираж – 100 экз.
ISBN 978-5-91883-226-4

В издание вошли материалы очередной Международной научно-практической конференции, организованной Научно-образовательным центром Кубанского государственного университета «Северокавказское славяноведение» и приуроченной к году Польши в России. Представленные работы ученых России, Беларуси, Украины, Швейцарии, Чехии посвящены проблемам российско-польских взаимоотношений, политическим и культурным связям славянских стран и их соседей. Книга адресуется преподавателям и студентам, научным сотрудникам, работникам учреждений культуры, образования и науки.

УДК 94 (438):94 (470) (063)
ББК 63.3 (4Пол):63.3 (2) я 431

ISBN 978-5-91883-226-4

© Коллектив авторов, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

В декабре 2013 г. на VIII заседании Комитета по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества в Варшаве министры иностранных дел России и Польши С.В. Лавров и Р. Сикорский подписали долгосрочную «Программу 2020 в российско-польских отношениях» и соглашение о проведении Перекрёстного года этих стран в 2015 г**.** Взаимное признание заслуг ознаменовалось вручением дипломов «За заслуги в деле укрепления взаимопонимания и сближения российского и польского обществ» известным деятелям культуры Польши и России.

В культурно-гуманитарной сфере была достигнута договорённость о проведении перекрестных годов Польши и России в 2015 г., Фестивалей российской и польской песни, Фестивалей фильмов двух стран, расширение практики молодёжных обменов, совместной работе в области науки и образования, сотрудничестве в области спорта и туризма. В рамках Года планировались многочисленные мероприятия, в том числе научные конференции, обмен студентами, встречи, диалоги…

Но 24 июля 2014 г. пресс-секретарь кабинета министров Республики Польша М. Кидава-Блоньская сообщила, что польское правительство приняло решение отменить мероприятия Года Польши в России, которые были намечены на 2015 год, «из-за ситуации, сложившейся на востоке Украины». В официальных заявлениях министра иностранных дел Польши Р. Сикорского и министра культуры М. Омилановской подчёркивалось: «В нынешней политической ситуации и всего того, что происходит на Украине, в ситуации, когда был сбит самолёт Малайзийских авиалиний, невозможно проведение Года Польши в России»…

Прискорбно, что политическая риторика и идеологическая подоплёка в который раз вмешались в традиционные связи двух славянских стран… Но мы глубоко убеждены, что такие понятия как культура, традиции, наука и образование должны находиться вне политической конъюнктуры. Именно эти гуманитарные сферы

способствуют взаимопознанию народов и обогащению сложившихся стереотипов и предубеждений светлыми тонами. Отрадно, что, несмотря на позиции официальных лиц, огромное количество культурных мероприятий не отменены и отменяться не будут. К ним относятся, например, фестиваль польских фильмов «Висла», кинофестиваль «Спутник над Варшавой», фестиваль российской песни в Зелёной Гуре и многие другие. Кроме того в обеих странах по-прежнему будут организовываться и новые научные форумы, которые призваны ближе познакомить народы России и Польши друг с другом.

В рамках этой плодотворной работы Научно-образовательный центр «Северокавказское славяноведение» Кубанского государственного университета организовал проведение международной научно-практической конференции «Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей», материалы которой вы держите в руках. Непростое прошлое взаимоотношений наших стран омрачено историческими обидами эпохи Смутного времени, участием Российской империи в разделах Речи Посполитой и в подавлении национальных восстаний 1830 и 1863 гг., советско-польской войной 1920 г. и массовой гибелью красноармейцев в концентрационных лагерях, трагедией Катыни… Но история хранит и память о пьянящей радости общей победы славян при Грюнвальде, ратном содружество русских стрельцов и казаков с лихой крылатой гусарией в противостоянии агрессии Оттоманской Порты, о традиционных революционных связях и трогательном отношении русского народа к участи польских ссыльных в Сибири и на Кавказе, страницы совместной борьбы с германским нацизмом и спасения Красной Армией и Войском Польским народов порабощённой гитлеровцами Европы…

При этом никогда не прекращались попытки интеллектуальной элиты России и Польши понять друг друга, обогатить духовный диалог и «старый спор славян между собою» более глубоким содержанием. Общеизвестны факты из истории литературы, связанные с пребыванием Адама Мицкевича в России и его близкое об-

щение с К.Ф. Рылеевым, А.А. Бестужевым, П.А. Вяземским, Е.А. Баратынским, А.С. Хомяковым, М.П. Погодиным и др., а также знакомство в 1826 г. с А.С. Пушкиным. Значение русского периода в творчестве Мицкевича сейчас не оспаривается ни в России, ни в Польше. Приезд Мицкевича в Россию был для него вхождением в большую литературу. Окруженный восхищением нескольких друзей по Виленскому университету, но почти неизвестный в столице Польши, Мицкевич попадает в культурную среду, достойную его гения, в ней завершается его поэтическое самоопределение.Влияние было обоюдным, и Мицкевич, в свою очередь, становится важной частью живого литературного процесса в России. Русская литература осваивает его творчество не только на уровне переводов, но и на глубинном уровне влияния поэтики и эстетических концепций. В немалой степени благодаря Мицкевичу, в русской литературе как доминирующее стилевое направление утверждается романтизм, в системе поэтических жанров заметное место занимает сонет. Пушкин в своем знаменитом «Суровый Дант не презирал сонета...» в ряд великих сонетистов прошлого – Шекспир, Петрарка, Данте – поставит имя Мицкевича.

А.С. Пушкин отозвался на события восстания 1830 г. стихотворением «Клеветникам России», которое в Польше воспринимают как поэтическое выражение воинствующей великодержавности. При этом русский поэт, близко общавшийся с Адамом Мицкевичем, восхищался личностью последнего и его произведениями.

Пушкин перевел лучшие баллады Мицкевича «Воевода» и «Три Будрыса», где создал привлекательные образы поляков. В одном из незаконченных стихотворений «Он между нами жил» Александр Сергеевич воссоздал образ Мицкевича, мирного и благосклонного участника бесед русских поэтов, вдохновенного свыше польского певца, мечтающего о временах, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Послание к Мицкевичу наполнено глубокой болью о поэте, который «стал нам врагом – и ядом / Стихи свои, в угоду черни буйной, / Он наполняет». В страстном призыве

к Господу освятить «в нем сердце правдою... и миром» проявляются глубокое уважение Пушкина к Мицкевичу, верность их дружбе.

Мицкевич прочитал это стихотворение только в 1842 г. Листок с его текстом Александр Иванович Тургенев положил на кафедру Мицкевичу, читавшему в Париже в Коллеж де Франс курс славянских литератур. На листке А.И. Тургенев сделал надпись: «Голос с того света»… В своих воспоминаниях А. Мицкевич напишет: «Я знал русского поэта весьма близко и в течение довольно продолжительного времени; я наблюдал в нем характер слишком впечатлительный, а порою легкий, но всегда искренний, благородный и откровенный. Недостатки его представлялись рожденными обстоятельствами и средой, в которой он жил, но все, что было в нем хорошего, шло из его собственного сердца»…

Духовный диалог великих славянских поэтов послужил важным уроком для наших народов, а нас вдохновил на организацию очередного научного форума славистов в Кубанском государственном университете. Помимо российских историков, этнографов и фольклористов из Москвы, Саратова, Твери, Новосибирска, Симферополя, Краснодара, Ростова, Майкопа, в нём приняли участие коллеги из Швейцарии, Чехии, Беларуси и Украины. Очень надеемся, что материалы Международной научно-практической конференции окажутся полезными для специалистов, студентов, аспирантов, преподавателей, сотрудников учреждений истории и культуры, дадут поводы для размышлений о дальнейших перспективах славянских исследований.

Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев

РАЗДЕЛ I. ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Л.Р. Хут (г. Майкоп, Российская Федерация)

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПОЛЬШЕ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

В современном российском историографическом пространстве проблематика исторической политики, т.е. набора практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [1], относится к числу «модных» тем. О ней не прочь не только подискутировать, но и включиться в ее продвижение историки различной идеологической ориентации. Процесс «включения» профессионального сообщества, в свою очередь, порождает феномен историографических практик исторической политики, о котором мне уже приходилось размышлять в контекстах общероссийской и северокавказской историографий [2].

Цель настоящей статьи – анализ историографических практик исторической политики в Польше с позиций российского наблюдателя. Как известно, начало «новой исторической политики» исследователи связывают со знаменитым «спором историков» («Historikerstreit») 1986–1987 гг. в ФРГ, когда западногерманское профессиональное сообщество размежевалось по вопросу о «нормализации» недавнего немецкого прошлого, связанного с эпохой нацизма. Позднее группа польских историков, связанных с партией братьев Качиньских «Право и справедливость» (ПиС), заявила, что Польша нуждается в активной исторической политике. Введенный этой группой историков термин «polityka historyczna» является калькой немецкого «Geschichtspolitik», но с выраженной позитивной коннотацией. В польском историографическом ландшафте

2000-х гг. присутствие многостраничных текстов с вынесенным в заглавие словосочетанием «polityka historyczna» [3] стало привычным.

Интересны высказывания о содержательном наполнении данного термина, принадлежащие польским авторам, не чуждым исторической рефлексии. Так, в 2006 г. историк из окружения Леха Качиньского, Януш Куртыка, позднее разделивший трагическую участь пассажиров президентского борта Ту-134 под Смоленском, заявлял: «Под исторической политикой мы понимаем определенные действия, которые мы как государство предпринимаем, чтобы убедить общество в чем-то, что мы считаем важным. Говоря «историческое сознание» мы акцентируем то, что имеет глубокие корни в народе, в нас и должно быть открыто, либо то, что должно обрести внешние формы» [4]. В свою очередь, критик исторической политики, Адам Михник, в прошлом – известный диссидент, главный редактор крупнейшей польской ежедневной политической газеты «Gazeta Wyborcza» со дня ее основания, считает стремление к «новой исторической политике» всего лишь утверждением нового видения истории, причем это утверждение ориентировано не столько на историков, сколько на государственную власть, которой надлежит содействовать этому новому видению истории. *Государство должно стать арбитром, устанавливающим правду о прошлом*» [5] (курсив авт. – **Л.Х**.). Роберт Траба, директор Центра исторических исследований Польской академии наук в Берлине, характер спора в сегодняшней историографии Польши определяет следующим образом: «национальная гомогенность» и «героизация истории» *versus «возобновление переговоров» и «расширение перспективы»* [6].

Соглашаясь с тем, что политическая природа феномена «исторической политики» предполагает сосредоточения исследователей, его изучающих, прежде всего, на акторах, институтах и методах этой политики [7], отметим, что крупнейшие политические партии страны – упоминавшаяся правоконсервативная «Право и справедливость», этот «главный мотор исторической политики в Польше»

[8], и «Гражданская платформа», позиционирующая себя как защитница либерально-консервативных ценностей, безусловно, стремятся курировать историческое сообщество на предмет формирования в польском обществе «правильного» образа прошлого. Но если для ПиС проведение активной исторической политики является программным требованием, а партийные функционеры мыслят ее как выявление и обличение врагов Польши как в прошлом, так и в настоящем, то «Гражданская платформа» более склонна к поиску мотивов примирения и согласия. «Если либеральная концепция исторической политики тяготеет скорее к идее критического патриотизма, то концепция консервативная ближе к этническому патриотизму XIX в. Категория народа в этой концепции рассматривается как некая высшая непререкаемая ценность, которую надо защищать от «чужих» и от «врагов» [9].

Профессиональные историки востребованы в высших эшелонах власти современной Польши, и, как отмечает И. Мельников, именно историки сегодня «играют первую скрипку в политической жизни» [10]. В подтверждение сказанного достаточно вспомнить, что до недавнего времени пост президента страны занимал Бронислав Коморовский, историк по образованию, выпускник исторического факультета Варшавского университета, а одним из его советников был известный польский историк Томаш Наленч. Министрами иностранных дел Польши в разное время являлись историки Владислав Бартошевский и Адам Ротфельд, причем первый в 2010 г. стал человеком года по версии «Gazeta Wyborcza». В среде самих польских историков активистами исторической политики выступают Петр Гонтарчик, Славомир Ценкевич, Павел Зызак, Ежи Роберт Новак и др.

Один из самых распространенных методов исторической политики –создание финансируемых государством специальных институтов для продвижения определенных трактовок прошлого. Подобного рода учреждением в Польше является Институт национальной памяти (ИНП) – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа (Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania

Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu (IPN), созданный в соответствии с Законом об ИНП от 18 декабря 1998 г. [11]. Он финансируется из государственного бюджета. Его главу назначает и отзывает сейм. В разное время ИНП возглавляли Леон Керес, упоминавшийся Януш Куртыка, Францишек Гричук. С 2011 г. во главе института — Лукаш Каминьский [12]. Институт занимается сбором и обработкой документов органов государственной безопасности периода существования социалистической Польши, а также Третьего Рейха и СССР по отношению к польским гражданам, люстрационной деятельностью. Кроме того, он осуществляет масштабные образовательные и издательские проекты. ИНП имеет свой Интернет-сайт, который дает весьма четкое представление о направлениях деятельности института [13].

В польской профессионально-исторической среде отношение к ИНП неоднозначное. Так, профессор университета CollegiumCivitas в Варшаве, сотрудник Центра миграционных исследований Варшавского университета Дариуш Столя размышляет о деятельности института в статье с говорящим названием «Польский ИНП становится «Министерством памяти»?» По словам исследователя, ИНП «стал самым заметным, влиятельным и вместе с тем спорным государственным институтом современной Польши, главным субъектом и одновременно объектом общенациональных споров в отношении недавнего прошлого», «частью государственной административной системы со статусом, соответствующим статусу министерства». Для польского историка это своего рода «Министерство памяти», но не оруэлловского типа, а «обычная для континентальной Европы бюрократическая структура с обычными для нее недостатками». При этом, не без сарказма отмечает Д. Столя, «в области исследований новейшей истории Польши господство ИНП сильнее, чем в свое время господство британского флота над морями, а его исследовательский бюджет, вероятно, превышает совокупный бюджет всех прочих исследовательских центров» [14].

Перечень конкретно-исторических проблем, актуализированных в контекстах исторической политики в Польше сегодня отнюдь

не сводится к проблематике социалистического периода (1944–1989). Он гораздо шире. Если следовать хронологическому принципу, то это, во-первых, роль польского фактора в истории русской Смуты. Польские историки в дискуссиях с российскими коллегами подвергают сомнению клише «польско-шведская интервенция» как создающее ложное впечатление, что это была совместная акция двух государств, в то время как Швеция в рассматриваемый период являлась противником Речи Посполитой, как и Русского государства. Известный польский историк Иероним Граля в своей недавней лекции на одном из российских федеральных каналов высказал предположение, что российские и польские историки будут дискутировать по поводу этого события, по крайней мере, ближайшие 200 лет [15]. Во-вторых, это разделы Речи Посполитой и проблема Восточных Кресов (восточных окраин) – территорий нынешней Украины (часть Галиции, западной Украины), Белоруссии (западная Белоруссия) и Литвы, некогда входивших в состав Польши. В-третьих, советско-польская война 1919–1921 гг., проблема советских военнопленных после этой войны. В-четвертых, комплекс проблем, связанных со Второй мировой войной, включая международный кризис 1939 г., Гляйвицкий инцидент, Катынский расстрел (Zbrodnia katyńska), погром в Едвабне (Pogrom w Jedwabnem), Волынскую резню (Rzeź wołyńska), Варшавское восстание 1944 г.

При всей непроходящей болезненности восприятия массовым историческим сознанием поляков трагедии в Катыни следует подчеркнуть, что на историографические практики исторической политики в Польше начала XXI в. беспрецедентное воздействие оказала состоявшаяся в 2000–2002 гг. дискуссия о погроме в Едвабне – массовом убийстве евреев в местечке в ста с небольшим километрах к северо-востоку от Варшавы (тогда – Белостокская область БССР, теперь –Польша) 10 июля 1941 г. Долгое время считалось, что погром совершили немецкие каратели, однако теперь известно, что основную массу погромщиков составляли «польские соседи», проживавшие в окрестных районах [16]. Высказывая предположение, что «ни одна из стран Центральной и Восточной Европы не прохо-

дила через подобную очную ставку с собственным прошлым», Р. Траба восклицает: «Впервые мы оказались непосредственно лицом к лицу с образом поляка – виновника преступления. Для одних это стало своего рода катарсисом народной совести, других укрепило в стремлении защищать «польскость» от угрожающих ей внешних врагов» [17]. Несмотря на более чем десятилетнюю дистанцию, отделяющую польское общество от дискуссии по Едвабне, «одни считают, что признание темных страниц национального прошлого является проявлением социальной зрелости и вместе с тем моральным долгом, другие же убеждены, что основным требованием патриотизма является защита доброго имени народа» [18]. Иными словами, дихотомия «Вестерплатте – Едвабне» оказывает серьезное влияние на конструирование исторической памяти поляков сегодня.

Рефлексирующая часть международного профессионального исторического сообщества давно озабочена проблемой преодоления резкой конфронтации в отношениях между национальными историческими сообществами в условиях, когда акторы исторической политики отвергают саму возможность любого диалога, включая научный. Недавними примерами успешных попыток выстраивания диалогических отношений между учеными-историками России и Польши в области публикационной деятельности являются, прежде всего, совместные российско-польские научные проекты по международному кризису 1939 г. и сложным вопросам во взаимоотношениях двух стран, завершившиеся совместными масштабными изданиями на русском и польском языках [19].

Ярким примером российско-польского научного диалога стали проведенные 11–13 мая 2013 г. Институтом гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ (ИГИТИ) совместно с факультетом «Artes Liberales» Варшавского университета и Международным историко-просветительским, благотворительным и правозащитным обществом «Мемориал» в рамках проекта «Academia in Public Discourse» международные дебаты на тему: «Историческая политика: российский и польский варианты». Дебаты стали частью обширной программы сотрудничества

между ИГИТИ и институтом «Artes Liberales», развивающегося на протяжении вот уже почти десяти лет. «Этот тихий разговор об общих проблемах, — заметил, открывая дискуссию, один из модераторов с польской стороны, сотрудник Польского института международных дел А. Ротфельд, – гораздо важнее, чем то, о чем громогласно вещают СМИ» [20].

Программа дебатов включала работу пяти тематических секций: «Историческая политика» – что это такое? Взгляды ученого, журналиста и гражданина; Историческая политика в России и Польше в сравнении: цели, средства, эффекты; Историческая политика в Польше и России: процесс принятия решений и общественного восприятия; Ключевые темы в исторической политике: сравнение СССР/России и ПНР/Польши; Архивы, исследования и образование. Завершением дебатов стал круглый стол на тему: «Какие вопросы исторической политики волнуют сегодняшнюю молодежь в Восточной Европе?» [21] Свидетельством той роли, которую придает польское историческое сообщество разговору на сложные темы со своими российскими коллегами стало, в частности, то, что с польской стороны в дебатах приняли участие такие известные польские ученые, как Ежи Аксер (руководитель факультета «Artes Liberales» Варшавского университета), Ян Кеневич (профессор факультета «Artes Liberales» Варшавского университета), Славомир Дембский (руководитель Польского института международных дел и Центра польско-российского диалога и согласия в Варшаве),Мариуш Волос (Краковский педагогический университет, Польская Академия наук), Матеуш Коморовский (Варшавский университет),Влодзимеж Бородзей(Варшавский университет),Влодзимеж Марчиняк (Польская академия наук), Иероним Граля (многолетний директор Польского института в Петербурге и Москве, бывший первый советник посольства Республики Польша в Москве;Варшавский университет) и др.

Как один из участников и диспутантов состоявшихся дебатов, особо отмечу пример жесткой, но плодотворной полемики, которая произошла между российским историком М.В. Дмитриевым (Мос-

ковский государственный университет им. М.В.Ломоносова) и его польским коллегой И. Гралей.В своем докладе «Восточная Европа или Восток Центральной Европы? Культурные границы как предмет исторической политики и исторических исследований в Польше и России» М.В. Дмитриев подверг критике выдвинутую группой польских историков концепцию Центральной Восточной Европы, на примере которой докладчик показывал, что те явления, которые обычно связывают с понятием исторической политики, часто возникают не как следствие идеологического давления государства на профессиональных историков, а как результат групповых предпочтений, традиций и информационных ограничений, сложившихся внутри академического сообщества. По мнению М. Дмитриева, главной проблемой в обсуждении вопросов исторической политики является не присутствие государства и осуществляемое им давление на академическую жизнь, а внутренние проблемы самого академического цеха – отсутствие корпоративных механизмов саморегуляции, непрозрачность и неэффективность финансирования научных исследований, низкий уровень профессиональной этики историков. Поэтому преодоление трудностей в польско-российском диалоге на исторические темы невозможно без поиска моральных ресурсов для изменения ситуации в самой исторической науке [22].

В докладе И. Грали «Ловушки исторической памяти: польско-российский спор о прошлом» было убедительно показано, что прежде, чем искать общую почву для диалога, необходимо избавиться от мифов и предрассудков, многие из которых возникли и сохраняются исключительно благодаря пренебрежению фактами (например, убеждение в тысячелетней враждебности между Московией и Польшей совершенно игнорирует тот факт, что официальные отношения между нашими странами существуют всего 500 лет). Лучший способ преодолеть стереотипы, по мнению польского коллеги, – это проследить их происхождение, и в этой работе главную роль может и должен играть историк. Откликаясь на реплики предшествующей дискуссии об ответственности историка, И. Граля подчеркнул, что отказ от полемики равносилен для историка-

профессионала отказу от обязательств перед своей страной, и признал, что на совести многих историков обеих стран лежит тяжкий грех – грех неучастия [23].

Таким образом, историографические практики исторической политики в Польше, на мой взгляд, отражают ситуацию, в целом характерную и для российского историографического пространства, в рамках которого, как и в Польше, присутствуют различные индивидуальные и коллективные факторы, с разными представлениями о допустимых степенях участия профессиональных историков в деле «нациестроительства». Часть исследователей допускает, что вмешательство в трактовку истории той части политической элиты, которая контролирует в данный момент власть, вполне оправданно, во-первых, для борьбы с внутренней оппозицией, во-вторых, для создания экспортного образа страны как неизменной жертвы. Другая же часть польских историков, близкая моему пониманию духа и этоса исторической науки, признавая влияние современных обстоятельств на собственную профессиональную деятельность, пытается вырабатывать определенные механизмы снижения этого влияния через рефлексию и самоконтроль, учет альтернативных точек зрения.

Примечания

1. *Миллер А. И.*Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. №3 -4. Историческая политика. С. 10.

2. *Хут Л.Р.* Историографические практики исторической политики в России: взгляд с Кавказа [Электронный ресурс]. URL: http://igiti.hse.ru/Meetings/Conferences/Debaty2013_video1 (дата обращения: 08.09.2015); *Ее же.* Вхождение Северного Кавказа в состав России в историографических практиках исторической политики (субъективные заметки) // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интепретации и противодействие фальсификации истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 12 октября 2013 г. Краснодар, 2013. С. 18-27; *Ее же.* Российский Северный Кавказ: историческая память vs историческая политика // Былые годы. 2014. №32 (2) С. 132–139 (в соавторстве с *Е.С. Куквой* и *А.Ю. Шадже*); *Ее же.* Кавказская война в историографических практиках исторической политики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология,

юриспруденция, политология, культурология». Майкоп, 2014. №3. С. 140–141.

3. См., например: Politykahistoryczna: historycy – politycy – prasa / *L. Cichocka, A. Panecka (eds)*. Warszawa, 2005; Pamięć ipolitykahistoryczna: doświadczeniaPolskiijejsąsiadów / *S. M. Nowinowskietal*. Łódź, 2008.

4. Polska polityka historyczna. Zapis dyskusji przeprowadzonej 30 marca 2006 roku w IPN// Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej.Warszawa, 2006. № 5. S.6.

5. *Михник А.*Историческая политика, русский вариант. Национализм патриотов: введение в «культуру правды»? Гефтеровский проект «Связь времен». Год 2013-й [Электронный ресурс]. URL: URL: http://gefter.ru/archive/15264 (дата обращения: 29.08.2015).

6.*Траба Р.* Польские споры об истории в XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С. 87.

7. *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С.12.

8. История, историческая политика и политизация истории в Польше, Украине и России. С историком *Алексеем Миллером* беседует редактор «Отечественных записок» *Марк Гринберг* [Электронный ресурс]. URL: http://www.rodon.org/society-081219132551(дата обращения: 30.08.2015).

9. *Лыкошина Л.* Польская историческая политика в контексте политической жизни страны [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/05/25/polskaya_istoricheskaya_politika_v_kontekste_politicheskoj_zhizni_strany/(дата обращения: 29.08.2015).

10. *Мельников И.* Историческая политика: взгляд из Варшавы [Электронный ресурс]. URL: URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=1457(дата обращения: 29.08.2015).

11. UstawaoInstytuciePamięciNarodowej - Komisji Ścigania ZbrodniprzeciwkoNarodowiPolskiemu [Электронный ресурс].URL: http://ipn. gov.pl/__data /assets/pdf_file/0008/49292/DzU_2014_1075.pdf (дата обращения: 29.08.2015).

12. URL: http://ipn.gov.pl/o-ipn/struktura/prezes (дата обращения: 05.09.2015).

13. URL: http://ipn.gov.pl/ (дата обращения: 05.09.2015).

14.*Столя Д.* Польский ИНП становится «Министерством памяти»? // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С. 103-123.

15.*Иероним Граля.* Польский взгляд на Смутное время [Электронный ресурс]. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/171907/video_id/171907/ (дата обращения: 30.08.2015).

16. *Яновский М.* Едвабне, 10 июля 1941 г.: дискуссия о событиях одного дня // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С. 124–159.

17.*Траба Р.* Указ. соч. С. 66,75.

18. *Яновский М.* Указ. соч. С. 153.

19. Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / *Под ред. М.М. Наринского и С. Дембского*. М.: АспектПресс, 2009;Kryzys 1939 rokuwinterpretacjachpolskichIrosyjskichhistorykow / *Podred. Slawonira Dębskiegoi Michaiła Narinskiego*. Polski Institut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, 2009; Белыепятна – черныепятна: Сложныевопросывроссийско-польскихотношениях / *Подобщ. ред. акад. А. В. Торкунова, проф. А. Д. Ротфельда*. М.: Аспект Пресс, 2010; BialePlamy - CzarnePlamy: Sprawytrudnewpolsko-rosyjskichstosunkach 1918-2008 / *Podred.: A.D. RotfeldaiA.W. Tolkunova*. Warszawa, 2010.

20. URL: http://igiti.hse.ru/Meetings/Debaty2013_report (дата обращения 08.09.2015).

21. Историческая политика: российский и польский варианты. Politykahistoryczna: wersjarosyjskaipolska. Москва, 11-13 мая 2013 года. Программа [Электронный ресурс]. URL: http: //www. hse.ru /data/2013 /05/09/ 1299306096/ %D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%B0%D1%82%D1%8B.pdf (дата обращения: 08.09.2015)

22. URL: http://igiti.hse.ru/Meetings/Conferences/Debaty2013_video1(дата обращения 08.09.2015).

23. URL: http://igiti.hse.ru/Meetings/Conferences/Debaty2013_video (дата обращения 08.09.2015).

П.С. Крючек (г. Минск, Республика Беларусь)

ПРОБЛЕМА ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Вопрос уний Великого княжества Литовского (ВКЛ) и королевства Польского и, в частности, места и роли Люблинской унии во взаимоотношениях этих государств, занимал значительное место в историографии. Этой проблемой интересовались как польские, так

и российские историки. При этом взгляды историков на содержание Люблинского акта долгое время сводились к одному – это юридическое и фактическое объединение двух народов в один и двух государств в единую Речь Посполитую. Еще хронисты XVI в. М. Стрыйковский, М. Бельский и Л. Горницкий однозначно подчеркивали, что уния окончательно соединяла два государства в одно. На таких же позициях стояли польские исследователи XVII – XVIII в., а вместе с ними и западноевропейские и российские историки. Например, Т. Нарбут подчеркивал, что после Люблина самостоятельность Великого княжества Литовского перестала существовать и с этого момента начинается исключительно история польская. А известный российский историк М.Г. Устрялов в своей «Русской истории» называл Люблинскую унию худшим бедствием, чем монголо-татарское нашествие, так как благодаря ей был введен польский стиль управления, «чуждая смесь анархии и деспотизма». По его мнению, Великое княжество Литовское после Люблинской унии вообще попала под власть «жидов и татар».

Как видно, позиции польских и российских историков на Люблинскую унию в основном совпадали.

Значительное место проблема Люблинской унии занимала в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в. Надо отметить, что в историографии данного периода четко обозначилась три направления: официально-консервативное, или правительственное, либеральное и демократическое. Первыми к изучению этого вопроса обратились представители правительственного лагеря. Их интерес к прошлому Беларуси особенно возрос после подавления восстания 1863–1864 г. Тогда перед историками была поставлена задача аргументировано доказать, что белорусы никогда ранее не имели своей собственной государственности и, что включение белорусских земель в состав Российской империи является актом исторической справедливости. Показательными в этом плане являются работы И. Беляева, П. Брянцева и П. Батюшкова. И. Беляев видел в католическом Западе и, прежде всего в Польше, главных противников российской государственности. По его мнению, начи-

ная с Кревской унии, Северо-Западная Русь в союзе с Литвой вела борьбу за защиту Восточной Руси от латинства и онемечивания. Однако уния положила начало полонизации белорусских земель и способствовала потере старинных параллелей в историческом развитии Полоцка и Новгорода. Завершился этот процесс заключением акта Люблинской унии [1].

Такие же взгляды были изложены и в работе П. Батюшкова, которая была написана по заказу министерства внутренних дел России. По его мнению, на первом этапе существования Великого княжества Литовского в этом государстве господствовали русская народность, русская культура и русский язык. Такая ситуация продолжалась до конца XIV в., когда в результате уний с Польшей усилилось польское и католическое влияние. Завершился этот процесс «насильственным слиянием Литовско-Русского государства с Польшей в 1569 году». Главным следствием Люблинской унии стал внутренний разлад в Литовско-Русском государстве и естественное стремление части ее населения к сближению с православной Россией [2].

Большое место проблема Люблинской унии занимала в работах одного из идеологов «западнорусизма» М. Кояловича. В своих исторических исследованиях ученый развивал мысль о единстве интересов русского народа, к которому он относил также белорусов и украинцев. Надо отметить, что работы М. Кояловича базировались на большом фактическом материале, но подавался этот материал очень тенденциозно и односторонне. Все историческое прошлое Беларуси он сводил к национально-религиозному вопросу, который решал однозначно с точки зрения «русского народа» и православия. В качестве главного фактора, который определял всю историю Западной Руси (к которой М. Коялович относил Белоруссию, Литву и Украину), историк назвал борьбу между Россией и Польшей за влияние в крае.

Ученый подчеркивал, что на первом этапе существования ВКЛ в ней господствовал русский элемент и, даже, существовала возможность объединения всех русских земель в единое государство.

Однако литовцы, которые не хотели этого объединения, пошли на сближение с Польшей. Это сближение началось с момента заключения Кревской унии и завершилось в 1569 г., когда насильственно был проведен акт Люблинской унии. М. Коялович подчеркивал, что Люблинская уния представляла собой «картину жестокого насилия, с одной стороны, и позорного унижения, с другой. Не трудно угадать, что унижение здесь досталось на долю литовцев, а насилие было делом поляков»[3].

Уния, по мнению ученого, имело крайне негативные последствия. Она привела не только к потере национального «западнорусского» развития, но и способствовало крепостному закрепощения крестьянства. Именно Люблинская уния широко открыла двери полякам, которые двинулись широким потоком, в первую очередь, на украинские земли, неся с собой католическую веру, унизительный взгляд на все русское и на православие.

Таким образом, представители официально-консервативного направления в историографии давали однозначно отрицательную характеристику Люблинской унии. По их мнению, это был акт принуждения со стороны Польши, который открыл пути к полонизации и окатоличеванию белорусских и украинских земель. Однако уния не укрепила государство, а, наоборот, ослабила его. Ее непосредственным результатом стало усиление национально-освободительной борьбы белорусского и украинского народов и их стремление к воссоединению с единоверными православной Россией. Это борьба и завершилась в конце XVIII в. разделами Речи Посполитой.

Большое место проблема Люблинской унии занимала в работах представителей либерального направления в историографии. К ним, в первую очередь можно отнести И. Лаппо и М. Любавского.

И. Лаппо считал, что главной причиной, которая подталкивала Великое княжество Литовское к сближению с Польшей, была внешняя угроза – сначала со стороны крестоносцев, а позже и со стороны Московского государства. В середине XVI в. новый договор между Польшей и Литвой был необходим обеим странам. Од-

нако в менее выгодном положении в это время оказалось именно Великое княжество, которое было заинтересовано в военной помощи со стороны Польши и было вынуждено пойти на заключение унии на польских условиях. Однако и Люблинская уния не привела к желаемому результату. После присоединения к Польше Волыни, Подляшья и Киевщины налоги и армии с этих земель стали поступать не в пользу Великого княжества, что не способствовало улучшению его положения в Ливонской войне.

Ученый подчеркивал, что уния не привела к полной инкорпорации Великого княжества Литовского в состав польского государства. ВКЛ сохранила собственную государственную печать, собственную финансовую систему, собственное законодательство. Не способствовало единству Речи Посполитой и то, что в Польше и Великого княжества были различные государственные интересы. Поэтому И. Лаппо делает вывод что «Литва и Польша остались отдельными единицами с отдельными территориями и отдельными правами и после унии 1569 г., хотя они имели общий сейм и совместного короля. Литовское Великое княжество осталось и после 1569 г. со своими порядками, особенностями, и Люблинский сейм требовал только, чтобы литвины сели с поляками в общем сейме» [4]. Такие выводы И. Лаппо делает благодаря рассмотрению не только материалов Люблинской унии, но и специальному изучению хода истории ВКЛ и после 1569 г.

Совсем к другим выводам пришел второй известный либеральный историк М. Любавский. В своем «Очерке истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно» он рассматривает причины сближения Великого княжества Литовского и Польши. По мнению ученого, в конце XIV в. в ВКЛ наступил кризис великокняжеской власти, который стал угрожать распадом самого литовско-русского государства. Для его предотвращения великий князь Ягайло стал искать поддержки извне. Внешние обстоятельства выдвинули благоприятную до сих конъюнктуру в виде уний ВКЛ с короной Польской. Политическую историю ВКЛ XV–XVI в. М. Любавский разделял на два периода.

Первый (40-е гг. XV-40-е гг. XVI вв.) –время княжения Казимира и его сыновей. Ведущая политическая роль в обществе в этот период принадлежала белорусско-литовской аристократии – князьям и магнатам. Шляхта играла вторичную роль. Второй период – время великого княжения Сигизмунда-Августа (1548–1572). Шляхта в это время добивается равных прав, благодаря чему политический строй ВКЛ приближается к польскому. Чтобы закрепить такое положение, знать павила вопрос о новой унии с Польшей. Люблинская уния 1569 г., по мнению Любавского, положила конец самостоятельному существованию литовско-русского государства. Произошло ее «полное втеление в корону польскую» [5].

Важное место проблема Люблинской унии занимала в работах историков, принадлежавших к демократическому направлению в историографии. К ним, в первую очередь, можно отнести М. Довнар-Запольского, В. Пичету и В. Игнатовского.

В отличие от историков официально-консервативного направления, которые рассматривали акт унии исключительно как проявление политического эгоизма поляков, М. Довнар-Запольский отмечал, что в объединении с Польшей были заинтересованы и определенные слои населения Великого княжества Литовского. Идею унии, прежде всего, поддерживала мелкая и средняя шляхта княжества, стремившегося к уравнению в правах со шляхтой Польши. Кроме того, заключению унии способствовали и другие внутриполитические и внешнеполитические факторы и, в первую очередь, неудачный для ВКЛ ход Ливонской войны. М. Довнар-Запольский выражает интересную мысль, что одной из причин заключения Люблинской унии было религиозный вопрос. Протестантская и православная «знать обоих народов стремилась объединиться в одно политическое целое для того, чтобы добиться свободы вероисповедания» [6].

Таким образом, идея унии получила поддержку прежде всего в среде мелкой и средней шляхты, которая стремилась получить «золотые шляхетские вольности» и добиться религиозной свободы. Крупная же шляхта и магнаты, которые были лучше осведомлены о

реальном положении в Польше, до последнего отстаивали самостоятельность своего государства [7].

Надо отметить, что М. Довнар-Запольский давал в целом отрицательную характеристику Люблинской унии и ее последствиям для белорусских земель. Исключением является лишь очерк «Основы государственности Беларуси», который был написан в 1918 г. по заказу правительства БНР и носил более публицистический, нежели научный характер. В своей же итоговой работы «История Беларуси» ученый назвал унию «актом величайшей несправедливости» и подчеркивал, что объединение Великого княжества Литовского и Польши на долгое время осложнило отношения между белорусами и поляками и не только не усилило новое государство, но и ослабило его. Правда, М. Довнар-Запольский отмечал, что Люблинская уния с юридической точки зрения не уничтожала самостоятельности Великого княжества Литовского, сохранив за ним суверенные права [8].

Подобные мысли высказывал и другой известный историк В. Пичета. Он также отмечал, что в заключении унии с Польшей была в первую очередь заинтересована сама шляхта ВКЛ, которая рассматривала унию как средство борьбы с магнатами. Подталкивали к объединению и внешнеполитические обстоятельства, и в первую очередь, неудачный для княжества ход Ливонской войны. При этом ученый подчеркивал, что и после заключения Люблинской унии ВКЛ сохранило определенную автономию в составе Речи Посполитой.

Проблема Люблинской унии занимала значительное место в работах известного белорусского историка В. Игнатовского. Как и его предшественники, историк выделил внутренние и внешние причины, которые заставили знать ВКЛ пойти на заключение унии с Польшей. При этом В. Игнатовский дает исключительно отрицательную характеристику самому акту Люблинской унии, которая «широко открыла ворота для польского влияния ... Польша использовала пропольские настроения белорусского дворянства и тяжелое положение Великого княжества, уничтожило его самобытное поли-

тический лицо ... Уния была эгоистичной со стороны поляков» [9]. Политическая независимость Литвы и Беларуси была уничтожена. Последствия заключения Люблинской унии были для Беларуси исключительно отрицательными. Она усилила польское культурное влияние, и способствовала ополячиванию высших сословий белорусского общества, которые постепенно стали чужими для своего народа. Следствием этого стало обострение национально-религиозной борьбы в Речи Посполитой. Эта борьба, в конце концов ослабила государство и привела к его гибели.

Таким образом, проблема Люблинской унии занимала большое место в историографии второй половины XIX – начала XX вв. При этом представители официально-консервативного направления в историографии рассматривали унию исключительно как проявление польского эгоизма. Уния, по их мнению, была принудительно навязана Великому княжеству Литовскому поляками и означала полную ликвидацию этого государства. В свою очередь, представители либерального и демократического направлений пытались показать объективные внутренние и внешние причины, которые заставили знать ВКЛ пойти на заключение унии с Польшей. При этом, всех историков объединяла отрицательная в целом характеристика самого акта Люблинской унии и тех последствий к которым она привела.

Примечания

1. *Беляев И.Д.* История Полоцка, или Северо-Западного края России от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872. С. 422.

2. *Батюшков П.Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб ., 1890. С. 4–5.

3. *Коялович М.О.* Люблинская уния или последнее соединение Литовского княжества с польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году. СПб ., 1863. С. 87.

4. *Лаппо И.И.* Великое княжество Литовское от времени заключения Люблинской унии до смерти Стефания Батория. СПб ., 1901. С. 185.

5. *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-русского Государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 100.

6. *Довнар-Запольский М.В.* История Беларуси. Минск, 1994. С. 95.

7. Там же. С. 99.
8. Там же. С. 102.
9. *Игнатовский В.Н.* Краткий очерк истории Беларуси. Минск, 1991. С. 115.

Л.П. Лаптева (г. Москва, Российская Федерация)

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ГРИГОРОВИЧ (1815–1879). К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В.И. Григорович принадлежит к основоположникам русского славяноведения. Как и другие первые специалисты этой науки в России в XIX в. он был универсалом, то есть изучал и преподавал в университете все предметы этой дисциплины о славянах.

Григорович родился в городе Балте Подольской губернии. Его отец – малоросс – занимал должность исправника, мать была полькой. Будущий ученый с детства был двуязычным, его воспитание проходило в католическом духе. Первое образование будущий ученый получил в Умани в униатском училище, находившемся в руках униатов-базилиан. В 15 лет поступил в Харьковский университет, закончил его в 1833 и получил назначение на службу в Петербург. Но не доехав до места назначения Григорович изменил свое решение и направился в Дерпт, где снова стал студентом университета и в течении пяти лет (1834–1839 гг.) изучал классическую филологию и немецкую философию, а также интересовался славянскими вопросами и славяно-византийскими отношениями. В 1839 г. он был приглашен в Казанский университет, где преподавал греческий язык. После защиты диссертации в 1842 г. Григорович стал преподавать славянские языки, этнографию и славянские древности.

Министерство Народного Просвещения предложило ему заграничную ученую командировку с целью подготовки к занятию кафедры истории славянских наречий и литератур, открытую в 1835 г. в четырех российских университетах. Если кандидаты на эту кафедру в других университетах ехали в командировку в Централь-

ную Европу, то Григорович решил обследовать балканские территории – болгарские и сербские области, в то время малодоступные турецкие провинции. 28 мая 1844 г. В.И. Григорович выехал из Казани и в июне прибыл в Одессу, откуда направился в Константинополь. Из Константинополя перебрался в Солунь, где стал разыскивать древнеславянские и греческие рукописи. Он нашел их в монастырях и церквах в плачевном состоянии: изъеденные червями, отсыревшими и покрытыми грязью. Среди 150 этих рукописей были написанные глаголицей. Из Солуни русский ученый пешком дошел до Афона и начал свои странствия по его монастырям и скитам. Монахи встречали его недружелюбно, везде он наталкивался на грубость и подозрительность.

Письменные памятники древности хранились вместе со всяким хламом в чуланах, подвалах, погребах, на чердаках. В Хиландарском монастыре Григорович спускался в грязное подземелье, рылся среди гниющих рукописей и отыскал два листка древнейшего кирилловского письма. За 4 месяца ученый осмотрел 2 800 греческих, 445 славянских рукописей, снял копии со 120 грамот и приобрел найденный в монастыре Богородицы один из древнейших глаголических памятников – Мариинское Евангелие, а также, Хиландарские листки – два листка пергаментного сборника XIV в., Послание Иоанна к папе Клименту, пергаментную псалтырь XIII в., «Законник Стефана Душана», житие Симеона Сербского и многое другое.

В феврале 1845 г. Григорович вернулся в Солунь и оттуда продолжил путешествие по Македонии. Пришел пешком в Охрид, где искал труды св. Климента и древние охридские документы. Весь путь по Македонии проделал Григорович пешком, записывал речь болгар и собирал сведения о «судьбе священного языка». Далее Григорович посетил монастырь Иоанна Рильского, затем проделав путь в Софию и Тырново по Дунаю, прибыл в Румынию. Добравшись до Вены В.И. Григорович в начале 1846 г. поехал в Грац, затем в Любляну и Горицу – везде осматривал церкви, развалины, греческие и славянские рукописные книги. После пребывания на Афоне он осмотрел еще 470 рукописей. Окончив путешествие по

Македонии, Фракии и Мисии, а также посетив Крайну и Каринтию, Григорович искал сведения о славянах в венецианских архивах. Из Венеции отправился в Триест, затем в Дубровник, посетил Черногорию, Загреб, побывал в Пеште и Пресбурге и 9 октября 1846 г. прибыл в Прагу. И только здесь сумели оценить его подвиг и значение для науки как самого путешествия по Македонии и Болгарии, так и особенно его рукописного собрание. С особым интересом к русскому путешественнику отнесся П.Й. Шафарик, занимавшийся южнославянскими языками, преимущественно, болгарским.

В Праге Григорович задержался на пять месяцев, занимался практическим изучением чешского языка, посещал лекции в университете и самостоятельно прорабатывал памятники чешской письменности. С П.Й. Шафариком В.И. Григорович поделился некоторыми результатами своих разысканий. В литературе имеются утверждения, что Григорович привез в Прагу приобретенные им рукописи и читал их вместе с Шафариком. Такое утверждение не соответствует действительности. Все приобретенные письменные памятники ученый из Солуни отправил в Одессу на пароходе, взяв с собой лишь некоторые образцы. В Праге русский славист прочитал сообщение о рукописях в исторической секции Чешского ученого общества, опубликовал в журналах пару статей. С Шафариком Григорович поделился своими предположениями относительно азбуки древнеславянского языка, сообщил много сведений о найденных им славянских памятниках.

В начале апреля 1847 г. Григорович покинул Прагу и направился в Россию. По пути он посетил немецкие города, где знакомился с учеными славистами и материалами о славянах. В Дрездене он посетил Гаупта, Ваксмута, в Галле был у знаменитого лингвиста Потта, в Берлине беседовал с Боппом и Вильгельмом Гриммом - профессором славянских литератур.

По пути в Казань, через Кенигсберг, Петербург, Новгород, Москву Григорович знакомился с рукописями собраний библиотек.

Путешествие Григоровича по славянским землям Балканского полуострова было беспрецедентным явлением в первой половине

XIX в. Никто из русских, а так же и других европейских ученых не исследовал столь скрупулезно памятники южнославянских народов, которые, кроме того, были спасены от гибели.

На основании анализа памятников старославянской письменности Григорович пришел к мысли о большей древности глаголицы по сравнению с кириллицей. Эту мысль он высказал в статье о «Древней письменности славян», опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» (1852, №3). Шафарик согласился с этим утверждением и принял его в работе «Памятники звукового письма». Чешский ученый первым воспользовался частью открытий Григоровича. Вообще Шафарик при разрешении тех вопросов, которыми он занимался, не мог обойтись без выписок и указаний Григоровича, постоянно опирался на открытия последнего. Переписка ученых показывает, что в каждом письме Григорович посылал Шафарику выписки и описания памятников, целые фрагменты сведений и собственные соображения по существу. В знании памятников древнеславянской письменности Казанский профессор превосходил Шафарика и, будучи близок по ряду принципиальных вопросов, расходился с ним в деталях.

По возвращении в Казань Григорович возобновил свои лекции в университете. Что касается его научной работы, то став обладателем уникальных памятников славянской письменности он не смог реализовать свои планы. И если Шафарик на полученных от Казанского профессора сведениях печатал одну статью за другой и представлялся Европе новатором в вопросе о происхождении славянской письменности, то Григорович встретился с труднопреодолимыми препятствиями. Славяноведение в Казанском университете не принадлежало к числу приоритетных дисциплин. В библиотеке университета не было славянской литературы, не существовало соответствующей полиграфической базы (не было шрифта для набора) для издания памятников.

Кроме того, в России Григорович сразу же столкнулся с духовной цензурой, еще более консервативной, чем светская. В 1852 г. он подготовил к печати работу «Судьбы свв. Кирилла и Мефодия», но

цензура публикацию запретила, так как в этом труде приводился иной текст, чем тот, который православная церковь считала каноническим. Книга вышла только через 10 лет под названием «Древнеславянский памятник, дополняющий жития славянских апостолов свв. Кирилла и Мефодия» (1862). То же самое произошло и с текстами старославянских Евангелий, на которые ученые смотрели, как на памятники языка, а церковь – как на возможный источник ереси. Григорович опубликовал лишь малое число своих работ. К лучшим трудам В.И. Григоровича принадлежит «Путешествие по Европейской Турции (1848, 1887). Книга составлена по отчетам и отражает материал высокой степенью достоверности. Биограф Григоровича М.П. Петровский подчеркивал, что книга открыла миру массу «дотоле неизвестных славянских памятников болгарской и сербской редакции, которые суждено было впоследствии занять много страниц в истории древней письменности южных славян». Это исследование открыло новый материк с его неведомыми дотоле обитателями. Вся история древнеславянской письменности, все исследования о языке восточной половины Балканского полуострова должны были принять новый вид, постройка их должна была производиться из того вновь открытого материала, который лежал в забросе до прибытия туда нашего ученого славянина».

Однако не только это произведение, но и вообще колоссальный научный труд по открытию новых источников не были по заслугам оценены современниками Григоровича. По мнению М.П. Петровского, причины недооценки труда Григоровича таятся в том, что Григорович трудился вдали от центров научного деятельности, а это было не только не справедливо, но и отрицательно влияло на развитие науки, так как Григорович не успел обнародовать, может быть и десятой доли своих открытий. Пока жил и действовал - его игнорировали собратья по оружию.

Известно, что современники редко оценивают по заслугам талантливого человека. Этому много причин: равнодушие, неосведомленность, конкуренция, зависть, бытовые и другие неурядицы. Я это испытала на собственном опыте. В 1987 г. представила для

издания книгу «Славяноведение в Московском университете». Она пролежала в издательстве МГУ 10 лет. Причиной такого явление было не наличие в ней каких-либо ересей, а зависть или какие-то другие низменные соображения и то, что заведующий кафедрой Истории южных и западных славян МГУ при обсуждении плана изданий истфака десять раз отодвигал мою книгу как неактуальную в настоящий момент.

Таким образом, в этом деле нужен не только талант исследователя, но и умение донести свои достижения до публики для пропаганды созданного труда. В.И. Григорович энергией не обладал. По воспоминаниям современников ученый был тихим и скромным человеком. Он жил для науки, одиноко, без единомышленников и не редко у обывателей слыл чудаком. Не был особо удачлив В.И. Григорович и на педагогическом поприще.

В отличие от И.И. Срезневского и О.М. Бодянского он не создал школы последователей. У него всегда было мало слушателей. В некоторые годы у Григоровича совсем не было учеников. Скромные научные результаты Григоровича объясняются не только субъективными, но и объективными причинами. Казанский университет был создан для осуществления народническо-миссионерской деятельности, имел многонациональный характер. В преподавании главное внимание уделялось изучению восточных языков и культуры Востока. Здесь не было интереса к изучению славян и развитию науки о них. Григорович был единственным специалистом и не находил сочувствия в своих занятиях ни в профессорской корпорации, ни у студентов. Образованный слой населения Казани отличался консервативностью. Деятельность Григоровича не находила поддержки, его работы не печатались. В 1864 г. Григорович ушел в отставку из Казанского университета и уехал в Херсон. Но в 1865 г. он был принят на кафедру славянской филологии на вновь открытый Новороссийский университет в Одессе. И здесь для преподавания славянских дисциплин не было условий: в библиотеке отсутствовала литература по славянам, первые годы профессор совсем не имел учеников, да и затем их было мало. В одесский период один из

родоначальников российской славистики, признанный исследователь древнеславянской письменности и других проблем славяноведения, не создал ничего выдающегося. Он умер 19 (31) декабря 1876 г. в Елисаветграде. Из 45 ценных рукописей, которыми ученый обладал, он часть передал в дар Новороссийскому университету, остальная же часть коллекции была приобретена Румянцевским музеем.

Григорович был не только одним из создателей русской науки о славянах, но и вообще крупнейшим русским ученым и чрезвычайно эрудированным человеком. Опубликовал он немного, но все, что он написал, было драгоценно. Недооцененный современниками, он был помянут после смерти большим количеством сочинений. Таким образом, дело первого в России слависта не пропало. Он создал традиции, которые были развиты в других исторических условиях, внес огромный вклад в развитие русского славяноведения, обеспечив источниковой базой всю языковедческую и филологическую науку.

Ю.А. Узлов (г. Краснодар, Российская Федерация)

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Положение России на перекрестке цивилизаций предопределило живое восприятие и усвоение идей и вещей пограничных миров, а также выполнение роли посредника, не только генерирующего, транслирующего, но и трансформирующего знания, технологии, феномены материальной и духовной культуры. Становление России как империи проходило в тесном взаимодействии с ведущими европейскими странами. Новейшая история демонстрируют сложную диалектику развития процессов в политике и социальной практике.

Определение места и роли современной России в мировом сообществе, характера и результатов ее взаимоотношений с другими странами, степени ее зависимости от внешнего мира и собственной

способности изменять мир имеет большое значение в осмыслении исторического прошлого и реального настоящего.

Взаимовлияния между странами приобретают особую значимость в переломные периоды мировой истории, когда жизнь остро ставит вопрос о радикальных социальных и политических преобразованиях, когда страны стоят перед выбором своего дальнейшего развития.

Таким периодом в отношениях между Польшей и Россией стал XVIII в., когда возник Польский вопрос: решениями Венского конгресса большая часть Речи Посполитой вошла в состав Российской империи и составила административное образование – Царство Польское.

Интеграция польских земель в новое геокультурное пространство, изменение геополитического положения Литвы, Западной Украины и Белоруссии в новых исторических условиях, потребовало от русского общества осмысления происходящих событий.

В начале XIX в. польский вопрос обретает черты социально-политического и этнокультурного явления, преломляющегося в международных отношениях, отягощенных наследием исторической памяти не одного столетия.

Во второй половине XIX – начале XX вв. польский вопрос постепенно трансформируется в мировоззренческую плоскость, где причудливым образом переплетались русско-польские интересы общества и государства, идеологические и культурологические традиции.

Польский историк XIX в. Иоахим Лелевель [1] отмечал, что в истории каждого народа имеется собственный национальный источник развития, носителем которого являются народные массы (крестьянство и шляхта). Экономические и социально-политические проблемы могут привести к ослаблению любого государства. В качестве характерного признака славянской идентичности он называл общину.

Левель полагал, что польский вопрос приобрел новый смысл в первой половине XIX века в силу крушения наполеоновской импе-

рии и пробуждения у поляков национальных чувств во время «увлечения» Александром I либерализмом. Русский император не хотел возрождения Польши, но внешне проявлял благосклонность к полякам, осуждая угнетение восточных земель бывшей Речи Посполитой, которые считал частью Польши. В восстании 1830–1831 гг. историк видел не просто протест, а некий сигнал русскому освободительному в лице демократически настроенного дворянства к объединению с польскими патриотами. Он приветствовал контакты польских революционеров и русских декабристов, выступал за создание федерации славянских народов [2].

Русский экономист и публицист, участник освободительного движения Н.И. Тургенев опубликовал в 1847 г. «La Russie et les Russes» в трёх томах. Оценивая увлечения Александром I демократическими ценностями, отмечал: «Речь Александра при открытии сейма произвели в России «известное впечатление». Нашлись люди, которые, отбрасывая мелкие интересы личного самолюбия и плохо понятого национального чувства, открыто радовались намерениям императора, находя, однако, не особенно лестным, что на их родину смотрели как на страну, не столь созревшую для свободы, нежели Польша. Другие – усмотрели в словах Александра оскорбление, нанесенное России». Тургенев указывает на причины, движимые Александром I в его первоначальном намерении присоединить к Царству Польскому Литву, Западные Украину и Белоруссию. Намерение императора сделало в России непопулярными мероприятия направленные в пользу поляков. Не будь страха перед этим, пожалование Польше конституции не возбудило бы в русских того острого раздражения и той зависти, которые охватили русское общество». Александр I должен был отступить. [3].

Практически вся история славяноведения дореволюционной России основной акцент делала на русско-польских событиях [4]. Профессор Варшавского университета Н. Кареев выступал за возможность восстановления польской национальной государственности, как средства этнического самосохранения. Кареев имел возможность напрямую ознакомиться с условиями существования и

развития общественной и духовной жизни поляков и пришёл к выводу, что союз с Россией является гарантией национального существования Польши. Кареев осуждал польские восстания первой половины XIX в., как противоречащие здравому смыслу. Взгляды ученого во многом предопределили течения польского национально-освободительного движения и русского либерализма.

К самостоятельной точке зрения о сущности польского вопроса пришёл в своих работах русский публицист, философ и славянофил Ю.Ф. Самарин, основываясь на трёх основных выводах: 1) поляки - народ в группе славянских племён; 2) Польша как самостоятельное государство; 3) «полонизм» как просветительное начало. По мнению автора, вся политика поляков заключалась в отождествлении этих понятий, а политика России - в их разъединении. При помощи «полонизма», полагал исследователь, поляки проводили «вооружённую пропаганду латинства» в среде славянского мира, в том числе и на месте ссылки [5].

В основе взглядов другого русского славянофила И.С. Аксакова по «польскому вопросу» лежал принцип «отвлечённой справедливости» и факт племенного родства с поляками. Он считал, что сами поляки должны вынести решение о своей дальнейшей судьбе на всеобщем сейме в Варшаве и утверждал, что с точки зрения России отнюдь нежелательно принудительно удерживать Польшу в составе России, надеясь, что Польша сама признает «желательность свободного и дружественного соединения с Россией [6].

Под влиянием международной и внутриполитической ситуации XIX в. формировались взгляды русского историка и публициста М.П. Погодина [7].

В статьях, опубликованных в конце 40-х-начале 50-х гг. XIX в., он высказывал мнение о «совершенном отделении» Польши от России и предоставлении ей полной автономии. В середине 50-х гг. XIX в. автор уже публично сознался в несостоятельности своих идей и невозможности их воплощения и развивал идею необходимости и неизбежности объединения двух государств.

Русский и украинский философ Н.А. Бердяев [8] утверждал, что пока Польша находится в угнетённом состоянии, австрийские и прусские славяне будут больше тяготеть к Западу, нежели к России. Исходя из этого, философ призывал к освобождению поляков и объединению всех славян в единое целое при поддержке России.

Польский вопрос, приобретая обостренное звучание на волне выступлений польских повстанцев, вызывал в русском обществе менее всего разночтений в смысле трактовки. В условиях обострения русско-польских отношений польский вопрос выступал одновременно как дестабилизирующий фактор внутренней жизни Российской империи и как дестабилизирующий фактор международных отношений Российской империи со странами Западной Европы, реагировавшими на выступления поляков, что, в свою очередь, провоцировало реакцию на эти выступления со стороны имперских властей.

Русский историк, профессор Московского университета С.М. Соловьев сделал, весьма знаковое замечание по проблеме исследования: «польский вопрос родился вместе с Россией» [9], соответственно, русское государство столкнулось с геополитическими вызовами, как в стране, так и за ее пределами.

Революция 1905–1907 гг. значительно расширила возможности для публикации работ, расходившихся в оценках с официальной историографией. Подъем революционного движения в польских землях, политическая активизация польской буржуазии, рост национально-освободительных тенденций во время революции, накануне и в период первой мировой войны способствовали росту интереса к борьбе польского народа за национальное освобождение в прошлом, в том числе в I830–I83I гг. Наметились попытки освещения восстания с позиций марксизма, появился подход к теме с мелкобуржуазных позиций, наконец, активно занялись изучением восстания историки буржуазно-либерального направления [10].

В определенной степени сказалось и влияние польской исторической литературы, активизировавшей разработку темы в условиях роста национально-освободительных настроений в польском обще-

стве накануне первой мировой войны. Положительную роль сыграло и приобретение польским вопросом международного характера с началом первой мировой войны.

В новейшей истории произошли значительные перемены как в самих российско-польских взаимоотношениях, так и в трактовке многовековой истории польского вопроса. Польский лауреат Нобелевской премии по литературе 1980 г. Чеслав Милош отмечал, что «описать запутанные истоки распри так же трудно, как причины застарелой вражды двух семейств, испокон веков живущих на одной улице: корни здесь уходят куда глубже двух последних веков» [11].

Профессор школы исторических наук Л.Е. Горизонтов, полагая, что «польский вопрос как фактор внутреннего развития России ныне целиком принадлежит истории», полтора десятилетия назад утверждал, что «это счастливый и редкий пример освобождения государства и общества от тягостного и для первого, и для второго бремени прошлого» [1].

В заключении необходимо отметить, что под каким бы углом зрения мы ни рассматривались польский вопрос или русско-польские отношения, постоянно дают о себе знать крайняя устойчивость стереотипов восприятия поляков в России, и русских в Польше.

Примечания

1. *Басевич А.М.* Иоахим Лелевель как исследователь // Вопросы истории. М., 1961. С. 180.

2.*Басевич А.М.* Иоахим Лелевель: польский революционер, демократ, ученый. М., 1961.

3. *Тургенев Н.И.* Россия и русские // Русские мемуары. 1800–1825. М., 1989. С. 273–274, 277

4.*Дьяков В.А., Мыльников А.С.* Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России // Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979.

5. День. 1863. № 38. 21 сентября.

6. *Аксаков И.С.* Сочинения. Т. 3. М., 1896.

7. *ПогодинМ.П.* Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). М, 1876.

8. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 2004.

9. *Соловьев С.М.* Европа в конце XVIII века // *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. XXII. Дополнительная. Работы разных лет. М, 1998. С. 200.

10. *Жигунов Е.К.* С.М.Кравчинский о польском социалистическом движении 70-80 годов XIX века // Советское славяноведение. 1971. № 4;*Володарский И.Б.* Серно-Соловьевич Н.А. и польское освободительное движение // Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. М., 1969. С. 70.

11. *Милош Ч.* Родная Европа. М.; Вроцлав, 2011. С. 119.

12. *Горизонтов Л.Е.* Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи. 1831 г. – начало XX в.: Ключевые проблемы. Автореф. дисс. … д.и.н. М., 1999. С. 1.

О.В. Матвеев (г. Краснодар, Российская Федерация)

ИЗ ЖИЗНИ И ВОЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЛЮДОМИРА РЖЕВУССКОГО

Представители польского народа внесли значительный вклад в изучение истории и культуры народов Северного Кавказа. Важное место в процессе накопления научных знаний о кавказских горцах и казаках принадлежала военным: М.О. Ольшевскому, К. Прушановскому, П. Пржецлавскому и многим другим [1]. Среди них достойное место занимал Людомир Александрович Ржевусский (1848–1932), чьё имя мало известно в современном казаковедении. Статья посвящена жизненному пути и военно-историческому наследию этого незаурядного офицера и литератора.

Ржевусские (а, точнее Жевусьские) – угасший польский дворянский род герба Крживда, которому в XIX в. было присвоено графское Польского Царства достоинство. Этот род происходит из Подляшья, впервые упомянут в документах в 1541 г. в связи с Христофором Ржевуским. Род сильно поднялся в значении в XVIII в., когда Станислав Ржевуский приобрёл у наследников Яна Собеского Подгорецкий замок и окрестные земли. Станислав Матеуш Ржевусский был Великим гетманом коронным в 1726–1728 гг., как и

его сын Вацлав Пётр Ржевуский [2]. Внук Вацлава Петра, Ржевуский Адам Станиславович стал сенатором на русской службе, тайным советником. Его сын Адам Адамович Ржевусский – генерал-лейтенант, флигель-адъютант императора Николая I, участник Крымской войны, командовал Киевским военным округом. Его первая жена, урожденная Лопухина, известна как фаворитка Александра I.

Многие представители рода были причастны к литературному творчеству и салонам. Так, Вацлав Пётр прославился на ниве драматургии, писал замечательные трагедии и комедии. Брат генерала Адама Адамовича – Генрих, жил в Польше и стал известным писателем. Адам Мицкевич, с которым Генрих Ржевусский был знаком, восхищался его рассказами о польском быте времен Станислава-Августа. Сестра Эвелина вышла замуж за французского писателя Оноре де Бальзака. Дочь Адама Адамовича Екатерина – также известная польская писательница, хотя знаменита была больше своими аферами. Каролина Ржевусская была хозяйкой литературного салона в Одессе 1820-х гг., демонической красавицей, одной из возлюбленных Александра Сергеевича Пушкина.

Поэтому литературные наклонности, очевидно, передались Людомиру Александровичу по наследству. Он родился 15 ноября 1848 г. и согласно послужному списку, происходил из дворян Варшавской губернии. Непонятно, куда делся графский титул, и почему о последнем не упоминается в документах. Генерал Адам Адамович Ржевусский-старший, постоянно называется в источниках графом. Некрологи сообщают, что граф Адам Ржевусский скончался 17 апреля 1888 г. в своем имении Верховня Киевской губернии; вдова, графиня Ядвига Федоровна, умерла осенью 1889 г. Верховня – усадебный комплекс XVIII–XIX вв. в одноимённом селе Ружинского района Житомирской области Украины, построенный шляхтичами Ганскими, а затем перешедший к Ржевусским, сегодня является памятником архитектуры Украины национального значения.

Возможно, в истории с графством Людомира Александровича кроется какая-то семейная тайна, Людомир мог быть незаконно-

рожденным сыном Адама Адамовича, и здесь необходимы дальнейшие архивные разыскания. Вероятно, генерал Ржевусский-младший был крещен в костеле как Людомир-Адам, а генерал Ржевусский-старший – как Александр-Адам. Двойные имена для католических польских родов – обычное дело. Отсюда, возможно, два равноценных варианта Людомир Александрович – официальное для документов, и Адам Адамович – для близкого окружения [3].

Генерал Адам Ржевусский дал сыну прекрасное образование, которое подросток получил в Киевском Владимирском кадетском корпусе. Затем юноша поступил в Николаевское кавалерийское училище. После окончания в училища 1868 г. Людомир Александрович служил около 7 лет в Лейб-гвардии Кирасирском полку – такой чести удостаивались в основном отпрыски аристократических фамилий. Но внезапно, уже будучи в чине штаб-ротмистра, в 1876 г. он выходит в отставку. Видимо гвардейский офицер был не чужд идей славянского братства, поскольку вскоре оказался среди русских добровольцев в Сербии, героически вступившей в борьбу за освобождение от османского ига. Здесь Ржевусский проявил доблесть и мужество, не случайно сербы наградили его орденом Такова 3-й степени и серебряной медалью «За храбрость» [4].

С вступлением России в войну с Турцией, отставной офицер возвращается в строй. 22 мая 1877 г. майор Ржевусский был назначен командиром сотни Кизляро-Гребенского конного полка Терского казачьего войска на Кавказский театр войны. Свои впечатления о войне Людомир Александрович изложил в «Воспоминаниях сотенного командира», которые опубликованы в 5-м томе Сборника мемуаров офицеров, участников турецкой компании в Санкт-Петербурге в 1879 г. Это был первый удачный опыт пробы его пера. На долю казаков Ржевусского выпала тяжёлая аванпостная служба. «Регулярная кавалерия, по крайней мере, в действующем на кавказской границе корпусе, редко посылалась на аванпосты, да если и посылалась, то для стоянки у главного караула в резерве, следовательно, несло сравнительно, лёгкую службу, – вспоминал Людомир Александрович. – На долю же казаков, на их богатырские плечи,

взвалили тяжесть непомерную и, несмотря на то, они с честью вынесли её. Идут казаки походом, составляя авангард и арьергард колонны, это глаза и уши ея; ничто не должно ускользнуть от их внимания, за всё неожиданное являются они ответчиками. С боков саженях 200 от колонны, двигаются одиночные казаки, называемые дозорными, плетутся без дороги, по пахоти, болоту, выбирая спуски с обрывов, броды речек, осматривая каждый овражек, всякую неровность земной поверхности. Представилась опасность, оказано сопротивление, началась перестрелка, первый подвергается опасности тот же передовой казак. Во время боя нашим Терцам и Кубанцам тоже доставалось немало, не говоря уже о тех случаях, когда спешивали казаков, и они выполняли роль, предназначенную пехоте, осыпая неприятеля меткими выстрелами берданок. Но и стоя в резерве, выжидая удобный момент для действия чисто кавалерийского, губительный огонь турецкого дальнобойного оружия выводил многих из рядов. При всяком отдельном начальнике есть казачий конвой, отдаваемый в его полное распоряжение и надо видеть, как некоторые из них пользуются этим. Считая, что казак неутомим, что он всё вынесет, рассылают его в разные стороны, целые сутки не принимая во внимание, что лошадь его плетет ноги от усталости, что казак, прежде всего, человек, и требует хоть немного отдохновения при утомлении; об опасностях чисто боевых я не говорю» [5]. Воспоминания Ржевусского наполнены сюжетами военно-бытовой повседневности, описаниями боевых эпизодов, в которых автору приходилось принимать участие, экскурсами в историю мест, по которым проходили казаки, яркими этнокультурными зарисовками курдов, армян, кавказских горцев. Как-то майор Ржевусский получил донесение, что курды отрезали от русских позиций оторвавшихся вперед нескольких казаков во главе с хорунжим Бирюлькиным. «Повернув сотню, бросился я освобождать своего боевого товарища, – вспоминал Людомир Александрович. – Не взирая на камни и рытвины, мчались казаки на выручку своих одностаничников. К крайнему моему удивлению, курды не повернули назад, а потрясая своими длинными бамбуковыми пиками, скакали прямо на

нас. Всё ближе и ближе становились мы друг к другу. Разноцветные чалмы, обертывающие их головы, фантастические костюмы всё яснее и яснее обрисовывались, даже черты лица уже можно было разобрать, как вдруг вся масса, человек 200, приостановилась, заколыхалась и бросилась назад, в два раза быстрее, чем наступала. Мы кинулись их преследовать, но заморенные казачьи лошади не в силах были тягаться с кровными курдскими, и мы зарубили только троих, из которых, у одного упала лошадь, а двоих догнали. <…> С радостью увидел я Бирюлькина и четырёх казаков, ехавших вместе с ним» [6]. За участие в турецкой кампании Л.А. Ржевусский был награждён орденами Св. Владимира 4-й степени с мечами, Св. Станислава 2-й ст. с мечами.

Будучи прикомандирован к Волгскому казачьему полку, Людомир Александрович принял участие ещё в одной войне – в первой Ахал-Текинской экспедиции под командованием генерала Н.П. Ломакина. О походе в Среднюю Азию он написал воспоминания участника, которые был опубликованы в 1884–1885 гг. в «Военном сборнике» [7]. В своих записках он оставался верен себе, описывая детали быта и культуры народов, с которыми приходилось иметь дело русским войскам. «По наружному виду и по одежде текинцы ничем не отличаются от иомудов и гокланов, рассказывал Людомир Александрович. – У них такие же громадные, конусообразные, бараньи папахи, толстые ваточные халаты, широкие, толстого белого холста, шаровары и кожаная обувь, в роде наших лаптей. У бока большинства из них привешена, на кожаной портупее, кривая, однообразного образца, узкая, тяжелая, острая, как бритва, с сильным изгибом, выкованная из дамаскированной стали, сабля, с роговою ручкою и в деревянных, покрытых кожею, ножнах. За спиною у большинства тяжелые старинные ружья, зачастую фитильные, с неизбежною приделанною у дула на шарнире подставкою, с которой они, в большинстве случаев, и стреляют, хотя и с близкой дистанции, зато с большею меткостью. За поясом у каждого короткий узкий нож – необходимая принадлежность каждого туркмена, – принадлежность, употребляемая и для защиты, и для мирных хо-

зяйственных потребностей. Сверх того, у некоторых к стремени седла приделан кожаный бушмат, из которого торчит бамбуковая пика с железным наконечником, под которым развевается что-то вроде шерстяных кистей; пики эти иногда доходят до безобразной длины, чем и отличаются от куртинских. Привычка стрелять не с плеча, а с сошек, так вкоренилась у текинцев, что даже к попавшим в их руки, во время экспедиции 1879 г., нашим берданкам, в нескольких вершках от дула, приделана ими подставка, как можно судить по присланному, в 1880 г., образцу берданки, отнятой во время одного из набегов у одного из текинцев» [8]. За участие в событиях этого неудачного в целом похода, Л.А. Ржевусский был удостоен ордена Св. Анны 2-й степени с мечами, а затем – чина полковника.

Оставил после себя Людомир Александрович и интересные заметки об Иране, куда ему пришлось выезжать по делам службы [9].

С 1892 Людомир Александрович командует кубанцами 1-го Уманского полка, с 1897 г. – 1-м Волгским полком Терского казачьего войска. С этого момента, его дальнейшая служба связана с казачьим Тереком – он был атаманом Пятигорского отдела Терской области и старшим помощником Наказного атамана Войска. В годы Первой русской революции он неизменно отстаивал интересы казачества. В 1906 г. известный кавказовед и либерал М.М. Ковалевский обвинял Л.А. Ржевусского в том, что в развернувшемся противостоянии ингушских аулов и казачьих станиц помощник Начальника области всегда становится на сторону последних [10]. На одном из собраний Государственной Думы Ковалевский зачитал телеграмму представителей ингушей, в которой говорилось: «Казаки пользуются всяким случаем, чтобы придраться к нам, взыскивать штрафы, убивать. За один последний год нам пришлось заплатить в пользу казаков 50000 рублей, а между тем местные власти находятся исключительно в руках казаков. Областной начальник, будучи в то же время атаманом Терского казачьего войска, Л.А. Ржевусский не только ничего не предпринимает против них, но и поощряет их в этом направлении» [11].

Во время жизни на Кавказе полковник Ржевусский, как это часто случалось со служившими здесь офицерами, искренне увлёкся историей и традиционной культурой казачества. Особенно близки ему стали терцы, сбором и изданием материалов по военной службе, жизни и быту которых он занимался в свободное время. В 1888 г. во Владикавказе выходит составленная Людомиром Александровичем книга «Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске». Это своеобразная хрестоматия по истории и традиционной культуре терских казаков. Сюда вошли материалы, собранные Ржевусским в отдельных периодических изданиях, статьи И.Д. Попко о ранней истории терского и гребенского казачества, И. Сафонова, П. Ницика, описание быта кизляро-гребенских казаков, их свадебных обычаев, празднование Масленицы Ф. Пономарёва, работа Николая Кулебякина о гребенцах и гребеничках, песни терских казаков. В 2014 г. московское издательство «Вече» переиздало эту книгу [12]. И хотя Ржевусский выступил здесь только составителем, отбор материала определяет глубину его взгляда на терское казачество, попытку дать читателю представление не только о сословно-служебной структуре казачьего войска, но и о системе ценностей, жилищах, одежде, обрядах жизненного цикла терцев. Например, о казачках гребенских станиц в книге отмечалось: «Семейные отношения гребеничек-снохи к свёкру, свекрови, деверям и золовкам не представляют тех особенностей, какие мы видим вообще в русских семьях. Здесь всё основано на умственном и нравственном превосходстве человека: умная свекровь управляет домом всеми, а нет её – управляет всем сноха, сохраняя, конечно, притом должное уважение к свекрови. Здесь все равны, и не равен только тот, кто не умеет себя держать. Если золовка дружна со снохой, то последняя часто обряжает её свой костюм: на свадьбу, вечеринку или хоровод, а деверь холостой при добрых отношениях может рассчитывать на сноху, что она его обошьёт; дальше этого трудно провести грань отношений. <…> Женщины-гребенички при мужчинах не расчесывают своих волос; причесывание головы при мужчинах считается боль-

шим стыдом, и если женщина, расчесывая голову, заметит мужчину – сейчас же закрывает платком голову. Женщины при встрече с мужчинами наклоняют голову, обязывая, таким образом, и мужчину приподнять шапку; если же она заметит идущего ей навстречу мужчину, то останавливается, не переходя ему дорогу, и, пропустив его мимо себя, продолжает идти своим путём» [13]. Поскольку сбор полевого фольклорно-этнографического материала в старожилых терских станицах в силу трагических событий начала XXI в. на Северном Кавказе был затруднён, славянское население подвергалось дискриминации и выдавливанию, материалы, собранные Л.А. Ржевусским и его соратниками. сегодня являются во многом уникальными источниками по духовному наследию терцев.

В годы командования Волгцами Людомир Александрович вместе с сотником Г.П. Фисенко написал «Памятку 1-го Волгского полка Терского казачьего войска». Это сочинение вышло в Хотине, в Бессарабии, где располагалась штаб-квартира полка, в 1899 г. Такие полковые памятки служили делу воспитания личного состава на героических примерах и боевых традициях волгцев, и в этот труд Людомир Александрович вложил всю свою служилую душу. Происхождение казачества Ржевусский связывал с «несостоятельностью княжеских дружин в борьбе с татарами» [14]. Людомир Александрович разделял высказанную ещё в дореволюционной историографии версию о том, что казаки были современниками Дмитрия Донского и участниками Куликовской битвы. «Когда собственно появилось в России название «казак» определить трудно, – отмечал Ржевусский, – но в выписке из древней летописи (составленной рязанским митрополитом Стефаном в 1712 г.), помещённой у находящегося теперь в Москве на Лубянке образа Гребенской Божия Матери, поднесенного казаками, жившими в городке Гребени победителю Мамая Великому князю Дмитрию Иоанновичу, прозванному Донским, в 1380-м г., сказано: «Тамо (в верховьях Дона) народ христианский воинского чина живущий, завомии казацы, в радости сретающи его со святыми иконами и со кресты, поздравляюще его о избавлении своём от супостатов и приносяще ему дары от своих со-

кровищ, яже имеху у себя чудотворныя иконы в церквах своих». Великий князь, продолжает выписка: «с великою верою и любовию прием се их воинство вельми телесными дары обогатив и почтив и по вся лета устави им казакам свое жалование за почесть их и сильную храбрость противу супостатов Агарянского языка». Эта выписка доказывает, что казаки появились на Руси уже более 500 лет, и, что тогда уже он стояли на страже земли Русской, отличаясь своей храбростью и глубокой набожностью» [15]. На самом деле эта выписка доказывала только одно: тот факт, что в 1712 г. имело место предание об участии казаков в Куликовской битве. Исследователи, специально изучавшие этот вопрос, до сих пор не обнаружили документальных свидетельств о существовании русского казачества в 1380 г. [16]. Поэтому Людомир Ржевусский пошёл здесь на поводу у А. Ригельмана, М. Хорошкина, Г. Абрамова, упоминавших о поднесении казаками иконы Дмитрию Донскому как о чём-то вполне проверенном и общеизвестном.

Верноподданнический характер «Памятки» проявился в том, что её авторы обошли вопрос о связи переселения волжских казаков на Кавказ с восстанием под предводительством Е.И. Пугачёва, обозначив в качестве причин лишь то обстоятельство, что «тяжёлые условия жизненные и служебные заставили Волжских казаков искать новые места, где, по их мнению, жизнь была бы привольнее» [17]. Зато авторы специально подчеркнули: на Терек «Волжцы принесли с собою войсковые заслуги и регалии, сохранив за собою все привилегии, дарованные им Императрицей Анной Иоанновной» [18]. Реальная история переселения, связанная напрямую с социальными взрывами и выступлениями внутри казачьего сообщества, была богаче и многограннее, чем это представлялось авторам «Памятки». Вместе с тем, в современной историографии Волжского казачьего войска замечательный историк-казаковед А.В. Курышев (к сожалению, безвременно ушедший из жизни в этом году) на основе кропотливых архивных разысканий пришёл к выводу: «Переселение на Терек не было наказанием за переход волжских казаков на сторону восставших» [19].

Значительное внимание «Памятка» уделяла Кавказской войне. «С ежедневными мелкими хищничествами горцев, – писали Ржевусский и Фисенко, – казаки вскоре освоились и относились к ним как к неизбежному и роковому злу; время от времени они с лихвою оплачивали им тою же монетою, сокрушая жилища врагов, уничтожали посевы и запасы, забирали имущество и уводили с собою множество пленных. Но горцы вновь производили набеги, вновь происходила резня и случалось, что один и тот же скот по нескольку раз переходил из рук в руки. При такой беспрерывной борьбе, борьбе втихомолку, где большею частью дело кончалось ударом шашки или кинжала, закалялись не только старые Волгцы, но и женщины казачки, которые при случае в самоотверженности и храбрости не отставали от своих мужей и братьев» [20].

«Памятка» содержала сведения об участии Волгских полков в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., хронологию важнейших событий в истории терского казачества, списки наказных атаманов Кавказского Линейного и Терского казачьих войск, командиров, офицеров и чиновников Волгского полка, нижних чинов, удостоенных знака отличия военного ордена Св. Георгия. «Памятка» даёт и зримые свидетельства боевого прошлого волгцев: в ней были напечатаны ценные фотографии, в том числе самого Людомира Александровича Ржевусского в окружении офицеров его полка. На фотографии Л.А. Ржевусский предстаёт обладателем густой бороды и очков; плохое зрение, по-видимому, было связано с занятиями литературной деятельностью в редко свободное от службы время.

Здесь же на Кавказе, Людомир Александрович нашёл своё счастье, познакомившись с дочерью действительного статского советника, уроженкой Санкт-Петербурга Екатериной Александровной Любарской. Отец Екатерины Александровны служил в Святейшем Синоде, но это не помешало ей, православной выйти в 1887 г. в Кисловодске замуж за католика Ржевусского. В 1901 г. Людомир Александрович выслужил генеральский чин, недолго командовал 2-й казачьей дивизией, и в чине генерал-лейтенанта вышел в 1910 г. в

отставку. К этому времени он овдовел: Екатерина Александровна скончалась в августе 1909 г. и погребена на пятигорском кладбище.

Но стоило начаться Первой мировой войне, Ржевусский вновь в строю. Правда, принять участия в боях не пришлось: 66-летнего генерала от кавалерии держали в резерве чинов при штабе Двинского Военного округа, где он числился по армейской кавалерии, а с 1916 по Терскому казачьему войску.

Падение монархии в России он воспринял болезненно, не пожелал служить Временному Правительству и в мае 1917 г. вышел в отставку. Из охваченной революцией и братоубийственным противостоянием страны генерал смог выбраться на родину предков в возрождённую на руинах войны Польшу. В Куявско-Поморском воеводстве есть небольшой город Быгдош, расположенный на берегах рек Брда и Висла, который называют ещё маленькой Венецией. Здесь расположен сегодня Центр по подготовке многонациональных сил НАТО. Вряд ли организаторы Центра, проигрывающие сегодня сценарии военных действий против вооруженных сил России и Белоруссии, задумываются о том, что здесь, в Быгдоше, 10 ноября 1932 г. завершился земной путь подвижника славянского единства, русского генерала, казачьего атамана и польского дворянина Людомира Александровича Ржевусского.

Мало сведений сохранилось о потомстве генерала. Известно, что его сын, Николай Адамович-Людмирович Ржевусский, оставшийся в России был в 1925 г. арестован, приговорен как сын царского генерала к 2 годам заключения и 3 годам ссылки на Урал [21]. Последняя информация о нём встречается в документах, датированных июлем 1928 г.: он находился в это время в деревне Кузнецово Табаринского района Ирбитского округа, и его дочь, Марианна Николаевна Арнольди, просила ходатайства Помполита об освобождении из Николая Адамовича из ссылки. Буду признателен польским коллегам, если обнаружится следы родственников генерала и его семейного архива в Польше.

Таким образом, жизненный путь и военно-историческое наследие Людомира Александровича Ржевусского являются наглядными

примерами интеграционного воздействия имперского ядра России на национальную периферию. Служение Российской империи позволило успешно реализовать себя в жизни и творчески состояться замечательному военному, историку, бытописателю и мемуаристу, который с гордостью носил казачий мундир.

Примечания

1. *Боголюбов А.А.* Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008. С. 110–111.

2. https://ru.wikipedia.org/wiki (Дата обращения 12.02.2015).

3. http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2715.

4. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 660. Т. 1. Л. 83 об.

5. *Ржевуский*. Из воспоминаний сотенного командира // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878. СПб., 1879. Т. V. С. 128–129.

6. Там же. С. 174.

7. *Ржевусский А.* От Тифлиса до Денгиль-тепе. (Из записок участника) // Военный сборник. СПб., 1884. № 6–10; 1885. № 3, 6, 7.

8. Там же // Военный сборник. 1884. № 10. С. 349–350.

9. *Ржевусский А.* Поездка в Мешхед // Военный сборник. 1890. № 5, 6; *Его же*. В Тегеран. Дорожные заметки. Пятигорск, 1911.

10. *Матиева А.Х.* М.М. Ковалевский и ингуши // http://ghalghay.com/2009/11/26 (дата обращения 28. 02.2015).

11. Там же.

12. Терское казачье войско / *авт.-сост. А.А. Ржевусский. Е.Д. Максимов*. М., 2014.

13. Там же. С. 181–182.

14. Памятка 1-го Волгкого полка Терского казачьего войска / *Составлена полковником Ржевусским и сотником Фисенко.* Хотин, 1899. С. 2.

15. Памятка 1-го Волгского полка Терского казачьего войска. С. 2–3.

16. Очерки традиционной культуры казачеств России / Под общ. ред. Н.И. Бондаря. М.-Краснодар, 2002. Т. I. С. 151.

17. Памятка 1-го Волгского полка Терского казачьего войска. С. 13.

18. Там же. С. 14.

19. *Курышев А.В.* Волжское казачье войско 91730–1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград, 2011. С. 168.

20. Памятка 1-го Волгского полка Терского казачьего войска. С. 20.

21. http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Re.html.

Л.П. Лаптева (г. Москва, Российская Федерация)

РУССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ВАРШАВЕ (1869–1915 гг.)

12 октября 1869 г. в Царстве Польском, в Варшаве, был открыт Императорский Варшавский университет (далее — ИВУ). Официальными лицами Российской империи задача нового университета определялась желанием «доставить жителям этого края всевозможные средства к образованию, но, разумеется, с тем, чтобы оно служило не во вред, а на пользу государству… не отчуждению, а к сближению его (края. –Л.Л.) с остальными частями империи». Университету не следовало стоять «враждебным особняком на окраине государства, он должен был войти в общую семью российских императорских университетов». ИВУ учреждался взамен «существующей в Варшава Главной школы» в составе четырех факультетов: историко-филологического, юридического, физико-математического и медицинского. Было также предписано, что в ИВУ, как в преподавании, так и во всех вообще испытаниях, сочинениях, на публичных актах и в делопроизводстве употребляется русский язык. На историко-филологическом факультете «лекции польского языка и словесности, а также новейших иностранных языков могут быть излагаемы на их природном языке. Все диссертации пишутся, и защищение их производится не иначе как на русском языке» [1].

Образцом для устройства ИВУ послужил общеимперский университетский устав 1863 г., предоставивший российским университетам широкую автономию и значительную свободу в получении высшего образования, как и прогрессивные изменения в учебном процессе. Устав же ИВУ 1869 г. содержал ряд ограничений. Было уменьшено число кафедр. Вместо 53 зафиксированных в уставе 1863 г. было открыто 47, и на историко-филологическом факультете

учреждалось 9 кафедр — исключались кафедры истории искусств и церковной истории, а на юридическом открылось 11 кафедр, отсутствовала кафедра торгового, а также церковного права, но сохранялась кафедра истории славянского права, не функционировавшая в других российских университетах. Во главе университета стоял ректор, назначаемый министром народного просвещения, тогда как в других российских университетах ректор избирался. Ректор находился в полном подчинении попечителя учебного округа, тоже назначаемого сверху. Министр утверждал также деканов и профессоров. Ректор управлял университетом с помощью совета, состоявшего из ординарных и экстраординарных профессоров. Совет решал учебные и научные вопросы. ИВУ был организован на основе Главной школы, и к нему перешло имущество закрытого учебного заведения, библиотека, помещения и т. д. Введение преподавания на русском языке привело к изменению профессорско-преподавательского состава. Из 56 профессоров прежней коллегии способными читать лекции на русском языке оказались 31, ранее получившие высшее образование в русских университетах. На место отчисленных в ИВУ были приглашены профессора и лекторы из других университетов России – Петербургского, Московского, Киевского, Казанского, а также Нежинского историко-филологического института Петербургского историко-филологического института и др. В момент открытия Варшавского университета из 1236 студентов в нем насчитывалось 836 учившихся ранее в Главной школе и 400 поступивших вновь. Таким образом, по личному составу русский университет в Варшаве состоял в основном из поляков. Для профессоров ИВУ существовали привилегии: более высокое жалование, сокращенный срок службы до пенсии, бóльшие возможности для командировок с научной целью, в том числе и за границу, и др. Однако, несмотря на некоторые преимущества, среди профессорско-преподавательского состава наблюдалась большая текучесть. Редко кто из русских профессоров оставался на работе в Варшаве на большой срок. Многие из них через некоторое время стремились перебраться в университеты или на

другую службу в центральную часть Российской империи. Причиной являлось враждебная атмосфера, созданная польским обществом. В его традициях вражда к русским воспитывалась высокомерной польско-шляхетской интеллигенцией и вообще шляхтой и католической церковью за участие России в разделах Польши в XVIII в. и подавление антирусских восстаний. Очень живыми были еще воспоминания о польском восстании в 1863/64 гг., подавленном царским правительством, когда в очередной раз рухнули надежды руководителей восстания на возрождение Польши в границах 1772 г., т. е. с Литвой, Украиной и Белоруссией — территориями с русским и православным населением. Эти нереальные планы, над которыми история уже давно произнесла свой приговор, подпитывались польской эмиграцией, которая расползлась по Европе после восстания 1863/64 и натравливала европейскую печать против России. Польская оппозиция расценивала создание русского университета в Варшаве как репрессивный акт, направленный на русификацию поляков, на лишение их национальной идентичности. Публицистика европейских стран и польская в Кракове, Галиции квалифицировала ИВУ как центр варварского мракобесия, направленный на подавление передовой польской культуры. Подобные сочинения публиковались и в Петербурге, и в Москве, где революционные элементы и лица космополитического образа мыслей сочувствовали борьбе поляков против России, где проживало большое число польских студентов, журналистов, литераторов и т. д.

Создавая русский университет в Польше российское правительство, разумеется, имело в виду решение своих политических задач. Одной из них была русификация западных земель. Для управления Царством Польским нужны были кадры чиновников, лояльные к Российской империи. По мнению русских политиков пореформенной России, эту задачу мог обеспечить русский университет на польской территории.

Однако политики просчитались. Они упустили из виду тот факт, что такое учреждение как университет не всегда на сто процентов решает задачи государства. Рассчитанный на создание кад-

ров для нужд господствующего класса университет подчас превращается в центр развития идеологии, противоположной задачам инициаторов, и становится источником борьбы против существующих порядков. Университет сосредоточивает в своих стенах интеллектуальные силы, занятие наукой развивает интеллект, знания дают возможность сравнения теории с действительностью и обнаруживать их несоответствие, что и приводит к созданию оппозиции существующим порядкам. В истории было немало этому примеров. В XIV в. императором Карлом IV в союзе с римской курией в 1348 г. в Чехии был открыт университет с расчетом на воспитание богословов и светских правителей для империи. А к началу XV в. университет в Праге превратился в центр социальной и антицерковной оппозиции, известной под названием гуситского движения. В немецкой реформации XVI в. также решающая роль принадлежала университетам. И в новейшее время функция университетов как центров создания протестных выступлений не исчезла. Таким образом, русский университет в Варшаве в принципе не мог осуществлять русификацию в той мере, как она предполагалась политикой Российской империей.

Для руководства университетом имперское правительство посылало преданных, умных и образованных администраторов. Предпочтение отдавалось уроженцам Западных Губерний, преимущественно лицам из духовного сословия — детям и внукам униатских священников, которые помнили или лично, или по семейным преданиям, преследования и унижения по религиозным и другим причинам, произвол польской администрации, презрительное отношение обывателей-поляков тех мест, где проживали эти будущие деятели.

Но профессорско-преподавательский состав ИВУ представлял собой пеструю картину. Так, на историко-филологическом факультете наряду с активными «обрусителями» было много лиц, относящихся к полякам индифферентно, не занимавшихся активно политикой, предпочитавших научные исследования по своей специальности. Наряду с этим на факультете работало много иностранцев

преподавателей классических и новых языков, всеобщей истории, предметов из области славяноведения. Этот контингент вел себя нейтрально: иностранцам – чехам, немцам, шведам, датчанам и т. д. – была чужда свара между русскими и поляками. Кроме того, среди профессоров-поляков встречались конформисты, а среди русских в разное время находились один–два человека, позволявших себе не одобрять политику Российской империи в отношении Польши. Такой разнородный, равнодушный к политике, контингент преподавателей не был агрессивным. Люди такого типа предпочитали честно выполнять обязанности по отношению к государству, которому служат, и выполняли все распоряжения и предписания административных органов. К числу таких «нейтралов» часто относились крупные ученые. Этому разрозненному контингенту противостояла сплоченная агрессивная группа польских профессоров, фанатично враждебных русским, имевших влияние на студентов, воспитанных ксендзами и идеологами польской шляхетской свободы и управляемых старшим поколением. Такие взаимоотношения поляков и русских приводили к частым стычкам. «На факультете и в совете у нас и везде нелады, и часто дело доходит чуть ли не до ругани», — писал доцент юридического факультета Г.В. Демченко в 1898 г. своему коллеге в Харьков. Враждебная национальная политическая среда в ИВУ и была причиной текучести кадров. Даже дружелюбно настроенные к полякам русские ученые стремились покинуть Варшаву. Поляки не давали себе труда разбираться в их политических взглядах и в националистическом угаре травили всех подряд. А до середины 80-х годов польский элемент в университете преобладал как среди студентов, так и в профессорской коллегии. Русские составляли только 1/3 профессорско-преподавательского состава. Особенно обострение ситуации наблюдается в Польше в период революции 1905/7 гг. в России. С 1904 г. не прекращались обструкции студентов по отношению к русским профессорам, бойкот лекций и других занятий, демонстрации. Основным требованием протестующих была ликвидация русского университета и замена его польским. В 1906 г. занятия прекратились, и ИВУ был закрыт, а профес-

сора получили оплаченный отпуск. Вопрос стоял о его ликвидации ИВУ, но все же после проведенных изменений в 1908 г. университет вновь стал функционировать. А в 1915 г. в связи с Первой мировой войной ИВУ был эвакуирован в Ростов-на-Дону. На его основе в 1918 г. был создан Донской университет.

По указанным причинам ИВУ не мог выполнять роль русификаторов польского населения в том объеме, как предполагалось представителям Российский империи, проводившим реформы образования в Западных Губерниях после польского восстания 1863 г. Таким образом, политических надежд Российской империи ИВУ не оправдал, но он внес позитивный вклад в дело образования населения Привислинского края, т. е. выполнил гуманитарную функцию, присущую высшему учебному заведению.

Варшавский университет располагался на западной границе империи, ближе всего к странам Западной Европы. Делом чести России было организовать его функционирование на высоком педагогическом и научном уровне. По сравнению с другими провинциальными университетами империи ИВУ был лучше снабжен кадрами, установлением целой системы привилегий. При этом речь шла не только о материальной и вообще бытовой стороне существования профессорско-преподавательского состава, а об обеспечении хороших условий для научной работы. Последнее положение осуществлялось путем уменьшения учебной нагрузки, ввиду относительно небольшого числа студентов и, главным образом, предоставлением командировок с ученой целью, как на территории России, так и за границей. ИВУ имел самое большое число командировок по сравнению с другими университетами. Пользуясь близостью к европейским странам, профессора ИВУ могли путешествовать по ним за счет университета нужное им время. Всеобщие историки, языковеды, философы, юристы и другие специалисты ИВУ широко пользовались этой привилегией. В ИВУ работали в основном квалифицированные кадры, способные обеспечить высокий уровень образования. По свидетельству польского историка Е. Рузевича, через русский университет в Варшаве прошли семь тысяч поляков и

около тысячи студентов еврейского и немецкого происхождения, ассимилированные польской культурой. Около 200 поляков посвятили себя науке и добились в ней больших результатов, о чем свидетельствует их членство в Польской и Краковской академиях. В межвоенное двадцатилетие около 80 выпускников Варшавского университета были профессорами и преподавателями высших учебных заведений в Польше [2].

Важное место в историко-филологической подготовке студентов ИВУ занимала кафедра славянской филологии. Желая привлечь студентов из западных славян, правительство богато обставило эту кафедру. Если в других российских университетах все славяноведческие дисциплины преподавал один профессор — он же и занимал эту кафедру, то в Варшавском университете каждый предмет славяноведения вел специалист. Так, славянские языки преподавал Ф.И. Езбера (1829–1901), чех по национальности. Славянские древности читал другой чех — И.И. Первольф (1841–1891) — один из ведущих славистов XIX в. Ему принадлежат труд «Германизация балтийских славян», не утративший научного значения и до настоящего времени, а также обширное трехтомное исследование «Славяне, их взаимные отношения и связи». Историю славян и литературоведческие курсы читал знаменитый исследователь документов о славянах, хранившихся в европейских архивах, автор многочисленных работ по истории и литературе славян, в том числе и поляков, В.В. Макушев (1837–1883). После смерти В.В. Макушева кафедру занял К.Я. Грот (1853–1934) – сын знаменитого филолога академика Я.К. Грота — автор двух редких по тематике монографий — «Моравия и мадьяры с половины IX по начало XX вв. и «Из истории Угрии и славянства в XII в.». С 1902 по 1908 г. кафедру славянской филологии в ИВУ занимал А.Л. Погодин (1872–1947), личность разносторонней учености, историк Польши и южных славян, историк славянских литератур, публицист и политический деятель. С 1900 параллельно с А.Л. Погодиным в ИВУ преподавал разные предметы один из крупнейших русских славистов В.А. Францев (1867–1942), член-корреспондент РАН, избранный в

1921 г. академиком, но исключенный из ее состава в связи с эмиграцией после революции 1917 г. в России. В.А. Францев работал в ИВУ до конца существования этого университета [3].

В 1912 г. на кафедре славянских наречий ИВУ стал работать А.И. Яцимирский (1873–1925), оставивший ценное научное наследие по славянскому фольклору и источниковедению. Кроме кафедры славянской филологии славянских проблем касались в процессе преподавания русского и церковнославянского языка, памятников славянской письменности, славянской палеографии и русской литературы. Некоторые профессора помимо кафедры славяноведения исследовали вопросы славянской культуры, языкознания и пр. Так, проф. П.А. Кулаковский (1848–1913) занимался изучением сербской культуры, литературы и современной политики. Ему принадлежит книга «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» и «Иллиризм». Славистами были П.А. Лавровский – первый ректор Варшавского университета, а также А.С. Будилович – публицист и политик, занимавший кафедру сравнительной грамматики славянских наречий, и т. д. Особое место в изучении истории славян в ИВУ было отведено кафедре истории славянских законодательств на юридическом факультете. Эта кафедра была единственной в университетах Российской империи. Ее занимал проф. Ф.Ф. Зигель (1845–1921), который много сделал для изучения славянского права – чешского, польского и южнославянского.

Жанр настоящего сочинения не позволяет остановиться на характеристике всего процесса развития славяноведения в ИВУ. В связи с этим дальнейшее изложение будет сосредоточено на освещении педагогической и научной деятельности тех варшавских славистов, которые внесли наиболее весомый вклад в изучение духовной жизни зарубежных славян и способствовали тому высокому положению русской науки, которое она занимала в период до революции в России в 1917 г. [4].

В русском Варшавском университете открыть преподавание славистических дисциплин довелось Викентию Васильевичу Макушеву, оставившему глубокий след в истории русского славянове-

дения. Он был зачинателем изучения большого ряда проблем, особенно истории южных славян. Ученый родился в Брест-Литовске Гродненской губернии в семье военного инженера. Мать его была полькой. Учился в Петербургском университете под руководством И.И. Срезневского. Отличался большими способностями, знал много языков, был многосторонне образован. По окончании университета провел около года в Германии и Франции в качестве домашнего учителя в семье князя М.В. Кочубея. По возвращении в Россию поступил в Азиатский департамент МИД, а затем служил секретарем русского консульства в Дубровнике, где собрал архивные и другие материалы, касающиеся отношений России с Дубровницкой республикой. На основании этих материалов он написал исторический очерк и в приложении к нему напечатал ранее неизвестные документы. В 1867 г. В.В. Макушев защитил магистерскую диссертацию под названием «Об исторических памятниках и бытописателях Дубровника». После защиты, в 1868, Макушев отправился в научную командировку за границу с целью разыскания новых источников по истории славян. За три года пребывания в Европе В.В. Макушев собрал и списал около 20 тысяч документов на разных языках по истории южных славян и Албании, но опубликовать смог лишь небольшую часть. По возвращении из командировки, в 1871 г. он был назначен экстраординарным профессором в Варшавском университете, затем, защитив докторскую диссертацию на тему «Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века», стал ординарным профессором и проработал в ИВУ до конца жизни. Докторская диссертация была первым исследованием по истории средневековой Албании, созданным на основании еще совершенно неизвестных источников, хранившихся в основном в Неаполитанском Архиве [5]. Для начала 70-х гг. XIX в. исследования В.В. Макушева были крупным вкладом в европейскую балканистику. В русской же исторической науке они положили начало новой отрасли: русская албанистика в области истории открывается именно ими.

Став профессором Варшавского университета В.В. Макушев посвятил себя всецело профессорской деятельности. Он читал лекции по истории южных славян, истории польской и сербо-далматинской литератур и истории славянских наречий, а при изложении истории народов знакомил со славянскими древностями. Программы лекционных курсов В.В. Макушева показывают, что материал не повторялся. Прочитав историю литературы южных славян, профессор на следующий семестр (или год) читал историю чешскую и польскую и отдельные разделы в качестве спецкурса. Все его курсы обработаны по источникам и изобилуют выдержками из них. О содержании своих лекций В.В. Макушев писал: «У меня соединялся общий курс со специальным и притом каждый год был новый курс, отличный от курсов предыдущих годов. Презирая знания попугая, не признавая в науке никаких авторитетов, я обрабатывал самостоятельно каждую лекцию, о каждом вопросе имел свое собственное мнение… Я мог гордиться тем, что в каждой моей лекции студент найдет или новые сведения, или же новый взгляд, новое мнение» [6]. Лекции профессора публиковались в разных изданиях в виде научных статей. Особо следует сказать об отношениях Макушева со студентами и магистрантами: «Со студентами, без различия народностей и вероисповедания, я сошелся с первого раза… Я видел в студентах своих младших братьев по науке и поэтому обращался с ними по-братски», – пишет он в автобиографии. «Знания попугая я никогда не уважал, а потому требовал от студентов самостоятельного знания, и каждый студент обязан был представить мне в течение года письменную работу на одну из заданных мною тем… Вначале практические занятия шли туго: студенты, пришедшие в университет из Главной школы и привыкшие в господствовавшим в ней порядкам, смотрели на заведенные мной практические занятия, как стеснительные для них. Но я не отступал от своих требований, и студенты стали подчиняться им сначала неохотно, а потом сами сознали их пользу и работали усердно» [7]. Новая методика не замедлила сказаться. Как слависты, так и историки подавали профессору хорошие диссертации. В.В. Макушев

воспитал ряд будущих ученых-славистов. Среди них были Ф. Вержбовский (1853–1923), будущий профессор Казанского университета и Нежинского историко-филологического института В.В. Качановский (1853–1901), А. Логодовский, В. Недзвецкий, Арсений Ив. Маркевич (1855–1942) – в советское время чл.-корр. РАН, Хрисанф Петрович Ящуржинский (1852 – не ранее 1913) – автор интересного сочинения «Социально-экономическое учение Яна Гуса», и другие. Профессорская деятельность Макушева показывает, что он был талантливым педагогом-воспитателем молодых научных кадров. Он применял в своих работах передовой в то время метод критического исследования источников и приучал к такому их использованию своих учеников.

Ученая деятельность В.В. Макушева была также чрезвычайно плодотворна и принесла ему широкую известность. Он был избран членом-корреспондентом РАН, являлся также членом Санкт-Петербургского историко-филологического общества, членом-корреспондентом Болгарского литературного общества и Сербского ученого общества. В политическом отношении Макушев стоял на позициях русского самодержавия, безоговорочно осуждал польское революционное и освободительное движение, некритически относился к России и особенно к русскому самодержавию. «Я – защитник православия как религии, поддерживающей славянскую народность, и монархии, потому что убежден, что для такой громадной державы, как Россия, необходима сильная самодержавная власть и что другие славяне утратили свою политическую независимость именно вследствие слабого развития у них монархической власти», — писал он в автобиографии [8]. На славянство он смотрел более трезво, чем проникнутые романтизмом и панславизмом теоретики, призывающие к объединению славян под эгидой России. Однако если славянофилы ратовали за принятие всеми славянами русского языка в качестве литературного, то Макушев прямо объявлял эту идею неосуществимой. Утопической представлялась Макушеву и мысль об объединении славян в одну «греко-славянскую церковь» [9]. Еще менее он допускал мысль о государственном объединении

России со славянами: «Вместо одной Польши мы создали бы себе восемь… а и с одною не можем справиться» [10], – писал он.

Отрицательным было у Макушева и отношение к Польше и полякам. Это объяснялось не только мировоззрением, но и обстановкой в Варшавском университете и личными качествами ученого, которые не позволили ему сойтись ни с польской, ни с русской частью университетской коллегии. В автобиографии он писал, что в первое время оказывал польским членам профессорской коллегии «важные услуги с полным самоотвержением», но вскоре разочаровался, так как достигнув желаемого, они поворачивались спиною, плели против него интриги, клеветали на него и т. п. События развивались в таком направлении, что вскоре он стал, по его собственным словам, решительным противником поляков, «говорил, писал, печатал и поступал против них» [11].

Работы В.В. Макушева о Польше и польском народе разнообразны и многочисленны. Прежде всего, это исторические исследования и публикации. Многие из них формально касались истории литературы, но ученый всегда рассматривал литературу в самой тесной связи с эпохой. Таковы исследования об общественных и государственных вопросах в польской литературе XVI в., о Станиславе Трембецком, о забытом польском поэте Томаше Зане, о старопольской письменности, об Анджее Товянськом. Чисто исторический характер носит публикация «Россия и Польша по реляциям Д. Дольфина и С. Риваролы» и некоторые другие. О современной ему Польше Макушев написал целый ряд больших статей в газету «Голос» (1873). Они составлены с привлечением значительного числа источников, содержали весьма ценный фактический материал, статистические данные и т. д. В работах Макушева о Польше наряду с большим количеством очень ценных, даже уникальных сведений содержится много выпадов против Польши. Из польских деятелей В.В. Макушев для своих исследований выбирает главным образом тех, которые были сторонниками объединения Польши с Россией. Однако при всех своих охранительных настроениях В.В. Макушев все же не был безоговорочным полонофобом. Так, он

воскресил из забвения основателя «Общества лучезарных» поэта Томаша Зана, соученика и друга А. Мицкевича, ведшего одно время антирусскую пропаганду. В. Макушев говорит об этом в совершенно спокойном тоне и вообще отзывается о Зане доброжелательно. Совершенно объективными представляются факты и их оценка относительно творчества Анджея Товяньского, содержащиеся в статьях ученого об этом польском философе-«пророке». В том, что В.В. Макушев не был полонофобом из принципа, убеждают его отношения с поляками за пределами России. Профессор посещал польские земли Австрии – Краков, Галицию и объективно характеризовал творчество ученых Краковской Академии, дружески с ними общался, с сочувствием описывал их трудное экономическое положение. Таким образом, Макушев не делал различия между людьми по национальному или религиозному признаку там, где речь шла о науке, а не о политике. Таковы особенности его мировоззрения. В тех областях науки, которые не связаны с политикой, он беззаветный труженик, бесстрастный исследователь-позитивист и сторонник сравнительно-исторического метода, строящий свои труды исключительно на новых, иногда еще не использовавшихся в литературе источниках. В политике же и при исследовании непосредственно связанных с ней исторических моментов он консерватор. Однако это обстоятельство не помешало ему создать исследования по истории славян, до сих пор не утратившие своей научной ценности [12]. Показателем этого положения является широкое использование его данных советской литературой в тот период ее существования, когда популяризация трудов буржуазных русских историков не поощрялась.

Другим крупнейшим русским славистом, педагогическая и научная деятельность которого проходила в Варшавском университете на протяжении существования этого учебного заведения, был Владимир Андреевич Францев (1867–1942) [13].

В.А. Францев родился в крепости Новогеоргиевск, в русской Польше. Его отец был лекарским помощником военного госпиталя, мать – Мария Адольфовна – полька римско-католического вероис-

поведания. Будущий ученый окончил в ИВУ историко-филологический факультет, был зачислен стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по предмету славянских наречий и литератур, послан в трехгодичную научную командировку за границу и по возвращении в Варшаву стал в 1900 г. доцентом ИВУ по кафедре славяноведения. В 1903 г. получил должность и звание экстраординарного профессора, в 1902 г. – назначен ординарным. В 1902 г. В.А. Францев защитил магистерскую диссертацию «Очерки по истории чешского возрождения», а в 1906 – докторскую диссертацию «Польское славяноведение конца XVIII– первой четверти XIX ст.». Таким образом, В.А. Францев в течение 20 лет преподавал в Варшавском университете. Его деятельность отличалась большой широтой и разнообразием. Он читал курсы новой чешской литературы, исторической грамматики чешского языка, истории южнославянских литератур – сербской, хорватской, далматинской, дубровницкой, славянских древностей, лингвистическое введение в славяноведение, исторической этнографии славян, грамматики древнего церковнославянского языка и некоторые другие. Большое число его курсов было литографировано и сохранилось в различных библиотеках. Кроме того, В.А. Францев ввел практические занятия по чтению чешских и славянских текстов, а также практически преподавал чешский язык. Все свободное время В.А. Францев посвящал научным занятиям в архивах, главным образом в славянских землях Австро-Венгрии. В период с 1902–1907 гг. ученый издает почти все свои главные научные труды, которые получили широкое признание. И хотя они были не свободны от недостатков, в 1907 г. он получает две премии русской Академии Наук. В период с 1908–1921 гг. В.А. Францев напечатал десятки мелких статей, осуществил издание большого количества источников по истории славяноведения и межславянских связей. Но ввиду начавшейся империалистической войны Варшавский университет переводится в Ростов-на-Дону, где В.А. Францев не мог заниматься научной работой, так как, «потерявши всю свою библиотеку, собранную в течение 25-летних моих поездок в славянские земли, не имея ни листочка сво-

их заметок и материалов, я решительно не вижу никакой возможности работать в Ростове, где нет никакой библиотеки по истории славянских литератур и вообще по славяноведению», — писал он А.А. Шахматову 28 августа 1915 г. [14]. Выехав из Ростова в Польшу, автор эмигрировал в Чехословакию, где стал профессором Карлова университета, а в 1927 г. принял чехословацкое гражданство.

В опубликованной библиографии трудов [15] В.А. Францева общее число составляет 316 названий, из которых более 60 посвящены польской тематике. Но она затрагивается и в других работах. Так, в «Письмах к Вячеславу Ганке из славянских земель» более 30 принадлежат польским ученым. В издании переписки Добровского и Е.С. Бандтке опубликованы оригиналы писем последнего и его биография. Большое место в творчестве В.А. Францева отведено знаменитому польскому историку славянского права Вацлаву Александру Мацеёвскому. По оценке польского историка права Ю. Бардаха, Мацеёвский был в Польше первым представителем исторической школы правоведения, основанной в Европе К.Ф. Эйхгорном и Ф.К. Савиньи [16]. Крупнейшим трудом В.А. Францева, посвященным польско-русским научным связям, является его докторская диссертация «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст.» (1906). Она основана исключительно на рукописных архивных материалах и является крупным вкладом в науку. Эта работа разрушила ранее существовавшее в литературе мнение о незначительной роли польских славяноведов и впервые затронула проблему о влиянии польского возрождения на чешское. Основные работы В.А. Францева относятся к исследованию вопросов чешского национально возрождения, о чем в современной историографии имеется достаточно много литературы [17].

Как педагог профессор В.А. Францев значительно уступает проф. В.В. Макушеву. Если последний всю свою эрудицию передавал в лекциях студентам, ввел в учебный процесс практические занятия с историческими источниками и воспитал целую школу будущих ученых-славистов, то В.А. Францев свое внимание сосредоточил на разыскании, исследовании и публикации неизвестных до-

кументов, хранящихся в архивах Европы и России. Разумеется, этой работой он практически создал источниковую базу об истории развития науки о славянах и роли межславянских связей в этом процессе. Эта источниковая база и доныне является основой в исследовании соответствующих проблем. Но в педагогической деятельности профессор не проявлял подобной энергии. Его лекции, если судить по их литографированным изданиям, не обновлялись годами, в них, как правило, не учитывались новые достижения науки в тех предметах, о которых шла речь в лекциях, повторялись устаревшие оценки. Такое отношение к материалу может объясняться несколькими причинами. Прежде всего, профессор В.А. Францев по мировоззрению был человеком консервативным. Его взгляды на славян носили романтический характер и имели большое сходство с теми, которые разделялись славистами в первой половине XIX в. В основе межславянских отношений В.А. Францев видел так называемую культурную славянскую взаимность в духе теории Яна Коллара. Как известно, этот вариант славянской взаимности не предусматривал политического главенства России, но признавал ее первенство в области культуры. Кроме того, сторонники этой теории видели в России гарантию своего национального существования и защиту от угнетения их неславянскими народами. В течение первой половины XIX в. эта романтическая теория была развеяна событиями политического характера, но ее сторонники еще остались среди славистов и славянолюбов. К ним относился и В.А. Францев. В своих трудах он идеализировал отдельных славянских ученых и других деятелей, не допускал критики их достижений и взглядов, был лишен чувства историзма. Его сочинения содержат огромное число фактов, извлеченных из источников, однако эти факты автором не оцениваются, причины событий не раскрываются и их последствия не обсуждаются. Вместо собственных оценок В.А. Францев предпочитал ссылаться на высказывания других лиц, критический анализ источников отсутствует. Такой метод исследования к началу XX в. был архаизмом, на что В.А. Францеву указывали и рецензенты его трудов. Необходимо, однако, подчеркнуть великую заслугу варшавского

профессора в отыскании и публикации именно фактов, то есть источников о развитии славяноведения, ибо, как известно, исторические обобщения и прогнозы не имеют значения без фактов. Кроме того, обобщения и прогнозы меняются, а факты остаются. В обычной жизни В.А. Францев не занимался политикой, нет доказательства его публичной активности. Это был человек науки, отдавший ей все свои силы. Несмотря на огромные знания предмета В.А. Францев, вероятно, не имел учеников, во всяком случае, в литературе не зафиксировано ни одно лицо в качестве его последователя. Кроме указанных личных особенностей профессора в период его преподавания, Варшавский университет переживал острый кризис в связи с обострением польского национализма и польско-русских отношений. Именно в начале XX в. особенно в связи с революцией в России в 1905 г. ИВУ почти не работал и на некоторое время был закрыт. Как свидетельствуют письма В.А. Францева коллегам в России, были периоды, когда на кафедру славяноведения не записался ни один студент. Лекции не читались, студенты бастовали, требуя ликвидации русского университета. Преподаватели годами не читали лекций. Но русское правительство все же решило сохранить ИВУ. После проведения ряда изменений университет стал снова функционировать. Профессор юридического факультета Ф.Ф. Зигель писал своему коллеге в Чехию Яромиру Челаковскому: «Только теперь я могу уже определенно сказать, что Варшавский университет в своем прежнем составе будет продолжать свою деятельность. Я желал бы выждать, как наладятся наши отношения с польским обществом, и не вызовет ли последнее необходимости нового и в таком случае уже окончательного закрытия университета». Далее он уточняет, что «открыты только первые курсы, чуть ли не тысяча человек, почти исключительно только русские». В этом элементе Зигель видит националистическую массу резко антипольской ориентации. «Никогда еще обе народности не стояли так далеко от другой, как теперь», — констатирует ученый. «За три года моего отсутствия, — продолжает он, — русское общество здесь окончательно организовалось, чего прежде не было» [18].

Одновременном с В.А. Францевым с 1901 по 1908 г. на кафедре славянской филологии ИВУ работал А.Л. Погодин (1872–1947) [19]. Он родился в Витебске в дворянской семье. В городе были живы польские традиции и будущий профессор с детства владел польским языком. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, был оставлен для приготовления к профессорскому званию на кафедре славянской филологии и с 1897 г. читал лекции по этой кафедре в качестве приват-доцента в Петербургском университете. После публикации и нескольких серьезных трудов по славянским древностям, археологии и этнографии А.Л. Погодин был назначен экстраординарным профессором ИВУ по кафедре славянской филологии и читал лекции по сравнительному языкознанию для студентов русского и классического отделений. В 1901 г. получил ученую степень магистра славянской словесности, защитив диссертацию на тему «Из истории славянских передвижений». В 1904 г. он стал доктором славянской словесности после защиты диссертации «Следы корней основ в славянских языках». В 1906 г. был назначен ординарным профессором по кафедре славянской филологии ИВУ. А.Л. Погодин был профессором другого типа, чем В.А. Францев. Он отличался политически активной позицией, придерживался либеральных взглядов. С детства зная польский язык, ценя польскую культуру, он выделялся свободой мышления и взглядами на русскую политику в Польше. А.Л. Погодин заявлял, что в Варшавском университете необходимо ввести преподавание на польском языке, а русский университет перевести в коренную Россию, где ощущается недостаток высших учебных заведений. Более того, он доказывал, что Польше необходима политическая автономия. Такого рода суждения не разделялись не только администрацией ИВУ и вышестоящими органами, но и не находили поддержки у консервативной части русских профессоров. В публицистических статьях А.Л. Погодин высказывал свои симпатии полякам.

До варшавского периода А.Л. Погодин в основном занимался славянскими древностями и языкознанием. Но постепенно он пере-

шел к изучению польской истории и литературы. Тематика была актуальна ввиду обострения русско-польских отношений в начале XX в. Пользуясь досугом, который увеличился ввиду нарушения учебного процесса в ИВУ, о чем речь шла выше, образованный, знавший многие языки и разделявший передовые идеи при обсуждении вопросов как прошлого, так и современности, профессор усердно работал в библиотеках и архивах, неоднократно выезжал за границу, иногда на продолжительные сроки, сосредоточился на изучении истории Польши и обогатил эту область славяноведения рядом ценных сочинений. В русских журналах был напечатан ряд статей А.Л. Погодина, таких как «К вопросу об автономии Царства Польского» (1906), «Письма из Польши» (1908), «Очерк литературы о польской реформации» (1913), двухтомное издание, посвященное жизненному пути и творчеству Адама Мицкевича. Ученый написал много статей для энциклопедического словаря братьев Гранат, опубликовал значительное число рецензий на работы о Польше и мелких сообщений. Крупнейшим исследованием профессора является труд объемом около 700 страниц, вышедший в 1907 г. под названием «Главные течения польской политической мысли (1863–1907)». Работа имела злободневный характер. Ввиду напряженного состояния польско-русских отношений, автор поставил задачу выяснить корни такого положения и высказать свои соображения по поводу решения этой задачи. Для ее решения А.Л. Погодин выполнил огромный труд по сбору источников, основным из них была политическая литература, содержавшаяся в журналах, газетах, брошюрах и листовках. Уже современники отмечали уникальность этой работы. В книге варшавского профессора приводится яркая картина обрусительной политики имперского правительства по отношению к полякам и упорная борьба против нее со стороны поляков. А.Л. Погодину принадлежит еще несколько крупных произведений по истории Польши, но они относятся уже к более позднему периоду его деятельности. Ввиду того, что ИВУ в период пребывания А.Л. Погодина в Варшаве почти не работал, текстов лекций профессора студентам пока не обнаружено. Несмотря на симпатии

к полякам и понимание их требований к России А.Л. Погодин не пользовался их расположением. Студенты также не посещали его лекции, как и других профессоров, печать не замечала его работ, касающихся острых вопросов польской истории и современности. В националистическом угаре, который в польской публицистике объявлялся борьбой за независимость любыми средствами, лидеры польского антироссийского движения отталкивали от себя потенциальных союзников. А.Л. Погодин решил оставить Варшаву и с 1904 г. стал присматривать себе место в центральной части России. 7 марта 1904 г. А.Л. Погодин пишет харьковскому профессору Н.Ф. Сумцову, что узнал о конкурсе на кафедру славянской филологии в Харьковском университете, что хотя он в ИВУ занимает аналогичную кафедру, он бы уехал из Варшавы: «Но так как здесь при современных польско-русских отношениях уж очень тошно жить, то я не прочь был бы перебраться в Харьков, махнуть рукой на некоторые привилегии, связанные со службой в Царстве Польском», – замечает ученый [20]. А через год, 5 марта 1905 г., в письме к тому же адресату сообщает: «…Условия жизни в Варшаве очень тяжелы, и хотя я считаю свою деятельность здесь полезной для настоящего русского дела, то все же я с удовольствием ушел бы из Варшавы» [21]. 8 октября 1908 г. профессор А.Л. Погодин был уволен от службы в Варшавском университете «согласно» прошению [22].

В 1909 г. А.Л. Погодин стал ординарным профессором Харьковского университета, где успешно проработал 10 лет. Читал лекции по истории и литературе западных и южных славян и издал много книг по этим дисциплинам. Тексты лекций, читанных в Варшавском университете, не обнаружены. А.Л. Погодин не принял Октябрьскую революцию в России в 1917 г. и эмигрировал в Сербию. В эмиграции он работал простым преподавателем русского языка в Белградском университете, его научная деятельность была переориентирована на другие темы и постепенно прекратилась. В лице А.Л. Погодина русское славяноведение имело крупнейшего специалиста, прогрессивного для того времени, позитивистского

направления, но на родине, в России, его имя было лет на 50 вычеркнуто из истории отечественной науки.

Приведенные характеристики творчества некоторых профессоров-славистов показывают, что ИВУ не был ни центром «мракобесов», ни средством русификации поляков, а являлся очагом просвещения и образования. Разумеется, в профессорской коллегии ИВУ был определенный процент лиц, в своей педагогической работе проводивших официальную линию имперского правительства не по принуждению, а по убеждению. Однако этот «процент» не изучен в историографии, а для объективной оценки значения ИВУ следовало бы это сделать. Как известно, ИВУ прекратил свое существование в 1915 г., а польское движение за независимость осуществило свою мечту, создав самостоятельное государство методами, которые в цивилизованном мире считаются безнравственными, но допустимыми в политике, а также войной с Советской Россией и т. д. В Польше был создан режим, представлявший собой нечто среднее между сталинским и гитлеровским: с культом личности, репрессиями против бывших друзей и союзников, с подавлением оппозиции. Ничего лучшего полякам придумать не удалось. Эмигрант из России А.Л. Погодин 24 июля 1924 г. писал своему бывшему коллеге по ИВУ, тоже эмигранту В.А. Францеву: «Все постепенно переходит на более здоровую почву, лишается той мечтательности, которая была нам всем присуща. И я со своим романтическим отношением к полякам не был прав в своем чувстве к ним, но был прав, когда показывал, что надо им дать автономию. Впрочем, все шло своим ходом, и что бы я ни говорил, ничего от этого не переменилось. Я убежден, что с Польшей покончено: немцы не уничтожены, и их месть глупой Польше будет жестока, и мы уже не будем жалеть поляков» [23].

Через 4 года после смерти польского кумира Ю. Пилсудского Гитлер захватил Польшу. Вторая мировая унесла жизнь 6 млн. поляков.

Примечания

1.Устав Императорского Варшавского университета. Подписан Его Императорским Величеством в Царском Селее 24 июля 1869 г. Опубликован в кн.: *Михальченко С.И.* Юридический факультет Варшавского университета (1869–1917). Краткий исторический очерк. Брянск, 2000. С. 83–111 (приложение).

2. *Róziewicz E.*Polsko-rosyjskiepowiązaniamaukowe (1725–1918).Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1984. S. 281–282.

3. Педагогическая деятельность и научное творчество славистов ИВУ охарактеризовано в монографиях: *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005; *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012. Там же и литература обо всех ученых-славистах.

4. Все ученые, работавшие в ИВУ на кафедре славянской филологии, перечислены (с указанием кратких сведений о них) в соч.: *Михальченко С.И.* Историко-филологический факультет Варшавского университета (1869–1917). Очерки истории кафедр. Брянск, 2005. С. 63–73; там же указаны другие сочинения С.И. Михальченко по истории Варшавского университета.

5. См. об этом: *Лаптева Л.П.* В.В. Макушев – первый русский исследователь истории Албании // Независимость Албании в общебалканском контексте. К 100-летию образования Албанского государства. М., 2014. С. 6–22. Перевод статьи на албанский язык опубликован в изд.: Perla. Revistë shkencore — kulturore 2014/2. S. 59–65.

6.LAPNP. F. MakuševV.V. Varia — Автобиография. 11 сентября 1881. Л. 15–16.

7. Там же.

8. Там же. Л. 15.

9. *Макушев В.* Возможно ли объединение славян под гегемониею России? // Берег. 8.10.1880. № 197.

10. Там же // Берег. 10.10.1880. № 200.

11. Автобиография. Л. 12–13.

12. Подробно см.: *Лаптева Л.П.* Профессор Варшавского университета Викентий Макушев и его работы о Польше // История и историография зарубежного мира в лицах. Межвузовский сборник научных статей. Вып. I. Самара, 1996. С. 156–157.

13. Наиболее обстоятельные сведения о В.А. Францеве в соч.: *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. М. 288–374.

14. ПФАРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1609. Л. 45.

15. *Syllaba Th.* V.A. Francev. Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti. Praha, 1977.

16. *Bardach J.* Waclaw Aleksander Maciejowski i jeho współcześni. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1971.S. 5.

17. См.: *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.

18.LAPNP. F. Jaromira ČelakovséhoXIXetXXst.: Письмо Ф. Зигеля Я. Челаковскому 5/18 декабря 1908 г.

19.*Лаптева Л.П.* Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011.

20. ХФ ЦГИАУ. Ф. 794 (Н.Ф. Сумцов). Оп. 1. Д. 922.

21. Там же. Д. 924.

22. Там же. Д. 925.

23. LAPNP. F. V.A. Francev. Korespondence. Письмо опубликовано в соч.: *Лаптева Л.П.* Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011. С. 110.

В.И. Яловега (г. Москва, Российская Федерация)

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ «МУЖИЦКОЙ ПРАВДЫ» В.К. КАЛИНОВСКОГО

В 2014 г. исполнилось 150 лет со дня казни Викентия Константина Калиновского, одного из самых ярких и знаменитых повстанческих лидеров Январского восстания 1863 г. на территории современной Литвы и Белоруссии. Имевший собственную, отличную от мнения варшавского Жонда Народового, точку зрения на будущее Польши и Литвы, а также на методы достижения их независимости, Калиновский долгое время был неинтересен польским исследователям восстания, поэтому был предан, в определённом смысле, забвению. В советское время на территории СССР был создан миф о Калиновском как о национальном герое белорусов, борцеза волю белорусских крестьян, символе национального возрождения, идеологическом соратнике революционных демократов Н.Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

После распада СССР представления о Калиновском разделилось. Одни продолжают видеть в нём национального героя и борца за независимость Белоруссии, другие – русофоба, поляка, не имеющего ничего общего с белорусами, фанатика и крайне жестокого человека. К сожалению, объективных и неидеологизированных работ по такому выдающемуся человеку, коим бесспорно был Калиновский, не так много, многие аспекты его деятельности толком не изучены. Одним из таких аспектов является религиозный, считавшийся несущественным в марксистской историографии, и крайне важный в XIX веке, особенно в крестьянской среде, в которой агитировал Калиновский.

Автор данного исследования, взявшийся в прошлом году за эту тему, без лишней скоромности может назвать себя первым исследователем, занявшимся этой стороной идеологии Викентия Калиновского. Исследователи прошлых лет, такие как советские биографы Калиновского А.Ф. Смирнов и В. Ф. Шалькевич, в духе марксистской историографии, не придавали большого значения религиозным аспектам агитации Калиновского, упоминая лишь о пропаганде униатства в противовес официальному православию в шестом выпуске «Мужицкой правды», а также критику оставшихся на стороне правительства представителей католического духовенства в «Приказе-воззвании Виленского провинциального центра» и других письменных работах. Историк из Гродно Я.Н. Мараш в 1988 г. издал статью «Идейное наследие К. Калиновского и критика клерикализма», но убедительных аргументов в пользу того, что Калиновский был активным борцом с религией, не привёл. Больше научных изданий на заданную тему нет. Между тем, если прочитать внимательно «Мужицкую правду», можно заметить, что её авто создаёт некую идеологическую религиозную концепцию, изучить которую – и было темой нашей работы.

«Мужыцкую праўду» («Mużyckaja prauda», по-русски – «Мужицкая правда») называют первой нелегальной газетой на белорусском языке. Написанные с июля 1862 г. по июнь 1863 г. семь вы-

пусков «Праўды» являются одними из первых печатных текстов на современном белорусском языке.

В первом выпуске «Праўды» (не позднее 10 июля 1862 г.), посвящённом общей критике «москалей» и их реформы (1861 г.), ничего ни о религии, ни о её представителях, не сказано. Зато второй выпуск (конец августа) сразу отсылает к сакральным мотивам: «Если Бог создал всех людей свободными и всем дал одинаковую душу, так откуда же взялось что один живёт праздно да над людьми своевольничает, а другой, бедный, барщину служит или оброки в казну платит» [1].

Далее Калиновский вновь убеждает своих читателей (сам выпуск посвящён крепостному праву и свободе): «Чтобы растолковать людям, в чём есть правда, я пишу письмо и писать буду, как Бог и совесть подсказывают» [2]. Далее в выпуске «Яська-гаспадар из-под Вильно» (псевдоним Калиновского) критикует «москаля и немца», якобы введших барщину и чинш. О Боге же ничего не упоминается.

В третьем выпуске (не позднее 6 октября), где Яська открывает крестьянам глаза на то, что «москаль» решил дать им свободу только из-за поражения в Крымской войне, отмечается также следующее:«Человек имеет натуру, что или ничего не знает и ничего не иметь не хочет, или, когда узнает, то захочет понять <…>, что ему принадлежит. <…>. Вот ещё недавно говорили наши, что они созданы для того, чтобы служить барщину и быть невольниками <…> Сегодня все уже поумнели, все уже мужики толкуют, что Бог создал человека, чтобы он пользовался справедливой свободой <…> Этот порядок, что народ делается умнее, исходит от самого Бога, и кто ему захочет воспротивиться, того или сам Бог или народ по приказу Божьему с землёй смешает». И далее: «Мы сегодня все уже знаем, что человек свободный – это когда свой кусок земли, за которую ни чинша ни оброка не платит <…> когда не идёт в рекруты чёрт знает куда, а идёт защищать свой край тогда только, если подступит неприятель, <…> и что не обижает ближнего и славы божьей, когда исповедует ту веру, которую исповедовали его отцы, деды и прадеды. Вот что свобода значит» [3].

Переходя к необходимости борьбы за свободу, всё тот же Яська отмечает: «Только, ребята, смело, потому что с нами Бог и правда, а когда мы с Богом, то с нами воевать трудно, потому что Божья сила велика, а народу много». Заканчивается же выпуск и вовсе призывом – «Бог вам поможет!!!» [4].

Отметим удивительное повышение градуса религиозности у автора с июля по октябрь – в третьем письме уже проглядываются вполне себе мессианские идеи (он же доводит до народа, что бороться надо за то, что Бог создал, а не за что-либо иное).

Четвёртый выпуск (не позднее 28 декабря) начинается рассуждениями о том, как всё хорошо за границей: «У француза или у англичанина, народ сочувствует правительству, то потому, что правительство слушает народ…»; затем переходит к наболевшему – «У нас, ребята, одному только учат в школах: чтобы ты умел читать по-русски, а для этого чтобы тебя совсем переделать на москаля. Суды московские – это волчья яма, где не разбирают, прав ты или виноват, а дерут только как могут» [5]. Чтобы показать, какой ужасный москальский царь, Яська отмечает, что «царь таких людей [которые не притесняют] в Сибирь высылает, а за наши деньги назначает чиновниками таких, которые сами людей притесняют, другим притеснять позволяют и Бога не боятся» [6]. Как мы видим, особой религиозной пропаганды в этом выпуске нет, но настойчиво насаждается тезис о том, что москальская власть – несправедливая, не от Бога, и что не бороться с ней – грех, то есть идти против Бога. Соответственно и борьба с ней не только благословляется, но и понуждаема самим Богом. В дальнейших выпусках все эти тезисы будут только развёрнуты.

Пятый выпуск (ноябрь 1862 г.) посвящён, прежде всего, критике рекрутского набора. Но периодически автор плавно переходит и к следующим пассажам: «А что греха наберёшься перед Богом, содействуя москалю, этого Бог никогда не простит. Идёт француз давать свободу мужикам, бунтуют городские и молодёжь за нашу свободу и веру, а мы даём рекрута и нашей грудью царь московский заслоняется и нашими руками усмиряет бунты и впрягает нас в веч-

ную неволю. Того, кто о нашем благе думает, мы гоним, тому, кто нам зло причиняет, мы помогаем – ну разве не грешно перед Богом, не стыдно перед всем светом? Сами скажите [7]». Чего здесь больше, отчаяния или религиозной пропаганды, нельзя сказать, но идея о божьем благословении борьбы с москалями никуда не уходит.

Наконец, выпуск шестой (декабрь 1862): «Горькая или сладкая моя правда, я писал всегда и так писать буду – учил вас, как поступать нужно, и учить буду. Вы только слушайте меня. Обдумайте хорошенько и делайте так, как совесть вам подскажет, и Бог ещё смилуется над нами, и даст нам счастье, и будет у нас жизнь хорошая»[8].

Уже по начальному абзацу понятно, что автор манифеста дальше продолжает гнуть свою линию, по которой он является носителем Божией правды и то, к чему он призывает, суть благое дело, а отказ от этого – грех.

Далее: «Когда Бог, сотворив человека, дал ему душу, то не для того, чтобы он жил как собака, на этом свете, а на том свете пропадал на век веков в муках адовых, а для того, ребята, чтобы он знал закон Божий, знал своего Бога, знал свою веру и заслужил счастье небесное. Когда Сын Божий, придя на землю, установил истинную веру и за эту веру терпел крестные муки, то не для того, чтобы какие-то цари московские, подлого роду, меняли закон Божий, а мы по приказу этих царей от веры своих дедов и прадедов и славили не Бога, а семью царскую, а для того, ребята, Всевышний терпел за нас, чтоб закон Его был уже вечным. Никто не смел его менять и мы, сколько хватит сил, придерживались бы его.

А разве у нас, ребята, так делается, как сам Бог приказывает, разве придерживаемся мы закона Божьего? Сами скажите. Не один уже, может, позабыл, что отец его был праведной униатской веры, и никогда уже не вспомнит о том, что обратили его в схизму, в православие, что он сегодня, как та собака, живёт без веры, и, как собака, сдохнет на радость чертям в пекле!! Эх, ребята, беда такому человеку! А если мы так будем поступать с Богом, так что же Бог Всевышний с нами сделает? Пошлёт в пекло на вечные муки, будут

черти душу нашу на куски рвать, а смола в утробе кипеть будет. Узнаешь тогда, что такое лихо, но в аду поздно уже будет, не умолишь тогда справедливого Бога, и мукам твоим никогда конца не будет.

Теперь спрашиваю вас, ребята, кто же нам такой беды, наделал и что нужно сделать, чтоб мы были счастливыми и на этом, и на том свете.

Наделал нам такой беды, ребята, царь московский. Это он, подкупив многих попов, велел в схизму записать нас, это он платил деньги, чтобы мы только переходили в православие и, как тот Антихрист, отобрал у нас праведную униатскую веру и погубил нас перед Богом навеки, а сделал это для того, чтобы мог нас без конца грабить, а Бог справедливый не смилостивился над нами.

Боже Всемогущий, Господь наш милосердный, ты о нас не забывай, смилуйся над нами, помоги нам в нашей недоле, выгони москаля из нашего края, дай нам настоящую свободу и веру наших дедов и прадедов, – и костёлы, которые москаль, нечистая его сила, разрушили или переделал на конюшни и церкви, вновь засияют во славу Твою и народ в них славить Тебя будет, как славили наши предки. Запоём тогда в один голос нашу песнь святую: «Святый Боже, святый сильный, святый бессмертный, смилуйся над нами!» – и Бог Всевышний смилуется над нами, поможет нам в нашем труде. А на том свете даст царство небесное – и не будут уже детишки наши мать свою проклинать, что на свет родила!!

Сказывают люди, что святой Отец прямо из Рима прислал к нам своё благословление (но москаль его задерживает), говорят, что пришлёт и ксендзов, которые будут принимать в униатскую веру. Тогда, ребята, кто только верит в Бога, Сына Его и Святого Духа, пускай сразу же оставляет схизму и переходят в истинную веру дедов и прадедов. Потому что кто не перейдёт в унию, тот останется схизматиком, тот, как собака, сдохнет, тот на том свете адские муки терпеть будет!

Так хватит же, ребята, жить безо всякого утешения на свете, если Бог милосердный милостив к нам, а ты, человече, как прочита-

ешь или услышишь эту правду, произнеси молитву, чтобы Бог Всемогущий помог людям, которые желают нам добра, которые хотят, чтобы мы были свободными, как шляхта, имели свою землю, как шляхта, славили Бога по правде и заслужили рай на том свете.

Этого от души вам желает ваш брат, такой же самый от дедов-прадедов мужик, как и вы, но ещё униатской веры…»[9].

За этот выпуск Калиновский неоднократно критиковался в советской историографии. Так, Я.Н. Мараш в своей статье «Идейное наследие К. Калиновского и критика клерикализма» отмечает: «Калиновский брал под защиту эту [униатскую] церковь <…> При этом православная церковь в союзе с самодержавием пользовались насильственными методами. В этих условиях К. Калиновский выступил против насильственных мер в отношении униатской церкви. Ведь белорусский революционер-демократ стоял на позициях свободы совести. <…> «Мужыцкая праўда» справедливо критиковала царское правительство… Но вместе с этим она ошибалась, назвав униатскую церковь – церковью дедов и прадедов белорусов. Ошибочно Калиновский берёт под защиту униатство, которое на самом деле было средством окатоличивания белорусского народа» [10].

Седьмой, последний выпуск «Мужицкой правды», был написан уже после начала польского восстания, в июне 1863. Здесь также содержится критика православия и призывы к возвращению униатской веры, а также идея Божьего провидения и Божьего дела в восстании: «Чиновники, попы и москали все в один голос морочили нам голову, будто царь чистосердечно к нам относится… ».«Обманул же нас царь, а слуги его – попы, чиновники и москали – подвели нас, как чёрт добрую душу [11]».

Далее Калиновский рассказывает о Польском восстании, к тому времени уже продолжавшемуся полгода, и о манифесте восставших: «Вот все разом с вилами и косами пошли добиваться земли и правды, а кое-кто и святой униатской веры. Вышел уже польский манифест. <…> Униатские костёлы, отобранные москалями, отдаются опять униатам, и кто хочет, имеет право крестить детей по-

униатски, к униатским ксёндзам идти на проповедь и по-старому БОГУ молиться, как ещё отцы наши молились.

Вот теперь сами разбирайтесь: где большая правда – в польском манифесте или в царском. <…> Польский манифест дал землю, не требует рекрута, отменил подушное, возвратил унию. Ну скажите, братья, кто больше о нас заботится? Помогли бы французы и нам, как помогают мужикам в Польше, только что ж, царь отвечает, что мужики у нас всем довольны <…> и унии никто не желает. И тут царь обманывает»[12].

О том, как «учили поляков», Яcько высказывается так: «Учли и их, как доносить друг на друга <…> только мало нашлось таких, которые, не боясь ни Бога, ни стыда человеческого, служили бы москалям»[13].

Присутствует здесь же и следующее воззвание: «Подумайте хорошенько, и, помолившись Богу, встанем дружно за нашу свободу!»[14].

Подводя итог, мы доказали, что в «Мужицкой правде» создаётся уникальная религиозная идеология. Можно уверенно сказать, что Калиновский не собирался деклерикализировать крестьян, чего можно было ожидать от революционного демократа, а наоборот ещё больше втягивал их в эти «путы», внося религиозный концепт внедряемую им идею народного восстание. Отчётливо прослеживается в «Мужицкой правде» идея восстания как религиозной борьбы за Бога и святую веру. Московский царь в некоторых местах открыто сравнивается с Антихристом, а его слуги, в том числе и «попы» (которых Калиновский отчётливо отличает от ксендзов), соответственно, со слугами дьявола. Отметим, что Калиновский явно соотносит понятие свобода с Божьим промыслом. «Бог создал человека свободным», «бороться за веру и свободу». Интересно, что уровень религиозной пропаганды в «Мужицкой правде» нарастал с каждым новым выпуском. Это можно объяснить можно, в частности, тем, что приехав из вполне светского Петербурга, Калиновскому в своей агитации пришлось учитывать религиозность провинциальной жизни, особенно в деревне. Ему пришлось подстраивать свою агитацию

под эти условия, создавая при этом чёткую социально-религиозную философию. Вопрос о том, насколько уникальной является та концепция, которую Калиновский пытался передать белорусским крестьянам, как она сочетается с взглядами либеральной общественности Петербурга, многие представители которой, как известно, были выходцами из церковной среды, каковы её истоки – задачи для дальнейших исследований.

Примечания

1. *Калиновский К.* Из печатного и рукописного наследия. Мн., 1988. С. 48.
2. Там же.
3. Там же. С. 50.
4. Там же. С. 52.
5. Там же. С. 53.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же. С. 54.
9. Там же. С. 55-56.
10. *Мараш Я.Н.* Идейное наследие К. Калиновского и критика клерикализма // Кастусь Калиновский (1838–1864) [сборник]. Гродно, 1988. С. 45.
11. *Калиновский К.* Из печатного и рукописного наследия. С. 59.
12. Там же.
13. Там же. С. 60–61.
14. Там же.

Е.В. Синицына (г. Краснодар, Российская Федерация)

В.А. ПОТТО КАК МЕМУАРИСТ ПОЛЬСКОЙ КОМПАНИИ 1863 ГОДА

Василий Александрович Потто – генерал-лейтенант Русской Императорской армии, военный историк, писатель, кавказовед. Его имя в первую очередь связано с литературно-историческими сочинениями. В.А. Потто оставил после себя многочисленные труды:

монографии, отдельные статьи по истории русской армии, казачества, истории Кавказа.

Новороссийский драгунский полк, в котором служил В.А. Потто, участвовал в подавлении Польского мятежа 1863 г. За этот поход Василий Александрович был отмечен боевыми наградами: орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и Св. Станислава 2-й степени с мечами. Историк написал «Походные записки о кампании 1863 г. против польских мятежников», которые были напечатаны в журнале «Военный сборник».

Василий Александрович не ставил конкретной цели исследования причин и вопросов внутренней политики, а освещал восстание с военной точки зрения. В «Походных записках» весьма детально представлено описание военных действий. Тем не менее, не касаясь этого предмета, в статье пойдёт речь об общих наблюдениях Василия Александровича.

По замечанию В. А. Потто, военные действия 1863 г. были настолько раздроблены и многочисленны, что «систематическое изложение хода вооруженного мятежа, даже на том пространстве, где судьба поставила нас очевидцами и участниками совершившихся событий», задача затруднительная [1]. Записки В.А. Потто ярко и образно описывают военные действия, происходившие в Радомском военном отделе. Так как сами действия 1863 г. не представляли каких-либо крупных сражений, то автору приходится рассказывать о действиях отдельных отрядов повстанцев. Общей организации восстания не было. Отдельные группы собирались в различных местах, где оказывались благоприятные условия. Устройство и успехи каждого отряда зависели от личных качеств руководителя.

Василий Александрович начинает свои записки с того момента когда Новороссийский драгунский полк получил приказание выступать в Царство Польское, где обнаружились беспорядки. С конца 1862 г. по всему Царству Польскому собирались мятежные группы, в том числе и в Радомском отделе. Состояние края было весьма тревожным и опасным. «Подготовлявшейся революции предше-

ствовали прокламации, ложные слухи, уличные беспорядки, религиозные манифестации, и процессии с костельными знамёнами и пением возмутительных гимнов, – писал В.А. Потто, – попадались эскадронам на каждом переходе». [2]

Первое впечатление В.А. Потто получил в городе Янов, который запомнился первой уличной демонстрацией, но не последней. «Жизнь страны, – отмечал он, – как будто сосредоточилась и вылилась вся в одну нескончаемую уличную демонстрацию, против которой бессильны были все политические комбинации» [3].

Особые затруднения для русских отрядов представляло отсутствие каких-либо точных сведений. По замечанию автора «Походных записок…», у повстанцев «тайная революционная полиция, которая уживается рука об руку с полицией явной, официальной» [4]. Мемуарист отмечал: «Помещики, арендаторы, лесничие обязаны были содержать тайные национальные почты» [5]. Для удобства сообщения «во всех городах были рассеяны агенты революционного правительства, на обязанности которых лежала рассылка депеш о малейшем передвижении русского войска, причём должность курьеров принимали на себя женщины, часто принадлежавшие к хорошему кругу. Даже почтальоны, и те подавали на трубах условные сигналы, обозначавшие, как далеко видели русское войско, откуда и куда оно идёт и т. п.» [6].

Вооружённое восстание, вспыхнувшее в ночь с 11-го на 12-е января, прокатилось по всей территории Царства Польского. В городе Стопнице, где квартировался Новороссийский полк эта ночь прошла довольно спокойно. Все слухи о столкновение толп людей с войсками не воспринимали серьёзно, «полагая, что это просто новая демонстрация, подобная тем, которая не раз уже разыгрывалась в той местности в течение прошлого года» [7]. Войска не были готовы даже к мысли о возможности нападения на них.

Последовавшие меры со стороны русской администрации не были успешны. Некоторые военачальники, видя, что волнения кругом усиливаются, но, не будучи в состояние для решительных действий предпочитали ограничиваться лишь поддержанием порядка в

городе. Пограничная стража подвергалась нападениям, в результате чего некоторые посты были полностью истреблены. Как отмечал В.А. Потто, «общее мнение обвиняло распоряжение, в силу которых пограничная стража осталась на кордонной линии в то время, когда войска, отодвинутые от границы, стягивались в самостоятельные отряды» [8]. Несмотря на то, что русским войскам удавалось всё-таки одерживать решительные успехи, восстание разгоралось вновь, как только туда вливались новые силы. По мнению, В.А. Потто если вооруженное восстание и не было подвалено быстро, то причиной тому послужили следующие обстоятельства: «частные недостатки дислокации войск; недостаточность прав военных начальников относительно принятия суровых мер, необходимых по самому положению края» [9]. Войскам было приказано сосредоточиться в самостоятельные отряды из всех родов войск, заняв важные тракты, в то время как огромные лесные пространства, остававшиеся в стороне, были не заняты, и как следствие плохо наблюдаемы. «Во всех городах, признавали принимать самые строгие, доходившие до излишества, меры предосторожности: окружали себя аванпостными цепями, караулами, так что половина войск была занята собственных охранением, – иронизировал В.А. Потто, – а не преследованием мятежников» [10]. Зачастую действия русских отрядов производились вследствие полученных слухов. «При той быстроте, с которой передавались в крае всякого рода известия, трудно было отличить иногда истину от вымысла; но важно уже было само заявление факта»[11].Диверсии, чинимые со стороны администрации края, препятствовали всяким принимаемым мерам. «Гражданские власти (т. е. чиновники-поляки) открыто стояли на стороне мятежников и, умышленно скрывая злодейства, совершаемые бандами» [12]. Чиновники, начиная от губернатора и советников губернского правлений, платили 10% из своего содержания революционному правительству. Дерзости мятежникам придавали слухи об иностранной помощи вооруженному восстанию, которые они сами и распространяли. «До какой степени было настроено воображение жителей на иноземную помощь, – вспоми-

нал Василий Александрович, – может служить доказательством следующее курьёзное происшествие: раз, в одном довольно большом местечке, на границе Радомской и Люблинской губерний, распространился слух, что в последнюю из них вступило австрийское войско и двигается от Устилуга к Люблину» [13]. Подобное заявление нужно было проверить. К Устилугу были высланы «кавалерийские резервы, и так как в числе их были драгуны, носившие каски (действующие эскадроны носили кэпи), то жители отвыкшие от вида этого головного убора, приняли их за австрийцев» [14]. После чего новость разнеслась по всему Царству Польскому.

Отношение местного населения к восстанию и к русским войскам было неоднозначным. Со слов Василия Александровича, поляки, «сколько я мог заметить, вообще веселого нрава и гораздо более привержены к своим национальным песням и танцам, чем к политическим переворотам» [15]. Зачастую крестьяне встречали и провожали войска криками «виват». «Но нет сомнения, что этими же криками, – подмечал В.А. Потто, – народ провожал и повстанцев, проходивших незадолго перед нами» [16]. В основном крестьяне предпочитали не принимать никакого участия в происходящем. Тем не менее, одни делились сведениями о местоположении мятежников, другие, под страхом смерти, или увлечённые революционной идеей, вступали в повстанческие отряды. Те же, кто был заподозрен, в сотрудничестве с русскими, подвергался жестокому наказанию, что, несомненно, вело к тому, что крестьяне отшатнулись и перестали сообщать даже какие-либо сведения. Со слов В.А. Потто, любая услуга, оказанная русскому правительству, влекла за собой наказание как значительным денежным штрафом, публичным бесчестием, лишением политических прав, изгнанием из края так и смертью. Причем бывали примеры, когда в назидание всем остальным сжигали целые деревни. «Чем безнадежнее становился мятеж, тем чудовищнее делался террор, и над городами и сёлами, над помещиками и крестьянами, над всем, что так или иначе касалось рокового польского дела, висел Дамоклов меч и грозил ослушным смертью или разорением» [17]. Даже русские офицеры с фамилия-

ми, похожими на польские, получали письменные приглашения «оставить московские ряды и поступить в службу национальной армии, под угрозою, в противном случае лишиться гражданских и политических прав в тот день, когда вся Польша объявлена будет свободною и независимою страною!...» [18].

Так как процесс подавления мятежа шёл медленно, были организованы меры, после которых характер действий стал более решительный. Начальникам военных отделов были присвоены права генерал-губернаторов, с подчинением им всей местной гражданской администрации с правом контроля по всем делам, в том числе и духовных. Вследствие чего, военная власть получила возможность преследовать и карать любое политическое преступление. Далее последовало отстранение многих чиновников со службы, которые прямо или косвенно вредили делу. «Мало того: все католическое духовенство, помещики, шляхта, даже целые города и местечки обложены были большою контрибуцию, сообразно с той, которую они платили мятежникам» [19].Были организованы работы в лесах по устройству широких дорог и просек, поскольку именно в лесах, куда не могла добраться ни артиллерия, ни кавалерия, мятежники «весьма ловко находили убежище». Учреждались сельские караулы, которые осматривали всех проезжающих, наблюдали за безопасностью окрестных дорог, а в случае нападения обороняли население, извещали ближайшие войска. К началу мая 1864 г. восстание было подавлено. И только «кое-где войска попадали на след разбойничьих шаек, ловили отдельных бродяг, голодных и оборванных, но правильно-организованных банд не встречали»[20].

Таким образом, действия по подавлению мятежа были направлены на разыскание, преследования и уничтожение отдельных банд. По мнению, Василия Александровича, несмотря на то, что силы повстанцев не были столь значительными, причина, по которой восстание не было подавлено в кратчайшие сроки, несостоятельность принимаемых на начальном этапе мер. Главенствующее мнение между начальствующими лицами о необходимости держать войска сосредоточенными в большие отряды не давало положительных ре-

зультатов, поскольку позволяло формировать новые отряды. Решительные административные меры ослабили и революционную деятельность в крае содействовали подавлению мятежа.

Примечания

1.*Потто В.А.* Походные записки о капании 1863 года против польских мятежников // Военный сборник (ВС). СПб.1867. № 8. С. 289.

2. *Потто В.А.* История Новороссийского драгунского полка1803-1865. //http://www.runivers.ru/lib/book7846/453505// (дата обращения:26.07.2015).

3. *Потто В.А.* Походные записки… // ВС. 1867. № 8. С. 290.

4. Там же // ВС. 1867. № 9. С. 177.

5.Там же. // ВС. 1869. № 7. С.162

6. Там же. С. 185.

7. Там же // ВС. 1867. № 8. С. 301.

8. Там же // ВС. 1867. № 10. С. 370.

9. Там же // ВС. 1868. № 3. С. 107.

10. Там же.

11.Там же // ВС. 1868. № 11. С. 157.

12.Там же // ВС. 1868. № 12. С. 423.

13.Там же // ВС. 1870. № 1. С. 180.

14. Там же.

15.Там же // ВС. 1867. № 11. С. 146.

16. Там же.

17.Там же // ВС. 1868. № 12. С. 421.

18.Там же // ВС. 1868. № 3. С. 131.

19.Там же // ВС. 1870. № 3. С. 188.

20.Там же. С. 218.

А.В. Ващенко (г. Краснодар, Российская Федерация)

И СНОВА КАТЫНЬ: ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ

Первый раз я столкнулся с проблемой Катыни, будучи студентом третьего курса исторического факультета КубГУ. Это произо-

шло на лекции доктора исторических наук, профессора Фёдора Николаевича Телегина.

В мае 1987 г. я демобилизовался из рядов Советской Армии, и был восстановлен на третий курс своего родного исторического факультета. Моими сокурсниками были, как ребята уже отслужившие в армии, так и те, кто по разным причинам избежал призыва. Последних было большинство. Наш факультет в то время представлял интересное зрелище. По крайней мере, он разительно отличался от факультета образца 1984–1985 г., когда мы уходили в армию. Тогда ещё «ветры перестройки» его не затронули и все наши попытки выведать какие-нибудь подробности о «белых пятнах» в нашей истории, мягко говоря, не находили отклика у преподавателей. Теперь же общественная жизнь кипела. Те, кто ранее был апологетом КПСС выходил из партии, те же, кто ранее не проявлял к партии карьерного интереса, наоборот вступали в её ряды, мотивируя своё решение тем, что партия очистилась от карьеристов и приспособленцев и теперь действительно стала «боевым отрядом» рабочего класса. Изменились и лекции. Если раньше они представляли поучительный монолог преподавателей, то теперь всё чаще превращались в дискуссии. Преподаватель излагал классическую, устоявшуюся версию исторического события, а студенты, начитавшиеся публикаций из «Огонька» и других перестроечных изданий, вступали в полемику. Нам, «армейцам», только что вернувшимся из армии, всё это было крайне удивительно и не привычно. Как правило, мы выступали скорее как зрители, нежели как участники этих баталий. Прежде всего потому, что в армии у нас не было возможности ознакомиться с «перестроечными новинками», а во-вторых армейский и жизненный опыт, который, несомненно, был больше, чем у не служивших, не позволял оголтело поддерживать новые концепции, так как ряд важных моментов в них явно не стыковались.

Фёдор Николаевич Телегин, безусловно, был легендой факультета. Историю Второй мировой войны он знал досконально, причём по документам и личному опыту. Фронтовик, прошедший войну, он относился к делу профессионально и скрупулёзно. Поражало

насколько досконально, до мельчайших нюансов, он знал проблему. Он был тогда одним из немногих преподавателей, кто владел иностранным языком и хорошо знал западную историографию Второй мировой войны. Ходил слух, что он даже беседовал с самим фельдмаршалом Паулюсом, который после войны жил в ГДР. Его лекция о причинах и начале Второй мировой войны началась обычно. Но затем ему стали задавать вопросы о секретном протоколе к Пакту Молотова-Риббентропа, Катыни. Тогда я впервые услышал это географическое название. Развернулась острейшая дискуссия. Фёдор Николаевич очень основательно, со ссылками на архивные документы, рассказал о работе комиссии Бурденко и её выводах. Он дал возможность высказаться студентам. Когда они изложили «перестроечную версию», первая реакция профессора Телегина была следующая: «Эта версия не нова. Практически, то же самое говорил о Катыни Геббельс». И тогда возникла ксерокопия статьи, где были опубликованы «документы» (по-моему, это была та самая записка Л.П. Берии И.В. Сталину, в которой предлагалось расстрелять польских военнопленных). Для Фёдора Николаевича, как для профессионального историка, архивный документ – это истина в последней инстанции. Было видно, что какое-то время он был потерян, и не знал что сказать. Но ответный аргумент профессора Фёдора Николаевича Телегина, офицера-фронтовика, я запомнил на всю жизнь. Фёдор Николаевич сказал: «В июне 1941 г., за две недели до войны я был младшим лейтенантом и служил под Смоленском. Я лично видел польских военнопленных, которые строили дорогу на Минск». Эти слова произвели на меня впечатление.

Потом была покаянная речь М.С. Горбачёва, которая, как я узнал позже, была практически идентичной речи Геббельса о Катынской трагедии. Был передан полякам пресловутый «Пакет №1» с копиями архивных документов по Катыни. Затем покаялись и извинились за сталинские «преступления» ещё два российских президента. Был воздвигнут мемориал под Смоленском и, казалось бы, историческая правда восторжествовала и можно было бы поставить точку, но слова профессора Телегина заставляли сомневаться. Да и

слишком много было натяжек и несоответствий, на которые я обратил внимание ещё студентом. Немецкое оружие? Шпагат, которым были связаны руки? Методика расстрела? Начало войны не самое подходящее время, чтобы так готовить расстрел пленных. Но документы, архивные документы как быть с ними?

И вот первая сенсация разразилась 26 ноября 2010 г. Это было выступление депутата В.И. Илюхина в Государственной Думе РФ, который не просто заявил, что документы из «Пакета № 1» подделка [1], но и продемонстрировал черновики документов, из которых делалась фальшивка. Более того, депутат предлагал провести парламентское расследование и готов был назвать фамилии причастных к фальсификации. Выступление депутата базировались на заключении официальной экспертизы Э.П. Молокова за № 016/07-11 от 31 марта 2009 года [2]. Заключение относилось к ключевому документу из «Пакета № 1», письму Л.П. Берии к И.В. Сталину № 794/б, написанному не позднее 5 марта 1940 г.[3]. В этом документе на странице 3 НКВД СССР предлагалось: «1) дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков, 2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11000 человек членов различных к[онтр]р[еволюционных] шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков – рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела» [3]. Эксперт Э.П. Молоков установил, что «фрагменты машинописного текста, изображения которых расположены на цифровых фотоснимках первой, второй и третьей страницы Письма Народного комиссара внутренних дел Союза ССР Л. Берия в ЦК ВКП (б) товарищу СТАЛИНУ от марта 1940 года № 794/Б, представленных на исследование, отпечатанные на одной, а фрагмент машинописного текста, изображение которого расположено на цифровом фотоснимке четвёртой страницы данного Письма, отпечатана на другой индивидуально-

конкретной пишущей машинке» [4]. Позднее этот же эксперт установил, «что машинописные шрифты первых трёх страниц "письма Берии №794/Б" (тех, где говорится о расстреле польских граждан) не встречаются ни в одном из выявленных к настоящему времени заведомо подлинных писем Наркома внутренних дел СССР периода 1939-40 гг. Машинописные шрифты четвертой страницы (той, на которой находится подпись Л.П. Берия, рукописная правка, выполненная рукой И.В.Сталина и регистрационный штамп на обороте) выявлены ещё на нескольких подлинных письмах НКВД 1939–40 гг.» [5]. Таким образом, страницы, где непосредственно рекомендуется расстрелять военнопленных, отпечатаны на машинке, использование которой в 1939–1940 гг. больше нигде не выявлено. Минус данной экспертизы состоит в том, что эксперт имел дело всё же с фотокопиями, а не с реальными документами. Тем не менее, в пяти документах «Папки № 1» эксперты выявили 58 разного рода «нестыковок», которые актуализируют вопрос о подлинности этих документов. Более того, Европейский суд по правам человека в Страсбурге, рассматривая дело «Яновец и другие против Российской Федерации (жалобы N 55508/07 и 29529/09) в своём Постановлении от 21 октября 2013 г., отказался принять документы из «Папки № 1» в качестве доказательств. Это удивительно, ибо документ явно антироссийский. Из 178 пунктов, в 40 ответственность за Катынскую трагедию возлагается на СССР. Доминирует только польско-немецкая версия. Но документы к делу судьи не приобщили.

Тут уже возникают две проблемы. Первая – историческая. Несмотря на высокопоставленные признания и покаянные речи, точка не поставлена. Ясно, что расстрел польских пленных это военное преступление. Именно так это событие квалифицировали Гитлер, Геббельс, польское правительство в изгнании, американский Конгресс, Сталин, Горбачёв и все три Президента РФ. Остаются вопросы: Кто это сделал? И почему?

Вторая проблема – российская. Факт фальсификации документов установлен. Признан на уровне Европейского суда по правам

человека в Гааге. Вопрос: Кто сфальсифицировал документы? Зачем? И почему?

После решения Гаагского суда по правам человека тема Катыни приобрела второе дыхание. И остаётся только надеяться, что истина все-таки рано или поздно восторжествует.

Я хотел бы развернуть проблему несколько в ином плане. Это проблема исторических источников, как основы объективного исторического познания. Тема Катыни как раз высвечивает проблему достаточно рельефно. История всегда была одним из инструментов формирования личности, коллективной исторической памяти как основы национально-государственного единства. События на Украине, Катынская проблема позволяют утверждать, что путём проведения ряда манипуляций, которые можно квалифицировать и как спецоперации или как диверсии, можно переформатировать историческую память значительных групп людей. Думаю, стоит говорить о поколении людей, если брать за основу период в 30 лет. На этот период времени приходится социализация личности, её образование и начало трудовой деятельности. То есть можно создавать поколения с заранее заданными параметрами исторической памяти. Это было и раньше. Но тогда эти параметры формировались государством, Родиной и работали в целом на её благо. В условиях глобализации, при постоянно идущем процессе размывания национального суверенитета, Центр, которой задаёт параметры, часто находится вне национального государства. Он наднационален. Он обслуживает интересы транснациональных игроков. Либо интересы того государства, где эти транснациональные игроки базируются. Для этих игроков размывание суверенитета, идентичности, исторической национальной памяти жизненно важный процесс, который позволяет беспрепятственно перемещать капиталы, рабочую силу, технологии, в том числе и социальные. И тогда, «стажёр Колумбийского университета», занявший высокий пост в ЦК КПСС, имеет возможность через фальсификацию важнейших документов изменить представление о ключевом этапе в истории страны. Представить его «преступным», «антигуманным» и т.д. А затем, связав те

«преступления» с современностью похоронить и КПСС и Советский Союз.

Проблема заключается в том, что в периоды исторических переломов, смены власти, доступ к архивам бесконтролен. И такие диверсии возможны. Избежать этого можно только через открытие архивов для широкого круга исследователей. Тогда происходит введение документов в научный оборот, они попадают в исследовательскую ткань, и их уже нет смысла фальсифицировать. Именно закрытость системы породили проблемы Катыни и «секретных протоколов» к Пакту Молотова-Риббентропа. Даже после работы официальных комиссий оригиналов документов так никто и не видел. Процесс открытия документов медленно, но идёт. Почему «сдулся» «Мемориал»? Дело не в «репрессиях» против организации. Просто стали открывать архивы, в том числе и региональные, и реальная картина по самым острым проблемам сталинской эпохи стала приобретать реальные очертания. Стало невозможно кричать глупости и зарабатывать на этом политические дивиденды. Посмотрите сборник последней конференции «Мемориала», к изданию которого имели отношения ряд историков нашего факультета [6]. Восемьдесят процентов публикаций основаны на архивных документах. Справедливости ради, отмечу, что эта конференция проходила сложно и «глупости кричали» как «антисталинисты», так и «сторонники вождя». С этой бедой можно бороться только открытием архивов.

Ещё одна важная проблема, которую высветила тема Катыни. Это выявление подлинности документа. Тут уже традиционных методов не достаточно. В век интернета колоссально возрос не только поток информации, но и поток дезинформации. Если раньше исследователь мог проследить, где возникла информация (документ), какие структуры она прошла прежде чем достигла получателя, какие дополнения и изменения на каждом этапе попали в информацию (документ), то теперь, в ряде случаев, это сделать сложно. Поскольку увеличивается как поток информации, так и скорость его прохождения. Ввиду того, что многие документы существуют только в

электронном виде [7], в них постфактум могут быть внесены изменения или вообще они могут быть просто уничтожены одним нажатием клавиши компьютера. Это создаёт реальную проблему для исследователей-историков. Ситуация усугубляется тем, что транснациональные факторы сейчас активно приватизируют сферу образования, формируют повестку дня её развития исходя из своих интересов. А обучение квалифицированных историков, которые могли бы решить возникающие проблемы, в перечне этих интересов не значатся. Наоборот, создаваемая система будет иметь спрос на прикладников, специалистов инструментального подхода, которые в состоянии через создание позитивных мифов увеличить прибыли, например, туристической сферы. Или технологов, которые будут создавать нации с заданными параметрами исторической памяти. Причём в условиях конфронтации, неизбежна политизация исторической науки и как следствие «война за память». Конечно, как и в прошлые времена останутся «лакуны чистой науки» – археология, древняя и средневековая история. Но, пример Украины, демонстрирует, что эти «лакуны чистой науки» будут сокращаться, вытесненные «древними украми», или чем-то подобным.

Примечания

1. Выступление депутата В.И. Илюхина в Государственной Думе РФ 26 ноября 2010 года // http://www.youtube.com/watch?v=ioGKy2QgRIs (дата обращения 14.07.2015).

2. Экспертно-криминалистическая лаборатория Э.П. Молокова. Заключение специалиста № 016/07-11 от 31 марта 2009 года // http:// katyn.ru /index.php?go=Pages&in=view&id=946 (дата обращения 14.07.2015).

3. Письмо Народного комиссара Внутренних дел в ЦК ВКП (б) № 794/б от 5 марта 1940 года// Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 17 оп. 166 дело 621 лист 132. Эл. вариант документа представлен на http: //katyn. ru/index. php?go= Pages&in =view&id=6 (дата обращения 15.07.2015).

4. Экспертно-криминалистическая лаборатория Э.П. Молокова. Заключение специалиста № 016/07-11 от 31 марта 2009 года // http:// katyn. ru/index. php?go=Pages&in=view&id=946 (дата обращения 14.07.2015).

5. Экспертиза машинописных шрифтов "письма Берии №794/Б"Среда, 28 апреля 2010//http://katyn.ru/index.php?go=News&in=view&id=195 (дата обращения 10.06.2015).

6. Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953 – 2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Международной конференции. В 2-х частях. Краснодар 2013. 832 с.

7. Европейский суд по правам человека. Вторая секция. «Яновец и другие против Российской Федерации (жалобы N 55508/07 и 29529/09). Постановление. Страсбург. 21 октября 2013 года // Документ предоставлен системой «Консультант Плюс» (Дата скачивания 10.07.2015).

8. Например, почти все приказы по бомбардировке Косова были электронными.

А.Л. Факторович (г. Краснодар, Российская Федерация)

ПОЛЯК И РОССИЯНИН: АМБИВАЛЕНТНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ В МЕДИЙНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Взаимная соотнесенность этнических образов вообще и корреляция стереотипов «поляк-россиянин», в частности, отличаются значительной динамикой. Это парадоксально повышает систему их объяснительных возможностей. Неоднозначность, сопутствующая междисциплинарной востребованности корреляции «россиянин-поляк», побуждает привлечь для характеристики понятие амбивалентности.общепознавательный потенциал понятия амбивалентной ситуации, амбивалентной личности во второй половине 2000-х гг. показан профессором Н.С. Котовой в серии трудов с опорой на концепции Э. Блейлера и И. Михеевой: «это такой тип ситуации, языковой личности, поведения и т.п., для которого определяющим является совмещение взаимоисключающих характеристик» [1].

Задача предлагаемого материала – выявить элемент амбивалентности в медийном представлении корреляции образов «поляк-россиянин». Рассматриваются два аспекта в решении поставленной

задачи: во-первых, отмечаются ее предпосылки; во-вторых, характеризуются проявления амбивалентности. В качестве эмпирической основы избран представительный медийный феномен – журнал «Новая Польша», ряд номеров которого реализуется на двух и более языках. Сплошной выборкой извлечено 500 показательных контекстов за период 2010–2015 гг. Репрезентативность этого журнала усиливается его особой емкостью: это единственный подобный журнал, в котором регулярно находят глубокое отражение контент иных СМИ: особенно в рубриках типа «Хроника текущих событий».

Обратимся к первому аспекту – предпосылкам опоры на амбивалентность. Наиболее актуальны три из них, глубинно связанные меж собой. Первая – целесообразность упорядочить и при необходимости преодолеть неоправданную категориальную центробежность, ощущаемая в поле различных сфер знания и исследуемых объектных пространств. Эта центробежность ослабляет не только систему генерализаций, но и их акциональную перспективу, так «…превращение прошлого Древней Руси в мозаику воюющих между собой национальных историй оказывает плохую услугу братским славянским народам» [2]. В полонистике, например, в науке об истории Польши, в этом плане привлекает внимание корреляция МЫ-ОНИ аспекте взаимного отражения, «тесное переплетение судьбы поляков с судьбами их восточных соседей» [3]. Неоправданная концептуальная центробежность требует преодоления, особенно в условиях, когда общий уровень толерантности снизился [4]. И не случайно его намечают всё разнообразнее: от общих положений об амбивалентности – до анализа различных видов идентичности, включая этническую [5]. Причем эта установка сложно взаимодействует с необходимой цетробежностью как моментом познавательной динамики – см. характерный заголовок «Лукасевич против Лукасевича, откликающийся в труде польского ученого на «противоречивость учения Аристотеля о противоречии» [6].

Вторая предпосылка обращения к понятию амбивалентности – тенденции развития СМИ и медиаведения. Исследователи справед-

ливо подчеркивают, что медийное представление острой проблематики, значимых категоризаций может способствовать решению задач отдельных наук [7]. Причем опора на амбивалентность при этом обладает определенным эффектом [8].

Третья предпосылка привлечения амбивалентности для анализа медийного представления избранных образов – ее актуальность для рассматриваемого издания. Самое понятие оказывается одним из ключевых для содержательной модели журнала НП, оно представлено в разнообразных материалах. Например: «-И так я научилась принимать **амбивалентность.**

-Принимать **амбивалентность?**

-Жить с ощущением, что неизвестно, кто прав. …Это действительно были два мира, которые друг в друга проникали. Они до сих пор переплетаются. … И вот так для меня выглядит мир» [9]. Показательно, что материал одновременно вышел и в разных версиях Newsweek на нескольких языках, включая русский, польский, английский.

В нижеследующем материале «самоосуждение» представлено как итог творческой судьбы культового писателя, сценариста, мыслителя: «Уже 20 лет, с 1995 г., когда вышел «Памфлет на себя», Тадеуш Конвицкий не опубликовал ни одной новой книги».

Регулярность таких контекстов определяется в связи с неким «самоедством», входящим в структуру этнического образа. Причем как образа «поляк», так и образа «россиянин».

Таким образом, обобщающая сила понятия амбивалентности распространяет его на разнообразные сферы в контенте издания и дает возможность применить и к корреляциям этнических образов.

Отметив первый аспект решаемой задачи, т.е. предпосылки привлечения феномена амбивалентности, перейдем к ранее обозначенному второму. А именно – к характеристике проявлений амбивалентности при медийном представлении корреляции образов «поляк-россиянин».

Наиболее показательны четыре группы проявлений; они отличаются вектором амбивалентности – отчасти условно.

Во-первых, сталкиваются позитив и негатив во взаимном восприятии. Это амбивалентное притяжение представлено в исторической преемственности. Приведем показательный пример: «Для современного поляка русские – это люди, вывезшие полтора миллиона польских граждан на восток. …Действует на наше воображение образ россиянина из «Дзядов» Мицкевича, из «Смотра войска»…. Но присутствует ли в нашем сознании другой аспект Мицкевича - «друга москалей»? ... Каждый, кто хотя бы пару лет провел в России, читая это стихотворение, представляет лица своих друзей, свои собственные прекрасные воспоминания о России и русских. …Норвид, враг «патриотического пуританства», восстает против однозначных оценок, он непреклонен ко всякому, кто поддается влиянию стереотипов…» [10]. Причем в столкновении, в обобщении полюсов журнал, как правило, акцентирует нарастание позитива.

Во-вторых, соотнесенность поляков и россиян может репрезентироваться со стороны – причем в плане взаимного признания значимости. В следующем контексте материала яркого французского публициста своеобразная обратимость этнических образов, с обобщением линии притяжения и отталкивания; представление амбивалентности оборачивается призывом к диалогу: «Путин…разрешил российскому телевидению показать фильм Анджея Вайды «Катынь»… Есть вся Россия, ее великая культура, великая история и великий народ. Надо уметь с ним разговаривать. Без гонора и претензий. И поляки могут сделать это лучше всех» [11].

Значимость такой репрезентации подчеркивается размещением материала – на открытии номера, в самом его начале. А высокий вес смысловой доминанты – ее в сильной финальной позиции в тексте. Такой разноуровневый кольцевой охват уравновешивает амбивалентное притяжение, обеспечивая системность его медийной подачи.

А следующий после данного текста и тесно с ним связанный материал, принадлежащий культовому поляку, являет иную, третью установку в представлении амбивалентности. В нем акцентируется

взаимосвязанное обновление обоих этнических образов: «Путин прибыл в Польшу и сказал правду… он стал первым руководителем России , который на катынском кладбище овздал должное расстрелянным офицерам…Такую Россию мы уважаем и восхищаемся ею, с такой Россией мы разговариваем как с другом, без наглости и комплексов» [12].

Четвертая группа исследуемых проявлений корреляции «поляк-россиянин» лежит в несколько иной плоскости – соотношением меньшинств и основного населения. Амбивалентным притяжением представлены отношения на материале недавнего прошлого – как в статье А.Р. Сулавки «Русское меньшинство в ПНР» [13]. Данное проявление регулярно представлено в номерах журнала как гармонизация этнических контрастов. «Встреча двух айсбергов», по известному выражению этнолога и социолога Р. Уивера, репрезентируется динамикой сближения полюсов [14].

Как показал материал, в медийном представлении корреляции «поляк-россяинин» амбивалентность раскрывается как единство отторжения и в ряде случаев его преодоление. Причем она охватывает разнообразные объектно-проблемные области: от культуры до спорта, права, политики. Специфика представления может в дальнейшем быть прослежена на материале иных корреляций («поляк-француз», «россиянин-немец» и проч., с уточнением смысловой структуры понятия «стереотип»). А на этой основе возможно наметить более обобщенные характеристики в корреляциях стереотипов. Так сфера полонистики (в широком смысле термина) подтвердит органическую вечно свежую способность - выступать пространством испытания новых познавательных установок. Это испытание независимо от условных дат «Год Польши…» и в то же время ими укрепляется.

Примечания

1. *Котова Н.С.* Представление амбивалентной языковой личности в лексической и грамматической подсистемах русского языка. Ростов н/Д: ЮФУ; СКНЦ ВШ, 2008. С.7–8; *Факторович А.Л.* Амбивалентная языковая лич-

ность: специфика представления в медийном дискурсе // Человек и его дискурс. М.; Волгоград: РАН: ВГСПУ, 2014. С.92–97.

2. *Матвеев О.В.* «Дорискаше до кур Тмутороканя…»: северокавказский вояж Всеслава Полоцкого в современных интерпретациях литературы и эпоса Древней Руси // Значение славянской письменности и культуры в укреплении российской государственности и межцивилизационного диалога. Майкоп: АРИГИ, 2013. С. 91; *Зекрист Р.И.* Детерминированный хаос – параметр порядка культуры будущего (бивалентность кризиса) // Вестник МГУ. Сер.7: Философия. 2011. № 4.С.81–88.

3. *Дыбковская А. и др.* История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава; М.: ПВН, 1998. С. ХШ.

4. *Акулова А.А. и др.* Толерантность и культура межнационального общения. Краснодар: Просвещение-Юг,2014. С.216; *Coverdale-Jones T.* The importance of intercultural learning // Essays on Language and Translation: from textual analysis to pedagogical application. Krasnodar; Portsmouth: KubSU; University of Portsmouth, 2008. P. 78.

5. *БентемЙ. ван*. Логика и рассуждение: много ли значат факты? // Вопр. философии. 2011. № 12.С.63-76; *Бентем Й. ван*. Логика и рассуждение: много ли значат факты? // Вопросы философии (ВФ). 2011. № 12.С.63-76; *Кожинов В.В.* Литература, литературоведение, эстетика. О трудах М.М. Бахтина // *Кожинов В.В.* Статьи о литературе. М.: ИМЛИ, 2008. С.10; *Кресова Н.А*. Негативный “другой“ в блогах русских эмигрантов: к вопросу о формировании идентичности в дискурсе // Социс. 2015. № 6.С.116–125; *Ойзерман Т.И.* Амбивалентность философии. М.: Канон+,2011.С.54–55; *Труфанова Е.О.* Идентичность и *Я* // ВФ. 2008. № 6.С.95–105.

6. *Карпенко А.С.* Вступ. статья: Ян Лукасевич против Яна Лукасевича // Лукасевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. М.; СПб.: ЦГИ, 2012. С.19–50.

7. *Лактионов Д.О.* СМИ и ценностные установки общества // СМИ как фактор трансформации российской культуры. СПб.: СПбГУП, 2010.С. 95.

8. *Черкасова М.Н.* Амбивалентность как свойство конфликтогенного дискурса: лингвостилистическая характеристика медиатекста // Журналистика в 2007 г.: СМИ в условиях глобальной трансформации социальной среды. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2008. С. 398–399.

9. *Квасьневский Т.* Дочь диктатора: Интервью с Моникой Ярузельской // Новая Польша (НП). 2013.№ 7-8 (154). С. 37.

10. *Чапский Ю*. Национальность или исключительность? // НП. 2015. № 1. С.4-5.

11. Последняя фраза текста: *Герра Р*. Поляки, отважьтесь помочь России! // НП. 2015. № 3. С. 4.

12. *Михник А*. Французы, еще одно усилие // НП. 2015. № 3. С. 5–6.

13. *Сулавка А.Р.* Русское меньшинство в ПНР // НП. 2015.№ 1. С.39-44.

14. *Зекрист Р.И.* Указ.соч.; *Разеев Д.Н.* Ложные воспоминания и тождество личности // ВФ. 2015. № 1. С.45–50; *Разлогов К.Э.* Метаморфозы идентичности // ВФ. 2015.№ 7.С.28-40.

РАЗДЕЛ II. НАРОДЫ РОССИИ И ПОЛЬШИ В ГЛАЗАХ ДРУГ ДРУГА. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И ИХ СОСЕДЕЙ

С.Н. Шаповалов (г. Краснодар, Российская Федерация)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.: УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В истории взаимоотношений Российской Федерации и Республики Польша были и остаются точки соприкосновения и камни преткновения. В настоящее время отношения двух стран омрачаются взаимными санкциями, позицией ЕС и США по возвращению в состав Российской Федерации Крымского полуострова, размещением на польской территории баз НАТО, недоверием и недопониманием из-за ситуации на юго-востоке Украины.

Но абстрагируясь от современной внешнеполитической ситуации, необходимо отметить, что в истории взаимоотношений двух стран были периоды не только конфронтации и взаимного недоверия, но и добрососедских отношений. Временами существовали вполне реальные предпосылки для установления прочных союзных связей и, возможно, даже объединения двух государств по средствам брачных уз или избрания на престол. Анализу этих потенций посвящен представленный доклад.

К середине XVI в. Российское (Московское) и Польское государства находились в диаметрально противоположных состояниях. Государство, созданное династией Даниловичей, переживало внутриполитический и внешнеполитический подъем. Молодой царь совместно с талантливыми соратниками и советниками, составлявшими Избранную Раду, совершал смелые внешние предприятия вкупе с широкими и хорошо обдуманными планами внутренних преобразований [1].

Внутренняя устроенность позволила успешно решать насущные внешнеполитические задачи. Началось территориальное приращение за счет плодородных и богатых земель Поволжья, Урала и Сибири. Был обращен взор на южные и северо-западные земли. Достигнутые во внутренней и внешней политике успехи позволили Российскому государству встать на путь дальнейшей централизации страны и абсолютизации власти правителя.

В отличие от своего восточного соседа, а также других западных и восточноевропейских стран, Польское государство в середине XVI в. не превращалось в централизованное и абсолютистское государство. Она оставалось сеймовой монархией со слабой королевской властью во главе, прерогативы которой все более ограничивались в угоду магнатам и шляхте.

Во многом это было обусловлено особенностями политического развития государства. Оформившаяся в начале XVI в. сословная монархия ни в какой степени не способствовала политическому сплочению государства, а, наоборот, укрепляла в нем центробежные тенденции [2]. В государстве, которое все более превращалось в республику «шляхетской нации», ослабевало чувство общей ответственности за его судьбу [3].

Сказанное выше отнюдь не означает, что Польское государство было слабее своих соседей. Речь идет лишь о том, что оно двигалось по собственному пути развития, который был отличен от других. Посему у соседей Польского государства появлялись возможности вмешиваться во внутренние дела королевства. Эти вмешательства осуществлялись как по собственной инициативе, так и по приглашению польской стороны.

В рассматриваемый период отношения Польского королевства и Российского государства были обострены из-за претензий русских правителей на земли Великого княжества Литовского и Ливонии. Но даже в этой ситуации оставались альтернативные пути развития отношений между двумя странами.

Одним из них было породнение польской династии Ягеллонов с московскими Рюриковичами. Оно стало возможным после того как

в 1560 г. царь Иван IV лишился своей супруги Анастасии Романовны. Траур царя длился не долго. По совету своих бояр, духовных лиц и прочих приближенных государь начал поиск себе невесты. Выбор пал на польских принцесс, сестер короля Сигизмунда II Августа.

Посольство во главе с окольничим Федором Сукиным было отправлено в Вильно, где находился польский король 18 августа 1560 г. [4]. Его официальной целью являлись переговоры о заключении мира. Вопрос о сватовстве должен был обсуждаться тайно с ближними советниками короля. Послы получили четкие инструкции относительно выбора невесты для царя. Им надлежало выбрать либо старшую королевскую сестру Анну, либо младшую Екатерину, смотря по их красоте, здоровью и дородству [5]. Царю Ивану IV также был важен рост и возраст невесты. Она должна была быть не старше 25 лет [6]. Послы остановились на младшей принцессе – Екатерине Ягеллон.

Подробности переговоров русских послов с польской стороной сообщались в грамоте к царю, отправленной из Литвы 27 октября 1560 г. В ней подробно описывались препятствия, мешавшие сторонам заключить брачное соглашение. Одним из них являлась война в Ливонии. Польская сторона настаивала на скорейшем заключении мира. Лишь после этого соглашалась вести переговоры о сватовстве. Кроме того, Сигизмунд II Август объявил, что на брак нужно согласие императора, князя Брауншвейгского и короля венгерского – покровителей и родственников польских принцесс. Обязательным условием также было сохранение Екатериной римской веры. Послам не разрешили представиться принцессе лично, но дозволили видеть ее возле костела. Им также вручили портреты обеих сестер [7].

6 февраля 1561 г. в Москву прибыло ответное литовское посольство во главе с Яном Шимковым и Яном Гайкой [8]. Они вели переговоры о прекращении военных действий в Лифляндии. Послы напоминали о Великом Новгороде, Пскове, Смоленске, Северской земле и Ливонии. Только после этого они соглашались обсуждать

сватовство. Москва отстаивала свои права на приобретенные земли и Ливонию. Литовские послы не соглашались с этим. Претензии Польши и Литвы не были приняты. Царь перестал думать о польской принцессе, намереваясь в свое время отомстить соседу за свое неудачное сватовство [9].

Стремление русского царя к браку с польской принцессой диктовалось не только соображениями личного престижа, но и трезвым политическим расчетом. Московским дипломатам было известно, что у короля Сигизмунда II Августа не было наследников. После его кончины магнаты и шляхта вполне могли выбрать следующим королем сына одной из сестер Сигизмунда II Августа. В связи с этим, потенциальные дети Ивана IV и польской принцессы становились реальными претендентами на польской престол. Успешное завершение брачных переговоров могло также привести к дипломатической победе в Ливонской войне.

Все эти соображения прекрасно понимали и в Польше. Король Сигизмунд II Август, уверенный в необходимости войны за Ливонию, считал бесполезным свойство с русским царем. В противном случае он лишался всякой возможности вернуть земли в Ливонии, завоеванные русским войском. Кроме того, в Польше помнили, что свойство великого князя Ивана III с великим литовским князем Александром, не помешало тестю открыть военные действия и отвоевать у последнего значительные земли.

Неудачное сватовство царя Ивана IV не привело к разрыву дипломатических сношений с Польшей и Литвой (с 1569 г. с Речью Посполитой). Постоянным заботами двух государств оставались взаимные территориальные претензии, а также продолжавшаяся Ливонская война. Переговоры о мире или перемирии обычно заходили в тупик из-за серьезных территориальных споров. Польская сторона попробовала сделать московского царя более уступчивым, поманив его польской короной. Находившееся в Москве посольство во главе с Яном Скратошиным 10 июня 1570 г. сообщило о решении польской и литовской рады пригласить после смерти бездетного короля русского царя либо его детей [10].

По всей видимости, сообщение польских послов было рассчитано на смягчение территориальных претензий Москвы. На эту мысль наводят следующие факты. Во-первых, далее в своей речи послы вновь говорили о спорных землях и заключении перемирия или мира. Во-вторых, посольство к моменту разговора о желании видеть Ивана IV или его сыновей на польском троне находилось в Москве уже более трех месяцев, не заговаривая об этом. Русский царь ответил, что у него и так большое государство и ему незачем хотеть еще польское. Однако с этого времени идея объединения Речи Посполитой и Русского государства стала обсуждаться во время посольских переговоров, а также при дворах.

Отправленное в январе 1571 г. к польскому королю посольство во главе с князем Иваном Канберовым и князем Григорием Мещерским также доносило о желании литовской и польской рады видеть в качестве своего государя московского царя или его сына. По словам русских послов, полякам и литовцам импонировало, что царь Иван IV может не только оборонять свою землю, но и «чинить себе прибавление». В Речи Посполитой надеялись получить из Москвы помощь против султана Османской империи. Для этого московский государь должен был жениться на сестре польского короля, а королевство Польское и Великой княжество Литовское получил бы сын Ивана IV. Но этому плану не суждено было сбыться. Один из советников короля предложил на польский престол венгерского королевича Януша [11].

Несмотря на неудачу, в Москве стали пристальнее следить за новостями из Речи Посполитой, выжидая удобного момента. Польский престол для династии Рюриковичей превратился в лакомый кусок. Мечты о нем стали более реальными через год. В 1572 г. умер польский король Сигизмунд II Август, и в Речи Посполитой наступил период бескоролевья.

Московская дипломатия пыталась повлиять на ход избирательной борьбы. Часть шляхты выступила за избрание на польский престол царя Ивана IV. Она рассчитывала, что его избрание поможет ей в соперничестве с всевластными магнатами. Литовская знать же-

лала видеть на королевстве не самого Ивана IV, а его сына Федора. Она надеялась, что царь пойдет на территориальные уступки и вернет Литве Полоцк и Смоленск, что приведет к длительному миру на литовской границе. Но самодержец отклонил предложения литовских послов. «Королевство мне не новина, – заявил он послам. – Сын мой молод и государство ему справить не мочно» [12].

Как отмечает Р.Г. Скрынников, при избрании на польский престол, «Московский государь столкнулся с неразрешимым противоречием. Он домогался присоединения польской короны, но не желал быть «выборным» королем… вел дело крайне неудачно, терял время, пытался диктовать шляхетству свои условия» [13].

Медлительность и неуступчивость московского царя свели его шансы на польский трон к нулю. Момент для успешного окончания Ливонской войны, а также пограничных споров оказался упущенным. Главными претендентами на польскую корону выступили австрийские Габсбурги и французские Валуа. На избирательном сейме победу одержал принц Генрих Анжуйский.

Но новый правитель недолго оставался на польском троне. В июне 1574 г. он тайно покинул Краков и бежал в Париж. Речи Посполитой вновь предстояли выборы короля. Сторонники московского царя из числа шляхты прислали в Москву посланца Кшиштофа Граевского. Самодержец должен был смягчить свою позицию по поводу принципа выборности монарха сословиями. Он согласился с тем, что шляхта будет свободно выбирать короля, но, во-первых, в выборах будет участвовать не только польское и литовское, но и русское дворянство. Во-вторых, сословия должны были «свободно и единодушно» избрать на трон одного из наследников царя. Царь предполагал объединить Россию, Польшу и Литву в единое государство [14].

Весной 1575 г. съезд шляхты приступил к обсуждению вопроса об избрании короля. Ее голоса разделились. Сторонники царя тайно виделись с русским гонцом Елчаниновым. Они пытались подсказать царю, как надо ему действовать, чтобы получить корону. Елчанинов получил от них образец послания, с которым Ивану

IVнадлежало обратиться к рыцарству. Царь отказался внять совету своих сторонников в Речи Посполитой и не спешил направить на сейм великих послов. В результате магнаты поддержали кандидатуру императора Максимилиана II, шляхта – Стефана Батория, Семиградского воеводу [15].

После непродолжительной борьбы последний одержал победу. Очередной шанс уладить русско-польско-литовские отношения был упущен. Предполагаемый христианский союз славянских народов против Османской империи и Крымского ханства вновь не был реализован. В лице короля Стефана Батория Москва получила сильного и опытного в дипломатическом и военном отношении противника. Последствия неудачной выборной кампании для Москвы сказались быстро. Речь Посполитая начала вторжение в русские части Ливонии, а также на территорию Российского государства. Царь был вынужден заключить Ям-Запольский мир, потеряв свои завоевания в Ливонии. Таким образом, политическая недальновидность московского царя привела к тому, что Речь Посполитая не только оправилась от ранее понесенных поражений, но и смогла вытеснить Москву из Ливонии.

Последняя возможность улучшить взаимоотношения между двумя странами, а, возможно, и соединить их под одной короною выпала на время правления царя Федора. В декабре 1586 г. умер польский король Стефан Баторий. В следующем году началось избрание нового короля. Московское правительство во главе с Борисом Годуновым увидело возможность посадить на польско-литовский престол царя Федора.

В 1587 г. в Речь Посполитую были отправлены послы Степан Годунов и князь Федор Троекуров, с думным дьяком Василием Щелкаловым. Они повезли очень заманчивые предложения. Русский царь обещал защищать польско-литовские владения московскими силами, строить за свой счет крепости, отвоевать у шведов и отдать Речи Посполитой Эстонию, обязывался заплатить на 100 000 червонцев долги Стефана Батория ратным людям, предоставить

свободную торговлю польско-литовским людям в Московском государстве и прочее [16].

Предложения Москвы понравились избирателям, но для подкупа остальных участников сейма были необходимы деньги. У послов их не было. Несмотря на это, на сейме большинство избирателей заявило себя на стороне московского царя. Из них выбрали 15 человек депутатов для переговоров с послами. Депутаты предложили, чтобы царь приступил к соединению с римскою церковью, прибыл в Варшаву через десять недель, венчался от гнезненского епископа, писал в своем титуле Польское королевство выше Московского государства. Послы отказались, но уверяли, что царь не будет вмешиваться в дела римско-католической церкви [17].

Главное препятствие к выбору царя Федора заключалось в денежном вопросе. Польские паны говорили, что нужны деньги, чтобы подкрепить царскую сторону на сейме. Послам негде было достать денег. Тогда на сейме одна польская партия выбрала Максимилиана Габсбурга, другая – Сигизмунда Вазу. Литовцы не пристали ни к той, ни к другой.

Борис Годунов отправил литовским панам дары на 20 000 рублей, обещая дать еще деньгами 70 000. Но уже было поздно. Поляки успели договориться с литовцами и склонить их на сторону Сигизмунда. Избрание завершилось в пользу последнего, коронованного 16 декабря 1587 г. Московские послы успели лишь только в том, что заключили перемирие на 15 лет [18]. Таким образом, последняя представившаяся во второй половине XVI в. возможность была упущена московским правительством. Будучи свидетелями нескольких выборных кампаний в Речи Посполитой московские послы и правители так н не научились правильно вести себя на сейме. Медлительность и пустые обещания отталкивали сторонников объединения как в Польше, так и в Литве. Вместо консолидации сил крупнейших славянских держав против общих врагов, происходили постоянные взаимные распри, которые подрывали их могущество. Этим успешно пользовались соседи.

Сложно однозначно ответить на вопрос, могло ли произойти реальное объединение двух столь разных государств: сословной монархии и самодержавия, римско-католической веры и православия, свободы воли и полного подчинения? Но точно можно ответить, что предпосылки для этого имелись. Пример православной и частично языческой Литвы, соединенной с католической Польшей говорит сам за себя.

Примечания

1. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М., 2011. С. 355.

2. История средних веков [Текст]: [Учеб. для ист. фак. пед. ин-тов / *М.Л. Абрамсон, А.А. Кириллова, Н.Ф. Колесницкий; ред. Н.Ф. Колесницкий*. М., 1986. С. 524-525.

3. *Тымовский Михал, Кеневич Ян, Хольцер Ежи* История Польши / Пер. с польск. М., 2004. С. 158.

4. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским Т. III (1560–1571 гг.) // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71. С. 1.

5 *Карамзин Н.М.* История государства Российского Полное издание в одном томе. М., 2009. С. 824.

6. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. С. 9.

7. Там же. С. 20.

8. Там же. С. 23.

9. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Полное издание в одном томе. М., 2010. С. 290.

10. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским.С. 676.

11. Там же. С. 802.

12. *Скрынников Р.Г.* Василий III. Иван Грозный. М., 2008. С. 514.

13. Там же.

14. Там же. С. 517.

15. Там же. С. 518.

16. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Полное издание в одном томе. М., 2010. С. 361.

17. Там же.

18. Там же. С. 362.

А.П. Пашинин (г. Саратов, Российская Федерация)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ЧЕХИИ В СЕРЕДИНЕ XV в.

Середина XIV в. стала сложным временем для Чешского королевства. Гуситские войны, слабость королевской власти привели к усилению позиций чешской шляхты. Фактически, политическая власть в стране принадлежала отдельным дворянским группировкам, главную роль в которых играли наиболее могущественные и влиятельные паны. В социальной структуре чешского общества панство представляло собой наиболее привилегированный слой. В чешской феодальной иерархии пан стоял ниже лишь короля, герцога и маркграфа. Паны в первую очередь являлись предводителями феодальных ополчений, которые составляли основную часть королевского войска. Будущее Чехии определялось в борьбе объединениями шляхты. Не претендуя на всеохватывающее освещение данной проблемы, мы рассмотрим первый этап противостояния союзов шляхты в середине XV в.

В последней трети XX в. Я. Боубин впервые обратился к исследованию такого важного явления чешской истории, как панские союзы конца XIV – начала XVIвв. Он определяет панский союз как организованную политическую группировку, созданную представителями высших слоев шляхты при активной поддержке других социальных групп чешских феодалов с целью обеспечить осуществление своих политических, экономических, а в случае необходимости – и религиозных требований[1]. Возникновение панских союзов он связывает с отмиранием отживших свой век форм организации шляхты, ослаблением родственных связей. Изучая социальный состав панских союзов, Боубин приходит к выводу об их надсословном характере.

Союз 1434 г. получил обстоятельное освещение в монографии П. Чорнея [2]. Автором работы были выявлены основные вехи процесса складывания этого союза, участие в нем наиболее влиятель-

ных панов, особенности его организации. П. Чорней обстоятельно анализирует социальный состав союза и динамику его численности.

Проблематика объединений шляхты в XV в. рассматривается и в монографии Иржи Юрока [3]. Юрок проанализировал политическую и экономическую историю наиболее крупных шляхетских родов и их участие в политической жизни королевства.

Еще в начале гуситских войн необходимость организации вооруженной борьбы против гуситов в условиях отсутствия централизованной королевской власти вызвали к жизни своеобразную форму военно-политического сплочения шляхты – так называемые ландфриды. Ландфриды создавались по территориальному принципу, как объединение шляхты определенного края. Первые ландфриды были созданы летом 1420 г. после указа короля Сигизмунда, по которому шляхте разрешалось создавать объединения против гуситов [4]. Наибольшей активностью в борьбе против гуситов отличался Плзеньский ландфрид.

В 1440 г. был принят указ, согласно которому местная власть в Чехии передавалась ландфридам. После указа 1440 г. панство и рыцарство в большинстве краев Чехии создали такие ландфриды. Главой ландфрида был гетман, который был наделен значительными полномочиями. В частности, ему подчинялись войска края, и именно гетман был судьей в спорах между шляхтой края. Каждый гетман имел в подчинении несколько шляхтичей, выступавших от его имени.

Как указывалось, главной целью создания ландфридов было предупреждение междоусобных войн между шляхтой, однако в условиях слабости королевской власти, ландфриды стали заменять собой центральное земское правительство.

Гетманами Пражского края стали пан Менгарт из Градца, наивысший бургграф пражский, и пан Януш Коловрат. Пан Иржи из Кунштата был избран гетманом градецкого края, пан Ольдржих из Рожмберка – бехинского, пан Вацлав из Михаловец – прахенского, пан Гинек из Кумбурга – плзеньского, пан Буриан из Гутштейна

и на Рабштейне – жатецкого, пан Збынек Зайиц – ржипского, пан Михалец – бехинского [5].

Таким образом, все гетманы принадлежали к шляхте, причем к высшей шляхте – панству. Среди гетманов встречаются и католики, и утраквисты (сторонники умеренных гуситов), однако католиков большинство.

Первым ландфридом, созданным после 1440 г. стал союз католической шляхты в главе с паном Ольдржихом из Рожмберка. Кроме него в союз вошли пан Ян Швиговский из Ризмберка, пан Ян из Швамберка, паны из Гутштейна, паны из Коловрат. Вскоре после образования католического ландфрида был создан и союз утраквистской шляхты, в который вошли пан Голицкий, пан Иржи из Вишемберка, пан Ян Займач из Кунштата, Микулаш из Липы. Главой утраквистов стал сын знаменитого гетмана периода гуситских войн пана Викторина Бочека из Подебрад пан Иржи из Подебрад [6].

Таким образом, к 1445 г. в Чехии складываются два враждебных союза – католический и утраквистский. Между ними начинается борьба за господство в королевстве. Территориально владения панов-католиков были сосредоточены в Западной Чехии, кроме пана Ольдржиха из Рожмберка, большая часть панств которого находилась в Южной Чехии. Сложное положение было в Плзеньском крае. Здесь, с одной стороны находились владения панов-католиков, однако гетманом был пан-утраквист Гинек Крушина из Кумбурга. Большая часть утраквистских панств были сосредоточены на востоке королевства. Сильны были позиции утраквистов в Моравии.

Важным представляется вопрос: что было главной причиной поддержки шляхтичами католического или утраквистского союза? Что было основным мотивом присоединения к тому или иному союзу? Можно выделить следующие группы причин – политические, религиозные, военные и соображения личной материальной выгоды. Вполне вероятно, что на принятие решения оказывала и репутация двух лидеров – пана Ольдржиха из Рожмберка и пана Иржи из Подебрад.

В отличие от периода гуситских войн существенно снижается и роль территориальных факторов. Большинство союзов предгуситского времени и периода гуситских войн были территориальными, однако встречаются и союзы, созданные по политическому или религиозному признаку. В 1394 г. паны создали вооруженный союз, с помощью которого они попытались заставить короля Вацлава IV управлять страной, сообразуясь, прежде всего, с интересами панства. Таким был и панский союз, созданный в 1434 г. и направленный против таборитов.

Достаточно сложно оценить численность враждующих сторон. Источники не содержат прямых указаний на этот счет. Однако в нашем распоряжении есть документы, касающиеся участия чешских панов во внутренней войне Австрии в начале 1450-х гг., отдельные намеки на численность встречаются при описании военных столкновений и документах о ландфридах. Кроме того, есть сведения о численности панских отрядов, приведенных на поле битвы при Липанах. Разумеется, эти данные не позволяют говорить о точной численности войск панского союза, однако с их помощью можно определить хотя бы порядок величин. Относительно точные данные есть только по численности войск пана Ольдржиха из Рожмберка. Он мог без ущерба для защиты своих панств выставить в поле 2 тысячи воинов и 40 боевых возов. Думается, что в случае необходимости это число могло быть увеличено. Численность войск остальных католических панов можно оценить примерно в 4-5 тыс чел. Утраквисты располагали меньшими силами.

Сразу после образования союзов начались военные столкновения между католическими панами и утраквистскими. В хрониках того времени под 1446–1448 гг. нередки упоминания о нападениях на города и замки.

Пан из Рожмберка весной 1444 г. осадил и взял штурмом Прахатицы, королевский город. Грабежа в городе не было, и Прахатицы вошли в состав рожмберкских владений. Никаких ответных действий не последовало, что указывает на крайнюю слабость центрального правительства [7].

Пан-католики упрочили свое положение и в Плзеньском крае. В 1445 г отряды панов из Коловрат и пана из Швамберка заняли область, собрали сейм на котором вместо пана Гинека из Кумбурга были избраны гетманами пан Януш из Коловрат, пан из Швамберка и пан Буриан. Таким образом, Плзеньский край перешел под контроль католического союза [8].

Рыцари Вратислав и Геральт осадили и взяли крепость Слуп, затем передали ее пану из Смирницы. Утраквисты в долгу не оставались. Пан Птачек занял город и замок Белков, принадлежавший пану Менхарту. Пан Голицкий взял крепость Йидашку.

Причем некоторые шляхтичи не принадлежали ни к одному из союзов, а просто стремились поправить путем грабежа свои дела или просто свести счеты с недругом. Так некий Свойша (остается открытым вопрос: принадлежал ли он к шляхте) захватил замок Вилштейн, принадлежавший Збынко из Косово, взял там богатую добычу. Неизвестными была сожжена крепость, принадлежавшая пану Птачеку[9].

Интересно, как повели себя в этих условиях некоторые моравские паны. Продолжая «традицию», которую заложили в конце XIV – начале XVв. пан Ян Сокол из Ламберка, пан Сигизмунд Кржижановский, пан Гинек Худой Черт из Кунштата моравские паны Бенеш из Босковца и Пертольд из Липего вторглись с целью грабежа в Австрию, где «много шкод людям учинили». Австрийцы жаловались на их действия, но, как и в начале века, их жалобы остались без ответа.

Если проанализировать боевые действия 1444–1448 гг. можно прийти к выводу что никакого общего плана действий не было. Каждый пан действовал на свой страх и риск. Едва ли не единственным эпизодом, когда паны из одного союза сотрудничали друг с другом, стал захват Плзеньского края. Остальные действия носят хаотический характер. Если в чисто военной сфере паны-католики одерживали верх, то в политической преобладании получили утраквисты. Пан Иржи из Подебрад встречался с королевой Барбарой, вдовой короля Сигизмунда и получил от нее право защищать ее

земли, управлять ее городами. Первое что сделал пан Иржи из Подебрад в качестве чемпиона королевы – заменил коншелов в подконтрольных городах. После этого он не стал разменяться на обмен мелкими уколами с католиками, а собрав своих панов и рыцарей в сентябре 1448 г. занял Прагу. Из числа пражских коншелов были удалены сторонники католической партии [10].

Пан Ольдржих из Рожмберка, как только узнал про захват Праги начал собирать войска. Ему оказали поддержку почти все паны католического союза. Осенью 1448 – весной 1449 г. в центральной Чехии состоялось несколько сражений, победа в которых досталась пану Иржи из Подебрад, пан Ольдржих из Рожмберка вынужден был отступить. Пан Иржи из Подебрад с этого момента фактически стал правителем королевства. Думается, именно успех в противостоянии конца 1440-х гг. позволил ему получить поддержку чешских панов и добиться сначала избрания регентом, а затем и королем.

Примечания

1. *Boubin J.* Vznik pánskych jednot // Mediaevalia Historica Bohemica. Praha, 1991. S. 219-220.
2. *Čornej P.* Lipanska křižovatka. Přičiny, průben a historicky vyznam jedne bitvy. Praha, 1992.
3. *Jurok Jiři*. Česka šlechta a feudalita ve středověku a ranem novověku. Novy Jičin, 2000.
4. Archiv Cesky. Praha, 1844. Dil III. S. 220.
5. Stare letopisy ceske z Vratislavskeho rukopisu. [Электронныйресурс] // Centrum medievistickych studii. URL: http://147.231.53.91/src/index.php?s=v&action=jdi&cat= 20&bookid=582&page=95&action button.x =0& action_button.y=0 (дата обращения 05.09.2015).
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.

Л.О. Самсонова (г. Краснодар, Российская Федерация)

АДАМ ЕЖИ ЧАРТОРЫЙСКИЙ И ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1830–1831 гг.

В данной статье автор предпринял попытку проследить жизненный путь одного из руководителей польского национального восстания 1830–1831 гг. Адама Чарторыйского. На основании биографических и исторических фактов проанализирована эволюция политических взглядов А. Чарторыйского, которая привела последнего из лагеря сторонников российского императора Александра Первого Благословенного (1801–1825 гг.) в стан противников Российской империи при императоре Николае Первом (1825–1855 гг.).

Адам Чарторыйский родился в Варшаве в 1770 г. Мать его, Изабелла Флеминг, была дочерью саксонского дворянина, а отцом являлся знатный магнат А. Чарторыйский, двоюродный брат польского короля Понятовского. Родители Адама были большими патриотами и тяжело переживали зависимость Польши от Российской империи. Своим детям они привили дух независимости и свободы, сделали их широко образованными и по-европейски мыслящими людьми. И Адам, и его брат Константин много путешествовали по Европе, на несколько лет задержались в Великобритании для изучения английского права.

Восстание Т. Костюшко, направленное против русского владычества в Польше, было сигналом для обоих братьев к их истинному предназначению. Отныне независимость Польши стала для них смыслом жизни, но примкнуть к повстанцам им так и не удалось. Более того, за причастность к восстанию богатейшие родительские поместья были арестованы разгневанной Екатериной II и отобраны в пользу российской короны. Правда, затем смягчившаяся императрица, которая всегда была более политиком, нежели простой женщиной, объявила, что вернет конфискованное имущество, если

Адам и его брат прибудут к императорскому двору с «визитом доброй воли» [1].

В 1795 г. Адам приезжает в Петербург, и его романтическая мрачность и экзальтированность вызывают интерес у цесаревича Александра. Воспитанный в духе французских просветителей, Александр не мог не сочувствовать молодому Чарторыйскому, оказавшемуся в чужой стране на положении знатного пленника, его тоске по угнетенной родине. Чарторыйский легко вошел в ближний круг друзей императора, молодые вольнодумцы с чувством обсуждали достоинства английской конституционной монархии перед российским абсолютизмом. Их свободолюбивые беседы не стали тайной для подозрительного императора Павла (1796–1801), которому решительно не нравился польский «заговорщик».

Не имея действительного доказательства «вероломства» Адама, император отправил его в почетную ссылку на остров Сардиния в качестве российского посланника. После гибели Павла I сменивший его Александр, казалось, был полон решимости даровать России свободу и конституцию. Поэтому отозванный им с дипломатической службы Адам в 1801 г. снова возгорелся желанием воплотить в жизнь свои либеральные надежды и устремления[2].

«Негласный комитет» из друзей юности, организованный императором Александром I, был облечен его исключительным доверием и должен был привести российскую монархию в соответствие с европейскими правовыми нормами, так как только просвещенный народ мог по достоинству оценить грядущие преобразования.

В связи с этим, Адам Чарторыйский в 1803 г. назначается попечителем учебного округа в Вильно и всячески способствует развитию в нем культуры и образования [3].

Одновременно Адам служит помощником канцлера М.И. Воронцова, из-за длительной болезни которого Чарторыйскому приходится выполнять все больше поручений государственной важности. Через год Адам становится министром иностранных дел. За два года пребывания на этом посту он постарался сделать все для

свободы родной Польши. Император Александр I в 1805 г. посещает родовой замок Адама Чарторыйского в Пулавах, беседует с его семьей. С его стороны это был жест приязни, не более того, но местные жители понимали это иначе. Патриоты Царства Польского увидели в этом посещении доказательство того, что близок момент осуществления всех доселе несбыточных мечтаний и чаяний.

Дружественные России настроения были сильны как никогда. На императора Александра возлагались большие надежды по урегулированию вечного вопроса о польском суверенитете. Казалось, этот исторический момент совсем близок. Неожиданное поражение русской армии при Аустерлице в 1805 г. снизило накал патриотических страстей и в России, и в Польше.

Поляки в своем большинстве поддержали Наполеона в его войнах против антифранцузской коалиции. Всего в рядах наполеоновской армии храбро сражалось около 80 тысяч польских войск [4]. В «обмен» на это в 1807 г. поляки получили от Наполеона некое государственное образование под названием «Княжество Варшавское» или «Великое герцогство Варшавское», несколько лет просуществовавшее на карте Европы.

Императором французов на этот герцогский престол в Варшаве был посажен Фридрих Август, до недавнего времени саксонский курфюрст, а с того же 1807 г. – король Саксонии (прецеденты такой унии Польши и Саксонии были и ранее, вспомним союзника Петра Великого Августа Сильного).

В начале 1807 г. Адам Чарторыйский вынужден был оставить службу в Министерстве иностранных дел [5]. Правда, император по-прежнему принимал Адама во дворце и с удовольствием выслушивал его советы, но не собирался применять их на практике. Он ясно дал понять, что пылкие диалоги остались в прошлом. Вместо горячего реформатора перед Адамом предстал рассудительный молодой самодержец.

Крайне разочарованный Чарторыйский в 1810 г. навсегда покинул Северную столицу и посвятил себя просветительской работе в Виленском учебном округе, попечителем которого по-прежнему со-

стоял [6]. Тем не менее, переписка между ним и императором продолжалась.

В письмах Александр I выражал свое расположение к Адаму и его близким, вспоминал сентиментальные моменты их знакомства и дружбы и как бы между прочим интересовался, какими средствами можно преодолеть заинтересованность польского общества в победе Наполеона в грядущей войне [7].

Непостоянные соседи, разочаровавшись в российском покровительстве, теперь уже видели своим освободителем французского императора. В рядах Великой армии под знаменами Бонапарта в Русский поход 1812 г. отправился польский корпус под командованием генерала князя Юзефа Понятовского.

Поражение Наполеона Бонапарта привело к последнему разделу Польши и новому изменению границ польских земель. После этого раздела Пруссия сохранила за собой только Великое княжество Познанское и «вольный» город Данциг (современный Гданьск). Некоторые из земель собственно Польши по-прежнему остались за Австрией. Основные же польские земли, включая созданное Наполеоном герцогство Варшавское, достались Российской империи и вошли в ее состав под названием Царства Польского.

Всего было образовано восемь воеводств с польским населением: Августовское, Калишское, Люблинское, Мазовецкое, Плоцкое, Радомское, Сандомирское, и Краковское. Сам древний Краков стал «вольным городом». Столицей образованного царства (его называли и Королевством) Польского стал город Варшава [8].

С новой силой Адам берется за проект создания суверенного Царства Польского. С завидными упорством и дипломатичностью преодолевает он возникшие в 1815 г. на Венском конгрессе разногласия между европейскими державами относительно организации польских территорий. Формальное подчинение России сопровождалось в его планах насчет Польши такими неслыханными свободами, как собственная конституция, выборные сейм и правительство, создание польских вооруженных сил.

Соглашаясь с проектом, Александр был намерен опробовать на территории Польши конституционное правление и добиться благодарности мятежного польского народа.

В мае 1815 г. в ходе Венского конгресса император России Александр I подписал «Основы конституции» Королевства Польского, подготовленные польскими авторами во главе с А. Чарторыйским. Польские земли Российской империи не были пасынками в ее составе. Санкт-Петербург на основе российского законодательства заботился о спокойствии и порядке, материальном благополучии на присоединенных к России территориях. Не забывалось и о народном образовании и культуре в Царстве Польском. В Варшаве были учреждены университет, «две военные академии (юнкерские училища), женский институт, школа земледелия и сельского хозяйства и другие учебные заведения» [9].

Князь Адам Чарторыйский в 1815 г. осуществил свою давнюю идею: соединить Россию и Польшу личной унией. Согласно основному положению конституции Королевства Польского оно навсегда присоединилось к России и связывалось с ней личной унией. То есть Всероссийский император автоматически становился польским королем.

Польская общественность видела в Чарторыйском народного героя, а представители свободомыслящей интеллигенции и аристократии только его считали достойным титула наместника Польши. На деле все обернулось иначе. Это звание получил князь И. Зайончек – бывший активист восстания Т. Костюшко, а потом участник наполеоновских войн, захваченный в плен в ходе войны 1812 г. Получив от императора Александра прощение и титул, Зайончек стал его горячим сторонником и безоговорочно поддерживал все действия российского самодержца [10].

Главнокомандующим польской армией стал наследник-цесаревич Великий Князь Константин Павлович. Полякам с последним очень повезло, поскольку наследник российского престола смог полюбить Польшу и стал много делать для ее процветания,

возможного в тех условиях. Сами поляки говорили о том времени с большим удовлетворением.

Адаму достались титул сенатора-воеводы и членство в административном совете. Чарторыйский был лишен возможности принимать деятельное участие в административной работе новых структур управления Польшей, но по-прежнему пытался вносить какие-то дополнения в постановления и законы, писал многочисленные доклады на имя императора, стремясь занять прежнее положение.

Александр I явно стремился избавиться от Адама, причинявшего своей активностью слишком много неудобств. Чарторыйский никак не хотел «знать свое место» в давно изменившейся иерархии ценностей российского самодержца, объясняя его резкое охлаждение к нему временным неудовольствием и государственными заботами.

Большим ударом стало для Адама расследование по делу Вольного общества филоматов, тайно действовавшего в 1817–1823 гг. на территории подконтрольного ему учебного округа [11]. Разумеется, польское студенчество, интеллигенция и образованные офицеры всегда были склонны к некоторой оппозиции существующему режиму. Связи ряда кружков филоматов с обществами декабристского толка в России придали их деятельности значение антимонархического заговора и чуть ли не государственной измены.

А император Александр I ощутил себя обманутым в лучших чувствах. По словам современников, император был крайне разгневан. Предпринятые по итогам следствия меры уничтожили в умах поляков всякую надежду на свободу под имперским флагом. Более 100 человек были арестованы и подвернуты тюремному заключению, монастырскому заточению или ссылке [12]. Это окончательно подорвало доверие Адама к режиму российского самодержца, при котором внутри мягко пряника всегда был спрятан стальной крючок. Тем более что расследование проводил бывший товарищ по «Негласному комитету», а ныне соперник и недоброжелатель Н.Н. Новосильцев, благодаря интригам которого Чарторыйский и лишился доверия императора Александра.

Итоги расследования были исключительно неблагоприятны лично для Адама. Обвиненный в неблагонадежности, он был вынужден в 1823 г. уйти с поста попечителя учебного округа и отстраниться от всякой общественной деятельности.

До момента нового польского восстания осенью 1830 г. Чарторыйский, по словам современников, не имел былой политической и общественной значимости ни в Польше, ни в России, где его воспринимали как заговорщика и врага империи.

В то же время на родине некоторые считали его потерпевшим крах ставленником императора. Подвергнув себя добровольному «внутреннему изгнанию», Адам практически затворился в родовом имении Пулавы и посвятил свой досуг занятиям искусством, филологическим изысканиям и воспитанию детей.

Еще в 1817 г. Адам женился на 18-летней графине Анне Сапега, принадлежавшей к роду великих гетманов литовских. В браке у него было трое детей.

Чарторыйский после ухода с поста попечителя учебного округа в 1823 г. тяготился вынужденной бездеятельностью. Поэтому весть о начале восстания воспринял как сигнал к долгожданному действию. Уже в самом начале движения Адам Чарторыйский был выбран членом административного совета польского правительства [13]. Новые события вдохнули в его жизнь прежний смысл.

Общественный статус А. Чарторыйского поднялся в ходе восстания, в декабре 1830 г. он стал председателем Временного правительства Польши, а затем в течение 6 месяцев являлся президентом национального правительства [14]. Разногласия в среде патриотов и несогласованность их действий больно ранили самолюбие Адама, так как он считал, что досадные мелочи могут погубить великую идею. Во время восстания 1830–1831 гг. выступал за восстановление Польши в границах 1772 г., но был против наделения крестьян землей и вооружения народных масс, что ослабило позиции повстанцев.

С подавлением восстания, ликвидацией конституции и автономии надежды А. Чарторыйского на свободу Польши угасли оконча-

тельно. Он эмигрировал в Европу и после двухлетних скитаний возглавил парижское крыло партии консерваторов в эмиграции. В доме Чарторыйского было организовано так называемое «Монархическое товарищество 3-го мая», более известное как «Отель Ламбер», который стал центром консервативно-монархического крыла польской эмиграции. Консерваторы считали его будущим королем Царства Польского. Еще более 20 лет «мятежный Адам» поддерживал все антирусские начинания стран Западной Европы, оказывал большую помощь революционным кружкам и движениям освободительного толка. Он предполагал, что поражение России приведет к успеху Польши и ее самостоятельности. Известно, что во время Крымской войны Чарторыйский активно содействовал организации в Турции польских военных частей. Парижский мир, подписанный весной 1856 г., полностью опрокинул его надежду на независимость Польши. А. Чарторыйский навсегда оставил занятия политикой, сохранив только звание президента литературно-исторического общества польских эмигрантов. Скончался Адам Чарторыйский в 1861 г.

Воцарение Николая I перечеркнуло все надежды патриотически настроенных поляков, мечтавших о возрождении польской государственности и связывавших эти надежды с личностью цесаревича Константина Павловича. А. Чарторыйский понял, что Николай I будет претворять в жизнь политику «единой и неделимой России». О каком-то отделении от нее польских территорий не могло быть и речи.

Таким образом, эволюция политических взглядов А. Чарторыйского в отношении Российской империи была связана непосредственно с убеждениями и практическими действиями императоров Александра I Благословенного и Николая I относительно судьбы его родины.

Примечания

1. Адам Ежи Чарторыйский: биография. URL:http://www.people.su/121634.

2. Адам Ежи Чарторыйский.URL:http://www.e-reading.by.

3. Адам Ежи Чарторыйский // Русско-славянский календарь на 2005 год. М., 2005. С. 45.
4. *Крисань М.А.* Адам Ежи Чарторыйский // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С.205.
5. Там же. С. 208.
6. Там же. С.212.
7. Адам Ежи Чарторыйский.URL:http://www.e-reading.by.
8. *Шишов А.В.* Русские генералы фельдмаршалы Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский. М.,2001. С.132.
9. Там же. С.133.
10. Там же. С. 134.
11. Адам Ежи Чарторыйский.URL:http://www.e-reading.by.
12. Адам Ежи Чарторыйский // Русско-славянский календарь на 2005 год. М., 2005. С. 46.
13. *Шишов А.В.* Указ. соч. С.133.
14. Адам Ежи Чарторыйский.URL:http://www.e-reading.by.

В.В. Бондарева (г. Краснодар, Российская Федерация)

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКЗАРХИЙСКОГО ВЕДОМСТВА БОЛГАР В УСЛОВИЯХ ОСМАНСКОГО ГОСПОДСТВА (1870–1876 гг.)

В середине XIX в. Болгария продолжала оставаться под гнетом Османской империи, испытывая наряду с политическим рабством духовное иго со стороны Константинопольской Патриархии, стремившейся в рамках *системы «руммилета»* лишить болгарский народ национального самосознания в целях ассимиляции. В конце 1830-х гг. болгары начали активную борьбу за церковную независимость, завершившуюся 27 февраля 1870 г. изданием *султанского фирмана* об учреждении Болгарского Экзархата[1], согласно которому управление духовно-религиозными делами всецело предоставлялось Болгарской православной церкви. Границы диоцеза Экзархийской церкви, согласно фирману, охватывали практически все болгарские области: Добруджу, Мизию, Фракию и некоторые епар-

хии в Македонии [2]. Старший митрополит, называемый экзархом, должен быть избираем и утверждаем султанским бератом; ему надлежало упоминать в молитвах имя партиарха и получать от него святое миро [3]. Как отметил в 1971 г. преосвященный ректор Софийской духовной академии имени святого Климента Охридского епископ Николай Макариопольский, «учреждение Болгарского Экзархата было первым решительным шагом к достижению церковной, а затем и политической независимости болгарского народа» [4].

Фирман 1870 г., изданный именно тогда, когда «возбуждение умов в Болгарии достигло апогея» [5], вызвал негодование Константинопольской Патриархии. Последняя особенно болезненно отреагировала на его 10 статью, предоставлявшую право обладания епархиями во Фракии и Македонии как греческой, так и болгарской стороне в зависимости от проведенного среди населения плебисцита [6]. Поэтому Патриархия объявила содержание фирмана неканоничным [7]. Подобный шаг, по мнению Святейшего Синода Русской православной церкви, являлся совершенно необоснованным. Поскольку султанский фирман, в сущности, практически полностью соответствовал основным положениям проекта патриарха Григория VI (1867–1871), собиравшегося в конце 1860-х гг. предоставить болгарам церковную самостоятельность [8]. Вопреки противодействию Патриархии, болгарское духовенство приступило к организации экзархийского ведомства. 8–13 марта 1870 г. в Ортакее в согласии с Высокой Портой был избран высший административный орган восстановленной Болгарской церкви – *Временный смешанный экзархийский совет* в составе десяти мирян (Г. Крыстевич, Х. Пенчович, Г. Чалоглу, Н. Минчоглу, С. Чомаков, Х. Стамболский, Х. Тыпчелищев, Д. Гешоглу, С. Камбуров, В. Мишоев) и пяти болгарских владык (Илларион Ловчанский, Паисий Пловдивский, Панарет Пловдивский, Антим Видинский, Илларион Макариопольский) [9]. Основной задачей Временного совета, состав которого был утвержден султанским ираде от 30 марта 1870 г. [10], являлись выработка

проекта устава об управлении Болгарской церковью и выбор первого экзарха.

Важно заметить, что при обсуждении вопросов управления на собрании четко оформились два течения: *«крайних»* и *«умеренных»*, различия во взглядах между которыми, в сущности, сводились к проблеме сменяемости экзарха. «Крайние» во главе с П. Славейковым, настаивая на демократичной форме управления Болгарской православной церкви, предлагали ограничить срок службы экзарха на церковном престоле четырьмя годами. Газета «Македония», печатный орган «крайних», сообщала, что «после того, как болгарский народ избавился от тирании константинопольского патриарха, нельзя допустить, чтобы он вступил на тропу нового деспотизма» [11]. «Умеренные» во главе с Г. Крыстевичем и Иларионом Макариопольским, напротив, считали, что управление экзархийскими делами следует сосредоточить в руках экзарха, срок службы которого должен быть пожизненным. В конечном итоге, победило и было зафиксировано в положениях устава 1871 г. мнение демократов о сменяемости экзарха каждые 4 года, но в дальнейшем утвердилась практика пожизненного избрания экзарха [12].

27 сентября 1870 г. Временный совет завершил выработку проекта устава, после чего отпечатал его в отдельной брошюре. С согласия Порты в епархии был отправлен специальный документ (так называемый «Повод») о выборе представителей в Церковный Собор. После ряда подготовительных собраний в здании Экзархийского дома в Ортакее открылись заседания *I Болгарского Церковно-народного Собора*, длившиеся с 23 февраля по 24 июля 1871 г. [13].Согласно мнению русско-болгарского православного публициста, историка церкви А.Н. Игнатьева (1901–1973 гг.), труды Собора «увенчали дело ряда поколений ведомых и неведомых борцов за свободу и независимость родной Церкви, начиная от святого царя Бориса … и кончая деятелями Болгарского Возрождения во главе с первым болгарским историографом преподобным Паисием Хилендарским» [14]. Собор состоял из 50 депутатов («видных участников национально-освободительного движения» [15]), в том числе 11

священнослужителей и 39 гражданских лиц [16]. Председателем Собора был избран наистарейший архиерей Илларион Ловчанский, секретарем-писарем – молодой юрист М. Балабанов. Всего было проведено 37 заседаний, на 23-ем из которых (14 мая 1871 г.) окончательно был принят и подписан Устав об управлении Болгарской Экзархии. «Устав управления Болгарским Экзархатом» состоял из 134 пунктов, сгруппированных по 3 разделам, которые делились на главы: 1-й раздел устанавливал порядок избрания экзарха, членов Священного Синода и Смешанного совета Экзархата, епархиальных митрополитов, членов епархиальных, уездных (казийских) и общинных (нахийских) смешанных советов, а также приходских священников [17]; 2-й раздел определял права и обязанности центральных и местных органов Экзархата [18]; 3-й раздел был посвящен церковным доходам и расходам и контролю над ними [19]. Высшим законодательным органом Болгарского Экзархата объявлялся Церковно-Народный Собор из представителей духовенства и мирян, созываемый раз в 4 года (пункт 134). Собор рассматривал отчет по всем направлениям деятельности Экзархата, избирал нового экзарха, мог вносить изменения и дополнения в Церковный Устав.

Важно заметить, что в условиях турецкого владычества Собор ставил целью не только «устроение церковной жизни», но и обеспечение «народного блага» болгар [20],то есть удовлетворение их социокультурных потребностей [21]. Помимо ведения чисто духовных дел, Экзархат был обязан заботиться об устройстве школьного дела, об усовершенствовании болгарского языка и болгарской литературы, об издании периодических органов печати и книг научного и нравственного содержания, об учреждении лечебниц и благотворительных организаций для болгарского населения (статья 10 Устава) [22]. Церковный (Экзархийский) Устав, выработанный Собором, расширил юридическую основу новообразованного Экзархата, превратив его, по словам Старозагорского митрополита Панкратия, «в представительство» сформировавшейся к тому времени болгарской нации [23]. По мнению уже упоминаемого нами А.Н. Игнатьева, «по существу Болгарский Экзархат был первым болгарским прави-

тельством, Первый Церковно-народный Собор – первым болгарским парламентом, а выработанный им Устав – первой болгарской конституцией» [24].

В феврале 1872 г., в праздник Сретения Господня, болгарским экзархом был избран Видинский митрополит Антим (Атанас Михайлов), родом из села Татарлий (г. Лозенград), получивший высшее образование в Московской духовной академии [25]. По словам чешского историка К. Иречека, «путешествие Антима из Видина в Константинополь было настоящим триумфальным шествием»; «в Константинополе он имел торжественные аудиенции у великого визиря, который передал ему берат, и у султана, который пожаловал ему два ордена» [26]. Таким образом, кандидатура Антима на пост экзарха была утверждена султанским правительством. 17 марта 1872 г. он прибыл в столицу, приступив к исполнению своих обязанностей.

Греки, крайне раздраженные успехами национально-освободительного движения болгар, начавшегося с борьбы за независимую национальную церковь, в сентябре 1872 г. объявили Болгарскую Экзархию схизматической (раскольнической), обвинив ее в том, что она внесла в православие *«филетизм»* (национализм). Позиция Патриархии не встретила однозначного одобрения в православном мире: Иерусалимский патриарх, присутствовавший на Константинопольском Соборе, посчитал это решение неканоническим; формально не признали схизматического состояния Экзархии Русская, Сербская и Румынская православные церкви [27]. Наложение схизмыне испугало болгар, однако, само по себе это событие являлось тяжелым грузом, висевшим над Болгарской церковью в течение долгих семидесяти трех лет.

Независимо от всех объективных трудностей болгарское церковное ведомство в Турции укреплялось. До 1878 г. Экзархия имела своих митрополитов в трех спорных македонских епархиях – Охриде, Скопье и Велесе. Кроме того, хорошо организованные церковные общины действовали в Битолии, Прилепе, Струмице, Водене, Костуре, Сяре, Солуне, Одрине [28] и других областях, признавших

церковное руководство Экзархата [29]. Всего в пределы болгарского церковного округа накануне освобождения Болгарии входили восемнадцать епархий в области между Дунаем и Стара-Планиной, в Северной Фракии и Македонии. Согласно мнению известной болгарской исследовательницы З. Марковой, анализ статистических сведений о численности православного населения в 18 епархиях Экзархии показывает, что она колебалась между 2 млн. и 2 млн. 400 тыс. человек [30].

Важнейшим направлением деятельности Болгарского Экзархата, которую он развернул в подчиненных ему епархиях, являлось церковное просвещение, содействовавшее дальнейшему развитию самосознания болгарской нации и укреплению ее этнографических границ [31]. Как отмечал К. Иречек, с учреждением национальной церкви в Болгарии школьное дело, состоявшее в Турции исключительно в ведении церкви и общины «быстро пошло по пути прогресса» [32]. Турецкое правительство, обеспокоенное укреплением национального единства болгар, решило воспользоваться схизмой в своих интересах и потребовало изменения формы одежды болгарского духовенства. Интересно заметить, что в болгарской национальной среде у этой идеи имелись свои сторонники, к которым следует отнести, прежде всего, болгарскую чорбаджийскую партию во главе с С. Чомаковым, стремившуюся осуществить национальную болгарскую идею без казавшегося ей опасным российского вмешательства [33]. Экзарх Антим I, напротив, связывавший политические надежды с единоверной Россией, со всей энергией воспротивился осуществлению этого проекта, открыто заявив при этом: «Мы всегда были и будем православными…» [34].

Постепенно в лагере борцов за единую национальную церковь оформились две группировки: *фирманисты*, представлявшие консервативное течение (во главе с экзархом Антимом I), и *антифирманисты* (светская интеллигенция во главе с С. Чомаковым) [35], выступавшие за радикальные средства в развитии деятельности Болгарской церкви и высказывавшие сомнения в личных качествах ее руководящих деятелей. Так, в статье, озаглавленной «С Экзархи-

ей, с первым болгарским экзархом!», П. Славейков писал о появлении перед национальной церковью новых задач, которые владыки должны и обязаны были решать, но не могли, так как имели много слабостей и недостатков, приобретенных ими в наследство от греческих митрополитов. Он предлагал «искать духовных руководителей среди молодой передовой интеллигенции, не зараженной фанариотской лукавщиной и … безнравственностью» [36].

Заметим, что с подобными замечаниями не могли не согласиться и сами экзархийские священнослужители. Большой интерес в данном отношении представляет одна из курсовых работ ученика Одесской духовной семинарии В. Друмева (в будущем митрополита Климента Тырновского, крупнейшей знаковой фигуры болгарской церковно-иерархической среды). Она была написана за пять лет до учреждения Экзархата, в 1865 г., и посвящалась «нравственным недостаткам болгарского духовенства» (необразованности, попрошайничеству, пьянству), а также их пагубному влиянию на паству [37].

Весьма обстоятельно учение радикалов было изложено в сочинении Т. Икономова «Один шаг вперед!», опубликованном на страницах журнала «Читалище» в номерах 17, 18, 19 за 1872 г. Т. Икономов предлагал реорганизовать Экзархию в русле *религиозного модернизма* по принципу новых демократических организаций, устранив влияние консервативных групп. Он выступал за изменение султанского фирмана 1870 г. и вообще за коренную реорганизацию церкви, но не на канонических принципах, а на основе рационалистических идей и достижений современной науки [38]. Своеобразным продолжением публикаций Т. Икономова явилась статья С. Миларова «Две касты или власти в нашей сегодняшней Экзархии», появившаяся в номере 17 газеты «Македония» от 25 июля 1872 г. [39], где излагалась весьма негативная оценка союза духовенства с крупной сельской буржуазией. В статье проводилась мысль о том, что «настоящий путь Болгарской церкви состоит в сохранении ее связей с народом и обеспечении … достойных пастырей» [40]. С. Миларов считал, что Болгарская церковь является

национальным институтом и должна содействовать духовно-национальному единению болгарского народа. После учреждения самостоятельной Экзархийской церкви болгарская революция не закончилась, она будет продолжаться на политической и социальной основе, и церковь в этом случае, по мнению С. Миларова, должна быть не реакционным фактором, а прогрессивной силой, содействующей осуществлению национального идеала [41].

Экзархия остро реагировала на подобные публикации, подрывавшие авторитет болгарского духовенства и пропагандировавшие превращение церковного института в революционную организацию болгарских националистов. Высшее духовенство, также как и светская интеллигенция, желало видеть Болгарию вольной державой, но предпочитало в большинстве своем придерживаться *эволюционной тактики* в достижении политических целей. Эта позиция проистекала из статуса Экзархии как легальной и, следовательно, лояльной по отношению к османской власти организации, а также ввиду мировоззренческой непримиримости священнослужителей к насилию. Учитывая затруднительное положение Экзархата, обусловленное схизмой и попытками турецких властей видоизменить султанский фирман 1870 г. в ущерб болгарским интересам, архиереи встречали любое известие о бунтовском брожении враждебно, опасаясь за будущее церковной организации. Призыв к населению не содействовать «мятежным смутьянам» являлся основным мотивом пастырских посланий. С другой стороны, Экзархия предпринимала многочисленные действия, направленные на освобождение и облегчение участи политических заключенных и ссыльных, проявляла заботу об их семьях. В середине 1870-х гг. Экзархия выступила инициатором так называемого *махзарского движения* – легальной акции по улучшению участи народа и применению провозглашенных правительством реформ.

Итак, организация экзархийского ведомства болгар протекала в чрезвычайно тяжелых условиях османского господства, сдерживающего укрепление национального единства своих подданных, а также в условиях организованного противодействия константино-

польских патриархов, осуждавших национализацию церковного устройства на Балканах и противившихся сокращению сферы их влияния. Важнейшими мероприятиями, связанными с непосредственной организацией Болгарской православной церкви после издания фирмана 1870 г., явились создание Временного смешанного экзархийского совета, созыв I Церковно-народного Собора в Константинополе, обеспечение духовной юрисдикции Болгарского Экзархата в 18 епархиях, в том числе и со смешанным болгаро-греческим населением, а также организация церковно-просветительской деятельности в них. Важно обратить внимание, что в этот период за Экзархийской церковью болгар закрепились не только духовные, но и социально-политические и культурные функции, обеспечившие ей роль ключевого фактора в национально-освободительной борьбе.

Примечания

1. *Лилуашвили К.С.* Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978. С. 6.

2. *Ковачева Н.* Българската Екзархия в Цариград // Минало. София, 1995. Кн. 3. С. 7.

3. *Иречек К.И.* История болгар. Одесса, 1878. С. 725.

4. *Игнатьев А.Н.* Болгарские Церковно-Народные Соборы // Журнал Московской патриархии. 1971. №5. С. 48.

5. *Иречек К.И.* Указ. соч. С. 725.

6. *Български екзарх Иосиф I.* Дневник. София, 1992. С. 142–143.

7. *Бондарева В.В.* К вопросу о греко-болгарских церковных противоречиях в последней четверти XIX в. // Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. 2005. № 1. С. 33-43.

8. *Снегаров И.* Отношенията между Българската и Руската Православна Църква преди и след провъзгласяването на схизмата (1872 г.) // Годишник на Дух. Академия. София, 1952. С. 207; Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 730. Игнатьев Н.П. Оп. 1. Д. 2007. Л. 1.

9. *Темелски Х.* Султанският ферман от 22 февраля 1870 г., основане и дейност на Българската Екзархия в Цариград // Духовна култура. София, 1995. Г. LXXV. Кн. 8. С. 22.

10. *Динков К.* История на българска църква. София, 1954. С. 89.

11. Там же. С. 90.

12. *Пальмов И.* Болгарская экзархийская церковь. Первоначальное и современное ее устройство. СПб.,1896. С.13.

13. *Игнатьев А.Н.* Указ соч. С. 46.

14. Там же. С. 46.

15. Там же. С. 46.

16. *Темелски Х.* Църковно-националната борба в Македония от 1870 до 1913 г. // Македонски преглед. София, 2000. Г. XXIII. Кн. 2. С. 36.

17. *Пальмов И.* Указ. соч. С. 12-26.

18. Там же. С. 26-33.

19. Там же. С. 33-39.

20. *Игнатьев А.Н.* Указ. соч. С. 47.

21. *Бондарева В.В.* Церковь как социокультурный фактор национальной консолидации болгар (последняя четверть XIX в.) // Наука Кубани. 2005. №2. С. 192-196.

22. *Игнатьев А.Н.* Указ. соч. С. 47.

23. *Панкратий, митрополит Старозагорский.* Тысяча сто лет Болгарской православной церкви // Журнал Московской патриархии. 1970. №10. С. 49.

24. *Игнатьев А.Н.* Указ. соч. С. 49.

25. *Ковачева Н.* Указ. соч. С. 8.

26. *Иречек К.И.* Указ. соч. С. 726.

27. *Антоний, архимандрит.* Болгарская православная церковь // Журнал Московской Патриархии. 1959. №5. С. 74.

28. *Събев Т.* Учредяване и диоцез на Българската екзархия до 1878 г. София, 1973. С. 173.

29. Там же. С. 173.

30. *Маркова З.* Българската Екзархия, 1870–1879. София, 1989. С. 381.

31. *Бондарева В.В.* Церковно-просветительская деятельность Болгарского Экзархата во Фракии и Македонии в последней четверти XIX в. (1878–1900 гг.) // Грани 2006. Краснодар, 2006. С. 157-162.

32. *Иречек К.И.* Указ. соч. С. 726.

33. *Верюжский В.М.* Историческая роль болгарского духовенства в народной и политической жизни Болгарии. Пг., 1916. С. 15.

34. Цит. по: *Милков Т.* Антим, първи български екзарх. Живот и духовно обществената му деятелност. Биографически очерк. Пловдив, 1899. С.116.

35. *Мишев Д.* България в миналото (страници изъ българската културна история). София, 1916. С. 457-458.

36. *Игнатовский Д.* Васил Друмев. Личность и деятельность русского воспитанника в период Возрождения и после Освобождения Болгарии. Шумен, 2000. С. 189.

37. *Друмев В.* Нравственные недостатки болгарского духовенства, пагубное влияние их на самих пастырей и паству, причины этих недостатков и средства избавиться от них // Литературен архив. Т. 5. Из архива на *Васил Друмев Климент Търновски*. София, 1973. С. 49-57.

38. *Верюжский В.М.* Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 12. С. 43.

39. *Игнатовский Д.* Указ. соч. С. 190.

40. Там же. С. 190.

41. Там же. С. 190.

Е.В.Брацун (г. Краснодар, Российская Федерация)

ИЗ СЛАВЯНО-КАВКАЗСКОГО БОЕВОГО СОДРУЖЕСТВА: КОННО-ИРРЕГУЛЯРНАЯ СОТНЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 гг.

В 1877 г. началась очередная Русско-турецкая война гг. Помимо полков регулярной Российской армии в войне принимали участие и воинские формирования, укомплектованные адыгами Российского Северо-Западного Кавказа. Хотелось бы коснуться истории формирования и участия в этой войне одного из таких подразделений – Конно-иррегулярной сотни Кубанской области. Это быть может не самый яркий эпизод участия кавказцев в войне, но один из самых малоисследованных. В историографии ему практически не уделялось внимания.

Предвидя новую войну с Турцией, Российское правительство осенью 1876 г. приступило к формированию иррегулярных воинских частей из горцев Северного Кавказа, чтобы потом направить их на Кавказский театр войны. Командование решило использовать природные качества адыгов, с чьим воинским искусством оно было знакомо по опыту Кавказской войны XIX в. Была создана прави-

тельственная комиссия по изучению использования в будущей войне возможностей народов Северного Кавказа. Результаты работы комиссии были обнадеживающими, она констатировала: «Способность горцев к аванпостной службе и действиям малой войны, знание и привычка к горной местности». Члены комиссии отмечали также универсальные качества горцев- бойцов, их «удар кинжалом верен и редко не смертелен, стрельба ночью навскидку, на звук, на огонек показывает также явное превосходство горцев в этом деле над обученными казаками, особенно над солдатами». Учитывая эти качества горцев, русское командование предполагало использовать иррегулярные горские части для проведения разведывательных действий, а также для несения сторожевой службы на Черноморском побережье Кавказа. Кроме того, всадник-горец от природы был воином «на все руки»: он отважно сражался и на коне, и спешившись, был бесстрашен и в атаке, и в одиночной схватке, умел скрываться на пересеченной местности [1]. В приказе №100 по Кубанскому казачьему войску от 19 апреля 1877 г. изданным атаманом Н.Н. Кармалиным говорилось: «Его Императорское Высочество Главнокомандующий Кавказскою Армиею, по представлению моему, изволил разрешить: для службы в Кубанской области, из жителей этой области, преимущественно Гривенско-Черкеской станицы и Суворовского посёлка, сформировать конно-иррегулярную сотню, по утверждённому ГОСУДАРЕМ Великим Князем 14 ноября 1876 г. временному нормальному штату конно-иррегулярной сотни милиции, в копии при сём прилагаемому. Означенная сотня, сформированная по предварительному распоряжению моему, прибывает на указанный для нея сборный пункт двадцатого числа сего Апреля и с этого дня считается состоящею на действительной службе, с присвоением ей наименования «Конно-иррегулярной сотни Кубанской области» и с прикомандированием к 2-му Полтавскому конному полку Кубанского казачьего войска, Командиру которого она подчиняется во всех отношениях»[2]. Формированию сотни предшествовало выражение патриотических чувств адыгами-казаками в

связи с начинавшейся войной и формированием иррегулярных воинских частей.

Так в начале апреля 1877 г. атаман Гривенско-Черкесской станицы Атапу Бжассо сказал на станичном сходе на адыгском языке следующую речь, переведённую и опубликованную в газете «Кубанские областные ведомости: «Спрашиваю вас? – чем мы можем быть более полезны нашему отечеству и Государю, под покровительством державного Отца которого и Его Самого –- мы живём более 80 лет! – Сказать бы деньгами? – мы не в состоянии!.. Сказать бы умом нашим? – мы не учёны!.. Остаётся одно: общими вашими силами – и, как я уже сказал, по примеру отцов и дедов наших идти с оружием в руках на врагов наших и нашего отечества. В заключении всего – прошу вас подумать об этом хорошенько и я уверен, что между вами ещё найдутся охотники, которые пусть и придут ко мне для записи желающих. Ещё раз прошу подумать о сказанном, а так же и о том, что начальство всегда ставило Гривенцев примером и имело к ним более доверия чем к прочим горцам; а потому нам надо постараться не лишится этого доверия, а ещё более приобрести и усилить его»[3].

После этой речи атамана-адыга, как отмечал корреспондент, «из числа 95 дворов Гривенской станицы – тотчас же явилось ещё 54 человека желающих, кроме первоначально явившихся 33 человек, а всего 87 человек; из которых, по старости и преклонности лет – исключено 19 человек, сетующих на свои старые годы»[4].

Кроме адыгов вышеупомянутых станиц Суворово-Черкесской и Гривенско-Черкесской в состав сотни вошли и адыги Екатеринодарского уезда. 17 апреля 1877 г. в Екатеринодаре был проведен молебен и небольшой парад. В нем приняла участие полусотня шапсугов Екатеринодарского уезда вошедшая позднее в состав Конно-иррегулярной сотни. Как писала газета «Кубанские областные ведомости», полусотня обратила на себя внимание своим прекрасным видом, стройностью и порядком: «По окончании молебствия происходил церковный парад, в котором, в первый раз, участвовала полусотня формируемой из Черкес нашей области – Шап-

сугского племени, милиции; прошедшая в общем церемониальном марше настолько хорошо, что, по нашему мнению, мало уступала находившимся в строю сотням Кавказского конного полка, хотя недавно сформированного из казаков льготного комплекта, но, тем не менее, обратившим на себя внимание прекрасным видом, стройностью и порядком»[5].

В данном отрывке речь идёт, скорее всего, о полусотне Анапской сотни милиции, формировавшейся для службы в Анапе из адыгов-шапсугов Екатеринодарского уезда в этот же период [6]. Но часть всадников, судя по всему, вошла в состав Конно-иррегулярной сотни.

Всего адыги Екатеринодарского уезда дали в сотню 31 человека. Станицы Гривенско-Черкесская и Суворово-Черкесская дали сотне 94 всадника и офицера, в числе которых поручик Товшук Улагай, лекарь Чечь Деды.

В состав Конно-иррегулярной сотни по штатному расписанию входило следующее число чинов: три офицера, два юнкера, четыре урядника, один трубач, один писарь и азиатский лекарь и 120 нижних чинов. Всего 130 человек. Сотня формировалась по заранее утверждённым штатам Терско-Горского конно-иррегулярного полка и 2-го Дагестанского конно-иррегулярного полка. Офицеры сотни получали фуражные деньги наравне с офицерами лёгкой кавалерии, жалование же для офицеров и всадников было такое же как и у казаков и никак не ущемляло их в сравнению другими подразделениями армии. Так, например, юнкера получали в военное время по 240 р., урядники по 210 р., а рядовые всадники по 120 р. в год. На все финансовые затраты были даны деньги из Крымского расходного отделения по расчёту на четыре месяца со дня сбора сотни 9,531 р., в том числе: на провиант 1051 р., приварочным 623 р. и на покупку фуража 7852 р.[7]. Командиром сотни был назначен войсковой старшина Кубанского казачьего войска Посполитаки, а младшими офицерами штабс-ротмистр Караулин Абадзе и поручик, атаман станицы Суворово-Черкесской Товшук Улагай. «Азиатским» лекарем был назначен Чечь Деды из станицы Гривенско-

Черкесской. Для исполнения религиозных нужд всадников сотне был предан мулла П. Хатувуз просходивший их натухайцев и живший в станице Суворово-Черкесской. Уже после окончания войны станичное общество так резюмировало его пребывание в сотне: «В последнюю войну с Турцией, он был при сформировании к сотне милиционеров муллой и исполнял обязанности свои исправно и постоянно находился в рядах со всадниками и наравне с ними исполнял службу, одушевлял их и поддерживал в них военный дух»[8].

Особенностью данного подразделения в отличие от Кубано-Горского конно-иррегулярного полка (который формировался в это же время и воевал на Малоазиатском фронте войны), было то, что сотня комплектовалась в большинстве своём из адыгов издавна живших в двух населённых пунктах на Правобережье Кубани – станиц Гривено-Черкесской и Суворово-Черкесской. Тогда как Кубано-Горский конно-иррегулярный полк, в большинстве своём формировался из адыгов, живших в аулах на левобережье Кубани. В военном отношении Конно-иррегулярная сотня подчинялась командиру 2-го Полтавского полка подполковнику Нолькену. Сотня несла охрану побережья Таманского полуострова и входила вместе со 2-м Полтавским полком в состав войск Темрюкского военного отдела Кубани. Стоянкой сотни была станица Таманская. Интересно, что сотня не была причислена ни к одному горскому подразделению того времени, а несла службу в составе одного отряда вместе с кубанскими казаками. Из тех архивных данных, что имеются, можно заключить, что адыги, служившие в этом подразделении и происходившие из вышеупомянутых станиц, к тому времени органически вписались в структуру самого Кубанского казачьего войска. Наличие такого подразделения говорит нам и о формировании особого элемента в Кубанском казачьем войске, а именно адыгов как казаков.

Всадники сотни помимо боевой подготовки занимались и строевыми занятиями, изучением уставов службы тогдашней Российской армии. Командир 2-го Полтавского полка писал в приказе ко-

мандиру Конно-иррегулярной сотни от 19 августа 1877 г.: «Начальник войск расположенных в Темрюкском военном отделе уведомил меня о том, что командующий войсками Кубанской Области генерал-лейтенант Кармалин предписал ему в числе других частей произвести инспекторский смотр вверенному мне полку и прикомандированной Конно-иррегулярной сотни, посему предлагаю Вашему благородию повторить теперь же всё пройденное Вами в строевом отношении с нижними чинами вверенной Вам сотни, так как инспектор будет обращать внимание на степень усвоения чинами знаний пройденных с ними»[9]. Сотня несла службу, охраняя Черноморское побережье Таманского полуострова и прибрежных районов Черномории от возможной высадки турецкого десанта. Турки господствуя на море, могли в любой момент высадить десант в любом пункте побережья. Так, в приказе от 1 октября 1877 г. командир 2-го Полтавского полка писал в приказе командиру Конно-иррегулярной сотни: «Предлагаю Вашему благородию высылать от вверенной Вам сотни ежедневно утром и вечером разъезды, из которых один должен доезжать до Тузлы а другой до Нефтяной горы с соблюдением правил предписанных уставом аванпостной службы»[10]. В случае турецкой высадки всадники адыги могли вести боевые действия, как в степи, так и в горах, как отмечалось уже выше. На август 1877 г. в сотне были на лицо обер-офицеров: 3, урядников 6, трубач 1, всадников 118, азиатский лекарь 1, сотенный писарь 1. Лошадей: офицерских 6, коней нижних чинов 126, вьючных коней 13[11]. Отдельные всадники сотни оказались в знаменитом Марухском отряде генерала П.Д. Бабыча. Они совершили переход от станицы Кардоникской до Сухума через Марухский перевал и участвовали в штурме этого города. За отличия Георгиевскими крестами были награждены Джамбот Могукоров, Магомет Гатлук и Огурли Капсергенов, абазин, проживавший в ауле Козет[12].

В декабре 1877 г. в связи с наступлением холодов Конно-иррегулярная сотня Кубанской области была расформирована. Так командир сотни войсковой старшина Посполитаки писал в донесе-

нии командиру 3-й сотни 2-го Полтавского полка в приказе от 11 декабря: «Вследствие предписания Начальника Кубанской Области вверенная мне сотня на зимний период распускается в дома, а потому прошу Ваше Благородие на смену чинам вверенной мне сотни назначить караулы на Бугазский и Нефтяной кордоны с завтрашнего 12 числа»[13].

В заключении стоит сказать, что в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. горцы Северного Кавказа поднялись на защиту своей общей Родины, которой для них была Россия. В воинских горских формированиях, сформированных из горцев Кубанской области, в годы войны сражалось 2545 человек[14]. По словам командира Кубано-горского полка полковника А.Г. Пентюхова это были люди, «понявшие своё положение впредь подданных России, вполне преданных правительству и готовых доказать России на деле свои чувства»[15]. Конно-иррегулярная сотня Кубанской области показывает нам один из многих примеров служения как адыгов, так и в целом горцев всего российского Кавказа России на военном поприще. Адыги-казаки и адыги Екатеринодарского уезда откликнулись на призыв защиты общей Родины от турок, которые стремились использовать конфликт на Балканах в 1877–1878 гг. в том числе и для разжигания новой вражды между народами на Кавказе в своих геополитических интересах.

Примечания

1.*Слободенюк В.В.* Из истории Кубанско-горского конно-иррегулярного полка // Голос минувшего, Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2012.№ 1–2. С. 87–88.

2.Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.349. Оп.1. Д.13. Л.5.

3.Кубанские областные ведомости (КОВ). 1877. № 14. С.3.

4.Там же.

5.КОВ. 1877. № 16. С.3.

6.ГАКК. Ф.349.Оп.1.Д.10.Л.1.

7. ГАКК. Ф.349. Оп.1. Д.13. Л.9.

8. ГАКК. Ф.349. Оп.1. Д.13. Л.192.

9.ГАКК.Ф.574. Оп.1.Д.1776. Л.2.–2 об.
10.ГАКК. Ф.349. Оп.1. Д.13. Л.223.
11. ГАКК. Ф.349. Оп.1. Д.13. Л.131.
12.*Вершигора А.Д.* «Встречали насторожено провожали с сожалением»: западные адыги в войне с Турцией // Казачьи вести. Краснодар 1998.№15-17. С. 3.
13.ГАКК. Ф.349. Оп.1. Д.10. Л.263.
14.*Амирова З.М.* Участие народов Северного Кавказа в Русско-турецкой войне (1877 – 1878 гг.). Махачкала, 2005. С. 118.
15. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 47. Л. 48.

А.А. Степанова (г. Москва, Российская Федерация)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОМАНА ДМОВСКОГО В ПОЛЬСКОМ КОЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ II СОЗЫВА

В конце 1880-х гг. в зените борьбы с русификаторской политикой Гурко-Апухтина на польской политической авансцене появляется правая организация «Лига Польская», положившая начало национально-демократическому движению в Польше (эндеции).

Одним из лидеров и главным идеологом эндеков стал деятель молодого поколения, свободного от повстанческого романтизма, Роман Дмовский, чьи взгляды направляли политический курс партии. Центральной тактической линией эндеции с 1903 г. становится «сопротивление германизму» и обращение к России, как к меньшему из двух зол. Однако эндеки не переставали подчеркивать своё политическое, культурное и экономическое превосходство над остальной империей [1]. Основной целью национальных демократов было достижение Польшей независимости, первой ступенью к достижению которой станет получение автономии Польши в рамках Российской Империи. Восхищавшийся английской политической традицией Дмовский избрал для её реализации самый лоялистский путь, открытый манифестом 17 октября, – через Парламент.

Именно момент вступления в Государственную Думу Российской Империи ознаменовал крутой поворот политической деятельности Дмовского – отныне он находился внутри политической системы, вдали от свободы теоретики. Проблема преломления национальной идеологии Дмовского в тактике польской фракции (Коло) в Думе по сей день остается недостаточно изученной. Ни в польской, ни в советской науке XX в. данная тема не нашла должного освещения.

Основную немногочисленную массу упоминаний о его деятельности в Думе можно встретить в трудах его современников. В частности, о политике и идеологии Дмовского пишет в своих исторических очерках [2] барон Б.Э. Нольде. Он кратко характеризует формирование идеологии эндеции, плавно обходя стороной какие-либо значимые выводы. Впрочем, и сам Роман Дмовский о своем пребывании в Думе писал весьма мало и неохотно.

В литературе небиографического характера имя Романа Дмовского, фигурирует, как правило, только в сюжетах о его антисемитизме или же о политическом противостоянии с Юзефом Пилсудским. Такой подход не позволяет увидеть целостную картину личности Дмовского и его вклада в достижение независимости Польши. Отсюда же произрастают обвинения в антинациональной политике Дмовского, его соглашательстве и пророссийской ориентации, что, конечно же, не было и не могло быть правдой.

19 февраля 1907 г. Роман Дмовский был избран одним из представителей от Царства Польского в Государственную Думу второго созыва (20 февраля – 3 июня 1907 года), чтобы возглавить Польское Коло. Представители Западного края, количество которых сократилось с 20 до 12, присоединились к коллегам из Царства Польского, образовав так называемое «коло польских депутатов Литвы и Руси» [3]. Таким образом, Дмовский мог рассчитывать на поддержку 46 голосов. Такое количество не только позволяло оказать решающее влияние на судьбу тех или иных вопросов, но, главное, открывало возможность провести в Думу реальные законопроекты, касающиеся польского вопроса. Кроме того, польская фракция, наконец, об-

рела главу в лице Романа Дмовского, чьё лидерство безоговорочно было признано всеми. Это нашло отражение в мемуарах многих видных российских политиках, которые, так или иначе, составляли политический портрет Дмовского.

С.Ю. Витте и П.Н. Милюков в своих воспоминаниях сходятся на том, что Дмовский собой представлял человека умного и серьезного. В то время как Милюков [4] ограничивается сдержанной, но достаточно тёплой оценкой, пассаж из мемуаров Витте предлагает гораздо больше интересной информации. Он подробно пересказывает свой единственный разговор с Романом Дмовским, состоявшийся вскоре после принятия Манифеста 17 октября. По его словам, Дмовский «объяснил, что хорошо понимает, что отделение Польши от России, это недостижимая мечта, которая вызовет лишь много крови» [5] (здесь полностью доверять председателю Совета министров не стоит, поскольку очевидно, что Дмовский имел в виду *насильственное* отделение Польши от России, то есть, революцию). Однако дальше Дмовский пускается в длинные рассуждения о причинах ненависти и презрения полякам к русским, их господству над Польшей и русификаторской политике. Более того, он всячески подчеркивает превосходство польской культуры и религии над русской. Это фактически опровергает любые обвинения в пророссийской ориентации Дмовского, а тот факт, что он так резко высказывался на приеме у чиновника столь высокого ранга, говорит о том, что лидер эндеков был очень решительно настроен на реализацию своих воззрений на думской почве. П.А. Столыпин, в свою очередь, признаёт впечатляющие ораторские способности Дмовского [6], которые, следовательно, вполне давали ему такую возможность.

Что, в сущности, понималось под ёмкой формулировкой *польский вопрос*, Роман Дмовский описал предельно чётко. В первую очередь, это проблема политического положения огромной по площади территории «коренного польского края с одиннадцатимиллионным населением», а также колоссального пространства «Западного края с двадцатитрехмиллионным населением, <…> где поляки

составляют значительное по количеству, более культурное и экономически сильное меньшинство» [7]. Однако в идеологической схеме Дмовского это лишь локальная часть более масштабного польского вопроса, внутренняя проблема Российской Империи, а также остальных двух государств, Польшу разделивших. Основную свою задачу Дмовский видел в том, чтобы вывести польский вопрос на международную арену, позицию, которую он потерял в конце 60-х гг. XIX в. [8]

Английский историк-славист Бернард Пэрс, который был допущен к заседаниям Второй Государственной Думы в качестве почётного гостя, впервые встретил Романа Дмовского именно там. Между ними состоялся очень любопытный диалог, который был опубликован в 1944 г. в The Milwaukee Journal: «Вы можете помочь Польше?» – «Вы хотите, чтобы Британия ввела в Польшу войска, чтобы бороться одновременно и с Россией, и с Германией?» - «Конечно нет, это абсурд». Очевидно, что Дмовский пытался привлечь к польскому вопросу международное внимание. Отражая позицию Дмовского, Пэрс утверждает, что «в те предвоенные дни независимость для Польши была лишь мечтой. Автономия… была основной целью» [9].

Однако продвигать в Думе проект автономии Царства Польского Дмовский не торопился. Он был твёрдо убеждён, что выжидательная тактика для поляков – лучший путь к победе русского конституционализма, поскольку, активно поднимая польский вопрос, можно разбудить русский национализм, который «заглушит либеральные стремления» [10]. Кроме того, как отмечает Т.Ю. Павельева, ссылаясь на фрагменты протоколов первых заседаний Коло во Второй Думе, поляки рассчитывали на многолетнюю работу парламента [11], которая позволила бы им реализоваться как реальной политической силе, и они совсем не были готовы к тому, что Дума будет распущена спустя всего 104 дня с начала работы.

Однако в связи с активизацией революционной деятельности польской социалистической партии программу польских требований пришлось объявить раньше.

Так, неустанно апеллируя к неестественности нахождения Польши в составе других государств (подробному историческому обзору на эту тему посвящена большая часть книги «Германия, Россия и польский вопрос» и почти вся лекция Дмовского в Кембридже), 23 апреля 1907 г. в Думу был представлен проект автономии Царства Польского [12]. С целью реализовать всё своё возможное влияние для того, чтобы настроить Россию против Германии [13], документ был составлен в подчеркнуто антигерманском ключе, что отразило центральную идеологическую идею Романа Дмовского о том, что Германия представляет собой экспансионистскую угрозу, единственным естественным препятствием которому является Польша [14].

Тем не менее, подобная манипуляторская попытка сыграть на национальных чувствах русских желаемого эффекта не возымела. Как позже признает Дмовский, «прогерманская направленность» российской политики была существенным препятствием для реализации его планов [15]. Подобные взгляды, как и сама идея дарования Польше автономии, не были восприняты в благожелательном ключе даже среди либералов. Даже кадеты, наиболее дружественная полякам политическая сила, подвергли критике проект автономии как чрезмерно радикальный [16].

Определенного рода радикализм, действительно, имел место. Несмотря на то, что по проекту Царство Польское объявлялось частью империи, сама фигура императора как представителя исполнительной власти в нём отсутствует. Вся власть (за некоторым исключением) переходила к административному управлению во главе с наместником, распоряжающимися казной и росписью, создавались судебные учреждения. Проект также гарантировал границы Царства Польского по 1815 г. Кроме того, он санкционировал создание особого законодательного сейма [17], который де-факто получил бы больше полномочий, чем существующая законосовещательная Дума, что, естественно, не могло не вызвать недоумение.

Одной из наиважнейших проблем польского вопроса являлось положение и место польского языка [18] как языка *национального*.

Эта проблема казалась Дмовскому наиболее актуальной и требующей немедленного разрешения в не только связи с очевидными негативными последствиями «разорения культуры окраин и насильственного политического обрусения» [19], но и по причине развернувшейся в Царстве Польском агитации бойкотировать «обрусительной» школы [20]; а также в связи с особенно тяжелым положением польского языка в немецкой Польше. Особенно настойчиво подчёркивая намерение немцев «уничтожить польскую национальность», подвергавших польских детей «порке за то, что те хотели говорить на родном языке» [21], в то время как «Россия по-настоящему не ставила под угрозу национальное существование поляков в Польше» [22], Дмовский рассчитывал сыграть на контрасте, который в дальнейшем мог бы сыграть в пользу объединения Польши в старых границах.

Эта проблема также нашла отражение в проекте автономии Царства Польского, который предполагал, что «всё производство законодательных, судебных и административных установлений и казённых учебных заведений Царства Польского, а равно преподавание во всех учебных заведениях происходят на польском языке» [23], а затем и в сопряжённом с ним проекте введения преподавания на польском языке в школах всех степеней [24]. Впоследствии Роман Дмовский будет красноречиво подчёркивать тот факт, что немецкая пресса отреагировала на это предложение как на «провокацию против Германии».

Конечно, Дмовский не мог не осознавать утопичность и чрезвычайный радикализм проекта такого рода; не мог не понимать, что подобные условия не могут и не будут приняты ни столыпинским правительством, ни даже оппозицией ему. Такой поворот событий говорит скорее в пользу определенной идеологической пропаганды эндеков с целью повлиять на общественное мнение в Царстве Польском и стремлении противопоставить привлекательную политическую программу действиям социалистов, нежели в пользу реальной парламентской тактики. Впоследствии Дмовский только подтвердит это предположение. В своей кембриджской речи он скажет, что у

русской Польши «не было шанса занять сколько-нибудь влиятельную позицию» в империи в политическом плане [25].

Кроме прочего, в полном соответствии с содержанием работ Романа Дмовского, поляки снобистски апеллировали к своей принадлежности к европейской цивилизации и превосходство своей тысячелетней культуры [26], что вскоре повлекло за собой негативную реакцию. Подобный тон говорит либо об отсутствии элементарной политической гибкости, либо о пропагандистской направленности думской работы поляков и персонально Дмовского.

Помимо всего прочего, идеологическая позиция Дмовского, предполагавшая полное невмешательство поляков в русские дела, обусловила принципиальный отказ от тесных взаимоотношений с представителями каких бы то ни было русских фракций [27]. Коло стало терять потенциальных союзников среди либералов одного за другим [28], что, в сущности, предопределило отсутствие рассмотрения польских проектов в ближайшем обозримом будущем.

Единственным принятым законопроектом, непосредственно касавшимся Царства Польского, стал акт об отмене правил 1892 г. о взыскании за тайное обучение. Он был принят 4 июня 1907 г. В ходе его рассмотрения Дмовский не удержался от использования типичной эндецкой риторики, говоря в уничижительном тоне обо всех народах империи, кроме «культурно и политически зрелых» поляков [29].

В конечном счёте крайняя оппозиционность Думы, которой так старалось избежать Коло, в итоге привела к её разгону, в результате которого полякам так и не удалось поднять и обсудить на официальном уровне самое важное: вопрос об автономии Царства Польского, ради достижения которой и была, казалось бы, направлена вся думская деятельность Дмовского и его коллег. Уклонистская тактика при наличии решающего голоса, наряду с общими радикалистскими настроениями, скорее всего, стала одной из причин роспуска Второй Думы и установления Третьеиюньской системы. В конечном итоге, для Романа Дмовского Третья Дума означала отказ от депутатского мандата и, как следствие, от возможности оказать

посильное влияние на политическую ситуацию и воплотить свою идеологию реальной политики, а не голословной теоретики.

Примечания

1. *Fountain A.M.* Roman Dmowski: Party, tactics, ideology. N.Y.: 1980. P. 124-128.

2. *Нольде Б.Э.* Далёкое и близкое. Исторические очерки. Париж: 1930. С. 108-114.

3. *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. С. 135.

4. *Милюков П.Н.* Воспоминания. 1859–1917. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С. 242–243.

5. *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 143.

6. *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 49.

7. *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. С. 125.

8. Тамже. С. 2–3.

9. THE MILWAUKEE JOURNAL. 1944. 3. I.

10. *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. С. 127.

11. *Павельева Т.Ю.* Польское коло в I–IV Государственных Думах: Проблемы выработки и реализации парламентской тактики. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1999. С. 70.

12. *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. С. 127-128.

13. *Dmowski R.* Poland, Old And New // Russian Realities and Problems. Edited by J. D. Duff. Cambridge: University Press, 1917. P. 120.

14. *Дмовский Р*. Германия, Россия и польский вопрос. С. 55-58.

15. *Dmowski R.* Poland, Old And New. // Russian Realities and Problems. Edited by J. D. Duff. Cambridge: University Press, 1917. P. 120.

16. Речь. 1907. 12. IV.

17. *Павельева Т.Ю.* Указ. соч. С. 82–83.

18. Там же. С. 128.

19. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т.1. С. 121.

20. Тамже.С. 128.

21. *Dmowski R.* Poland, Old And New. P. 83-84.

22. Там же. P. 118.

23. Цит. по: *Павельева Т.Ю.* Указ. соч. С. 83-84.

24. *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. С. 136.

25. *Dmowski R.* Poland, Old And New. P. 118-119.

26. Там же. P. 83-84.

27. *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос.С. 133.

28. Записки Ф. А. Головина. // Красный архив. Т. 19. М.-Л. 1926. С. 143-144.
29. ГД. Созыв 2. СО. Сессия 1. Ч. 1. Стлб. 900.

З.А Барбарунова (г. Прага, Чешская Республика)
Е.С. Коваленко-Черная (Краснодар, Российская Федерация)

ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В ОТНОШЕНИИ СЕПАРАТИСТСКИХ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ ВНУТРИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. КАЗАКИ-НАЦИОНАЛИСТЫ (1920-1930-е гг.)

В своей игре с национально-патриотическими силамиРоссийской империи ослабленной Первоймировой войной участвовали как ее союзники (Франция), так и ее противники (Германия, Австро-Венгрия). Национально-сепаратистский фактор был полностью ими учтен.Участники обоих военных блоков конкурировали за симпатии националистов. В бывших империях чехи, поляки, украинцы были «носителями и пионерами идей национального автономизма и федерализма», которые предваряли идею национального равноправия. В конце войны эти «инородцы в империях вступили на путь непримиримого сепаратизма и начали революционно валить империи как изнутри, так и на внешних фронтах» [1]. Представители новых национально-политических элит активно начали взаимодействовать между собой, защищая свое право основать или восстановить свое национальное единство и добиться полной политической и экономической независимости. «Русский вопрос» стал частью восточно-европейской проблемы[2].

В сформировавшейся Версальской системе европейского миропорядка, Франция стала фактическим центром поддержки национальных движений Центральной и Восточной Европы.После создания (при активной помощи Франции) вооруженных сил Польши, последнюю перестала устраивать отводимая ей пассивная роль «барьера» между европейской и азиатской цивилизация-

ми.НачальникПольского государства Ю. Пилсудский и его соратники по революционной и военной деятельности совместно со 2-м отделом польского Генштаба (разведка) в декабре 1920г.разработалиосновные направления создания в Польше единого национального государства, способного вести независимую от великих держав самостоятельную внешнюю политику.Предусматривалось восстановление Речи Посполитой в пределах 1772г., контроль над Украиной, Белоруссией, Литвой и геополитическое доминирование в Восточной Европе. Этот план предполагал создание союза с армией будущей демократической «третьей» России[3]. Такая армия, будь она создана, была бы независима от Деникина и Врангеля, которые выразили свое категорическое несогласие вернуть Польше независимость, в случае победы над большевиками[4].

Советское руководство считало войну против Польши частью борьбы против всей на тот момент существующей антисоветской Версальской системы. О чем Л.Д. Троцкий писал: «У Ленина сложился твердый план: довести дело до конца... опрокинуть правительство Пилсудского, взять Варшаву и захватить власть» [5].В связи с этим Ю. Пилсудский счел необходимым поддерживать те политические группировки русской эмиграции, которые могли бы в будущем составить армию «третьей» России. К таким относился Русский политический комитет (РПК) Б.В. Савинкова, сформированный при активном содействии польских военных властей.В 1920г. в Варшаве начинает издаваться русская газета «За свободу!»(«Свобода»). Вообще, идея сотрудничества с левым крылом русской эмиграции представлялась бывшему социалисту Пилсудскому плодотворной. Ее разрабатывали соратники Ю.Пилсудского сначала в Польской военной организации (ПОВ), затем – во 2-м отделе Генштаба Польши[6].РПК получил разрешение от военного министерства Польши на формирование российских военных отделов на ее территории –армии генерала Б. Пермикина (3-я Российская армия) и армии генерала С.Н. Булак-Балаховича (Народно-

добровольческая армия), которой надлежало перейти под руководство Б.В.Савинкова.

Значительное место во внешнеполитической деятельности Польши в направлении формирования блока государств-лимитрофов военные лидеры страны отводили сотрудничеству с украинской, белорусской, грузинской и татарской эмиграцией.

Поддержку в Польше нашли и казаки-националисты. По протекции Б.В. Савинкова представителем казачества в Польше был выбран атаман донской казак М.Н. Гнилорыбов.

Откомандированный в июле 1920г. Кубанским правительством в качестве посла на Украину и в Польшу, член Кубанской Рады и Верховного круга И.А. Билый, осенью того же года был принят Ю. Пилсудским. Обсуждалась возможность общей борьбы против реваншабелых генералов и интернационалистических посягательств большевиков. Ю.Пилсудский поддержал идею казачьей автономии и создание отдельного государства. По его мнению, стоили поддержки любые попытки разрушения имперского фундамента. Так в Варшаве 7 августа 1921г. начинает издаваться газета «Голос казачества» под редакцией И.А. Билого,атамана М.Н. Гнилорыбова и есаула М.Ф. Фролова.

По требованию советского правительства после ратификации Рижского мирного договора 1921г., польское правительство вынуждено высылать за пределы государства лиц, активно занятых антисоветской деятельностью. К этому добавился политический кризис в государстве с последующей отставкой Ю. Пилсудского (декабрь 1922г.). Издательство казачьей газеты прекращается, И. Билый и М. Фролов перебираются в Чехословакию.

По возвращении маршала Пилсудского к власти (1925г.), поддержка казачьих националистоввозобновляется. Однако, с оглядкой на условия Рижского мира, деятельность националистов, финансируемая Польшей, переносится в Чехословакию. Там, в Праге, лидеры казаков-националистов основали Вольно-КазачьеДвижение и начали издавать свой печатный орган - журнал «Вольное Казачество-ВильнеКозацтво» на русском и украинском языках (под ред.

И.Билого и М. Фролова, №1 вышел 10.12.1927г.).Особо отметив в своем журнале 10-летие обретения Польшей независимости, но не отдав должного 10-летнему юбилеюсоздания Первой Чехословацкой республики, на территории которой развивалось вольно-казачье движение, редакция тем самым приоткрыла источник своего финансирования[7]. И вскоре наступили разногласия по поводу руководства и распределения иностранной субвенции, назначенной движению Польшей[8].

Руководство Польши и после смерти Ю. Пилсудского при маршале Э.Рыдз-Смигле, и после начала 2-ой мировой войны при Председателе польского правительства в изгнании, генерале В.Сикорском продолжает оказывать поддержку националистическим организациям русской эмиграции: Национально-Трудовому Союзу Нового Поколения (НТСНП) до апреля 1941г. и Вольно-Казачьему Движению(ВКД) во главе с И.А. Билым до ноября 1939г.

НТСНП – движение молодого поколения русских эмигрантов (с 1930г.), сочетавшее агитационно-пропагандистскуюдеятельность с нелегальной (разведка, боевые задания, диверсионные акты). Печатным органом НТСНП стала выпускаемая в Варшаве газета «Молва» (позже «Меч») под редакцией бывшего члена организации Б.В. Савинкова, полковника В. Брандта. Газета пропагандировала борьбу за единую «третью» Россию без Сталина и коммунистов, а также идейно боролась с сепаратистами разного толка[9].Несмотря на это, польское высшее военное руководство нашло общую с НТСНП политическую платформу: борьба против Гитлера и Сталина. При подготовке и нелегальной переброске «кадров НТСНП» (разведчиков, агентов-пропагандистов) в СССР, т.н. «этапный штаб похода» в Варшаве (Г. Околович, А. Вюрглер) прибегал к помощи офицеров 2-го отдела Генерального штаба Польши, которые непосредственно обеспечивали нелегальные переходы этим «кадрам» через польско-советскую границу. После занятия Польши германскими войсками, генерал В. Сикорский посылает своего представителя В. Слепневского из Лондона в Белград для установления тай-

ного сотрудничествасо штабом НТСНП, «как с российской суверенной силой»[10]. Планы нарушило взятие немцами Белграда.

В начале 1930-х гг.ВКД вступает в новую фазу – формирование вольно-казачьихстаниц и хуторов во Франции, Бельгии, Германии, Болгарии, Югославии, Польше, Чехословакии, Румынии. Этот периодзавершился созывом поместных кругов и съездов казаков и выбором Походного атамана.В июле 1935г. им стал И.А. Билый[11].

Но не все было так гладко среди видных членов ВКД. Разрыв И.А. Билого с остальными основателями ВКД (1930г., г. Прага) повторился в1934 г.в Париже. И.А. Билый требовал от соратников исключить любые формы объединений или печатных органов, кроме журнала «Вольное Казачество». Это встретило сопротивление и резкую критику со стороны группы казаков, объединившихся вокруг редакции газет «Казакия» и «Ковыльные волны». С вольными казаками, которых называли «самостийниками», не могла мириться та часть казачества(«единонеделимцы»), которая шла за Войсковыми атаманами Кубани, Дона и Терека, верными идеиединой России[12]. Они критиковали ВКД на страницах «Вольной Кубани» и всячески противодействовали И.А. Билому. В феврале 1938г., в очередной приезд в Белград с инспекцией, Походный атаман Билый, а с ним и 12 его соратников (А.П. Черный, Н.М. Дмитриенко, П. Поляков и другие) были арестованы политической полицией Югославии. Арест был связан с доносом, в котором И.А. Билого обвиняли в планах нелегального вывоза ценных Регалий Кубанского Казачьего Войска из Белграда, в нарушении режима регистрации иностранца, в наличии подозрительного польского паспорта и в связях с ГПУ[13]. После 40 дней ареста, по заступничеству военного атташе одной из европейских стран в Югославии, не предъявляя обвинений, И.А. Билого выдворили за пределы страны.

Югославская полиция запретила получать и распространять на территории страны журнал «Вольное Казачество» и вести пропаганду вольно-казачьей идеи. Но известный кубанский бандурист, знаменитый «певец казачьей тоски и печали» А.П. Черный и несгибаемый агитатор за казачью национальную идею Н.М. Дмитри-

енко, не сломались после тюремных допросов и последующих за этим гонений на них в эмигрантской среде Белграда. После нового ареста(осень 1938г.) они были высланы с семьями из Югославии. Разрешение на въезд дала Польша.

Эти события вызвали между «Вольным Казачеством» и «Казакией»долгую дискуссию, которая, в конце концов, подорвала репутацию Походного атамана. Последовал уход казаков их вольно-казачьих станиц и хуторов[14]. Журнал «Вольное Казачество» все еще продолжал финансироваться и издаваться И.А.Билым до ноября 1939г.(№ 272), до окончательной потери Польшей своей самостоятельности.

После оккупации части Польши войсками Германии и образования генерал-губернаторства Варшавского, новая германская администрация требовала от эмигрантоввновь зарегистрировать свои национальные объединения и заполнить анкеты по национальной принадлежности. Германские власти отказали в регистрации казачьих станиц и комитетов с резолюцией: «такой народ, как казаки, не известен»[16].Это лишало казаков субсидий, продуктовых карточек и другого довольствия.невозможность зарегистрировать свои казачьи национальные объединения лишала казаков получения продовольственных карточек и прочего довольствия, что привело к их полному обнищанию.

В 1920-е–1930-е гг. политика польского государства в отношении сепаратистских и националистических движений русской эмиграции, включая казачье движение, определялась стремлением к геополитическому доминированию в Восточной Европе.

Примечания

1. *Долинский О*. Сепаратизм, федерализм и самоопределение народов // Вольное казачество. Прага, 1928. № 10. С.12.

2. *Фролов М*. О восточно-европейском // Вольное казачество. Прага, 1927. № 1С. 17.

3. *Дюррант Дж*. *Стюарт.* Новое из варшавского архива Д.В. Философова // Наше наследие. 2002. № 63-64.

4. *Деникин А.И.* Поход на Москву // Белое движение: начало и конец. М., 1990. С. 180.

5. *Троцкий Л.Д.*Моя жизнь. М., 1991. С.523.

6. *Симонова Т.М.* «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919-1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47-63.

7. К десятилетию независимости Польши // Вольное казачество. Прага, 1928. № 23. С. 5-6.

8. Казачий словарь-справочник. Т.1. Кливлэнд, 1966. С.70; Кавказский казак. Белград, 1933. №117. С. 18-19.

9. *Рар Л., Оболенский В.* Ранние годы (1924–1948гг.) // Материалы к истории НТС. Вып. 1. М., 2003. С.14.

10. *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена: воспоминания председателя НТС: 1930-1960 гг. М., 2002. С. 17-18, 25.

11.Вольное казачество. Париж, 1935.

12.Кавказский казак. Белград, 1938. № 141. С.3; № 142. С. 4–5, 32–33.

13. Вольное казачество. Париж, 1938. № 245. С. 1-10; № 246. С. 5; Казакия. Братислава, 1938. № 28. С. 23.

14.*Черный Антон*. История бандуры на Кубани // Казачий вестник. Прага, 1943. № 46-48; Кубанский календарь. Париж, 1931. С.95;

15. Казакия. Братислава, 1938. № 22. С. 21-22.

16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5762. Оп.1. Д. 10. Л. 56.

Д.С. Парфирьев (г. Москва, Российская Федерация)

ОБРАЗ ЛИТВЫ В АНТИПОЛЬСКОЙ РИТОРИКЕ УВО-ОУН МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Тема антипольского сотрудничества между Литвой и украинскими националистическими организациями УВО и ОУН, имевшего место в период между двумя мировыми войнами, до сих пор почти не удостаивалась внимания историков. Работы тех немногих исследователей, которые проявляли интерес к данной проблематике, как правило, носят обобщающий характер. Мы же попытаемся сосредоточиться на довольно узкой проблеме образа Литвы в анти-

польской риторике украинских националистов. Уточнение «антипольская» здесь вполне уместно, поскольку литовско-оуновское сотрудничество, как известно, было направлено исключительно против Польши [1].Ответ на вопросы, сложился ли в антипольской идеолого-пропагандистской доктрине и системе представлений украинских националистов целостный образ Литвы, какими чертами он характеризовался, и в каких условиях формировался, поможет по-новому взглянуть на детали взаимного сотрудничества, в том числе и на вопрос о целях и задачах обеих сторон.

Мы принимали во внимание как внешнюю риторику, ориентированную на широкую аудиторию, так и риторику внутреннюю, не выходившую за рамки узкого круга истеблишмента УВО-ОУН. Тенденции во внутренней риторике прослеживаются на материалах корреспонденции между украинскими националистами, протоколов организационных мероприятий, личных записей того времени, тогда как рупором внешней риторики служила националистическая печать. Основными изданиями украинских националистов были журналы «Розбудова нации» (в пер. с укр. «Пробуждение нации») и «Сурма» (в пер. с укр. «Горн»). С некоторой оговоркой в один ряд с этими изданиями можно поставить журнал «Ведомости Литовско-украинского общества». С одной стороны, этот печатный орган выходил в Каунасе и был рассчитан, прежде всего, на литовцев – материалы на украинском языке в нём публиковались нечасто. С другой стороны, не вызывает сомнений, что авторами этих материалов были именно представители УВО-ОУН, которые составляли большинство среди украинцев-членов ЛУО. Если «Ведомости…» вообще не попадали за пределы Литвы, то «Сурма» и «Розбудова нации» не только распространялись среди украинских националистов в эмиграции, но и нелегальными путями переправлялись на украинские земли Польши.

Пик внимания идеологов и пропагандистов УВО-ОУН к Литве пришёлся на 1928–1932 гг. До этого сотрудничество литовцев и украинских националистов протекало в русле подготовки вооружённого выступления против Польши, а потому сопровождалось

строжайшей конспирацией. В январе 1928 г. всё изменилось: в Каунасе появилось Литовско-украинское общество (ЛУО) – организация, ставшая активно выступать с лозунгами солидарности между двумя «порабощёнными» Польшей народами. В том же году в Каунас из Берлина перебралась типография «Сурмы», и на новом месте её возглавил резидент УВО в Литве Иван Ревюк-«Бартович», по совместительству один из лидеров ЛУО.

Главную причину необходимости литовско-украинского сближения изложил в начале марта 1928 г. один из создателей ЛУО Юозас Пурицкис: «Литовско-украинское общество было основано… главным образом для того, чтобы доказать, что сейчас два народа связывает…, прежде всего, общий враг – поляки, которые временно захватили литовские и украинские земли» [2]. Этот тезис переняли в истеблишменте УВО, и вскоре важнейшей составляющей образа Литвы в дискурсе украинского националистического лагеря, а затем ОУН, стал статус литовского народа как «естественного союзника» украинцев. Использование этой формулировки – «естественный союзник» – приветствовал сам лидер УВО-ОУН полковник Евгений Коновалец. В письме своему соратнику Емельяну Сенику, который готовил пропагандистскую статью, посвящённую Литве, он советовал: «Про Литву снова можно вспомнить, что каждый украинец с симпатией относится к литовской борьбе, и что Литва есть и будет естественным союзником Украины, как, с другой стороны, каждый украинец должен везде, где только может, помогать осуществлению идеи литовского народа» [3]. «Естественность» Литвы как союзника определялась не только и не столько её географическим положением и историческими связями с Украиной, сколько тем, что два народа стали «братьями по несчастью», жертвами польской «оккупации». В украинских националистических изданиях подчёркивалось, что на «оккупированных» литовских землях, то есть в Виленском крае, польское правительство проводит ту же «политику преследования и угнетения», что и на территориях, населённых украинцами. Это, писали оуновские авторы, пробуждало в литовцах неравнодушие и сопереживание по отношению к страдающим от

«польских варварств» западным украинцам: не было литовца, который бы не знал о «варварствах и зверствах, которые приходилось и приходится украинскому народу претерпевать под оккупантами», как не было и литовского журналиста, который бы не изобличал «бесправие и насилие польской власти» [4].

Примечательно, что развивая мысль о «союзничестве» Литвы, украинские националисты нередко сочетали антипольские выпады с антисоветскими. Так, в предисловии редакции «Розбудовы нации» к статье литовского журналиста, опубликованной в одном из номеров издания, подчёркивалось, что в 1917 году Литва избавилась от «московского ярма», и что в «...борьбе на два фронта судьба литовского народа подобна судьбе украинского народа». «Постоянная угроза для Литвы со стороны Московщины и борьба с Польшей за забранные земли, – писал автор тех же строк, – делают литовцев естественными союзниками украинцев»[5]. Интересно, что в непосредственном диалоге с литовцами украинские националисты избегали антисоветских сентенций. Это хорошо прослеживается на примере поздравительного письма от руководства УВО, адресованного Союзу стрелков Литвы (ССЛ) – парамилитарной организации, посредством которой литовские власти оказывали украинским националистам финансовую и иную поддержку. В послании выражалась надежда, что «...польская неволя как для части Литовского, так и для части Украинского народа, должна вскоре закончиться»; что настанет время, когда УВО «придётся плечом к плечу со Славным Литовским Стрелецтвом освобождать как часть Литовского, так и часть Украинского народа изпольской неволи». В заключение письма авторы предрекали, что однажды «дружба, скреплённая кровью на полях брани, будет праздновать общую победу» [6]. Ещё один показательный пример относится к февралю 1932 г.: выступая на одном из заседаний Конгресса Центрального союза украинской студенческой молодёжи (ЦСУСМ) в Праге, делегат от ЛУО подчеркнул солидарность литовцев и украинцев исключительно в вопросе «оккупации» Виленщины и украинских земель поляками, не сказав ни слова о «московском ярме» [7]. Надо полагать, лидеры

украинских националистов отдавали себе отчёт в том, что в Литве, чьи власти проводили дружественную политику по отношению к Советскому Союзу, пассажи по поводу «московской угрозы» будут сочтены неуместными. Авторы вышеупомянутого послания к ССЛ избегали даже завуалированных антисоветских намёков: если в «Розбудове нации» параллель проводилась между Вильнюсом и Киевом, то в диалоге с литовцами – между Вильнюсом и Львовом [8]. Несомненно, тонкости, связанные с просоветской ориентацией прибалтийского государства, понимал и лидер УВО-ОУН Е. Коновалец. Писавшему статью о Литве Емельяну Сенику он рекомендовал отметить, что у Литвы «слишком много своих забот, чтобы она активно могла поддержать борьбу украинского народа», и что поддержка УВО «могла бы осложнить её международное положение»[9].

Лозунги по поводу союза с Литвой появлялись не только на страницах периодических изданий. Ряд видных представителей УВО-ОУН неподдельно верили в перспективы военного союза с Литвой. На Конгрессе украинских националистов в феврале 1929 г. в таком ключе высказались Николай Капустянский и Зенон Пеленский. Капустянский, бывший генерал армии УНР, в своём выступлении заявил, будто литовцы считают, что независимость Украины станет гарантией безопасности Литвы, и поэтому украинским националистам надо готовиться, в случае необходимости, «опереться» на Литву. Пеленский также высказал мнение, что литовское государство следует рассматривать как одного из потенциальных союзников в предстоящей европейской войне [10]. Некоторые заходили ещё дальше, искренне полагая, что Литва уже является полноценным союзником украинских националистов, и воспринимали оказываемую литовцами помощь как нечто само собой разумеющееся. Так, представителя ОУН в Риме Евгения Онацкого, отмечавшего хорошую осведомлённость литовцев об украинских «целях, задачах и государственных идеалах», крайне возмутил отказ секретаря посольства Литвы в Италии выдать ему визу. В письме Коновальцу Онацкий настаивал на том, что за ненадлежащее поведение с пред-

ставителем союзной стороны, коим себя мыслил он сам, дипломата необходимо «поставить на место»: «Саботаж в наших официальных отношениях – злодеяние, потому что он наносит удар не только по нам, но и по Литве… «Союзнички!» [11].

Второй, не менее важной составляющей образа Литвы была стойкость малочисленного литовского народа перед польской угрозой. Олесь Бабий в статье «Революция или контрреволюция?», призывая украинцев к «революционности», ставил им в пример именно «миниатюрную Литву, которая, несмотря на все удары с Востока и Запада, защищает Вильно, не провозглашая «désintéressement» [в пер. с фр. «бескорыстие» – *Д.П.*] и не унижаясь перед Варшавой»[12]. В том же ключе писал другой видный деятель УВО-ОУН Владимир Мартынец, опубликовавший в номере «Розбудовы нации» за июнь 1928 г. статью с изложением своих впечатлений от недавней поездки в Литву. Особенно эмоционально Мартынец описывал увиденное на параде: «Всё это молодое поколение, которое или уже боролось за свою родинуили готово каждую минуту защищать её права. Валио!!! – приветствует масса каждое подразделение. На лицах радость, – радость, что и двухмиллионный народ является хозяином на своей земле» [13]. Слова «молодое» и «двухмиллионный народ является хозяином на своей земле» автор выделил курсивом. Отмечались в статье и достижения масштабной литовской пропаганды «вильнюсского вопроса» – внешней и внутренней. «Многому можно научиться от двухмиллионного народа!.. Не в численности сила!.. Что-то притягательное лежит в гордости малого народа. Как захватывает защита чести нации!» – восторгался Мартынец [14]. Нетрудно понять, что эти слова были адресованы, прежде всего, аполитичным или сомневающимся в перспективах деятельности украинских националистов, украинцам Галиции и Волыни, особенно из числа молодёжи, вовлечение которой в ряды УВО, а затем ОУН, было вопросом существования этих организаций. Надо заметить, что «Розбудова нации» до июля 1929 г. распространялась в Польше легально, и в июне 1928 г., выступая со страниц этого журнала с подобными лозунгами, деятели УВО могли

рассчитывать на куда большую аудиторию, чем на одних лишь членов организации.

В целом следует констатировать, что общее внимание к Литве и литовцам на страницах «Розбудовы нации» и «Сурмы», не говоря уже о «краевых» изданиях, подпольно печатавшихся непосредственно на украинских землях Польши, не было значительным: статьи, в которых хоть сколь-нибудь подробно раскрывается образ Литвы, можно буквально пересчитать по пальцам. Гораздо чаще литовцы упоминались в том или ином широком контексте, например, назывались, наряду с белорусами и грузинами, в численескольких «порабощённых» народов, в перспективе могущих стать союзниками украинцев [15]. Видимо, главную причину тому следует искать в позиции самой Литвы. Если бы правящие круги страны были заинтересованы в муссировании украинскими националистами литовской тематики, они бы, безусловно, добились своего. Выходит, Литва в этом попросту не нуждалась. Это и неудивительно – чрезмерный акцент на литовской проблематике в нелегальных украинских изданиях дал бы Польше дополнительный аргумент в пользу версии о поддержке УВО-ОУНлитовскими властями, а значит, и повод к эскалации конфликта между странами, чего в Каунасе опасались. Лишь осенью 1932 года литовцы попытались развернуть кампанию по популяризации литовского вопроса среди украинцев. Приехавший в Литву представитель ОУН Сидор Чучман договорился с литовцами о том, что вскоре в Каунасе будет издаваться новый журнал на украинском языке, предназначенный для распространения на территории советской Украины [16]. Реализовать этот замысел, впрочем, так и не удалось. С 1933 г. оуновские журналы практически перестали уделять внимание Литве, а летом 1934 г., после убийства боевиком ОУН в Варшаве главы МВД Польши Бронислава Перацкого, издания украинских националистов и вовсе были закрыты. ОУН, таким образом, потеряла возможность вести какую бы то ни было публичную риторику.

Вопрос, можно ли говорить о том, что в антипольском дискурсе УВО-ОУН межвоенного периода сложился определённый образ

Литвы, несомненно, заслуживает положительного ответа. Конечно, этот образ едва ли можно назвать полноценным, поскольку во внешней, идеолого-пропагандистской, риторике украинских националистов литовская тематика затрагивалась нечасто. Однако и тот незначительный объём материалов, которым мы располагаем, позволяет выделить два вполне конкретных компонента образа Литвы в антипольской риторике УВО-ОУН: во-первых, пример для подражания в деле героической борьбы с неравным противником – Польшей; а во-вторых, статус «естественного союзника» украинцев в борьбе с теми же польскими властями. Формировавшийся на протяжении довольно короткого периода времени – с 1928 по 1932 г. – образ Литвы не претерпел изменений. Возможно, если бы украинские националисты начали формулировать свою позицию по отношению к Литве несколько раньше, или же не прекратили делать это после 1932 г., образ прибалтийского государства в их антипольской риторике пережил бы некую эволюцию. Однако исторические обстоятельства распорядились иначе.

Примечания

1. Вопрос о направленности литовско-оуновского сотрудничества автор этих строк более подробно рассмотрел в следующих работах: *Парфирьев Д.С.* «Имея общего врага, надо друг другу помогать». Антипольское сотрудничество Литвы и УВО-ОУН в межвоенный период // [Электронный ресурс] Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015». М., 2015; *Он же.* Антипольское сотрудничество Литвы и УВО-ОУН в межвоенный период // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 26–27 мая 2015 г. М., 2015. С. 10.

2. Iš lietuvių-ukrainiečių draugijosgyvenimo // Lietuvių-Ukrainiečių Draugijos Žinios (LUDŽ). 1932. № 2. P. 10.

3. Лист голови Проводу ОУН Є. Коновальця члену ПРУН О. Сенику-Грибовському. 3 липня 1930 р. // Є. Коновалець. «Я б'ю в дзвін, щоб зрушити справу ОУН з мертвої точки…». Невідомі документи Організації Українських Націоналістів. Рік 1930. К., 2003. С. 223.

4. PolityčnyjohladLytvyza 1932 rik // LUDŽ. 1933. № 8. P. 15; Z žyttiaHurtkaUkrajincivpryLytovsko-UkrajinskomuTovarystvi // LUDŽ. 1932. № 3. P. 8; Протестна акція укр. еміґр. в Европі // Сурма. 1931, січень. С. 8.

5. [Предисловие] / *Шальціюс М.* Здобутки литовської республики за перше десятиліття незалежности // Розбудова нації. 1929, травень. С. 150.

6. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). F. 561. Ap. 2. B. 626. L. 118.

7. ArchiwumAktNowych (AAN). MinisterstwoSprawWewnętrznych (MSW). Sygn. 1041. K. 15 – 16.

8.*А.В. [МартинецьВ.]*КількаднівуЛитві // Розбудованації. 1928, червень. С. 260; LCVA. F. 561. Ap. 2. B. 626. L. 118.

9. Лист Є. Коновальця О. Сенику-Грибовському. 3 липня 1930 р. // Є. Коновалець. «Я б'ю в дзвін»… С. 223.

10. Протокол пленарних засідань, запис В. Мартинця. 1929 р., 27-29 січня, 2-3 лютого // Конґрес Українських Націоналістів 1929 р.: Документи і матеріали / Упор. В. Муравський. Львів, 2006. С. 71; Протокол пленарних засідань, запис С. Охримовича. 1929 р., 28-29 січня, 2-3 лютого // Там само. С. 103; *Пеленський З.* Міжнародня політика України [Друге півріччя 1928 – початок 1929 рр.] // Там само. С. 270.

11.*Онацький Є.* У вічному місті Записки українського журналіста. Роки 1931–1932. Торонто, 1981. С. 47 – 48; *Його ж.* У вічному місті. Записки українського журналіста. Рік 1930. Буенос-Айрес, 1954. С. 277.

12.*Бабій О.* Революція чи контрреволюція? // Розбудова нації. 1928, березень. С. 81.

13.*А В. [Мартинець В.]* Вказ. прац. С 258 – 259.

14. Там само. С. 260.

15. Пропаґанда // Сурма. 1928, січень. С. 5.

16. AAN. MSW. Sygn. 1040. K. 109.

А.Е. Кузьмичева (г. Москва, Российская Федерация)

РЕАКЦИЯ ВАРШАВЫ НА ФРАНКО-СОВЕТСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ 1934-1935 гг.

Мир – это мир бдительности
Л. Барту

На рубеже 1933–1934 гг. внутриполитическая ситуация во Франции и СССР развивалась по диаметрально противоположенным сценариям. Третья Республика окончательно погрязла в затяж-

ном кризисе, а ряд скандалов, особенно дело Ставиского[1], способствовали созданию атмосферы насилия. Французские правительства «падали» быстрее чем раньше, точно также, как и франк, некогда крепкий как золото. Их попытки смягчить последствия экономического кризиса с помощью дефляции вызвали массовое недовольство. В январе 1934 г. в Париже практически ежедневно проходили демонстрации, организуемые военизированными лигами (напр., «Огненными крестами», «Аксьон Франсез»). 6 февраля 1934 г. имела место попытка фашистского путча – около 40 000 сторонников ультраправых экстремистских организаций из всех районов Парижа направились к зданию парламента. Государственного переворота не произошло, однако события 6-7 февраля отрезвили французское общественное мнение – теперь практически всем стала очевидна необходимость срочных кардинальных перемен. Кровавые февральские события породили правительство «национального объединения» Г. Думерга. 10 февраля 1934 г. газета «Фигаро» писала, что это правительство «возбуждало большие надежды; оно вызовет большое разочарование… Это плот, построенный во время бури и не без труда. Управление им доверено, за немногими исключениями …ветеранам, которые были молодыми людьми до войны или в 1900 г. и возвращения которых общественное мнение не требовало» [1].

Если во Франции ситуация была накалена до предела, в Советском Союзе этот период отмечен относительной внутренней ста-

---

[1]«Дело Ставиского» – финансовый скандал в 1934 г., спровоцированный действиями аферист а и растратчика А. Ставиского. Дело Ставиского послужило поводом к обострению внутриполитической борьбы во Франции и последующей отставки правительства К. Шотана в связи с разразившимся коррупционным скандалом. В. Довгалевский писал 29 января 1934 г. в Москву о том, что Поль-Бонкур сообщил ему, что о приготовлениях договора узнал ещё в Женеве от Бека. – ДВП СССР. Т. XVII. С. 99-100. 29 января 1934 г. В. Гжибовский (посол Польши в Чехословакии) написал Беку, что на вопрос о том, какое впечатление произвело подписание польско-немецкого договора, Бенеш ответил: для него это не было сюрпризом, поскольку текст проекта декларациион получил от проверенного немецкого источника ещё 19 января. – PDD. Rok 1934. S. 61.

бильностью и существенными успехами на международной арене. XVII съезд ВКП(б) утвердил второй пятилетний план развития народного хозяйства, предусматривавший ускоренное развитие экономики и рост уровня и качества жизни населения. Были установлены дипломатические отношения с США и Испанией, СССР добился подписания Лондонской конвенции об определении агрессора, в 1933 г. Поль-Бонкур предложил Москве проект Восточного пакта. Советский Союз все глубже вовлекался в европейские международные отношения.

Но в январе 1934 г. произошло событие, которое ставило под сомнение эту стабильность. 25 января 1934 г. в 11 часов утра посол Польши в Берлине Ю. Липский встретился с А. Гитлером и руководителем МИД Германии К. Нейратом. Немецкий канцлер лучше других западных руководителей понял великодержавные стремления Варшавы и в своей польской политике использовал этот козырь. В ходе беседы он указал на важность улучшения отношений между Варшавой и Берлином и подчеркнул роль Польши на Западе. Одновременно Гитлер отметил, что у него нет иллюзий в отношении Москвы. Он упомянул советско-японский конфликт и выразил опасения, что, в связи с напряжённой ситуаций на Дальнем Востоке, вполне вероятно, что СССР переключит внимание на Запад. А это приведет к сильному возрастанию роли Польши, сделает ее «последним бастионом цивилизации на Западе» [2], как это было уже не раз в истории, перечислив в связи с этим битвы под Легницей (1241), Веной (1683) и Варшавой (1920). Эти рассуждения окончательно утвердили Варшаву в правильности выбранного ею курса на сближение с Берлином. На следующий день была подписана польско-немецкая декларация о ненападении.

Этот договор, вызывавший много вопросов в Париже и Москве, заставил их пристальнее присмотреться друг к другу.Ради справедливости стоит отметить, что ряд европейских правительств был осведомлен заранее о готовящемся польско-немецком договоре[2].

[2]В. Довгалевский писал 29 января 1934 г. в Москву о том, что Поль-Бонкур сообщил ему, что о приготовлениях договора узнал ещё в Женеве от

Франция опасалась, что за декларацией от 26 января в политике Польши могут произойти изменения. Не исключено, что Думерг назначил Л. Барту главой МИД именно для того, чтобы предотвратить угрозу. Барту принадлежал к поколению, испытывающему к Германии глубокое недоверие, вследствие чего он так холодно относился к примиренческой политике Бриана [3]. Барту одним из первых сумел понять и оценить значение союза с СССР для укрепления безопасности в Европе.

Конечно, существовали и другие причины, подтолкнувшие в 1934 г. Москву и Париж инициировать процесс сближения. Для СССР Франция была нужна по целому ряду причин. Во-первых, ввиду ситуации на Дальнем Востоке СССР был жизненно заинтересован в гарантии своих западных границам; во-вторых, это позволило бы наладить новые дружественные связи с одной из великих держав; в-третьих, СССР был заинтересован в создании системы коллективной безопасности, а для этого требовалась поддержка государства с высоким международным авторитетом.

Несмотря на определенные опасения[3], у французов также были мотивы для сближения с СССР. Во-первых, оно могло бы помочь укреплению их системы союзов в Восточной Европе, которую они считали важным элементов своей безопасности [4]. Во-вторых, Германия, покинув Лигу наций, ослабила Версальскую систему, од-

---

Бека. – ДВП СССР. Т. XVII. С. 99-100. 29 января 1934 г. В. Гжибовский (посол Польши в Чехословакии) написал Беку, что на вопрос о том, какое впечатление произвело подписание польско-немецкого договора, Бенеш ответил, что для него это не было сюрпризом, так как текст проекта декларациион получил от проверенного немецкого источника ещё 19 января. – PDD. Rok 1934. S. 61.

[3]Б.С. Стомоняков сообщал, что 13 февраля 1934 г. на приёме в честь Ю. Бека у М.М.Литвинова посол Франции в СССР Ж.-Ш. Альфан сказал ему, что во французском государственном аппарате и во влиятельных кругах существует сопротивление сближению с СССР по двум причинам. Во-первых, французские капиталисты боятся СССР, во-вторых, во Франции боятся войны между СССР и Японией и что Япония захватит французские владения в Азии. – ДВП СССР. Т. 17. С. 140.

ним из столпов которой был Париж. Сближение с Москвой, отношения которого в 1933 г. с Берлином заметно охладели, облегчало Парижу противостояние германскому нажиму. В-третьих, был расчет на преодоление трудностей в экономике облегчением доступа к советскому рынку (11 января 1934 г. было заключено торговое соглашение с СССР). Безусловно, были и другие причины для франко-советского сближения.

Усиление позиции Германии совпало с ослаблением французской системы союзов в Восточной Европе, а возможности преодолеть наметившийся дисбаланс сил без сближения с СССР у Франции не было. США после кризиса были захвачены мощной волной «изоляционизма», к тому же американцев раздражало нежелание союзников платить военные долги. Англия же не собиралась отказываться от своей традиционной политики баланса сил на континенте, что противоречило интересам Франции. Из держав оставались только Италия и СССР. Правительство Думерга придерживалось отчётливой правой ориентации, и все в то время предполагали, что Барту обратит свои взоры на Италию. А он, вопреки симпатиям или антипатиям правых, как реалист, вернулся к проекту Поль-Бонкура [5].

Однако Барту не сразу стал форсировать сближение с Москвой, в первую очередь из-за Польши. Понимая, что польско-французский союз находится в плачевном состоянии, он попытался перевести отношения с Варшавой на рельсы личной дипломатии. 19 февраля он изложил польскому послу А. Хлаповскому свои соображения относительно целей внешней политики Франции с учётом разоружения, Лиги наций и Австрии, а также выразил опасения по вопросу прогерманского курса Польши. В ответ посол напомнил Барту случаи, когда Париж действовал, не посоветовавшись с Варшавой. На вопрос министра о том, что могло бы улучшить отношения между союзниками, посол упомянул визит в Варшаву[6]. Примечательно, что многие политики того времени (как польские, так и французские) считали Барту гарантом тесного сотрудничества Франции и Польши. 6 марта Бек официально пригласил Барту по-

сетить Польшу. В ходе визита, который состоялся 22-24 апреля 1934 г., Барту встречался с Беком и Пилсудским. Главная цель Барту заключалась в том, чтобы понять, будет ли Пилсудский поддерживать французскую политику на востоке. Более того, он хотел убедиться, что польско-немецкая декларация не содержала никаких тайных клаузул. Разговоры о секретных договоренностях между Варшавой и Берлином, направленных против третьих государств, циркулировали не только в парижских, но и в московских политических кругах [7]. В ходе беседы с Барту 23 апреля Пилсудский обозначил основы польской внешней политики: верность союзу с Францией, неудовлетворенность методами работы Лиги наций и нежелание что-то менять в польско-французской военной конвенции 1921 г. Согласно французским документам, маршал констатировал, что политика СССР не является до конца ясной и что Рапалльский договор все ещё имеет силу.

Барту уехал из Варшавы уверенным, что нет никаких польско-немецких секретных договоренностей. По возвращении в Париж он даже сообщил Хлаповскому, что поездка превзошла его ожидания [8]. Однако Барту не могло не беспокоить, что в ходе варшавского визита не было выработано какой-либо программы двустороннего сотрудничества.

Почему же в обстановке продемонстрированного в ходе визита потепления польско-французских отношений Л. Барту, вопреки чаяниям Варшавы, всё же решился на сближение с СССР? Дело в том, что визит в Польшу явил собой скорее его личный успех, нежели успех французской внешней политики. Для Бека лучшим результатом переговоров с Барту стало принятие последним основных постулатов польской дипломатии, а также отсутствие каких-либо действий, которые можно было бы трактовать как «желание повлиять на нашу политику или попытку использовать нас для достижения целей французской политики» [9]. В передовой статье «Фигаро» «Возврат к союзам», опубликованной после поездки Барту в Варшаву, говорилось: «Визит г. Барту в Варшаву – это нечто большее, чем простая поездка министра: это – крушение одной политики и

восстановление другой. Это – поражение идеологии и реванш реализма. Как пишет одна польская газета, Франция перестаёт витать в облаках и собирается руководствоваться фактами. Франция перестраивает свою дипломатию на основе традиционных союзов» [10]. Эта позиция, во многом совпадающая с позицией Барту, несколько поколебалась, когда выяснилось, что союзником должен быть СССР. Главная идея заключалась в том, чтобы удержать СССР во французской орбите и не дать сблизиться с Германией.

Франко-советское сближение развивалось в плоскости идеи создания Восточного пакта. С точки зрения военной стратегии, этот пакт был жизненно необходим Франции, так как он, укрепляя ее позиции, перекладывал часть бремени по сдерживанию Германии на СССР без каких-либо дополнительных расходов французского бюджета. Барту сообщил кабинету министров, что поддерживает вхождение СССР в Лигу наций, однако подчеркнул, что советские лидеры ещё не сформировали единого мнения по этому вопросу. Парламентская поддержка упрочила успех Барту в переговорах с Советским Союзом, и 4 июня был достигнут консенсус на базе Восточного пакта.

Предполагаемый пакт должен был состоять из регионального договора о взаимной помощи (из него было исключено условие помощи только со стороны соседнего государства), франко-советского гарантийного договора и общего договора, который должны были подписать все участники. В подобной схеме Франция должна была выступить гарантом регионального пакта, в то время как СССР обязывался гарантировать Локарнский договор [11].

5 июня французский кабинет утвердил этот план. Только Лаваль, выступавший за союз с Германией, был против. Барту проявлял решимость во что бы то ни стало оформить франко-советский союз, что Варшава воспринимала без энтузиазма. Бек сразу задался двумя вопросами – как может работать пакт, тесно связанный с Лигой наций, если ни Германия, ни СССР не являлись членами Лиги, и не стоит ли включить в него также Румынию [12]. Варшаву глубоко задели те усилия, которые Франция прилагала для привлечения

СССР в Лигу наций на правах постоянного члена Совета Лиги, в то время как Варшава довольствовалась лишь местом непостоянного члена. В своих мемуарах «Последний рапорт» Ю. Бек в свойственной ему манере писал: «У большинства европейских и южноамериканских государств эта мысль (о вхождении СССР в Лигу наций с постоянным членством в Совете – А.К.)не вызывала энтузиазма – однако почти никто не решился открыто поставить этот вопрос, то есть, констатировать, что СССР в тот период несомненно почти не обладал теми чертами, которые требовались от членов согласно основным статьям Устава Лиги» [13].

Варшава не сразу стала отвергать французское предложение об участии в Восточном пакте, однако во время беседы в Женеве с Барту Бек не скрывал своего скептицизма относительно шансов проекта на успех [14]. А Москва и Париж прекрасно понимали, что успех Восточного пакта во многом зависит от участия в нем Варшавы. В предписании М. Литвинова полпреду СССР в Париже от 23 апреля 1934 г. подчёркивалось, что отношение Польши ко всей схеме восточного пакта является решающим [15]. Официальный ответ на инициативу СССР и Франции Варшава дала только после того, как стал известен ответ Берлина. Польская сторона, следуя примеру немецкой, заявляла о том, что предпочитает двусторонние договоры многосторонним, из чего можно было сделать простой вывод – польские правящие круги больше заботились об отношениях с Германией, нежели о гарантиях общеевропейской безопасности, на что был направлен Восточный пакт.

Вступление СССР в Лигу наций 18 сентября 1934 г. стало ещё одним шагом на пути сближения Парижа и Москвы. Правительство Фландена-Лаваля с первых же дней столкнулось с настойчивыми требованиями продолжать взятый курс, которые звучали в рядах Радикальной и Радикал-социалистической партий [16].

Франко-советский договор, подписанный уже Лавалем 2 мая 1935 г., органично вписывался в проект создания общеевропейской системы безопасности, был одной из составных частей Восточного пакта. В IV параграфе протокола подписания указывалось, что «пе-

реговоры были начаты первоначально в целях дополнения соглашения о безопасности, охватывающие страны северо-востока Европы, а именно: СССР, Германию, Чехословакию и Польшу и соседние с СССР Балтийские государства; наряду с этим соглашением должен быть заключён договор о помощи между СССР, Францией и Германией, в котором каждое из этих трёх государств должно было обязаться к оказанию поддержки тому из них, которое бы явилось бы предметом нападения со стороны одного из этих трёх государств» [17]. Надо отдать должное прозорливости Л. Барту, подававшему франко-советский пакт о взаимопомощи в упаковке сложной системы Восточного пакта.

И все же вряд ли Барту искренне верил в Восточный пакт. Проект многостороннего пакта успокаивал сторонников коллективной безопасности, и они могли бы не заметить прочного франко-советского фундамента. Коллективность также успокаивала тех, кто испытывал недоверие к СССР. Восточный пакт был психологической подготовкой к тем глубоким изменениям, которые Барту хотел произвести во французской политике [18].

В Польше франко-советский пакт вызвал широкий диапазон оценок, от сдержанных до отрицательных. Наиболее негативно отреагировали на него сторонники тесного взаимодействия с Германией. Так, в газете «Слово», печатном органе виленских консерваторов, известный германофил В. Студницкий подчеркивал: «…Франция, связанная союзом с Россией, не может желать военного укрепления Польши даже в том случае, если эта последняя будет нейтральной. Она не будет этого желать, т.к. оборона нашего нейтралитета будет противоречить интересам её союза с Россией. Поэтому мы должны искать новый источник снабжения. Таким источником может быть только Германия» [19].

Несмотря на враждебное отношение Франции к коммунистической России, совокупность факторов в начале 1930-х гг. (экономический кризис, растущая напряжённость в отношениях с Германией) указывала на необходимость ее сближения с СССР. В этом был заинтересован и Кремль. В сложившейся ситуации обе стороны по-

чувствовали необходимость заключения пакта о взаимопомощи, который явился сильным ударом для польского руководства, так как он умалял значение Польши как важного фактора во французской системе сдерживания Германии в пользу Советского Союза.

Примечания

1. Le Figaro. 10. 02.1934.

2. Polskie dokumenty dyplomatyczne (PDD). 1934 rok. Warszawa, 2014. S. 54-56.

3. *Дюрозель Ж.-Б.* Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 году // Французский ежегодник. 1961. М., 1962. С. 445.

4. *Белоусова З.С.* Французская дипломатия накануне Мюнхена. Москва, 1964. С. 11.

5. Тамже. С. 448.

6. *Wandycz P.S.*The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 1988. P. 341.

7. *Kamiński M.K., Zacharias M.J.* Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej, 1918-1939.Warszawa, 1998. S. 156.

8. Ibid. S. 158.

9. *Wandycz P.S.* Op. cit. P. 354.

10. Le Figaro. 25.04.1934.

11. Documents Diplomatique Française (DDF). I série (1932-1939). T. VI. P. 602-604, 655-656.

12. *Wandycz P.S.*Op. cit. P. 358.

13. *Beck J.* Ostatni raport. Warszawa, 2014. S. 80.

14. Ibid. S. 85.

15. *БелоусоваЗ.С.*Указ. соч. С. 47.

16. Там же. С. 55–-56.

17. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. XVIII (1935 г.). М., 1973. С. 312.

18. *Дюрозель Ж.-Б.* Указ. соч.С. 457.

19. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 122. Оп. 19. П. 59. Д. 12. Л. 3–4.

А.Г. Иванов (г. Краснодар, Российская Федерация)

СССР И ПОЛЬША В УСЛОВИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА 1939 г.

После ликвидации Германией Чехословакии 15 марта 1939 г. Европа погрузилась в глубокий политический кризис, который, развиваясь по нарастающей, привел ко Второй мировой войне. Историки до сих пор спорят о виновниках войны, причинах, не позволивших создать антигерманскую коалицию. Диапазон их оценок и мнений удивительно широк [1], что подчеркивает актуальность заявленной темы. Документы из фондов Государственного архива Великобритании и Архива внешней политики Российской Федерации, которые автор использует в данной статье, позволяют глубже проникнуть в суть проблемы места и роли СССР и Польши в условиях предвоенного кризиса в Европе, дополнить сложную и драматическую панораму событий кануна войны новыми фактами.

Ликвидация Германией Чехословакии и последовавшие агрессивные акции Гитлера (аннексия Клайпеды, ультиматум Польше в отношении Данцига и данцигского коридора) подтолкнули правительства Великобритании и Франции к переговорам с СССР. Для многих стало ясно, что в условиях эскалации германской агрессии и стремительно надвигавшейся войны делать ставку, как это было прежде, на политику умиротворения, по меньшей мере, недальновидно и бессмысленно. С точки зрения западной общественности,необходимо было принять жесткие меры по противодействию фашистской агрессии. Ряд таких мер был принят правительствами Н. Чемберлена и Э. Даладье: возобновлены контакты между генеральными штабами двух стран, в Англии впервые в истории страны мирного времени была введена воинская повинность, 31 марта британский премьер-министр предоставил гарантию независимости Польше. Позднее аналогичные гарантии получили Румыния, Греция и Турция. Примеру Великобритании последовала Франция. С точки зрения Чемберлена, эти меры должны были сдержать агрессивные

устремления руководителей Третьего рейха и вернуть отношения с Германией в русло политики умиротворения.

В зарубежной исторической литературе англо-французские гарантии зачастую изображаются в качестве «дипломатической революции», обозначившей поворот в политике западных держав от умиротворения агрессоров к противоборству с ними [2]. Однако при внимательном рассмотрении и сопоставлении с документами такая оценка представляется преувеличенной, хотя и не стоит отрицать того, что это был новый фактор в британской внешней политике. Английская (как и французская) декларация предусматривала поддержание независимости Польши, но не гарантии ее границ. Это давало возможность правительству Великобритании при необходимости ставить вопрос о ревизии польских границ в пользу Германии. Не случайно на заседании кабинета 19 марта 1939 г. Чемберлен высказался против «гарантии существующих границ и неопределенного поддержания статус-кво» и отклонил предложение министра по делам доминионов Т. Инскипа о проведении штабных переговоров с Польшей и СССР [3].

О подлинном значении гарантий Польше и Румынии (последняя получила гарантию 13 апреля) свидетельствует меморандум английских начальников штабов от 3 апреля 1939 г. В нем содержался детальный анализ соотношения сил противостоявших сторон. Сухопутная армия Германии оценивалась в 105–110 дивизий, из которых 77–80 дивизий признавались пригодными для проведения операций на фронте. Франция могла выставить в течение месяца с начала войны 86 дивизий, не считая 10 в Северной Африке и 4, полученных в ходе мобилизации, а Великобритания – отправить в Европу в течение трех месяцев 2 дивизии.

Вооруженные силы Польши оценивались в 48 пехотных дивизий и 20 кавалерийских бригад, а Румынии – в 22 пехотные, 3 кавалерийские дивизии и 3 горные бригады. Начальники штабов отметили, что «польская армия хорошо оснащена современным оружием, но у нее слабая артиллерия, а средства ПВО не отвечают современным требованиям». И далее: «Эффективность польской армии

не такая высокая, как германской, но поляки будут стойко сражаться за свою территорию». Гораздо менее оптимистичной была оценка боеспособности румынской армии – «у Румынии всего 2 военных завода, и она не в состоянии обеспечить свою армию вооружением».

Выводы, к которым пришли начальники штабов, звучали крайне тревожно: «Если Германия предпримет основное наступление на Восток, мало сомнений в том, что она сможет оккупировать Румынию, польскую Силезию и “польский коридор”. Если она продолжит наступление в Польше, потребуется лишь некоторое время для уничтожения Польши… Ни Англия, ни Франция не в состоянии оказать прямую помощь Польше или Румынии на море, на суше или в воздухе для противодействия германскому вторжению. Более того, учитывая состояние английских и французских вооружений, ни Англия, ни Франция не могут обеспечить вооружениями Польшу или Румынию. Это подчеркивает важность получения помощи от СССР».

И все же авторы меморандума выражали уверенность в благоприятном для западных держав исходе эвентуального вооруженного конфликта с Германией, которой не под силу выдержать войну на два фронта. Такая перспектива вырисовывалась в случае германского наступления на Запад. По их мнению, вермахт был не в состоянии преодолеть французскую оборонительную линию Мажино, поэтому Германия «скорее всего двинется через Голландию и Бельгию, а это будет иметь серьезные последствия» для Великобритании и Франции. К тому же оборонительная линия Зигфрида «уже достаточно прочная, и вопрос о быстром прорыве наших войск через нее отпадает». Ситуация осложнится с подключением Италии: она «сдержит французские дивизии на границе и в Тунисе и будет угрожать коммуникациям Франции в Северной Африке». В этой связи важно было заручиться поддержкой Турции и начать штабные переговоры с Польшей и Румынией [4]. Что касается сотрудничества с СССР, то оно мыслилось не в рамках двусторонних обязательств, а как подключение Советского Союза в качестве постав-

щика военных материалов для Польши и Румынии. Таким образом, англо-французские гарантии не имели реального содержания. Они предназначались для успокоения общественности и должны были служить средством сдерживания Германии. Однако подобного рода комбинации, не подкрепленные соответствующими военными конвенциями, не остановили бы Гитлера, который твердо вознамерился напасть на Польшу при первой подходящей возможности. 3 апреля 1939 г. фюрер издал директиву о подготовке германских войск к нападению на Польшу, а 11 апреля он подписал план «Вайс» – план военного разгрома Польши.

Согласно стратегии Гитлера и германского генерального штаба Польша должна была стать следующей жертвой фашистской агрессии. Формально Польша все еще считалась союзницей Франции, хотя фактически отошла от нее, когда 26 января 1934 г. подписала пакт о неприменении силы с Германией. Но заигрывание с Гитлером не принесло серьезных дивидендов Польше, которая к тому же слишком переоценила собственные силы и понадеялась на помощь со стороны Великобритании и Франции. К тому же (и этот фактор являлся главным) армия Польши по технической оснащенности заметно уступала вермахту. Ее модернизация проведена не была. Пехота составляла 5–7%, а авиация и танковые войска – 2,5 и 2,3% соответственно [5]. Обращает на себя внимание и такой факт: в Лондоне и Париже без должных на то оснований считали польскую армию достаточно сильной – 50 вполне боеспособных дивизий [6]. Видимо, здесь сказался оптимизм министра иностранных дел Польши Ю. Бека, руководившего фактически страной, который недооценил реальность военной угрозы со стороны Германии. Бек озвучил свою позицию в ходе визита в Лондон в начале апреля 1939 г. Со стороны англичан в переговорах участвовали Чемберлен и министр иностранных дел лорд Галифакс. Обсуждались вопросы взаимного сотрудничества, привлечения СССР к антигерманскому фронту, а также позиция Польши в случае наступления Германии на Запад. Польский министр иностранных дел подчеркнул: его правительство готово улучшить отношения с Советской Россией, но не

расширять их, поскольку любой пакт о взаимопомощи с ней вызовет немедленную враждебную реакцию Гитлера и спровоцирует конфликт. Он отметил, что Польша полагается в первую очередь на свои вооруженные силы, а также на поддержку Великобритании и Франции. Данцигскую проблему, по его словам, польское правительство намеревалось решить путем переговоров с Германией и заключения соглашения, которое обеспечивало бы права местного населения и Польши в Данциге.

Итогом переговоров Бека в Лондоне стало коммюнике от 6 апреля, содержавшее обязательства взаимных гарантий и обещание заключить впоследствии постоянное соглашение. Стороны пришли к согласию, что достигнутая договоренность «не помешает ни одному из правительств заключать соглашения с другими странами в общих интересах укрепления мира» [7].

Еще один просчет западной дипломатии (и Польши тоже) – ошибочное суждение, что Гитлера интересуют Данциг и данцигский коридор с проживающим там немецким населением, следовательно, вполне возможен вариант мирного разрешения данцигской проблемы. Но время Мюнхена давно миновало, Гитлер уже перешел Рубикон и использовал спорный вопрос о Данциге в качестве удобного предлога для вмешательства во внутренние дела Польши и нагнетания напряженности в германо-польских отношениях. Он взял курс на войну против Польши и не собирался от него отступать.

Точную оценку английской гарантии Польше дал известный английский исследователь Р. Эванс: «Эта гарантия должна была отпугнуть немцев. Однако она оказалась ограничена различными секретными условиями, которые позволяли продолжать политику умиротворения. Британское правительство заявило, что эта гарантия будет иметь силу, только если поляки не станут демонстрировать “провокационное или глупое упрямство” в ответ на требования немцев о возвращении Данцига и Польского коридора. Таким образом, Чемберлен все еще продолжал думать об урегулировании путем переговоров, которое бы оставило Польшу в таком же уязвимом

положении, как Мюнхенское соглашение оставило Чехословакию… Чемберлен все еще продолжал надеяться на мир, сменив свою позицию с прямого умиротворения на комбинацию умиротворения и сдерживания» [8].

Польский вопрос из-за агрессивных приготовлений нацистской Германии приобрел тогда ключевое значение. В Лондон все чаще поступала информация о твердом намерении Гитлера разрешить его силою оружия. Так, 27 июня 1939 г. главный дипломатический советник правительства Р. Ванситтарт (хорошо информированный дипломат, он курировал политическую разведку по линии Форин оффис) представил правительству меморандум, в котором со ссылкой на немецкие источники указал, что Германия осуществит вторжение в Польшу не позднее сентября. Оставшееся до этого время Гитлер использует для нагнетания напряженности в Европе и запугивания своих противников. Вермахт планируется привести в состояние полной боеготовности к 27 августа. «Из сказанного выше, – резюмировал Ванситтарт, – очевидно: Гитлер убежден в том, что подчинение Польши может быть достигнуто в лучшем случае при помощи блефа, угроз и демонстрации силы, а в худшем – развязыванием быстротечной войны» [9].

Остановить Гитлера и не допустить мировой войны можно было только коллективными усилиями великих держав – Великобритании, Франции и СССР и их союзников на востоке Европы, т.е. посредством образования большого антигерманского союза и создания для Германии реальной угрозы войны на два фронта. На это и были направлены усилия советской дипломатии на переговорах с Великобританией и Францией в 1939 г. Переговоры, несмотря на определенные усилия их участников, не дали желаемого результата, что позволило Гитлеру осуществить свои планы и намерения в отношении Польши. Причин неудачи тройственных переговоров множество, поэтому не случайно в исторической литературе присутствует чрезвычайно широкий разброс мнений и оценок специалистов, к тому же отягощенный зачастую политическими пристрастиями [10]. Не вдаваясь в подробности, отметим некоторые суще-

ственные факторы, повлиявшие негативно на ход и исход переговоров.Английское правительство (а оно играло заглавную роль на переговорах) не устраивало многое в предложениях СССР от 17 апреля 1939 г. Эти предложения свелись к заключению пакта о взаимопомощи на 5–10 лет между СССР, Англией и Францией; оказанию ими помощи, включая военную, странам Восточной Европы, граничащим с СССР, в случае агрессии против них; установлению размеров и форм военной помощи и отказу от заключения сепаратного мира с агрессором.

Западные державы не приняли предложений СССР. Суть возражений выразил по согласованию с лордом Галифаксом его постоянный заместитель А. Кадоган: «Выгода от получения бумажного обязательства России примкнуть к нам в случае войны не компенсирует неудобства открытой ассоциации с Россией». Он невысоко оценил оборонный потенциал СССР, «чья армия подорвана чистками, а военно-воздушные силы, хотя и внушительные по количеству самолетов, не отвечают современным требованиям». Поэтому «Россия может выглядеть неплохо в обороне своей территории, но только не в наступательной операции за ее пределами». Кадоган был настроен скептически и в отношении поставок советских военных материалов Польше и Румынии из-за «неэффективности транспортной системы» СССР. Еще один аргумент «против» свелся к тому, что «СССР не имеет границы с Германией, а посылать войска через территорию Польши не сможет, ибо Польша опасается именно этого». Британский дипломат выразил неудовольствие тем обстоятельством, что предложенное соглашение предусматривало оказание помощи Прибалтийским государствам. Он повторил аргументы, выдвигавшиеся ранее Чемберленом на заседании английского кабинета: союз с СССР подтолкнет страны фашистского блока к разжиганию военной опасности, вызовет недовольство Польши и Румынии и подорвет влияние Великобритании в Испании, Португалии и Югославии. В то же время не исключалась опасность, что СССР, столкнувшись с нежеланием западных держав заключать с ним соглашение, может повернуть к Германии и нормализовать отноше-

ния с ней, да и оппозиция в Англии использовала бы отказ правительства от советских предложений для новых нападок на его политику. И все же Кадоган склонился к отказу, поскольку соглашение «оттолкнет от нас наших друзей и усилит пропаганду наших врагов без достаточной компенсации каким-либо реальным материальным вкладом в укрепление фронта» против Германии [11].

Последующий ход переговоров продемонстрировал нежелание сторон, прежде всего Англии, добиваться взаимоприемлемого соглашения. Англичане полагали, что СССР, заинтересованный в сотрудничестве с Западом, согласится на роль поставщика военных материалов Польше и Румынии при условии согласия правительств этих стран на ее получение. Но Сталина совершенно не устраивала такая перспектива. К тому же отсутствовала уверенность в том, что СССР получит, в случае необходимости, взаимную помощь от Великобритании и Франции, учитывая печальный опыт Мюнхена. Не внушали оптимизма кремлевскому вождю и отношения СССР с Польшей и Румынией. Внешне корректные, они были внутренне напряженными и отягощенными территориальными спорами (Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия и Северная Буковина). Отношения с другими странами Восточной Европы – возможными участниками антигерманской коалиции – также не внушали оптимизма [12]. Таким образом, СССР, хотя и вышел из послемюнхенской изоляции, все же не мог рассчитывать на чью-либо помощь или даже понимание.

О сложности положения СССР и непредсказуемости развития событий в Европе в условиях предвоенного кризиса можно судить по архивным документам; они отражают, как ничто другое, тревожную атмосферу тех дней. В этой связи несомненный интерес представляет оценка тройственных переговоров и перспектив возможного соглашения СССР с Германией болгарского посланника в Берлине П. Драганова. В беседе с временным поверенным в делах СССР в Германии Г.А. Астаховым 14 июня 1939 г. он резко выступил против британской политики, пытаясь доказать Астахову нецелесообразность союза с Англией. «По его мнению, – записал совет-

ский дипломат в своем дневнике, – Германия непременно начнет войну, едва только союз между СССР и Англией будет заключен. Гитлер не станет ждать, пока “политика окружения” получит еще более конкретное воплощение в виде совместной работы штабов, содействия в вооружении и т. п. Между тем, если союза не будет, он получит Данциг и коридор без войны путем нажима, так как без СССР Англия воевать не станет, и Польша вынуждена будет уступить». И далее: «Если же Польша будет уверена в поддержке Англии, Франции и СССР, то она непременно спровоцирует конфликт, стремясь начать войну в выгодной для себя обстановке. Поэтому версию о том, что эвентуальное тройственное соглашение будет носить оборонительный характер нельзя принимать всерьез, и немцы ждать не станут». Драганов настоятельно рекомендовал Астахову: «Вам лучше всего затягивать переговоры (с Англией и Францией. – А.И.) и выжидать. Вступить в войну вы всегда успеете, ни к чему связывать себя лишними обязательствами в отношении стран, от которых вы ничего хорошего не видели... Если вас беспокоит появление немцев в Прибалтике, Бессарабии и т. п., они охотно пойдут здесь на самый широкий обмен мнений». Этот пассаж Астахов воспринял как намек на возможность договориться о разделе «сфер влияния». В конце беседы Драганов подчеркнул, что немцы твердо намерены экономически освоить страны Восточной Европы и получить оттуда все необходимое. «Если им будут препятствовать в этом, тогда они прибегнут к силе» [13].

Диссонанс в англо-франко-советские переговоры внесла вынужденная отставка наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова 3 мая 1939 г. Он не без оснований считался сторонником системы коллективной безопасности с участием в ней Советского Союза и западных держав. На Западе восприняли перемены в НКИД (место Литвинова занял ближайший соратник Сталина В.М. Молотов) как тревожный сигнал и поворот в советской внешней политике к изоляционизму или же к сближению с Германией. В.М. Бережков, бывший долгие годы переводчиком Сталина, считал что «именно тогда Сталин… задумался над тем, нельзя ли

полюбовно договориться с фюрером» [14]. В этой связи интересную информацию к размышлению предоставляют архивные документы. Так, 4 мая 1939 г. английский посол в Италии П. Лорейн сообщил в Лондон со ссылкой на надежный источник, что «Сталин отправил в отставку Литвинова, чтобы обеспечить соглашение с Германией, которое позволит ей напасть на Польшу и вернуть себе данцигский коридор» [15]. В ответной телеграмме Лорейну сотрудники Форин оффис отметили: «Не является очевидным то, что Сталин задумал соглашение с Германией, возможно, он предпочитает занять позицию нейтралитета (что на самом деле выгодно для Германии), предпочитая нейтралитет союзу с западными державами в том случае, если они не согласятся гарантировать Советский Союз против нападения Германии» [16]. В те дни в Лондон поступали и более конкретные донесения о закулисных маневрах немцев и русских. Например, 6 мая из английского посольства в Ватикане пришло сообщение, что «Италия выступает в качестве посредника на переговорах между Германией и Россией» и соглашение между ними «уже достигнуто и вскоре будет опубликовано» [17]. 8 мая английский посол в Германии Н. Гендерсон в донесении из Берлина подтвердил эти сведения, уточнив, что речь идет о советско-германском пакте о ненападении [18]. 10 мая из Ватикана пришло новое сообщение, в котором упоминалась Польша как будущая жертва сделки между Гитлером и Сталиным [19].

Но дорога к советско-германскому пакту о ненападении оказалась долгой и трудной, да и «молотовские» предложения Англии и Франции практически ничем не отличались от «литвиновских». В то же время контакты русских с немцами только налаживались, и по-прежнему неясными и нерешенными оставались политические вопросы. И Гитлер, и Сталин проявляли сдержанность и как бы присматривались друг к другу. Вот что писал Г.А. Астахов В.М. Молотову 6 мая: «Что же касается немцев, то, не скрывая своего интереса к происшедшей перемене (в НКИД СССР. – А.И.) и пытаясь преимущественно путем подбора цитат из англо-французских газет и корреспонденций из Лондона и Парижа со-

здать впечатление о вероятности поворота нашей политики в желанном для них смысле (отход от коллективной безопасности и т.п.), они, за единичными исключениями, воздерживаются от непосредственной оценки и предпочитают ограничиваться изложением фактических данных (подчас вымышленных), подаваемых, однако, в достаточно корректной форме», но это не дает «оснований для каких-либо далеко идущих выводов» [20].

Сталин не желал рисковать и ставить под удар переговоры с Англией и Францией, не заручившись твердым согласием Гитлера на соглашение с ним. Тот же Астахов в беседе с заведующим восточноевропейской референтурой экономико-политического отдела МИД Германии Ю. Шнурре 13 мая отметил: «Признавая изменение тона прессы в лучшую сторону, мы все же не имеем данных говорить о коренном изменении германской политики» [21]. С точки зрения Сталина, слишком опасной выглядела перспектива оказаться в изоляции, и к тому же возможности соглашения с Западом еще не были исчерпаны, хотя первоначальные иллюзии заключить его на условиях Москвы к тому времени развеялись.

Со своей стороны Великобритания (Франция послушно следовала в фарватере британской политики) не желала идти на уступки СССР, в частности, в вопросе о Прибалтике, считая гарантии Латвии, Финляндии и Эстонии (Литва не имела общей границы с СССР и не фигурировала в числе возможных участников антигерманской коалиции) слишком высокой ценой за «эфемерную помощь» со стороны России. В Лондоне (да и в Париже) не отказывались от идеи умиротворения Гитлера, полагая (без всяких на то оснований), что яблоком раздора между Германией и Польшей является Данциг. На заседании английского кабинета 24 мая 1939 г. было высказано мнение, что, «когда мы усилим наши позиции посредством заключения соглашения с российским правительством, мы должны выступить с инициативой о возобновлении политики умиротворения». Таким образом, «у нас появится возможность договариваться (с Германией. – А.И.) с позиции силы, и скорее всего Германия прислушается к нам». Инициаторы этого предложения министр ино-

странных дел лорд Галифакс и министр по делам доминионов Т. Инскип считали, что для успеха переговоров с немцами необходимо заверить их в том, что Англия не собирается осуществлять экономическую блокаду Германии и готова обсуждать с ней «в любое время любые вопросы». Чемберлен не отверг этого в принципе, но заметил, что момент для принятия данного предложения «еще не созрел. Необходимо не только оставаться сильными, но добиться того, чтобы другие осознали этот факт. К тому же общественное мнение… еще не готово для такого поворота» [22].

Между тем обстановка в Европе неудержимо ухудшалась, в столицы европейских стран все чаще поступала информация о военных приготовлениях в Германии. Так, 31 мая в Лондон из Берлина поступило сообщение о том, что Германия будет полностью готова к войне к 1 августа 1939 г. и что Данциг не имеет никакого отношения к ее истинным намерениям [23]. Через месяц также из Берлина была получена информация, что Гитлер твердо решил начать войну этой осенью. Он убежден в слабости Британской империи; его главная цель – ни Данциг, ни коридор (данцигский. – А.И.), а «разрушение Британской империи» [24].

Отдельного внимания заслуживают переговоры военных миссий Великобритании, Франции и СССР в Москве в августе 1939 г. Некоторые историки полагают, что в Москве был упущен последний шанс спасти мир [25]. Однако архивные документы не подтверждают этого.

На наш взгляд, московские переговоры были бесперспективными с самого начала. Отсутствие политического соглашения крайне затрудняло подписание военной конвенции, и переговоры, едва начавшись, уже вскоре закончились. Так, на заседании английского кабинета 26 июля 1939 г. министры отметили, что «на военных переговорах с советским правительством возникнут трудности из-за отсутствия политического соглашения». В этой связи было бы «крайне нежелательно передавать конфиденциальную информацию советскому правительству». Общее мнение членов кабинета свелось к тому, что «необходимо проинструктировать наших представите-

лей (на переговорах с СССР. – А.И.) вести переговоры очень медленно, прежде чем будет подписано политическое соглашение» и постараться выяснить, «какую помощь русские могут оказать Польше» [26].

Итак, позиция Великобритании и Франции практически не изменилась. Расчет западных правительств был на то, что переговоры с русскими предотвратят сближение СССР с Германией. Что касается Польши, то и ее позиция оставалась прежней: она была категорически против прохода советских войск через свою территорию, а это свело на нет переговоры в Москве. Обструкционизм Варшавы (и Бухареста), плохо скрываемое нежелание Англии и Франции сотрудничать с СССР, несомненно, повлияли на решение Сталина сделать непростой выбор в пользу пакта с Гитлером. Вот как описывает эту сложную ситуацию Р. Эванс: «Сталин с июня 1939 года знал о намерениях Гитлера оккупировать Польшу в конце августа или начале сентября. Больше всего другого ему требовалось убедиться, что вторжение не пойдет дальше. Ему было необходимо время, чтобы перегруппировать и перестроить Красную Армию, модернизировать вооружения и производство боевой техники и подготовиться к нападению, которое, он точно знал, обязательно последует некоторое время спустя после завоевания Польши Германией» [27].

Эванс затрагивает и тему московских переговоров, считая, что Сталин «в некоторой степени… оставлял возможность формирования союза с западными странами, однако они колебались, считая его ненадежным» [28]. Отсюда поворот Сталина в сторону Германии и подписание советско-германского пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола к нему.

Историки до сих пор спорят относительно целесообразности заключения пакта и его влияния на события, которые уже вскоре последовали, т.е. на войну. Один из мифов, который присутствует во многих западных публикациях, – советско-германский пакт подтолкнул Гитлера к вторжению в Польшу. Однако известно, что к тому времени экспансия нацизма уже переросла «мирные» рамки в

своем развитии. С пактом или без него, но Гитлер в любом случае осуществил бы нападение. Нейтралитет СССР позволял Германии провести кампанию блицкрига с гораздо большей уверенностью в ее конечном успехе, тогда как неурегулированность германо-советских отношений могла в дальнейшем привести к нежелательным для рейха осложнениям. К тому же Гитлер не раз рисковал в ситуациях, гораздо более сложных для Германии и всякий раз выигрывал. В 1939 г. Германия представляла собой мощную в военном и политическом отношении силу, с которой приходилось считаться всем странам без исключения.

Версию о преднамеренном срыве Сталиным переговоров в Москве посредством заключения пакта с Германией с учетом документов следует признать несостоятельной. С этим согласны и такие профессиональные историки, как Р. Эванс: «В начале августа 1939 года Риббентроп и Вайцзеккер (статс-секретарь германского МИДа. – А.И.) с одобрения Гитлера подготовили планы совместного разделения Польши с Советским Союзом. Но Сталин все еще колебался. Однако наконец 21 августа он согласился со все более настойчивыми запросами Гитлера о подписании официального пакта» [29].

Советско-германский пакт о ненападении подвел финишную черту под политикой коллективной безопасности. Сталин разочаровался в ней сразу после Мюнхена. Политика умиротворения, стремление Великобритании и Франции во что бы то ни стало договориться с Гитлером, в том числе за счет суверенитета независимых государств, вызывали у кремлевского диктатора резкое отторжение и порождали большие сомнения насчет надежности западных держав. Бесплодные переговоры с ними в 1939 г. усилили эти сомнения и подтолкнули Сталина к принятию окончательного решения. Но это решение вряд ли можно считать безальтернативным. Нельзя забывать того, что Сталин своей политикой массовых чисток и репрессий в Красной Армии, которые значительно подорвали ее потенциал, созданием системы безграничного единовластия загнал СССР в угол задолго до подписания пакта. В краткосрочном плане пакт с Германией позволил СССР избежать вовлечения во Вторую

мировую войну в 1939 г., но в долгосрочной перспективе он обернулся страшной трагедией для советского народа в 1941 г.

Секретный дополнительный протокол к пакту о разграничении сфер интересов СССР и Германии в Восточной Европе может рассматриваться как циничная сделка двух диктаторов. С тех пор вплоть до 22 июня 1941 г. Сталин осуществлял собственную политику умиротворения нацистской Германии.

Что касается Польши, то она пала жертвой не только агрессии со стороны Германии, но и политики великих держав. В те годы в Европе и мире властвовали эгоизм и эгоцентризм, а не общность интересов и общечеловеческие ценности. Это отчетливо проявилось на протяжении всего европейского кризиса 1939 г.

Непосредственное влияние советско-германского пакта о ненападении на Польшу отразил в своем донесении полпред СССР в Варшаве Н.И. Шаронов наркому В.М. Молотову 26 августа:

«1. Договор с Германией очень сильно поднял вес Советского Союза, как решающую силу в Европе.

2. По отношению к СССР Польша, видимо, решила сохранить поневоле, старую (последнюю) позицию, даже не будучи уверенной в возможности снабжения в случае войны.

3. Положение Бека в кабинете усилилось как благодаря заключению англо-польского договора (о взаимопомощи 25 августа. – А.И.), так и неуспеху англо-франко-советских переговоров и заключению советско-германского договора о ненападении» [30].

В другом донесении Молотову от 23 августа Шаронов сообщал следующее: отношения Польши с Англией – «тесный военно-политический союз, взаимное доверие и мощная финансовая поддержка Англии существует только на газетной и даже не на министерской бумаге» [31]. И действительно, правительство Чемберлена не собиралось выполнять свои гарантийные обязательства и предприняло в последние дни мира максимум усилий для мирного разрешения спорных проблем между Германией и Польшей. Предлагалось два варианта: прямые германо-польские переговоры при по-

средничестве Великобритании и конференция по типу Мюнхенской, но с обязательным участием Польши [32].

Однако ситуация давно уже вышла из-под контроля англичан, и она ухудшалась буквально с каждым часом. Германская военная машина была запущена на полный оборот, и 1 сентября 1939 г. она была приведена в действие.

И в условиях войны правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье не отказались от идеи замирения с Гитлером за счет Польши. 2 сентября на заседании кабинета лорд Галифакс подчеркнул, что необходимо добиваться созыва конференции по польскому вопросу, хотя «наилучшим выходом», на его взгляд, «явились бы прямые переговоры между Германией и Польшей». Главным условием организации конференции должен был стать отвод германских войск на исходные позиции. Берлину предоставлялась возможность изучить сделанные ранее предложения английской стороны с продлением срока их рассмотрения до полуночи 2 сентября [33]. Кстати, Галифакс предложил поначалу продлить этот срок на сутки, учитывая просьбу Даладье. За несколько часов до заседания английского кабинета премьер-министр Франции беседовал по телефону с итальянским министром иностранных дел Г. Чиано и тот высказал пожелание, чтобы англо-французский демарш Германии по отводу ее войск с территории Польши был отложен до полудня 3 сентября. Даладье тут же созвонился с Чемберленом и передал ему содержание разговора [34]. Но начальники штабов вооруженных сил Великобритании считали нежелательной всякую оттяжку с ультиматумом Гитлеру. В конце концов, было принято компромиссное решение: послу в Берлине Гендерсону поручалось связаться с Риббентропом и заявить ему, что, если к 11 часам 3 сентября германское правительство не даст положительного ответа на требование об отводе войск, Великобритания будет считать себя в состоянии войны с Германией. На это решение напрямую повлияло давление английской общественности, которая настаивала на сопротивлении агрессорам. На последнем перед войной заседании кабинета Чемберлен был вынужден признать, что в противном случае «положение мо-

жет стать неуправляемым». Другое решениеправительства – «оказать сильнейшее давление на французов» [35], которые могли выйти из-под контроля англичан.

3 сентября 1939 г. Германия отклонила совместный ультиматум западных держав. В 11 часов Великобритания объявила ей войну, а в 17 часов этому примеру последовала Франция. Так началась Вторая мировая война.

Уроки 1939 г. дают богатую пищу для размышлений и заставляют задуматься, насколько реальными были шансы создать большой антигерманский союз перед Второй мировой войной. Документы архивов и новейшие исследования позволяют дать отрицательный ответ на этот вопрос. Европе пришлось пройти через жестокие испытания 1939–1941 гг., прежде чем антигитлеровская коалиция стала реальностью, великим союзом свободолюбивых стран и народов, которому было суждено спасти человечество от варварства и тирании.

Примечания

1. См.: *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992. С. 4, 9–10, 28; Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / *под ред.В. Михалки.* М., 1996. С. 5–7; Другая война 1939–1945 / *под ред. Ю.Н. Афанасьева.* М., 1996. С. 24; *Эванс Р.* Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939. М., 2012. С. 762; *Иванов А.Г.* Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. М., 2014. С. 3 (идр.).

2. The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement / *ed. by W. Mommsen and L. Kettenacker. L.*, 1983. P. 27, 87, 158, 204, 251; *Donglas R.* World Crisis and British Decline, 1929–56. L., 1986. P. 88, 261.

3. *Иванов А.Г.* Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993. С. 160.

4. PublicRecordOffice (Государственный архив Великобритании). FO 371/22969. P. 174. (Далее: PRO).

5. *Парсаданова В.С.* Трагедия Польши в 1939 г. //Новая и новейшая история. 1989. №5. С. 14.

6. *Иванов А.Г.* Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. С. 264.

7. DocumentsonBritishForeignPolicy 1919–1939.ThirdSer. L., 1952. Vol. V. P. 6, 7, 10, 15, 17; Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939. М., 1981. Т. 2. С. 65.

8. *Эванс Р.* Указ. соч. С. 746.

9. PRO. FO 371/22974. P. 247–249.

10. См.: *Семиряга М.И.* Указ. соч. С. 21; Другая война 1939–1945. С. 34; *Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е.* История международных отношений 1918–1939 гг. М., 2006. С. 276–280, 283–285 (и др.).

11.PRO. FO 371/22969. P. 88–91.

12. *Иванов А.Г.* Европейский кризис 1939 года и начало Второй мировой войны. М., 2013. С. 82.

13. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 1. Д. 66. П. 7. Л. 89–90 (Далее: АВП РФ).

14. *Бережков В.* Рядом со Сталиным. М., 1998. С. 21.

15.PRO. FO 371/23685. P. 4.

16. Ibid. P. 5.

17. PRO. FO 371/22972. P. 107.

18. Ibid. P. 12.

19. Ibid. P. 160.

20. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. Д. 66. П. 7. Л. 21–22.

21. Тамже. Л. 30.

22. PRO. FO 371/22973. P. 134–135.

23. PRO. FO 371/22973. P. 155.

24. PRO. FO 371/22973. P. 62.

25. *СемирягаМ.Н.*Указ. соч. С. 22.

26. PRO. FO 371/23071. P. 233.

27. *Эванс Р.* Указ. соч. С. 749.

28. Там же.

29. Там же. С. 750.

30. АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 23. Д. 3. П. 183. Л. 30.

31. Там же. Л. 29.

32. *Иванов А.Г.* Европейский кризис 1939 года и начало Второй мировой войны. С. 132–133.

33. PRO. FO 371/22982. P. 46.

34. Ibid. P. 236–237.

35. Ibid. P. 48.

Г.В. Бемм (г. Краснодар, Российская Федерация)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР В РАСПАДЕ ПОЛЬШИ В СЕНТЯБРЕ 1939 Г.

Совсем недавно человечество отметило 70-летие окончания Второй мировой войны. До сих пор причины возникновения войны остаются предметом острых дискуссий. Зачастую, рядом исследователей ответственность за развязывание конфликта возлагается не только на Германию, но и на Советский Союз. В современной польской историографии практически безапелляционным мнением является то, что распаду Польши в 1939 г. предшествовал сговор Гитлера и Сталина, оформленный в секретном протоколе к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г., который и стал одной из главных причин начала Второй мировой войны и ликвидации польской государственности [1].

Прежде всего, следует отметить, что с 1934 по 1939 г. Советский Союз безуспешно пытался построить эффективную систему коллективной безопасности на основе многостороннего Восточного пакта. Эта идея не была реализована вследствие ее саботажа рядом государств, в том числе и Польши, которая с 1934 г. взяла курс на сближение с Германией, подписав 26 января 1934 г. договор о неприменении силы.

Министр иностранных дел Польши Ю. Бек относился с недоверием к СССР, считая, что советское правительство посредством реализации проекта Восточного пакта, стремится укрепить свое влияние в Восточной Европе [2]. В конце концов, Ю. Бек дал согласие на свое участие в Восточном пакте только в том случае, если бы Германия также примкнула к этому пакту, что естественно было невозможно. Не помогло и вмешательство министра иностранных дел Франции Л. Барту, который тщетно пытался переубедить своего польского коллегу. Сопровождавшая Л. Барту журналистка Ж. Табуи писала: «Дела между Польшей и Францией обстояли не слишком хорошо. Полковник Бек ратовал за польско-германскую дружбу

на всем протяжении времени со дня подписания 26 января германо-польского договора» [3]. Ж. Табуи отмечала также существующие настроения среди польских дипломатов. Польский посол в Германии граф Ю. Липский сказал ей, что Польша не нуждается во Франции и Восточном пакте, поскольку уверена, что германская экспансия пойдет в сторону Австрии и Богемии, а это Польши не касается. От Ю. Бека Л. Барту получил не менее высокомерный ответ: «Вы знаете, франко-советский союз больше не интересует Польшу… что касается России, то я не нахожу достаточно эпитетов, чтобы охарактеризовать ненависть, какую у нас питают по отношению к ней!»[4].

В дальнейшем отношения между Польшей и СССР еще более осложнились после Литовского кризиса (март 1938 г.) и особенно после Судетского кризиса (сентябрь 1938 г.), когда Польша наряду с Германией и Венгрией приняла участия в разделе части территории Чехословакии, с которой у СССР был союзный договор. Ситуация накалилась настолько, что в СССР прошла частичная мобилизация, а 23 сентября советское правительство предупредило Польшу: в случае вторжения польских войск в Чехословакию, СССР будет считать это актом агрессии и денонсирует пакт о ненападении с Польшей [5].

Таким образом, к 1939 г. отношения СССР и Польши и без того весьма прохладные, осложнились новыми проблемами и каких-либо перспектив к их кардинальному улучшению не наблюдалось.

Несмотря на сложный характер двусторонних отношений, СССР не отказывал Польше в поддержке перед лицом нараставшей германской угрозы, тщетно пытаясь весной 1939 г. созвать конференцию государств Европы, готовых бороться с агрессией.

3 мая 1939 г. был отправлен в отставку нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов. На его место был назначен твердый сторонник И.В. Сталина В.М. Молотов. Ряд отечественных и зарубежных исследователей считает это событие ключевым моментом в вопросе о развороте политики СССР в сторону от коллективной безопасности навстречу договору с Германией по разделу Польши.

Так, например,исследователь В. Парсаданова полагает, что назначение В.М. Молотова свидетельствовало о взыгравших имперских амбициях Сталина, что вылилось в итоге в советско-германский договор о ненападении [6]. На наш взгляд, это слишком упрощенная трактовка. Безусловно, политика односторонней ориентации на соглашение с западными державами потерпела крах. На посту наркома иностранных дел требовался человек, который мог бы вести переговоры с западными державами более жестко, нежели М.М. Литвинов, прозападная ориентация которого была известна. Требовалось в кратчайшие сроки решить вопрос о том, возможно ли трехстороннее сотрудничество Англии, Франции и СССР, с привлечением к ним Польши на условиях, выгодных для Советского Союза или западные державы по-прежнему планируют рассматривать СССР как второстепенного партнера, который нужен лишь для давления на Германию. Вместе с тем, очень важно отметить то, что первые предложения нового наркома ничем не отличались от еще «литвиновских» предложений о помощи странам Восточной и Западной Европы, которые подверглись бы агрессии. Более того, В.М. Молотов лично поинтересовался у польского посла В. Гжибовского, почему Польша не желает сотрудничества с СССР по вопросу о своей безопасности. Польский посол ответил, что Польша не хочет подписывать договор, чтобы не злить Германию, кроме того, его страна против того, чтобы Франция вела переговоры о гарантиях Польше [7]. Эта беседа демонстрирует всю степень недоверия между СССР и Польшей.

Крайне неверным звучит вывод С. Случа о том, что СССР уже интересовали не отношения с Польшей, а переговоры с Германией [8]. Такой вывод был сделан исходя из инструкций наркома В. Потемкину, который готовился посетить Варшаву и узнать об отношениях Польши с Германией. Однако помимо этого, В.М. Молотов рекомендовал намекнуть на то, что СССР может помочь Польше, отталкиваясь от желания самих поляков [9]. В действительности, контакты об улучшении советско-германских отношений начались по инициативе немцев и первоначально успехов не приносили.

На деле же, решающий поворот в советско-германском сближении наступил в середине августа. 15 и 17 августа В. Молотов с одобрением отнесся к предложениям Ф. Шуленбурга, но форсировать приезд И. Риббентропа отказался. Лишь после личного послания Гитлера к Сталину,германскому послу был дан положительный ответ относительно приезда И. Риббентропа.

К этому времени окончательно застопорились трехсторонние военные переговоры в Москве. Английская делегация приехала, имея цель затянуть время и оказать давление на Германию, Франция во всем следовала за Великобританией. К тому же Польша наотрез отказывалась пропустить советские войска на свою территорию даже на ограниченном пространстве в случае германского вторжения.

10 августа 1939 г. польский посол В. Гжибовский в беседе с итальянским послом в Москве А. Россо заявил: «Польша ни в коем случае не потерпит того, чтобы советские войска вступили на ее территорию или даже только проследовали через нее. Также Польша не предоставит аэродромов советским самолетам» [10].

18 августа на запрос Ж. Боннэ польский посол в Париже Ю. Лукасевич ответил, что «Бек никогда не позволит русским войскам занять те территории, которые мы у них забрали в 1921 г. Пустили бы вы, французы, немцев в Эльзас-Лотарингию?» На замечание же Ж. Боннэ о том, что угроза столкновения с Германией делает «для вас необходимой помощь Советов», Ю. Лукасевич заявил, что «не немцы, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны!». В свою очередь, Ю. Бек 19 августа заявил французскому послу: «У нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь». Кроме того, Польша никого не уполномочивала обсуждать вопрос использования части ее территории иностранными войсками [11].

Даже накануне заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. Польша вновь заявила, что её «принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остается без изменений». Маршал Э. Рыдз-Смиглы также подтвердил, что «независимо от последствий, ни одного дюйма поль-

ской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам» [12].

20 августа 1939 г. британский и французский послы в Варшаве Б. Кеннард и Л. Ноэль встретились с Ю. Беком. Во время встречи Ю. Бек заявил западному дуэту послов, стремившихся заставить польское правительство пересмотреть свою позицию по вопросу о проходе войск, что «недопустимо обсуждать такие вопросы без участия Польши, и что маршал Ворошилов пытается мирным путем добиться того, чего не мог добиться в 1920 г. силой» [13].

В этих условиях у советского правительства оставался только один выбор, чтобы обезопасить свою страну от возможных неприятных неожиданностей. Только испробовав все возможности договориться с западными державами и Польшей о возможном союзе, Сталин решился заключить предлагаемый Гитлером договор.

В современной историографии не прекращается дискуссия и относительно сентябрьских действий СССР.

Между тем, с началом германо-польской войны у СССР было три варианта: 1) начать войну с Германией; 2) вообще ничего не делать и соблюдать строгий нейтралитет; 3) занять Западную Украину и Западную Белоруссию. Очевидно, что первый вариант был совершенно неприемлем, учитывая то, что антигерманский альянс не был сформирован, а второй вариант сэкономил бы немцам время в 1941 г. и позволил бы им взять Москву осенью 1941 г. Единственно возможным вариантом было выступление РККА в Восточную Польшу. Весьма примечательно, что СССР, накануне германского вторжения в Польшу, демонстративно отвел свои войска от границы, а когда немецкий посол Ф. Шуленбург попросил опровергнуть эту новость, ТАСС сообщило о том, что СССР укрепляет гарнизоны [14].

2 сентября 1939 г. СССР, не рассчитывавший на столь скорое окончание войны, устами своего полпреда в Варшаве Н. Шаронова предложил Ю. Беку в очередной раз поставку военных материалов, на что Ю. Бек всего лишь обещал «рассмотреть вопрос», видимо, будучи еще уверенным в поддержке Франции и Англии.

Когда И. Риббентроп попросил советское правительство начать действовать и ввести свои войска в Восточную Польшу, В. Молотов уклонился от обозначения конкретных сроков [15]. Немцы стали делать недвусмысленные шаги, говорящие о намерении устроить по своему усмотрению советскую сферу влияния, если СССР не введет в нее войска. 15 сентября 1939 г. Ф. Шуленбург предупредил В.М. Молотова, что если СССР в ближайшее время не введет войска, то в советской зоне интересов может образоваться вакуум, на котором могут возникнуть новые государства [16]. Понятное дело, что намек был на создание независимой Украины, которой германское правительство так пугало СССР в 1938–1939 гг. в виде Карпатской Украины. Поняв, что дальнейшее промедление может пагубно сказаться на собственной безопасности, советское правительство решило ввести войска в Польшу.

Гитлер долгое время не посвящал в тайны секретного протокола даже Генштаб. Доказательством тому служит тот факт, что даже «наиболее близкий» к Гитлеру генерал Йодль 17 сентября 1939 г., получив сообщение, что войска Красной Армии вступают на территорию Польши, не имел информации, против кого выступали эти войска [17].

У этого факта есть лишь одно рациональное объяснение – высшее политическое руководство рейха в сентябре 1939 г. не информировало военных о секретном протоколе к пакту о ненападении, потому что не могло спрогнозировать поведение Москвы, следовательно, никаких, даже устных договоренностей об общих военных действиях против Польши на советско-германских переговорах в Москве не было. Об этом также свидетельствует нота германского МИД в адрес Советского Союза от 22 июня 1941 г., где СССР обвиняется в том, что «оккупация и большевизация Советским правительством территории Восточной Европы и Балкан, переданных Советскому Союзу правительством рейха в Москве в качестве сферы влияния, полностью противоречат московским договоренностям» [18].

Польские и некоторые отечественные историки считают, что СССР совершил агрессию, т.к. правительство еще было на территории Польши, а Варшава еще не капитулировала [19]. М. Семиряга утверждает, что «государство-контрагент не прекращает существование, если его высшие органы продолжают олицетворять его суверенитет в эмиграции, как было с польским правительством» [20]. Однако, 17 сентября 1939 г. польское правительство было где-то возле Залещиков на румынской границе, и де-факто уже никем не управляло, а в Румынии было интернировано. Когда В. Гжибовскому было предложено связаться с польским правительством (которое, по его мнению, находилось в Кременце), посол отказался. Разгром польских армий немцами был полный. Версии о том, что польская армия могла бы нанести немцам контрудар, если бы не советское вторжение, выглядят несерьезными, поскольку уже 5 сентября Э. Рыдз-Смиглы дал приказ польским войскам отступать в сторону союзной Румынии. Днем 14 сентября польское правительство и президент И. Мосцицкий перебрались в г. Куты на румынской границе. 17 сентября к ним присоединился и Э. Рыдз-Смиглы.

Как пишет польский историк М. Станевич, никому из этих беглецов «что забились 17 сентября в переполненные чемоданами лимузины, стоявшие около румынского приграничного поста, и в голову не пришло, чтобы вернуться к воюющим отрядам, прорваться в столицу или Модлин»[21]. В такой ситуации советское правительство не могло ждать, когда поляки сформируют новое правительство во Франции.

Теперь, когда события сентября 1939 г. достаточно хорошо изучены, следует однозначно заявить, что ни какой помощи со стороны СССР Германия в Польше реально не получила [22], да она была и не нужна. К 17 сентября Вермахт не только разгромил основные группировки Войска Польского, но и окружил практически все боеспособные части. Правда, отдельные немногочисленные отряды не были блокированы или находились восточнее реки Западный Буг, но они не могли изменить обстановку на фронте. Конечно, не вступи в Польшу Красная армия, немцам потребовалось бы какое-то

время для занятия ее восточных воеводств, но никакого реального устойчивого фронта там возникнуть не могло.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в большинстве западных и ряде отечественных работ роль СССР в ликвидации польской государственности сознательно и значительно гиперболизируется. Германское нападение на Польшу мог остановить лишь полноценный союз СССР, Англии, Франции и Польши, который не был оформлен не по вине советского правительства. Наконец, вступление Красной Армии в Восточную Польшу уже ничего не решило в плане сохранения польского государства, зато позволило СССР выстоять во время германского блицкрига в 1941 г. и спасти всю Европу от германского владычества.

В распаде Польши виновато в первую очередь польское правительство, которое всячески препятствовало созданию системы коллективной безопасности в 1934–1939 гг., подрывало вместе с Германией стабильность военно-политическими акциями и отказалось принять советскую помощь, понадеявшись на западных союзников и переоценив собственную военную мощь.

Примечания

1. *Дембский С.* Мюнхенское соглашение и пакт Риббентропа-Молотова через семьдесят лет: проблемы, интерпретации, влияние // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / *под. ред. М. Наринского и С. Дембского*. М., 2009. С. 80.

2. *Волос М.* Внешняя политика Советского Союза в 1938-1939 гг. // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / *под. ред. М. Наринского и С. Дембского*. М., 2009. С. 184.

3. История дипломатии / *под ред. В. Потемкина*. М., 1945. Т. 3. С. 502.

4. *Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 227.

5. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) Ф. 05. Оп. 18. П. 146. Д. 12. Л. 70.

6. *Парсаданова В.* Образ России в произведениях Пилсудского // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание/ *Сост. А. Липатов и И. Шайтанов*. М., 2000. С. 168.

7. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 25. Д. 8. С. 2-3.

8. *Случ С.* Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. – август 1939 г.). // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / *Под. ред. М. Наринского и С. Дембского*. М., 2009. С. 342–343.

9. Год кризиса. М., 1990. Т. 2. С. 394.

10. *Сиполс В.* СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. М., 1974. С. 539.

11. *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война. М., 1972. С. 301.

12. Год кризиса. М., 1990. Т. 2. С. 316–318.

13. *Кремлев С.* Россия и Германия: Путь к пакту: Коридоры раздора и пакт надежды: Историческое исследование. М., 2004. С. 410.

14. Год кризиса. М., 1990. Т. 2. С. 337.

15. Документы внешней политики СССР. М., 1990. Т. 22. Кн. 2. С. 25.

16. *Макарчук В.* События сентября 1939 года в свете доктрины интертемпорального права и права на «самопомощь» // Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну / *Отв. ред. Н. Нарочницкая*. М., 2009. С. 124.

17. *Варлимонт В.* В гитлеровских высших штабах // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны */ пер. с англ.; сост. Е. Трояновская*. М., 1992. С. 127–128.

18. Военно-исторический журнал. 1991. №6. С. 34–37.

19. *Войтковяк Я*. Советско-польский вооруженный конфликт в сентябре 1939 года // Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков / *под. ред. М. Наринского и С. Дембского*. М., 2009. С. 466.

20. *Семиряга М.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992.

21. *Станевич М.* Сентябрьская катастрофа. М., 1953. С. 235.

22. *Мельтюхов М.* Советско-польские войны. М., 2001. С. 202.

Я.Н. Войтова-Долгих (г. Краснодар, Российская Федерация)

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Российско-польские отношения на всем протяжении их истории никогда не были простыми. Неоднозначные исторические факты в истории развития двух государств определяют не только их проти-

воречивость, но, в то же время, исследовательский интерес. То обстоятельство, что взаимоотношения между Россией и Польшей выходят за рамки двусторонних связей и оказывают влияние на происходящие процессы не только в восточно-европейском регионе, но и во всей Европе в целом, затрагивают политику ведущих государств Запада, делает изучение российско-польского сотрудничества и опыта данных стран в международно-правовом поле особенно актуальным [1].

Дипломатические отношения между РСФСР и Польшей были установлены в 1921 г., обмен главами дипмиссий состоялся 3-4 августа 1921 г. Правовой фундамент двусторонних отношений образуют документы, подписанные между бывшими СССР и ПНР (их инвентаризация пока не завершена) [2]. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, был подписан в Варшаве 28 декабря 1957 г. (утратил силу на основании Международного договора от 16.09.1996). 23 января 1980 г. был подписан Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой (Варшава, 28 декабря 1957 г.) о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, который несколько изменил некоторые статьи Договора. Протокол вступил в силу с 15 ноября 1980 г. [3].

Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о дружественном и добрососедском сотрудничестве был подписан 22 мая 1992 г. [4]. С начала 90-х гг. XX в. было подписано около 60 межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений, направленных на развитие русско-польского сотрудничества по самому широкому спектру вопросов, ставшие основой двусторонних отношений между Российской Федерацией и Республикой Польша.

Основой современных правовых отношений между Российской Федерацией и Республикой Польша стал Договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам

(Варшава, 16 сентября 1996 года) [5]. В преамбуле договора говорится, что стороны, руководствуясь желанием дальнейшего развития дружественных отношений между обоими государствами, а также стремясь к углублению и совершенствованию взаимного сотрудничества в области правовой помощи и правовых отношений, подписали данный договор. Договор состоит из 4 частей (Часть первая. Общие положения; Часть вторая. Гражданские дела; Часть третья. Уголовные дела; Часть четвертая. Заключительные положения) и 106 статей.

Согласно договору предусматривается оказание правовой помощи посредством совершения отдельных процессуальных действий, предусмотренных внутренним законодательством Стороны. Оказание помощи заключается в составлении, пересылке и вручении документов, проведении обысков, получении и передаче вещественных доказательств, производстве экспертиз, допросе сторон, свидетелей, обвиняемых и других лиц уголовного преследования, выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, передаче осужденных для отбывания наказания.

Польша ратифицировала договор 30 января 1997 г. В России Договор был ратифицирован Федеральным законом от 13 июля 2001 г. N 96-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам» [6].

Договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам вступил в силу с 18 января 2002 г.

В июле 2010 г. министры юстиции России и Польши подписали Меморандум о сотрудничестве, согласно которому для профессиональных юристов двух стран стали возможны совместные мероприятия по повышению квалификации.

Меморандум о сотрудничестве заложил основу для тесного и эффективного сотрудничества во взаимном обмене информацией и практическим опытом по основным направлениям деятельности ведомств двух стран. В соответствии с ним были составлены программы сотрудничества, по организации семинаров, конференций и

стажировок, направленных на повышение квалификации профессиональных юристов [7].

В мае 2012 г. в Санкт-Петербурге, в рамках работы II Петербургского международного юридического форума было подписано Соглашение между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции Республики Польша о порядке сношений по гражданским делам в рамках Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам [8]. Свои подписи под документом поставили и.о. Министра юстиции Российской Федерации А. Коновалов и Министр юстиции Польши Я. Говин.

Соглашение предусматривает значительное упрощение порядка сношений компетентными органами при оказании правовой помощи по гражданским делам. По заключенному Соглашению сокращается время на рассмотрение поручений компетентных органов двух стран об оказании правовой помощи. Подписание данного Соглашения стало важным шагом в развитии отношений между Российской Федерацией и Республикой Польша в области правовой помощи и правовых отношений. Республика Польша – первое государство-член Европейского союза, с которым начал действовать упрощенный порядок сношений между компетентными органами при оказании правовой помощи [9].

Важным событием в развитии российско-польских юридических связей стало проведение в Варшаве 21 ноября 2012 г. I Российско-Польского Юридического Дня [10]. Это событие состоялось при официальной поддержке МИД Польши, Министерства Юстиции Польши, Российского Посольства в Польше, а также Посольства Республики Польша в Москве. Конференцию также поддержали: Варшавская Фондовая Биржа, Адвокатская Палата Польши, Адвокатская Палата г. Варшава, Окружная Палата Юридических Консультантов в г. Варшава, Московская палата адвокатов, Федеральная палата адвокатов РФ, Российское авторское общество, Польское авторское общество.

Известный польский адвокат Т. Вардыньский, учредитель юридической фирмы «Вардынский и партнеры», ставшей соорганизатором Дня, так прокомментировал это событие: «Это международная инициатива. Она родилась в организации, членами которой являются адвокатские палаты, а также объединения юристконсультов из России и Польши. Речь идет об International Bar Association (Международной Ассоциации Адвокатов), задачей которой является формирование международного юридического профессионального сообщества в области гражданского права. Что касается польской стороны, то мы уже давно хотели организовать такую встречу, прежде всего, чтобы побороть стереотипы, существующие в отдельных кругах в Польше и очень вредящие польско-российскому сотрудничеству. Для меня лично было необычайно важным, чтобы это мероприятие состоялось, так как мои контакты с Россией насчитывают более десятка лет, и я знаю, как эта страна изменилась, насколько она интересна, и как много мы могли бы вместе сделать. А главной целью данного мероприятия является установление контактов между адвокатами» [11]. I Российско-Польский Юридический День высоко оценил председатель коллегии адвокатов независимой российской юридической фирмы АЛРУД, член Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации В. Рудомино.

Важным итогом Первого Российско-Польского Юридического Дня стало подписание соглашения о сотрудничестве между Адвокатской палатой г. Москвы, с одной стороны, и Окружной палатой юрисконсультов Варшавы, а также Окружным советом адвокатов Варшавы, с другой стороны. В рамках этого соглашения была запланирована организация взаимных стажировок, семинаров, конференций, встреч, направленных на укрепление прямых контактов между польскими и российскими адвокатами и юристами. Проведение I Российско-Польского Юридического Дня стало существенным шагом на пути сближения юридических и бизнес сообществ России и Польши.

24 октября 2013 г. в Москве состоялся Второй Российско-Польский Юридический День. Конференция стала продолжением

первой польско-российской встречи юристов, прошедшей в Варшаве в ноябре 2012 г. В подготовке к конференции активно приняли участие польские и российские юридические фирмы и организации, Варшавская биржа ценных бумаг и министерства юстиции и иностранных дел Польши и России [12].

Участники конференции подчеркнули важность мероприятия в укреплении двустороннего сотрудничества государств. Посол Польши в России Войцех Зайончковский, в частности, заметил, что наблюдается рост бизнес-контактов между Россией и Польшей и в этой связи «развитие диалога между юристами обеих стран — залог дальнейшего развития отношений Польши и России в экономической сфере» [13]. Польский адвокат Т. Вардыньский, давая оценку этому мероприятию, отметил: «В свое время я обратил внимание, что кроме немногочисленных личных контактов, нет особого движения и обмена между Польшей и Россией в области юриспруденции. Хотя в области культуры дружеские связи между поляками и русскими повсеместны. Мы считаем, что право также является частью культурного наследия. Например, выдающийся польский юрист Леон Петражицкий учился, а затем преподавал в России. Традиции и события истории как бы диктовали нам сближение, но этого не происходило. Поэтому мы и решили выступить с инициативой организации Российско-Польского юридического дня в Варшаве, а в этом году в Москве» [14].

В ходе дискуссий участники обсудили как общие вопросы ведения бизнеса в условиях формирующегося комфортного правового, делового и социально-культурного климата, так и более частные проблемы защиты инвестиций, особенностей деятельности российских и польских судов, роли государства, управления юридической фирмой. В завершение Конференции участники выразили надежду на укрепление прямых контактов между польскими и российскими адвокатами и юристами, чему, в том числе, в значительной мере способствует проведение таких двусторонних встреч, как Российско-Польский Юридический День.

Следует отметить, что подобное взаимодействие является необходимым и естественным процессом, позволяющим российским и польским компаниям вести диалог в условиях комфортного правового, делового и социально-культурного климата. Такие мероприятия открывают широкие возможности для обмена информацией и обсуждения проблемных вопросов, с которыми сталкиваются практикующие юристы и адвокаты при сопровождении двусторонних проектов.

Следующая встреча участников Российско-Польского Юридического Дня была намечена на октябрь-ноябрь 2014 г. Однако, из-за ухудшения международной обстановки запланированное мероприятие не состоялось.

Можно отметить, что интенсивность двусторонних российско-польских контактов заметно снизилась в 2014 г. в связи с обострением украинского кризиса и решением западных стран ограничить связи с Россией. Это отразилось на ритмичности функционирования основных механизмов российско-польского взаимодействия, в том числе и на российско-польских контактах.

24 июля 2014 г. Польша отменила все мероприятия «перекрестного» Года Польши в России, которые были запланированы на 2015 г. [15]. Польское правительство заявило, что в условиях ухудшения внешнеполитической ситуации, и всего того, что происходит на Украине, невозможно проведение Года Польши в России [16].

В нынешних условиях остается надеяться, что в ближайшем будущем международная ситуация стабилизируется, и российско-польские связи, в том числе и в юридической сфере, будут возобновлены.

Примечания

1. *Бандуров А.С.* Международно-правовые аспекты российско-польских отношений, М., 2006. С.5-7.

2. Российско-польские отношения / URL: http://archive.mid.ru//bdomp/Ns-reuro.nsf/arh/432569D80022027E43256BCF0053079E?OpenDocument.

3. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой о правовой помощи и правовых отношени-

ях по гражданским, семейным и уголовным делам (Варшава, 28 декабря 1957 года) / URL: http://www.alppp.ru/law/grazhdanskoe-pravo/mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo/11/dogovor-mezhdu-sssr-i-polskoj-narodnoj-respublikoj-o-pravovoj-pomoschi-i-pravovyh-otnoshen.html.

4. ДОГОВОР между Российской Федерацией и Республикой Польша от 22.05.92 "О ДРУЖЕСТВЕННОМ И ДОБРОСОСЕДСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ" / URL: http://www.zakonprost.ru/content/base/24317.

5. "Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам" (подписан в г. Варшаве 16.09.1996) / URL: http: //www. consultant. Ru /document/cons_doc_LAW_122555/?frame=4.

6. Федеральный закон от 13 июля 2001 г. N 96-ФЗ "О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам" / URL: http://base.garant.ru/2561178/#ixzz3lGvfK3F0.

7. В Петербурге подписана программа сотрудничества министерств юстиции РФ и Польши / URL: http://www.rosbalt.ru/piter/2010/07/19/754848.html.

8. Соглашение между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции Республики Польша о порядке сношений по гражданским делам в рамках Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам/ URL: http://docs.cntd.ru/document/902383832.

9. Россия и Польша подписали соглашение о взаимодействии по гражданским делам / URL: http://pravo.ru/news/view/72431/.

10. Российско-Польский Юридический День / URL: http://rpld.confcentre.ru/ru.

11. В Варшаве впервые состоялся Российско-Польский юридический день / URL: http://radiopolsha.pl/6/174/Artykul/119363#sthash.GvBZlDq3.dpuf.

12. В Москве состоялся II Российско-Польский Юридический День / URL: http://legalinsight.ru/v-moskve-sostojalsja-ii-rossijsko-polskij-juridicheskij-den/.

13. В Москве состоялся II Российско-Польский Юридический День / URL:http://zakon.ru/blog/2013/10/28/v_moskve_sostoyalsya_ii_rossijskopolskij_yuridicheskij_den.

14. Сотрудничество юристов Польши и России укрепляется / URL:http://redaktorext.polskieradio.pl/6/174/Artykul/155729.

15. Россия – Польша. Политический диалог. / URL:http://poland.mid.ru/politiceskij-dialog.

16. Polski bojkot Kremla / URL: http://www.rp.pl/artykul/118801,1128078-Nie-bedzie-Roku-Polski-w-Rosji—Polski-bojkot-Kremla.html.

И.Ю.Васильев (г. Краснодар, Российская Федерация)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Примеры того, что идейные принципы, принципы социальной организации, сформулированные и разработанные в рамках одного этноса, более глубоко и/или длительно реализуются в рамках другого этноса, нередки в истории.

Так, буддизм, возникший и расцветший в Индии, укрепился на века на территориях, расположенных к востоку от Индостана. В Индии он в результате возрождения индуизма занял весьма скромное место [1]. Корейское конфуцианство считается гораздо более вросшим в повседневную жизнь и мировоззрение народа, в большей степени повлиявшим на национальный менталитет, чем у китайцев – создателей учения (в данном случае речь идёт не только об идеологии, но и принципах социального поведения (см. ниже)) [2].

В XVI столетии на Днепре сформировалось Запорожское казачество – новый и уникальный социокультурный организм. Однако истоки его происхождения во многом остаются загадкой и по сей день. В этой связи необходимо выяснить, кто мог стать катализатором возникновения казачьей идеологии на территории Речи Посполитой? Где было средоточие казачьих вольностей в этом государстве? Население какой местности или социальная группа была наиболее свободолюбивым, обладало опытом самоорганизации и самоуправления, знанием военного дела? Несомненно, это была шляхта – аристократическое сословие государства. Наряду с вольнолюбием и способностью к самоорганизации, она была носительницей военно-рыцарской идеологии.

Шляхта была по-настоящему свободным сословием. К рубежу XVI–XVII вв. она не несла никаких повинностей, за исключением

службы в ополчении и небольшого налога. Шляхта реально управляла государством. Она избирала короля и решала важнейшие проблемы государственной жизни в своём представительном органе – Сейме. Шляхтичи, не избранные депутатами общепольского сейма, могли принимать участие в местных сеймиках. Последние формировали состав и направляли работу главного представительного органа. Закон формально ограждал личность шляхтича от насилия государства и соотечественников. Но при этом обычай и господствующие вольнолюбивые нравы позволяли быть свободными и от закона. Долгое время шляхта была основной воинской силой Речи Посполитой.

Существование этого сословия не могло не способствовать возникновению запорожской вольницы. Ведь наиболее ценностно значимая и идеологически активная часть общества исповедовала принципы свободы, самоуправления, воинской доблести. Они не могли не быть привлекательны для многих. Одновременно чрезмерная вольность шляхтичей неминуемо вела к произволу [4]. Произвол был следствием беззакония, насилия и конфликтов. От него страдали как представители зависимых групп населения, так и аристократия. Особенно тяжело приходилось православным восточным славянам. Нагнетание враждебности к православию обществе при слабости государства делала необходимыми бегство и самозащиту. Это привело к созданию внегосударственной военной общины – Сечи. Последняя стала использовать сложившуюся воинскую идеологию, приспосабливая её к своим целям.

Одной из её важнейших составляющих был культ свободы. Для шляхтича она была самоценной [4]. Он не желал терпеть навязанных извне ограничений. Также относились к своей вольности запорожцы. Ради неё они были готовы пожертвовать не только собственной жизнью, но и самым дорогим – Сечью. Именно несговорчивость запорожцев, их негибкость стали причинами разгрома Сечи в 1775 г. [5]. Качествами, производными от чрезмерного вольнолюбия, можно считать неустойчивость политических симпатий се-

чевиков [6]. Значительные трудности в управлении войском испытывали и гетманы реестрового казачества [7].

Единственным способом ограничения такого свободолюбия был произвол большинства над меньшинством, сильной партии над слабой. В Запорожье данный вид произвола был гораздо более распространённым, чем в Польше [8]. Это можно объяснить численным преобладанием среди казаков выходцев из податных сословий, безусловно признававших примат общих интересов над личными. К тому же суровые условия казачьей жизни требовали быстрых и решительных действий. В этих условиях личная свобода запорожца выражалась в праве свободного прихода в Сечь и ухода из неё за исключением военного времени. При этом и среди шляхтичей, и среди казаков решение сбора полноправных членов общества признавалось близким к священному [9].

Компромиссы между аристократической идеологией и демократическим составом войска не были редкими. Необходимостью контролировать буйных и свободолюбивых простолюдинов были вызваны телесные наказания. Однако казака можно было бить только палкой-кием. Удар плетью считался позорящим казачье звание [10].

Несомненно, следствием шляхетского влияния является «рыцарская» составляющая идеологии запорожского казачества. Ему казаки обязаны самим термином «лыцарь», представлением о рыцарском долге как служении христианской вере и защите мирных людей, но не всегда службе конкретному сюзерену [11].

Общей особенностью шляхетской и казачьей ментальности было сочетание нарочитой простоты в быту и стремления к расточительности и блеску [12]. И то, и другое должно было подчеркнуть нарочитое следование рыцарскому идеалу непривязанности к жизни и стремления к известности. Запорожцы, совмещавшие аскетизм с самым широким разгулом, включая проматывание всего имущества и уничтожение ценных вещей, пошли в этом даже дальше польских рыцарей [13].

Каковы пути, по которым аристократические ценности проникли в казачью среду? Как уже говорилось, все социальные слои Речи Посполитой были склонны подражать шляхте. Но немало дворян было и в самой Сечи. Это были люди, пострадавшие в социальных и межличностных конфликтах, а также любители приключений и «истинно рыцарской» жизни. Среди них были как украинские и белорусские, так и собственно польские шляхтичи. В этой связи интересно высказывание итальянского дипломата П. делла Валле о том, что запорожские казаки «христиане, и почти все католики» [14]. «Запорожье населяли вообще поляки» – вторит ему старожил станицы Мингрельской казак с польскими корнями С.Е. Дамницкий [15]. Конечно, высказывания дипломата и старожила сильно преувеличивают число и значение поляков, но отнюдь не беспочвенны. Поляки постоянно фигурировали в числе народов, из которых происходили казаки [16]. Одним из документально подтверждённых случаев вступления шляхтича в сечевое «товарищество» имело место 2 мая 1760 г. Тогда казаком стал один из будущих отцов-основателей Черноморского войска П.Г. Бурнос [17].

Именно осознание своего сходства-непохожести со шляхтой отчасти привело казаков к конфликту с польским государством в середине XVII в. По мнению авторитетного слависта Б.Н. Флори, казаки на раннем этапе своей борьбы хотели просто реформировать Речь Посполитую и занять в ней место шляхты [18].

В течении XIX–XX вв. в польском обществе происходил решительный разрыв с принципами Речи Посполитой. Сначала выстраивалась единая современная нация, а потом и государственность, построенная на принципах законности и твёрдого, подчас жесткого порядка. Польша несколько позже, в сравнении с Россией, прошла типологически сходный с ней путь отхода от неустойчивого и изменчивого общественного устройства к твёрдой и стабильной государственности, в становлении которой огромную роль сыграли такие военные деятели, как Юзеф Пилсудский и Войцех Ярузельский. Хотя государственность эта, в отличии от России, опирается на го-

раздо более близкие к западным принципы (влияние Германии, США)[19].

У украинцев же сохранились весьма разветвлённые и длинные линии горизонтальных социальных связей, и способность к спонтанным действиям. Это показали и старинные казацкие восстания, и махновщина, и оба майдана начала XXI в.

Недостаток легитимности любой иерархии в глазах украинцев определяет хроническую слабость украинской государственности. И не только. Неиерархичность в сочетании с индивидуализмом препятствует стабильности и постоянству культуры и идентичности. Если речь не идёт о крестьянской культуре села, которая сравнительно неплохо сохранилась на западе Украины. Но Запад – не совсем украинская традиция, о нём надо вести речь особо. Мы имеем в виду уровень городской культуры и этнического самосознания. Они всегда были пёстрыми, нестабильными и разнообразными как во времени, так и в пространстве. Украинцы в конце XIX – начале XX вв. одновременно пытались быть хохлами, малороссами, украинцами или русскими, стремиться к народным корням или модернизму. И сейчас Украина позиционирует себя то как оплот традиционализма, то – радикального либерализма [20].

В чём же причина сохранения на Украине некоторых элементов социальной специфики давно исчезнувшей Речи Посполитой? Во многом по причине разной этнополитической ситуации на территории Польши и Украины.

Поляки очень активно боролись за свою национальную независимость. С конца XVIII и в течении XIX вв. народ пережил три кровопролитные войны, закончившиеся поражениями (1791–1815; 1830–1831; 1863–1864; антигерманские восстания в Познани 1846 и 1848 гг.). Однако борьба за независимость, как в легальном, так и нелегальном виде продолжалась. К моменту достижения национальной независимости польский народ достиг достаточного уровня консолидации, которая, в частности, помогла отразить натиск Красной Армии во время советско-польской войны [21].

Украина окончательно вошла в состав России к началу XVIII столетия. Процесс интеграции не встретил массового народного сопротивления [22]. Малороссийская элита весьма органично вошла в элиту общероссийскую. На Украине, входившей в состав Российской империи и СССР, до 1939 г. масштабной национально- освободительной борьбы не велось. Определённым исключением была лишь Волынь на западе. Действия, направленные на достижения независимости Украины, были уделом малочисленной украинофильской субкультуры. Огромное число украинцев принимало участие в неукраинских этнокультурных проектах. Отношения украинцев с другими восточнославянскими народами складывались достаточно благополучно. Активная и достаточно массовая национально-освободительная борьба имела место только на западе Украины во второй четверти XX в. (вспышка вооруженной антипольской борьбы во время революции 1848 г. имела место ещё до формирования украинского самосознания у славян региона. «Украинская версия» национального движения восточных славян Галиции стала преобладать лишь к концу XIX в. при помощи австро-венгерских властей. Свою роль сыграло и долгое бытование образа жизни периода раннего Нового времени у украинских селян и казаков, позднее появление (только в XX в.) массового украиноязычного образования [23].

Такое положение не создавало для украинцев «ситуации вызова», не заставляло изменять прежний уклад жизни. Всё это отнюдь не способствовало этносоциальной консолидации украинского народа, выстраиванию работающей социально-политической иерархии.

Примечания

1. *Дюмулен Г.*Глава 3. Основы махаяны // История дзэн-буддизма. Индия и Китай. СПб., 1994.

2. *Смертин Ю.Г.* В поисках шаманизма: опыт научной работы в Республике Корея // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные связи. Краснодар, 2008; *Смертин Ю.Г.* Корейский шаманизм: прошлое в настоящем // Мир Востока: ежегодник факультета во-

стоковедения института экономики, права и гуманитарных специальностей. Краснодар, 2003. С. 33–37**;***Сим Л.М.* К вопросу о корейском менталитете: прошлое в настоящем //http://world.lib.ru (дата обращения: 19. 07. 2015)

3. *Чаплиньский В.* Органы государственной власти в Польше в XVI – XVII вв. // Вопросы истории. 1977. С. 148–156.; *Тазбир Я.* Привилегированное сословие феодальной Польши // Там же. С. 163.

4. *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма М., 2002.С. 76.

5. *Корж Н.Л.* Устное повествование бывшего запорожца // Запорожская Сечь. М., 2004. С. 311–314.

6. *Яворницкий Д.И.* История Запорожского казачества. Киев, 1990. Т. 1. С. 238–239.

7. *Яковлева Т.Г.* Мазепа-гетман. В поисках исторической объективности // Новая и новейшая история. 2003. №4. С. 53–57.

8. *Чаплиньский В.* Указ. соч. С. 158; *Яворницкий Д.И.* Указ. соч. С.167–168.

9. *Яворницкий Д.И.*Указ. соч. С. 145–150, 152.

10. Там же. С. 190–191.

11. *Лескинен М.В.* Указ. соч. С. 108.

12. *Тазбир Я.* Указ. соч. С. 159–161, 166.

13. *Миллер Г.Ф.* Рассуждение о запорожцах // Запорожская Сечь. М., 2004. С. 5.

14. Цит. по: *Королёв В.Н*. Босфорская война. Ростов н / Д., 2002. С. 619.

15. Кубанская Фольклорно-этнографическая Экспедиция (далее – КФЭЭ) - 2000. Краснодарский край, Абинский район, Станица Мингрельская, иссле-дователь – Матвеев О.В., информатор – Дамницкий С.Е.

16. Цит. по: *Яворницкий Д.И*. Указ. соч. С.143.; *Маркедонов С.М.* От истории к конструированию национальной идентичности(исторические воззре-ния участников «Вольноказачьего движения») // www.cosckdom.com(дата об-ращения 12. 06. 2007).

17. *Шкуро В.И.* Сын шляхтича Пётр Григорьевич Бурнос – третий в ряду кубанских георгиевских кавалеров // Поляки в России: XVII–XX вв. Красно-дар, 2003. С. 190.

18. *Флоря Б.Н.* Отношение украинского казачество к Речи Посполитой во время казацких восстаний 20 – 30-х годов XVII века и на начальном этапе народно-освободительной войны // Славяноведение. 2002. № 2. С. 45.

19. *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М, 2004. С. 351–506.

20. *Васильев И.* Специфика украинской культуры // http://www.golos-epohi.ru(дата обращения:18. 07. 2015).

21. *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е*. Указ. соч. С. 273–385.

22. *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 125–144.

23. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIXв.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.; *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М, 2003; *Борисёнок Е.Ю*. Феномен Советской украинизации. М, 2006.

А.В. Баранов (г. Краснодар, Российская Федерация)

ПРОТИВОБОРСТВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (2005–2013 гг.) В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ

Актуальность темы статьи в том, что кризис украинской идентичности стал важным фактором неоднородности внешнеполитических ориентаций общества, внес весомый вклад в политическую конфронтацию. Для исторической науки представляет интерес осмысление динамики внешнеполитических ориентаций в глубоко расколотых обществах.

Цель статьи – определить проявления кризиса идентичностина Украине в аспекте противоборства внешнеполитических ориентаций от «Оранжевой революции» до майданного переворота (2005–2013 гг.).

Определим ведущие исследования темы. Баланс национальной, этнических и региональных идентичностей анализировали украинские эксперты Д. Кирюхин, С. Щербак, М. Погребинский, А. Попов и А. Толпыго [1], А.В. Радченко [2], Е.В. Князева [3]. Среди западных исследований значимы работы А. Каппелера, Г. Зимона и Ю. Бестерс-Дильгер [4]. Крымская школа исследований представлена работами В.Е. Григорьянца, А.В. Мальгина, А.В. Ишина и др. [5], А.В. Ставицкого [6]. Сложилась школа анализа региональной идентичности в Донбассе (работы С.Н. Барышникова, С.Ю. Бунтовско-

го, И.В. Гречко и др.) [7], Г.О. Коржова [8]. Важное значение сохраняют работы российских специалистов С.С. Савоскула [9], Л.В. Савина [10]. Они доказывают глубокую фрагментацию этнических, языковых и региональных сообществ Украины.

Поскольку кризис украинского государства развивается в 2013–2015 гг. стремительно, изменения идентичностей недостаточно раскрыты. Среди новейших исследований отметим брошюру В.Д. Пихоровича [11], монографию С.Я. Сущия [12], коллективные работы О.И. Вендиной, В.А. Колосова, Ф.А. Попова и А.Б. Себенцова [13], В.В. Лапкина и В.И. Пантина [14], статьи Н.П. Пашиной [15] и О.Б. Неменского [16]. Украиноцентричная концепция идентичности выражена В.В. Фесенко [17].

Методологическую основу составляет конструктивизм. Это позволяет осмыслить конфликт идентичности как взаимодействие субъектов политики в стремлении осуществить противоречивые интересы, связанные с властью, влиянием на политику и статусом в общественной иерархии. Субъектами конфликта выступают не гражданские нации, этнические и религиозные сообщества в целом, а лидеры и элиты. На материалах Украины конструктивистская парадигма применяется А.И. Миллером [18].

В Украине ярко проявляется «многослойность» этнокультурного пространства, вызванная затяжным формированием территории. Украина имеет искусственные границы, что вызвало её сегментацию. Значительно сказываются контрасты специализации экономики регионов. Общеизвестна конфессиональная разнородность.

Преобладающий фактор размежеваний идентичности – языковой. По опросу социологической службы «Рейтинг», в октябре 2013 г. за предоставление русскому языку государственного статуса выступали 43%, против – 51% респондентов. Государственный статус русского языка пользовался безоговорочной поддержкой в Донбассе и Крыму (по 85%), на Юге (69%), на Востоке (не считая Донбасса) – 57% [19]. Этнополитические размежевания населения Украины резко проявляются и в оценке ключевых событий истории [20].

Жители Украины сохраняли близкую этнокультурную дистанцию с русскими. Анкетный опрос, проведенный Киевским международным институтом социологии в ноябре 2012 г. (выборка 2048 чел.), показал индекс этнокультурной дистанции от русских 2,7 балла (в сравнении с 2,5 в 1992 г.). Никакой другой народ не рассматривался жителями Украины как столь близкий. Но вследствие 25-летней политики наблюдался рост гражданской идентичности и спад региональной, локальной. 59,6% опрошенных считали себя в первую очередь гражданами Украины, территориальная идентичность была основной для 25,1%, удельный вес «граждан СССР» – 8,3%. Характерен повышенный уровень региональной и «советской» идентичности среди русских, жителей Востока и Юга страны, лиц среднего и пожилого возраста [21].

Судя по анкетному опросу компании «Рейтинг» (выборка 2000 чел.), процент респондентов, которые поддерживали вступление Украины в Европейский Союз, в середине марта 2014 г. достиг 52%, а желавших вступления в Таможенный союз снизился до 25,6%. За вступление в НАТО в середине марта 2014 г. выступали 44%, против – 47% [22]. Опрос, проведённый службой «GfK Ukraine» 24–28 сентября 2014 г. (выборка 976 респондентов старше 18 лет), дал 52% поддержки вступления в НАТО. Против вступления в НАТО высказались 19%. 18% признались, что не голосовали бы, 10% не определились. Традиционна наивысшая поддержка вступления в НАТО среди жителей западного региона и киевлян (73% и 71% соответственно), а самая низкая – на юге и востоке страны (36% и 27%) [23].

Свержение законных органов государственной власти Украины имело движущей силой, прежде всего, сообщества Запада и Центра страны. Поэтому поддержка унитарного устройства Украины, по сведениям социологической службы «Рейтинг», выросла с 2011 г. до марта 2014 г. с 50 до 61%, федерации – слегка сократилась: с 25 до 24%,а 15% респондентов не определились. Только в Донбассе за федеративное устройство выступали 59% опрошенных [24].

Киевский международный институт социологии накануне свержения В.Ф. Януковича провел опрос 8-18 февраля 2014 г. (выборка 2032 чел. старше 18 лет во всех областях Украины и Крыму, погрешность не более 2,2%). Удельный вес респондентов, которые желали объединения Украины и России в одно государство, составил 12,5% в среднем по стране (41,0% в Автономной Республике Крым, 33,2% – в Донецкой области, 24,1% – в Луганской, 24,0% – в Одесской, 16,7% – в Запорожской, 15,1% – в Харьковской, 13,8% – в Днепропетровской области. За время «майданного» движения уровень таких настроений по стране вырос с 9 до 12,5% [25]. В.В. Фесенко приводит данные о преобладании позиции: «Украина и Россия должны быть независимыми, но дружественными государствами, без виз и таможен» (68%). Выступали за отношения с Россией на общих основаниях (с закрытыми границами, визами и таможнями) 15% [26].

Анкетный опрос 8-16 апреля 2014 г., проведенный Киевским международным институтом социологии в 8 областях Юга и Востока страны (выборка 3232 чел., погрешность 1,8%), доказал резкое размежевание внутри макрорегиона [27]. Выделялись Донецкая и Луганская области. Если по 8 областям считали «Евромайдан» оправданным протестом 41,7%, то в Донецкой и Луганской областях – 20 и 26,8%. По нарастанию поддержки «Евромайдана» последовательность такова: в Запорожской области – 43,7%, Харьковской – 47,5%, Одесской – 50,1%, Днепропетровской – 54,5%, Николаевской – 60,3% и Херсонской – 61,9% [28].

Респонденты Донбасса и, в меньшей мере, Харьковской области видели решение проблем в федерализации Украины и тесном сотрудничестве с Россией. Поддерживали или «скорее поддерживали» мнение о том, что их регионам следовало отделиться от Украины и присоединиться к РФ, 30,3% жителей Луганской области, 27,5% жителей Донецкой области и 16,1% – Харьковской области [29]. В остальных 5 областях Юга и Востока Украины такие настроения были весьма слабыми.

Данные тенденции проявлялись и по иным индикаторам идентичности в опросе 10-15 апреля 2014 г. Считали для себя главной угрозой «вторжение России» 6,4% респондентов в Донецкой области, 10,7% – в Луганской и, на контрасте, 36,2% – в Николаевской и 42,7% – в Херсонской областях [30]. Именно в Донецкой и Луганской областях – наивысший процент опрошенных, которые считали, что Россия справедливо защищает интересы русскоязычных граждан. Эти регионы резко выделялись поддержкой гипотетического ввода российских войск, экономических и политических ориентаций на Россию, а не на Евросоюз и США. Только в Донбассе потенциальная угроза со стороны киевского режима оценивалась как более весомая, чем РФ. Индикаторы позиционирования Донбасса носят отчётливый антиолигархический характер.

Аналогичный конфликт ориентаций проявлялся в сентябре 2014 г., после карательных операций киевского режима в Донбассе. В.В. Лапкин и В.И. Пантин отмечают: «На нынешнем этапе постсоветский проект строительства украинской нации являет собой... попытку именно через конфликт и общенациональную социальную и гуманитарную катастрофу обеспечить» объединение этнических, религиозных и социальных групп [31]. Степень поддержки вступления Украины в НАТО и «антитеррористической операции» в Донбассе остается дифференцированной по регионам.

Итоги выборов в Верховную Раду Украины 28 октября 2014 г., подсчитанные в процентах от списочного состава избирателей (с учетом неявки) доказали географическую неизменность раскола «Запад – Восток». Он отчетливо выделяет области с повышенной поддержкой Оппозиционного блока и Коммунистической партии Украины (Одесскую, Николаевскую, Херсонскую, Запорожскую, Днепропетровскую, Харьковскую, а также контролируемые Украиной части Донбасса). В Харьковской области за Оппозиционный блок голосовало больше 32% избирателей, в Донецкой – 39%, в Луганской – 36%, в Днепропетровской – 24%, в Одесской – свыше 18%. КПУ набрала в Луганской области 12%, в Донецкой больше 10%, в Запорожской, Николаевской, Херсонской, Одесской и Харь-

ковской – по 8-9%. Более того, ареал влияния оппозиции националистическому режиму отчасти распространился на Черниговскую, Сумскую, Черновицкую и Закарпатскую области [32].

Баланс идентичностей в Крыму – отдельный аспект, достойный специального исследования. Ограничимся краткой оценкой тенденций, проявившихся до воссоединения. В Крыму сложилась региональная идентичность. Её разделяют не только русские по происхождению, но и многие украинцы, белорусы, греки, поволжские татары и др. По микропереписи 2014 г.84,1% жителей Республики Крым и г. Севастополя, указавших этничность, назвали русский язык родным. Среди них – 99,8% русских, 79,7% украинцев, 91,1% белорусов, 83% греков, 81% болгар, 47% армян, 8,7% крымских татар.Для сравнения, среди украинцев Крыма украинский язык назвали родным 20,3%, а среди крымских татар свой язык родным – 74% [33]. Русская идентичность является основой крымской региональной.

Опрос, проведенный Центром им. А. Разумкова в феврале-марте 2011 г. (выборка 2020 чел.), выявил, что основной угрозой крымчане считали НАТО (51% ответов),противостояние между регионами Украины (17,9%), между Крымом и украинской властью (12,8%), США (12,6%). Угрозой считали Россию 3,8% крымчан. Восприятие угроз в сознании русских и украинцев почти не различалось, в отличие от общественного мнения крымских татар – наиболее прозападного [34].

В условиях нараставшего политического кризиса (ноябрь 2013–2014 гг.) было сложно проводить репрезентативные исследования. Но есть источники, характеризующие рост уровня крымского регионализма. В марте-апреле 2014 г. Центр социологических исследований г. Севастополя провел анкетный опрос во всем Крыму (пропорциональная выборка 1500 чел.). 86,1% опрошенных осуждали вооруженный захват власти в Украине, а 9,6% – признавали его. Только 11,5% респондентов признавали новую киевскую власть, а 84,7% поддержали референдум о самоопределении полуострова. Рейтинг проблем, которые наиболее беспокоили крымчан, доказы-

вает политизацию общественного мнения. Националистический переворот задел глубинные пласты цивилизационной, этнической, исторической самооценки крымчан. Самой важной задачей они назвали улучшение отношений с Россией (59,2% ответов), политическую стабилизацию (57,6%), повышение доходов (57,0%), самостоятельность Крыма (55,0%), статус русского языка (52,0% ответов) [35]. Выбор внешнеполитических ориентаций крымчан однозначен. Считали, что Украине следует сотрудничать с Россией, 73,7%; с другими странами СНГ – 7,4%; оставаться внеблоковой – 8,6%; стать партнером ЕС – 8,9%; союзником США – 1,0%. И только 0,4% крымчан поддерживали вступление Украины в НАТО [36]. Таким образом, итоги референдума в Республике Крым и г. Севастополе 16 марта 2014 г. полностью подтверждаются синхронним социологическим исследованием.

Сделаем выводы. Примерное равновесие прозападных и пророссийских ориентаций, сложившееся в Украине за постсоветский период, разрушено целенаправленными усилиями внешнеполитических акторов (США и стран Евросоюза), элит и партий страны путем дестабилизации и государственного переворота. Гражданская война используется прозападными правящими элитами страны для закрепления этнократической политики идентичности, подавления этнического и языкового плюрализма.

В этих условиях развитие идентичностей регионов происходит по расходящимся траекториям. Политический кризис 2013–2014 гг. сделал необратимым доминирование русской этнической и российской национальной идентичности в Крыму. Противоречиво развивается идентичность в Донбассе вследствие гражданской войны 2014–2015 гг. Вероятно ослабление украинской идентичности и рост «новороссийской», если эти процессы не будут прерваны этноцидом и депортациями со стороны киевского режима.

В остальных областях Юга и Востока растёт конфликт идентичностей, но киевский режим подавляет инакомыслие. Наибольшая приверженность этнонациональной украинской идентичности проявляется в Херсонской, Николаевской и Днепропетровской об-

ластях, относительно меньшая (по убыванию) – в Запорожской, Одесской и Харьковской областях. Это создает значительные препятствия для конструирования идентичности Новороссии как единого политико-культурного пространства. Сохраняется размежевание западных и восточных областей Украины по вопросам выбора между европейской и евразийской интеграцией, отношения к государственному перевороту и этнократии.

Украинские органы власти ни до, ни тем более после переворота 22 февраля 2014 г. не провели референдум по вопросам федерализации, государственного двуязычия, выбора геополитических ориентиров страны. Общественное мнение проигнорировано. А ведь референдум соответствовал демократическим принципам и помог бы стране избежать гражданской войны. Решение Верховной Рады Украины об отмене регионального статуса русского языка (февраль 2014 г.) углубило этнокультурный и языковой раскол общества, принуждая к украинизации.

Примечания

1. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / *под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго.* М., 2013.

2. *Радченко О.В.*Ціннісна система суспільства як механізм демократичного державотворення. Харків, 2009.

3. *Князева Е.В.* Самоидентификации населения южноукраинского региона: «неукротимость примордиального» // Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного. Одесса, 2013. С. 267–284.

4. Україна. Процеси націотворення / *упоряд. А.Каппелер.* Київ, 2011.С. 9–30, 337–380.

5. *Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В.* Федерализация Украины: к единству через разнообразие. М., 2011. С. 106–129, 172–182.

6. *Ставицкий А.В.* Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь, 2013.

7. Проблемы региональной идентичности Донбасса: сб. аналитич. статей / *авт.-сост. А. Иванов, А. Мартынов.* Донецк, 2011.

8. *Коржов Г.О.* Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации // Социология: теория, методы, маркетинг. Киев, 2006. № 4. С. 38–51.

9. *Савоскул С.С.* Этнополитические ориентации и гражданская идентичность населения Украины // Вестник Евразии. 2002. № 2. С. 47–74.

10. *Савин Л.В.* Национально-политическая идентификация в Украине и формы репрезентации власти // Современные политические процессы на Украине. Ростов н/Д, 2009. С. 105–115.

11. *Пихорович В.Д.* Украина между Западом и Востоком: Война на Донбассе. М., 2014.

12. *Сущий С.Я.* Украина – Россия – мир: некоторые грани взаимодействия (до и после кризиса). Ростов н/Д, 2014.С. 49–72.

13. *Вендина О.И., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б.* Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Политические исследования. 2014. № 5. С. 50–67.

14. *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Политические исследования. 2014. № 5. С. 68–89.

15. *Пашина Н.П.* Кризис политической идентичности украинских граждан: внешнеполитический аспект // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. История. Политология. Экономика. 2014. Т. 30. № 8 (179). С. 167–169.

16. *Неменский О.Б.*Модели южнорусской идентичности на Украине // Вопросы национализма. 2014. № 2(18). С. 20–31.

17. *Фесенко В.В.* Кризис в Украине в восприятии украинцев // ProetContra. 2014. Т. 18. Май – авг. С. 26–35.

18. *Миллер А.И.* Политика строительства нации – государства на Украине // Политическая наука. 2010. № 1. С. 76–99.

19. *Фесенко В.В.*Указ. соч. С. 34.

20. *Портнов А.* Україна: Сучасна історіографія українського націотворення: кілька спостережень // Україна. Процеси націотворення. Київ, 2011. С. 39–47.

21. Аналитический отчет по результатам исследования «Региональная толерантность, ксенофобия и права человека в Украине в 2012 году». URL: http://www.ihrpex.org/ru/docs/; *Вендина О.И., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б.*Указ. соч. С. 63.

22.*Фесенко В.В.*Указ. соч. С. 33–34.

23. 52% украинцев готовы поддержать вступление страны в НАТО на референдуме: соцопрос. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1852324.html#ixzz3Ej4lXMs0(дата обращения: 30.09.2014).

24. Результати національного опитування IRI в Україні: березень 2014. URL: http://ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14086/.

25. Отношение жителей Украины и России к событиям в Украине. URL: http://www.levada.ru/03-03-2014/otnoshenie-zhitelei-ukrainy-i-rossii-k-sobytiyam-v-ukraine.

26. *Фесенко В.В.* Указ. соч. С. 32.

27.Мнения и взгляды жителей Юго-Востока Украины: апрель 2014.URL: http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugo-vostoka-ukrainy-aprel-2014-143598_html.

28. Там же.

29. Там же.

30. Там же.

31. *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Указ. соч. С. 79.

32. *Мальцев В.* Украину склеить не удалось. URL: http://www.rosbalt.ru/ukraina/2014/10/30/1333099.html.

33. Национальный состав населения по итогам переписи населения Крымского федерального округа 2014. URL: http://fond-sblizhenie. ru/ nacionalnyj-sostav-naseleniya-po-itogam-perepisi-naseleniya-krymskogo-federalnogo-okruga-2014.

34. Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. № 4-5 (122-123). С. 27–28.

35. *Бунецкий Л.Л.* Особенности массового политического менталитета граждан в условиях самоопределения Крыма и Севастополя // Крым и Донбасс: год после государственного переворота на Украине. Ростов н/Д, 2015. С. 63–65, 73.

36. Там же. С. 77.

Н.Н.Косач (г. Краснодар, Российская Федерация)

ВЛИЯНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГОЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА НА ЭКОНОМИКУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) образовался на основе тесной интеграции между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. После распада СССР в Белоруссии были нарушены мощные экономические связи между странами, связанные едиными технологическими цепочками во всех промышленных отраслях.

Руководство Белоруссии в 1990-е гг. стало налаживать утраченные связи с Россией. Такая необходимость вытекала из самой природы отношений, сложившихся вначале между республиками СССР и получивших затем свое развитие после создания СНГ. Россия была и остается на нынешнем этапе основным политическим партнером для всех без исключения стран СНГ, его экономическим ядром. И хотя страны Содружества находятся в состоянии взаимозависимости, именно Россия, унаследовав большую часть промышленного потенциала СССР, остается основным стержнем, посредством которого строятся эти «вертикальные» связи на нынешнем этапе. Вот почему союз Беларуси с Россией представляется наиболее логическим и принимает объективные формы [1].

В 1995 г. президенты Беларуси, Казахстана, России и позже присоединяющихся государств – Кыргызстана и Таджикистана подписали первые соглашения о создании Таможенного союза. На основе этих договоренностей в 2000 г. было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). 6 октября 2007 г. в Душанбе Беларусь, Казахстан и Россия подписали соглашение о создании единой таможенной территории и Комиссии Таможенного союза в качестве единого постоянно действующего руководящего органа Таможенного союза.

Евразийский таможенный союз или Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России появился на свет 1 января 2010 г. Он явился первым шагом на пути к формированию более широкого типа Евразийского экономического союза бывших советских республик [2].

С 1 января 2015 г. Россия, Белоруссия и Казахстан выходят на новый уровень экономической интеграции: начинает действовать Евразийский экономический союз (ЕАЭС) [3]. Сразу после вступления в силу Евразийского экономического союза в Республике Беларусь образовалось два мнения – «за» и «против» ЕАЭС. К плюсам относится то, что ЕАЭС открывает перед странами дополнительные перспективы, в частности, активизирует создание совместных производственных кооперации, новых рабочих мест, которые

повысят конкуренцию на рынках стран ЕАЭС, предприятия стран получат лучшие условия для выхода на международные рынки [4]. Плюсом является также свободный доступ белорусских товаров на рынки стран ЕАЭС, но одновременно и на белорусский рынок будет беспрепятственно проникать продукция стран-партнеров [5].

Гармонизация национальных законодательств в соответствии с правилами нового союза должна быть завершена в течение 10-летнего периода. Согласно договоренностям стран-участниц, в 2016 г. должен быть создан общий фармацевтический рынок, к 2019 г. — общий рынок электроэнергии, к 2025 г. – рынок нефти, газа и нефтепродуктов. Также в 2025 г. в Алма-Ате должен начать работу наднациональный орган по регулированию финансового рынка союза [6].

Но создание Евразийского экономического союза объективно ведет к появлению факторов уязвимости Республики Беларусь во внешнеэкономической и внешнеполитической сферах. Существенным минусом является невозможность проведения самостоятельных переговоров по торговым режимам со странами, не входящими вЕАЭС[7].

Союз представляет собой интеграционное объединение стран переходных экономик, и это создает опасения по поводу того, что оно будет лишь способствовать протекционизму и закреплению технологической отсталости в этих странах[8]. Это будет отрицательно сказываться на экономике Республики Беларусь. Существенный минус в том, что дешевые нефть и газ, получаемые Беларусью из России, могут существенно замедлить диверсификацию национальной экономики, что будет иметь негативные последствие в долгосрочной перспективе. По сути дела, Беларусь становится энергетически зависимой от России[9].

Другим критически важным для республики Беларусь аспектом является покрытие за счет внешних заимствований бюджетного дефицита. Инвестиционные проекты, существующие в рамках ЕврАзЭС, были ранее закреплены различными двусторонними межправительственными договорами, и обеспечиваются, как пра-

вило, предоставлением льготных российских кредитов. Что касается совместных масштабных инвестиционных проектов всех стран-участниц ЕАЭС, то такие не существуют даже в планах, как нет единой инвестиционной политики, а также стратегии модернизации национальных экономик, предполагающей объединение инвестиционных ресурсов государств-членов ЕАЭС. В этом отношении Евразийский экономический союз как потенциальный донор белорусскую сторону привлечь не может [10].

Таким образом, Евразийский экономический союз является следствием обострения конкуренции на мировых рыках, в результате которой бывшие союзные республики вынуждены объединяться по географическому принципу, расширять и углублять технологические и производственные связи, совместно использовать ресурсы, объединять капиталы, создавать друг другу благоприятные условия осуществления экономической деятельности [11].

Примечания

1. Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаунага універсітэта: У 7 т. Т. 3. Юрыспрудэнцыя. Эканоміка. Міжнародныя адносіны / *Адк. рэд. В. М. Гадуноу*. Минск, 2001. С.312

2. Мировая экономика (экономические статьи) « Евразийский экономический союз (ЕАЭС) » //http://www.ereport.ru/articles/ecunions/eaeu.htm (дата обращения: 26.06.2015).

3.«Евразийский экономический союз стал реальностью» // http://1big.ru/news/world/eaes/9681-evraziyskiy-ekonomicheskiy-soyuz-stal-realnostyu.html.

4. Гарант информационно-правовой портал «Таможенный кодекс Таможенного союза» // http://base.garant.ru/12171455/1/#block_1000 (дата обращения: 20.06.2015).

5. Полит надзор «Плюс – минус таможенного союза»// http://www.politnadzor.ru/news/plyus-minus-tamozhennyj-soyuz.html (дата обращения 20.03.2012 г.).

6. Гарант информационно-правовой портал «Таможенный кодекс Таможенного союза» // http://base.garant.ru/12171455/1/#block_1000 (дата обращения: 20.06.2015).

7. Белорусы и рынок «Плюсы и минусы Таможенного союза» // http://www.belmarket.by/ru/55/15/4236/(дата обращения: 30.03.2012).

8. *Плащинский Г.* Восточное партнерство и Таможенный союз: плюсы и минусы для Беларуси // http:// energobelarus.by:88 /index. php?section= articles &article_id=480 (дата обращения: 29.03.2012).

9. «Евразийская интеграция Беларуси: плюсы и минусы глазами экспертов» // http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/belarus-/entry 100816 5860. html(дата обращения: 19.06.2015).

10. *Фадеев А.В.* Перспективы формирования единого рынка ЕАЭС и позиция Республики Беларусь // http://politobzor.net/show-52732-perspektivy-formirovaniya-edinogo-rynka-eaes-i-poziciya-respubliki-belarus.html(дата обращения: 11.06.2015).

11. Материалы 6-й Международной научно- технической конференции «Наука – образованию, производству, экономике», 31 декабря – 2 февраля 2008 года / *редколлегия: А.М. Темичев и др.* Минск, 2008. С.202.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ И ИХ СОСЕДЕЙ

Э.Г. Вартаньян (г. Краснодар, Российская Федерация)

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА К РОМАНТИЗМУ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XIX в.)

Во второй половине XVIII в. в Польше сложилась культура нового типа, отличающаяся от предшествующей содержанием и характером взаимодействия с мировой культурой. В научной литературе отсутствует определение жестких границ отдельных этапов польского Просвещения. Исследователь И.И. Свирида отмечает, что новые (просветительские – **Э.В.)** тенденции зародились в Польше уже в 1720-е гг., в 1730–1750-е гг. были сделаны шаги по «европеизации» польской культуры, начались первые атаки на традиционный менталитет шляхты; а в 1760–1770-е гг. культурная деятельность неразрывно связывалась с идеей реформ, были созданы важнейшие общественные просветительские институты [1]. Вопреки разделам Речи Посполитой, фундамент, заложенный в этот период, позволил польской культуре самостоятельно развиваться и явился источником укрепления самосознания народа.

Просветители с их стремлением к правде, были носителями рационального начала, поэтому ведущую роль отдавали науке, основанной на эмпирических знаниях и раскрепощающей человеческое мышление. В эпоху Просвещения уменьшилась роль религии в сфере науки и культуры, но в Польше атеизм не получил развития, взгляды просветителей характеризовались не отрицанием религии, а стремлением ограничить поле ее деятельности «разумным» истолкованием бога. Пропаганда веротерпимости просветителями велась осторожно, в Польше она имела политический аспект, т.к. инициаторами уравнивания иноверцев в правах с католиками вы-

ступали Пруссия и Россия. Вместе с тем, наука в эпоху Просвещения перестала быть монополией ученых. Стали устраиваться публичные диспуты на тему о новой философии, учении Н. Коперника, сочинений Р. Декарта, И. Ньютона [2]. Доминирующей для просветителей была идея гармонии – морального и физического начала, человека и природы, личного и общественного. В контексте способности человека ставить общественные интересы выше личных возросло значение этики. В основу этики просветители, в частности, Станислав Сташиц, ставили представление о необходимости трудиться и соблюдать законы. И, конечно же, в эпоху Просвещения изменилась интерпретация понятия «нация». Если раньше нация у поляков отождествлялась со шляхетским сословием, теперь общество поднялось до понимания единых этнических истоков и исторических судеб всего народа Польши. Но ведущим сословием признавалась в эпоху Просвещения по-прежнему шляхта, достоинства которой отошли в прошлое. Просветители критически относились к положению своей страны и ратовали за подъем экономики, реорганизацию государственной системы.

В XVIII в. польская культура все еще сохраняла феодальный облик, ей была свойственна децентрализация, регионализм. Культивировалась ксенофобия, что в немалой степени было связано со стремлением шляхты не допустить изменений в своем положении. Взаимоотношение культуры и общества в Польше имело специфический характер, поскольку, в отличие от Западной Европы, здесь Просвещение развивалось не в условиях активного расширения капиталистического уклада, а буржуазные по направленности просветительские явления опережали общественно-экономические сдвиги, выступая их катализатором [3].

На протяжении XVII–XVIII вв. польское общество сохраняло сословный характер, отсюда и многоуровневость польской культуры (шляхетская, городская и крестьянская). Но в отличие от западноевропейских государств Польша не имела развитого городского населения, поэтому и доминировала шляхетская культура. Во второй половине XVIII в. отношения между народной и элитарной

культурой (категории «свой – чужой») имели уже менее жесткий характер [4]. Например, некоторые польские исследователи считают, что повышению однородности культурных явлений в польском обществе XVII–XVIII вв. способствовало усиление влияния костела в крестьянской среде, в которую он внедрил универсальные стереотипы христианского мышления и христианской символики [5]. Однако народная культура в полной мере будет принята обществом в эпоху романтизма.

Еще одна особенность польского общества XVIII в. – пространственное единение культуры. В становлении польской культуры, в связи с территориальными изменениями, проявилась следующая специфика: ее развитие было задержано на этнически польских землях (Силезия, Гданьское Поморье, Вармия, Мазуры), но ее очаги расположились за их пределами. Характерно существование в Речи Посполитой полиэтнических культурных центров (Львов, Вильно). Польская культура выступала в государстве как официальная. Вместе с тем, украинский, белорусский, литовский фольклор послужил одним из источников формирования польской литературы.

Структура польской культуры Нового времени складывалась не только в результате усиления взаимосвязи различных ее пластов (социальных, региональных, этнических), но и дальнейшей дифференциации. В конце XVIII в. возникают эмиграционные центры польской культуры (как защитная реакция на цензурные ограничения, политический гнет), имевшие большое значение в деле дальнейшей освободительной борьбы польского народа [6].

Деятельность в области культуры в Польше была в немалой степени связана с инициативами короля Станислава Августа Понятовского (1732–1798). Будучи одним из образованнейших людей своего времени, он понимал значение культуры и поставил ее развитие на государственную основу. В эпоху Просвещения в Польше особое содержание приобрело меценатство: покровительство наукам и культуре рассматривалось не только как частное дело, дело престижа, а и как долг просвещенного гражданина перед отече-

ством. Политика Станислава Августа, который привлекал ко двору деятелей науки и культуры, способствовала изменению общественного статуса представителей культуры. Возникают многочисленные, хотя и недолговечные, научные и литературные общества, оживилась издательская деятельность. Периодические издания способствовали изменению характера культурной жизни, популяризации знаний, выработке общественного мнения, распространению просветительских идей. Но в изданиях разного толка, особенно в политической публицистике, находили выражение идеологические противоречия общества. К сожалению, далеко не все культурные начинания просветителей были реализованы по причинам финансовых сложностей и политическим обстоятельствам.

Но главное, чего достигли польские просветители – национальный язык. Язык как средство культурного общения был усовершенствован, обогатился его лексический состав, он из филологического вопроса превратился в общественно-культурную проблему. Для польских просветителей правильно говорить значило правильно мыслить, стиль речи, её четкий, ясный характер они считали одним из определяющих факторов морального совершенствования человека и общества, подъема культуры. Во второй половине XVIII в. польский язык доминировал в государственных документах, науке и литературе. После утраты независимости наличие сформировавшегося литературного языка было для поляков залогом сохранения нации.

Именно в Польше возникло такое специфическое явление, как «просвещенный сарматизм» [7], который был продуктом взаимопроникновения европейских идей Просвещения и национальной культурной традиции. Сармати́зм – шляхетская идеология, доминировавшая в Речи Посполитой в XVI–XIX вв. Формировался сарматизм в эпоху позднего Ренессанса в шляхетской среде на почве особого политико-правового статуса дворянского сословия в обществе и государстве. Основополагающим положением сарматизма стал постулат об особом происхождении польского народа, под которым понималось только дворянство. Он возводил шляхту к

древним сарматам, отделяя от простолюдинов. Содержание понятия «сарматизм» менялось в польском обществе на протяжении нескольких веков. Вначале его смысл сводился к определению старинного польского образа жизни и национального характера. В XVII в. сарматизм в целом был принят шляхтой в качестве основы ее сословно-корпоративной идеологии и определил уникальный характер польской знати и ее политический статус в век абсолютизма в Западной Европе. Под сарматизмом стали понимать совокупность присущих польскому шляхетскому сословию особенностей менталитета, которые проявлялись в мировоззрении, образе и стиле жизни, в быту, определенном типе культуры, поведенческих стереотипов. В эпоху Просвещения в языке польской знати и аристократии это определение уже носило негативный оттенок, противопоставляя изысканной утонченности салонов грубоватость и простоту «старой шляхты». По представлениям новой эпохи оно отражало негативные черты, противоположные идеалу просвещенного либерального гражданина: религиозный фанатизм, суеверие, приверженность старым обычаям и порядкам, традиционализм и ксенофобию. Позже социально-негативный характер понятия уступил место национально-патриотическому содержанию. Так, в период Четырехлетнего сейма (1788–1792) становится особенно популярным образ «просвещенного сармата». Под ним понимался истинный патриот, образованный человек, воспринявший идеи философов-просветителей и одновременно уважающий старинные польские обычаи [8].

Во второй половине XVIII в. в Польше стали дифференцироваться понятия «свобода» и «независимость». Свобода в ту эпоху означала «золотую шляхетскую вольность», независимость же понималась как независимость от другого государства, как ликвидация «чужого гнета» [9].

В эпоху Просвещения научное и художественное творчество перестало быть частным делом, оно превратилось, в первую очередь, в служение обществу, в произведениях деятелей культуры отчетливо выявляется гражданская направленность. В иерархии видов художественной культуры первое место занимала литература, кото-

рая была главным полем формирования художественно-эстетических идей [10]. Второе место занимал театр как зрелищное искусство, воспитывающее гражданственность и патриотизм [11]. В польской художественной практике соотношение «высоких» (драма, портретная, историческая, библейская и мифологическая живопись) и «низких» (комедия, жанровая живопись, бытовая тематика в целом) жанров было в пользу последних вопреки официально признанной в Европе иерархии. Окружающая человека жизнь стала предметом творчества. Таким образом, Просвещение сделало важный шаг на пути эмансипации человеческой личности, преодоления социальных барьеров, сословной этики. Эта эпоха утвердила основы польской культуры.

Третий раздел (1794 г.) явился мощным ударом не только по политической, но в значительной мере и по социальной структуре прежней Польши. Начавшиеся в стране в XVIII в. процессы модернизации этой структуры вследствие потери государственности вступили в новую фазу развития. Потеря независимости резким рубежом отделила многовековую историю Польши от действительности, которая принесла с собой политическое порабощение. На несколько поколений романтиков раздел страны наложил неизгладимый отпечаток. Не удивительно, что политическая свобода играла в этот период в Польше исключительную роль. Романтики выступили против всякого деспотизма, провозглашали демократические идеи, защищали интересы угнетенных народов, стремились соединить социальную борьбу с освободительной.

Многие представители польской культуры стали отодвигать на второй план свою творческую работу и посвятили себя общественно-патриотической деятельности, участвовали в восстаниях (Тадеуша Костюшко 1794 г., 1830–1831 гг., 1863 г.), были членами тайных организаций. Созданные ими произведения были не только документами эпохи, запечатлевшими непосредственно события освободительной борьбы, но и отразили патриотическое сознание своей эпохи. Романтизм принял вызов, брошенный Польше в связи с потерей независимости, и мог ответить на него, указывая пути,

ведущие в будущее. Для польских романтиков потеря независимости стала неизлечимой раной. Романтики не разделяли точки зрения своих современников-реформистов, которые проповедовали различные политические компромиссы. Идеи романтизма были порождены действительностью, прежде всего Великой французской революцией, наполеоновскими войнами, разделами Польши. Эти идеи влияли на польскую действительность XIX в. и определяли ее духовный облик. Чувство собственной правоты, пафос борьбы за свободу – все это вдохновляло воображение романтиков.

Литература в эпоху романтизма составляла в Польше наиболее важную часть национальной культуры, была главной трибуной духовной жизни общества. Она свидетельствовала о жизнестойкости народа и его вольнолюбивых стремлениях. Главная задача литературы и всей польской культуры – утверждение патриотических идей. В связи с этим появляются новые стереотипы коллективного национального самосознания.

Идеи Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого легли в основу концепции национального искусства, связанной с освободительной борьбой народа. Обращение к прошлому для Польши, в условиях утраты национальной самостоятельности, было вызвано, прежде всего, стремлением сохранить самобытность и своеобразие национальной культуры. По А. Мицкевичу, история – это не только прошлое, но и будущее. Великий поэт считал, что в перспективе будущего возможен осмысленный взгляд на прошлое. Великий романтик видел цель культуры в «поддержке высших стремлений эпохи», советовал художникам писать картины, которые бы отражали «положение страны» [12].

Первая половина XIX в. ознаменовалась изменениями в социальном составе и в положении деятелей культуры, что было обусловлено общими структурными изменениями в польском обществе. Укрепилось политико-правовое и экономическое положение мещанства; оно все активнее начало участвовать в работе государственного аппарата. В творческих же кругах наблюдалась обратная картина – происходила «шляхетизация» свободных профессий [13].

Можно констатировать, что в эпоху романтизма была начата борьба за национальную культуру. Романтизм был тем направлением, которое стремилось к созданию нового типа национальной культуры, нового идеала человека-гражданина, нового типа сознания и этики. В этот период начался процесс демократизации художественной жизни (как результат включения в культурную деятельность средних слоев общества), распространения ее публичных форм [14]. Для рассматриваемого периода была характерна борьба за полонизацию творческих сил. Причем этот процесс в разных областях искусства совершался не синхронно (у живописцев и архитекторов раньше, у скульпторов и граверов – позже).

Таким образом, эпоха Просвещения утвердила основы польской культуры Нового времени, выдвинула плеяду выдающихся деятелей общеевропейского масштаба. Созданные в эпоху Просвещения институты послужили фундаментом дальнейшей демократизации польской культуры. Великие польские просветители создали новый литературный язык, начали совершенствовать и углублять художественное познание действительности, вводить новые жанры в культуру. Формирование литературной эстетики просветительского типа (пришедшей на смену школьной поэтике и риторике), создание литературных журналов и художественной критики в современном понимании, наконец, само творчество писателей – все это было частью общественно-политической деятельности просветителей и одновременно действенным орудием их борьбы за реформы, которая преобразила духовную жизнь страны. Вообще, польское общество осуществило в эпоху Просвещения огромный цивилизационный скачок. Просветители придали культурной жизни общества публичный, светский характер, вывели ее за стены монастырских школ, поставили вопрос о необходимости сделать культуру достоянием всех слоев общества.

В конце XVIII – первой трети XIX в. складывается облик художника-гражданина Польши. Прямым выражением этого стало участие творческой интеллигенции в освободительном движении в стране. Без созданных просветителями художественных ценностей

был бы немыслим взлет романтиков. Если просветители обеспечили преемственность развития польской культуры в условиях разделов страны, то романтики предлагали нации, утратившей государственность, независимый духовный мир и существование поляков и Польши как духовного единства и общности. XIX в. прошел в Польше под знаком подчинения художественного опыта общенациональным целям и задачам.

Примечания

1. *Свирида И.И*. Польская культура // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988. С. 8.

2. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. Т. 1. М., 1956. С. 303, 314.

3. Польша на путях развития и утверждения капитализма. М., 1984. С. 303.

4. *Виноградова Л.Н*. Культура у западнославянского крестьянства // История крестьянства в Европе. Т. 3. М., 1986.

5. *Burszta J*. Kultura ludova – kultura narodna. Szkice I rozprawy. Poznan – Warszawa, 1974. S. 49.

6. *Свирида И.И.* Указ. соч. С. 16.

7. *Софронова П.Л.* Сарматизм в польской драматургии эпохи Просвещения // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

8. Во второй половине XIX в. типичный представитель сарматизма – доблестный благородный рыцарь-шляхтич. В конце XIX в. под «сарматизмом» подразумевались старинные польские обычаи, шляхетское помещичье гостеприимство, простота, открытость, широта, щедрость, прямота. В 20– 30-е гг. XX в. «сарматизм» означал нравы, обычаи и представления польского дворянства эпохи господства шляхетской демократии (см. *Лескинен М.В.* Указ соч. С.19).

9. *Яниoн М.* Польский романтизм и проблемы национального самосознания // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 212.

10. *Липатов А.В.* Литературный облик польского Просвещения // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение, Национальное возрождение. М., 1982. С. 123-170.

11. *Сафронова Л.А.* Польская театральная культура эпохи Просвещения. М., 1985.

12. *Прокофьева Д.С.* Польский романтизм и концепция национальной культуры // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 223.

13. *Свирида И.И.* Художник в Польше в период формирования нации // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978. С. 221.

14. *Свирида И.И.* Некоторые особенности польской художественной жизни первой половины XIX в. // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

М.В. Подхомутникова (г. Краснодар, Российская Федерация)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ)

Тема этнокультурной идентичности включает много направлений и проблем. Интерес к вопросам этнокультурной идентичности вызван тем, что основными вызовами современной эпохи являются две взаимосвязанные проблемы: глобализация и идентичность. С усилением полиэтничности стран происходит межцивилизационный и межкультурный обмен.

Сегодня человек все больше ощущает потребность идентификации своего я, нахождения способов этнической адаптации в глобализирующемся сообществе. Человек в условиях культурной глобализации осознает и переживает принадлежность одновременно к множеству различных культурных общностей: языку, этносу, нации, региону, цивилизации и т.д. При этом этническое и национальное основание в структуре культурной идентичности личности не нивелируется, но теряет доминирующее положение.

Глобализация представляет собой комплексный, противоречивый феномен. Для одних глобализация представляет угрозу идентичностям, для других глобализация усиливает идентичности. Тре-

тьи говорят, что глобализация оказывает положительное, так и отрицательное влияние на идентичность.

С одной стороны, глобализация, это – беспрецедентное развитие науки и информационных технологий, выходящих за границы времени и пространства, формирование транснациональных отношений и корпораций, взаимообмен между людьми. С другой – явная дезинтеграция и дифференциация, интенсификация мирового разделения труда, тенденция к многообразию. Этот парадокс сочетания противоположных тенденций порождает интерес относительно актуализации проблематики идентичности.

Этнокультурная идентичность любого народа складывается в результате знания событий своей истории и культуры, развития родного языка, образования, сохранения культурной самобытности. Этнокультурная идентичность формируется в процессе свободного и добровольного жизнетворчества нации.

Понятие «нация» – многогранный социальный феномен. Одни видят в нации большой коллектив, основанный на фундаментальном согласии своих членов. Другие определяют нацию как общую солидарность, основанную на общности интересов, на единодушии. Нация, по мнению Б. Андерсона [1], «воображаемое сообщество», потому что соотечественники даже не знакомы между собой, но имеют в сознании образ сообщества. В то же время нация всегда территориально определена, суверенно обладает государством, а вместе с ним – независимостью и выражена в чувстве общей солидарности. Множественность подходов к пониманию этого термина объясняет В. Бэйджгот: «До тех пор, пока нас о ней (нации) не спрашивают, мы понимаем, что это такое, но тотчас же, это объяснить или определить мы не в состоянии» [2].

На уровне этнокультурной национальной идентичности вопрос, вслед за С. Хантингтоном [3], «Кто мы?» стимулирует к изучению идентичности как потенциального ключа к созданию гармоничного общества. С. Хантингтон полагал, что идентичность нации не является величиной постоянной, она лишь сохраняет в своей структуре культурные основания всех предшествующих исторических моди-

фикаций, в том числе национальной и этнической. Благо, которое несет в себе глобализация для национальной идентичности, заключается в том, что на фоне изменения роли национального государства, появления транснациональных пространств возникает всплеск интереса к локальным явлениям национальной культуры**.**

В условиях глобализации культура стала общеупотребительным синонимом идентичности, её характерным и определяющим признаком. В настоящее время проблема сохранения культурных традиций приобретает все бóльшую актуальность. Процессы глобализации усиливают стремление народов защитить собственную культуру и идентичность. Национальная идентичность включает множество компонентов, таких как мировоззрение, национальное самосознание, менталитет, национальный характер, историческая память, национальные традиции, мифы, символы и стереотипы поведения, язык и др.

Межкультурная интеграция – стратегическая цель этнокультурного образовательного процесса. Если этнической идентичности отдельный народ может достигнуть в относительно короткое время, то достижение межкультурной интеграции более длительный процесс, в нем объединяются усилия представителей всех этносов, проживающих на определенной территории. Именно создание единого культурного, информационного и образовательного пространства и есть основное условие возможности этнической идентификации людей, населяющих территорию.

Формирование нации, национального сознания, культуры, языка – длительный исторический процесс. Польское государство возникло в X в., просуществовало восемь столетий и за это время пережило многое. Полякам приходилось отстаивать свою независимость с помощью оружия. Славной страницей в летописи польского государства было заключение в 1569 г. в Люблине унии между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским и создание Речи Посполитой. Позиция Польши, как региональной державы, была высока. Поляки воспринимали себя и свою страну как соединительное звено, призванное транслировать на Восток свет культуры и просвещения.

Успехи во внутренней и внешней политике служили полякам основанием для роста национального самосознания. Польская национальная идентичность формировалась на основедвух сильнейших мифов: о Польше как оплоте католицизма (что соответственно утверждало формулу «поляк = католик») и «шляхетской» – высокой польской культуре. Шляхта имела более высокий уровень национального самосознания по сравнению с другими классами общества польского общества, устраненными от участия в политической жизни. К. Бродзиньский подчеркивает исключительную роль в Европе польской шляхты. Сражающаяся за благородные цели – веру, свободу и национальную независимость, – она остается оплотом духовности: «Лехиты сегодня являются европейским благородным сословием» [4].

Специфика социально-политического строя Польши определила внутреннюю и внешнюю слабость Польского государства, что послужило причиной его исчезновения с карты Европы в 1795 г. Вопрос относительно причин трагедии Польши остается до сих пор дискуссионным: в частности, одна группа польских историков («пессимисты») видит их в «военной, политической и дипломатической слабости Речи Посполитой», другая («оптимисты») – в «неблагоприятном для Польши соотношении сил европейских держав и ее противоречиях с Россией и Пруссией» [5].

В результате раздела Речи Посполитой польский народ лишился необходимых условий национального развития – суверенитета и территориального единства. Поляки оказались разобщенными и включенными в состав трех инонациональных государственных образований (России, Австрии, Пруссии), что в перспективе могло привести к потере национальной идентичности.

Рост патриотических настроений и распространение их на широкие слои общества способствовали активизации процесса развития национального самосознания. Национальная жизнь поляков развивалась более интенсивно там, где чужеземная власть предоставляла им относительную свободу и проводила по отношению к народу толерантную политику. Деятельность польских патриотов,

начавшаяся с середины XIX в., способствовала национальному возрождению: утверждался родной язык, развивалась национальная культура и просвещение. Условия жизни польского народа, менявшиеся в ходе его исторической судьбы, изменяли и его самого, становились фактором роста его самосознания и развития.

Текущий век быстротечен, реальность меняется быстро. Мир несет изменения, которые уже никого не шокируют. Средства массовой коммуникации влияют на наши самоощущения и ценности, которые девальвируются, трансформируются, мигрируют вместе с иммигрантами в пространстве значений, проявляясь по-разному в разных контекстах. В результате человек оказывается на пересечении культурных миров, контуры которых все больше размываются с глобализацией культурного пространства, высокой коммуникативностью и плюрализацией культурных кодов и языков. Осознавая свою принадлежность к ним, человек становится носителем множественной идентичности.

Классификацию типов идентичности предлагают польские исследователи З. Мелосик и Т. Шкудлярек [6], отмечая наличие множества конфликтующих, а сегодня быстро меняющихся идентичностей, перешедших от константной модели «должен быть таким» к модели «можешь быть всяким». Согласно классификации, одним из основных типов идентичности современного человека является «глобально прозрачная идентичность», родившаяся благодаря реализации масштабных международных проектов и академических исследований стран первого мира, пророчивших движение в направлении достижений «цивилизованного Запада». Появление этого типа идентичности обусловлено потребностью создания «универсального» эксперта, коммуникатора, исследователя-технократа. Это – детище западной культуры, и «общее» для нее эквивалентно «европейскому» или американскому. Эта идентичность способна быстро менять места, уклады, континенты и культуры, чувствуя себя везде как дома, оставаясь при этом индифферентной к культурным различиям и способной сосуществовать с ними.

В мировом сообществе «идентичности становятся все более множественными, фрагментированными, зависимыми от контекста; они имеют радикально исторический характер и постоянно находятся в состоянии изменения и трансформации» [7].

Завершая тему «Этнокультурная идентичность в условиях глобализации (на примере Польши)», отметим, что в одной статье невозможно отразить все многообразие проблемы этнокультурной идентичности. Глобализация, как и любой другой процесс не может в одинаковой степени удовлетворять интересы всех людей и групп, поэтому при любом варианте ее развития кто-то выиграет, кто-то проиграет.

Современный мир характеризуется комплексной, многоуровневой структурой идентичностей, включающей наряду с традиционными все новые уровни идентичности, что свидетельствует о неоднозначности глобализации: с одной стороны, она ставит под сомнение прежнюю роль государства и, соответственно, связанную с ней национальную идентичность, с другой – способствует интеграции различных обществ и интенсифицирует потребность к определению идентичности. Основным средством преодоления испытаний, выпавших на долю идентичности, являются диалог и преемственность культур, хотя они затруднены в сложившихся условиях. Однако вызовы современной эпохи побуждают к конструированию новых идентичностей применительно к условиям стремительно меняющегося мира.

Примечания

1.*Андерсон Б.*Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / *Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской.* М., 2001. 288 с.

2.*Оль П.А., Ромашов Р.А.* Нация: Генезис понятия и вопросы правосубъектности. СПб., 2002. С. 22.

3.*Хантингтон С.*Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / *пер. с англ. А. Башкирова*. М., 2004. 637 с.

4. *BrodzinskiK.*MowaonarodowosciPolakowiPoslaniedobraciwygnaiicow. Lwow, 1878. S. 72.

5.*Туполев Б. М.* Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Россия и Германия: сб. / *Отв. ред. Б. М. Туполев*. М., 1998. Вып. 1. С. 45.

6.*Мелосик З., Шкудлярек Т.* Культура, идентичность и образование: мерцание значений // URL: www.relga.ru /Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/

7.*Малинова О. Ю.* Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов // Права человека и проблемы идентичности в России в современном мире / *под ред. О.Ю. Малиновой, А.Ю. Сунгурова*. СПб., 2005. С. 11.

В.Е. Козляков (г. Минск, Республика Беларусь)

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Термин «цивилизация» был введен в обществоведение для обозначения качественной характеристики общества, уровня его развития. Однако не секрет, что этот термин, кроме определенных регламентирующих функций, еще и призван указать вектор развития общества.

Существуют разные критерии в классификации типов цивилизаций. Однако сегодня основные дискуссии и споры сосредоточены вокруг трех главных существующих типов – западной, русской и восточно-азиатской. Подавляющее большинство политической элиты бывших советских республик стремится доказать приверженность «титульных» этносов, определяющих название того или иного независимого государства, западной цивилизации. При этом не прекращаются попытки «удревнить» свою историю, показать близость (или даже отождествить) своего исторического опыта с Западом. Привлекают, конечно, потребительские интересы, стремление заполучить на свои эгоистические цели западные кредиты. Причем, это делается под аккомпанемент откровенной русофобии, утверждений о том, что беды того или иного народа происходят от «имперской, азиатской России».

Поэтому сама категория «Русская цивилизация» встречает возмущение не только среди нынешних элит бывших советских рес-

публик, но даже в самой России. Не секрет, что современные российские идеологи неолиберального толка объявили Россию вообще «ненормальной», «нежизнеспособной» страной, что, мол, выразилось в «мгновенных крушениях 1917 и 1991 гг.». К сожалению, «европейничанье» – старая болезнь русской либеральной жизни – до сих пор не изжито в России.

Подобные причитания российских неолибералов были подвергнуты жесткой критике со стороны известного русского публициста, культуролога, литературоведа В.В. Кожинова. В самом деле, страна, чья государственность возникла на рубеже VIII–IX вв., т.е. существует более 1200 лет, страна, которая уже при Ярославе Мудром, т.е. в первой половине XI в., занимала территорию, равную всей остальной территории Европы, страна, победившая армады Наполеона и Гитлера, страна, создавшая одну из величайших мировых культур, может предстать «нежизнеспособной» только западническим идеологам [1].

Во многом трагическая история России заключается в том, что на протяжении веков ее пытались «коренным образом» переделать, ее народ срочно превратить в «европейцев». «Европейские» черты России делали ее объектом беззастенчивого европейского грабежа. Вот почему «Русская цивилизация» как социокультурный феномен требует кропотливого изучения историками, философами, политологами, культурологами, социологами.

Как считают многие исследователи, впервые идеи Русской цивилизации были высказаны известными русскими философами – П.Я. Чаадаевым и Н.Я. Данилевским. Отдавая должное достижениям Запада, П.Я. Чаадаев пришел к выводу, что у русской народности другое начало цивилизации, чем у западных народов. Поэтому «нам незачем бежать за другими: нам следует оценить себя, понять, кто мы такие… Тогда мы пойдем вперед» [2].

Развивая подобные взгляды П.Я. Чаадаева, Н.Я. Данилевский ввел термин «Славянская цивилизация». Однако понятия, которые философ вкладывал в этот термин, позволяют, скорее всего, говорить о Русской цивилизации.

Н.Я. Данилевский всесторонне обосновывал идею Славянского союза, в котором Россия призвана играть ведущую роль. «Будучи чужда европейскому миру по своему внутреннему складу, – размышлял Н.Я. Данилевский, – Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы и служа противовесом Европе во всей ею общности и целостности». По мнению ученого, господство европейской цивилизации лишает человеческий род *элемента разнообразия*, одного из необходимейших слагаемых успеха и совершенствования народов. Вместе с тем, философ также признавал достижения европейской цивилизации и призывал воспользоваться ее опытом. Но при этом важно, чтобы русский народ принял трудный путь «от племенной воли к гражданской свободе путем политической дисциплины», а для этого необходимо закалить себя, своих соплеменников «в духе самобытности и всеславянского самосознания» [3].

Приверженцы Русской цивилизации все чаще задумывались о судьбах и традициях народов, проживавших на просторах Российской империи. Особое внимание обращалось на великорусов, белорусов и малоросов (украинцев), их взаимоотношения между собой. Три братских славянских народа составляли основу Русской цивилизации. Это нашло отражение, прежде всего, в идеологии «западнорусизма», впервые сформулированной в трудах белоруса по происхождению, известного русского историка М.О. Кояловича.

При этом не лишним будет заметить, что «западнорусизм» не был однородным течением. В нем выявились консервативное и либеральное направления. Консервативное направление, признавая особенности белорусов как части общерусского народа, делало упор на то, что белорусам необходимо избавляться от своих особенностей и побыстрее сливаться с великорусами. В этом их залог успешного движения к прогрессу, безусловно, под руководством единого монарха. Эта идея в различных вариациях нашла воплощение в позициях монархических партий типа «Союза русского народа».

Главную угрозу общерусскому народу «западнорусизм» усматривал в действиях поляков, или точнее говоря, польской шляхты. «Поляки – хотя и родственные русским, но с древнейших времен увлеченные бурным потоком западноевропейской жизни, считают, что их народность исторически творится и должна твориться, подвигаясь на Восток, т.е. что литовец, белорус, малорос, получая образование, должен делаться поляком», – писал М.О. Коялович [4].

Либеральное направление «западнорусизма» было воплощено в деятельности «Белорусского общества», возникшего в 1908 г. и тяготевшего к кадетам. Его платформа основывалось на утверждении, что кроме интересов общих со всем русским народом, у белорусов имелись свои интересы. Их особенности обусловливались особенностями географического положения Беларуси, культурным влиянием соседних народов, своеобразием этнографического состава населения, социальных и религиозных отношений, особым законодательным статусом Северо-Западного края.

Лидеры «Белорусского общества» весьма мрачными красками рисовали жизнь простых белорусов во времена Речи Посполитой, изображали их забитыми и униженными, с одной стороны – шляхтой, с другой – евреями-предпринимателями. Платформа организации признавала существование особого белорусского языка, но в государственной и культурной жизни ратовала за использование преимущественно русского [5].

В отличие от консерваторов либеральные «западнорусисты» не идеализировали самодержавие, но допускали существование монархии в России с известными конституционными ограничениями. Единственное, что сближало консерваторов и либералов-западнорусистов – это необходимость борьбы с польским фактором, «угрожавшим единству русского народа», хотя либеральное крыло не всегда педалировало на враждебность поляков. «Угроза» так называемой «польщизны» была явно преувеличенной, тем более, что, во-первых, многие поляки внесли весомый вклад в укрепление Российской империи, а, во-вторых, немало среди так называемых

«поляков» было окатоличенных белорусов, не считавших себя шляхтой, но не скрывавших своих симпатий к русской культуре.

Понимание того, что Русскую цивилизацию нельзя сводить только к великорусскому этносу или великорусскому самодержавию, стало находить все большее распространение у ее приверженцев и теоретиков. Евразийская концепция, разработанная в 20-е гг. XX в. Н.С. Трубецким, исходила из того, что западная культура, основываясь и на шовинизме, и на космополитизме, игнорировала достижения других культур. Н.С. Трубецкой показал, что под видом «общечеловеческой культуры» другим народам навязывается культура романских, германских и англосаксонских народов. В то время как другие культуры игнорируются [6].

Евразийство отвергло диктат европейской культуры и альтернативу ей видело в русской национальной культуре, немыслимой без православия. Но евразийцы призывали все народы мира освободиться от влияния романо-германской культуры и вновь вступить на путь выработки своих национальных культур. При этом Н.С. Трубецкой рассматривал русскую культуру и Русскую цивилизацию во всем их разнообразии. Основываясь на очевидных фактах расселения на территории будущей России восточных славян при явном преобладании здесь неславянского населения (названного Н.С. Трубецким «туранским» или урало-алтайским), автор пришел к выводу, что положительные стороны русского национального типа были порождены «сопряжением восточного славянства с туранством» [7].

Разумеется, подобные взгляды, хотя и охарактеризовались «православным большевизмом», не были положительно восприняты властью в советский период. Тем не менее, Русская цивилизация, русский народ в условиях коммунистического строительства способствовали развитию всех народов, входивших в состав СССР. А многие из них впервые обрели письменность. Была создана многонациональная культура, сформирован единый индустриальный комплекс, хотя и с определенными издержками.

Развал СССР, демократизация общественной жизни, огромное воздействие западной масс-культуры не уничтожили идеи Русской цивилизации. Об этом свидетельствуют труды Е.С. Троицкого, О.А. Платонова, О.Н. Трубачева, П.Н. Денисова. В.В. Кожинова, А.С. Фролова, других исследователей. В этих работах нашли отражение размышления о судьбах русского народа, Русской цивилизации, Русского мира.

Русская цивилизация – это многообразие культур. Формирование Русского государства, как правило, проходило на добровольной основе. При этом русские люди, первопроходцы, в большинстве своем, с уважением относились к традициям, быту и культуре других этносов. Впоследствии огромное количество дворянских родов (а дворянство в течение долгого времени было сословием, определявшим лицо страны) имело нерусское происхождение.

Но русский народ всегда являлся стержнем государства, потому, что русские в системе страны оставались единственным евразийским народом. Евразийство русского народа заключается в том, что с самого начала своего существования он серьезно и глубоко контактировал как с европейскими, так и с азиатскими народами. По меткому замечанию В.В. Кожинова, «лишь попав в магнитное поле России, другие народы тоже приобретают евразийские черты» [8].

Кроме того, имелись этнографические группы, отличавшиеся специфическими бытовыми чертами, административным устройством, диалектом. К этим этнографическим группам, имевшим и черты сословности, относились донские, кубанские, терские, уральские, оренбургские казаки. Эти группы при главном славянском компоненте формировались на смешанной этнической основе, хотя всегда были неотъемлемой частью русской народности, а затем и нации. Российское правительство возложило на казаков функции военно-служивого сословия по охране границ государства от внешней опасности, предоставило казакам определенные привилегии, особый административный статус, экономическую обеспеченность

и самостоятельность по сравнению с остальным крестьянским населением России.

Социокультурный феномен «Русская цивилизация» включает в себя различные черты и компоненты. Среди них следует, на наш взгляд, выделить главные: *созидание, стремление к справедливости, духовность и соборность.*

В структуре любой цивилизации присутствует дух народа-строителя, народа-созидателя. Но если западная цивилизация строилась на основе грабежа, колониальных захватов других, зачастую «нецивилизованных» народов, в то же время создававших своеобразный сырьевой, ресурсный фундамент для будущих западных научно-технических открытий и изобретений, то Русская цивилизация воплощала в себе *самостоятельную созидательную деятельность*, прежде всего, в освоении широких бескрайних просторов при непростых природных и климатических условиях. При этом характерной чертой русского образа жизни испокон веков было единство человека с природой. Не случайно слова «народ», «Родина», «род», «природа» и др. содержат общие корни. Нарушение этих связей не без влияния западно-рыночных установок привело к Чернобылю, загрязнению почвы и воды, разграблению лесных богатств.

В *созидательной деятельности* русского народа четко проявились общинные и артельные традиции. Крестьянская община в России возникла как важный институт совместного коллективного труда в развитии земледелия, обращении в сельскохозяйственный оборот, казалось, непригодных для этих целей угодий. Но крестьянская община в России не была столь прочной, как, например, в Японии. Община в России не была склонной к подчинению какой-либо вышестоящей «корпорации». Попытки самодержавия превратить общину в послушный орган так называемого «крестьянского самоуправления» в итоге привели к ее разрушению, хотя общинные традиции сохранялись еще долго и сохраняются по сей день.

Не менее важное значение в созидательной деятельности русского народа играли артели – добровольные союзы (товарищества) равно-

правных работников, решавших производственные и хозяйственные задачи на основе самоуправления, взаимопомощи и взаимовыручки. Объединение людей в артель не только не ограничивало духа самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Артель позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями.

Равноправность артельщиков резко отличала их от капиталистических предприятий. Попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, жестко пресекались. Но равноправие, конечно, не означало уравниловки – распределение доходов осуществлялось по труду [9].

Корни артелей уходят в глубокую древность Руси. Артели складывались по воле своих членов и опять-таки по собственной воле подряжались на те, или иные работы. В 1890-х гг. именно артелями, включавшими в себя в общей сложности не более 10 млн. человек, была построена знаменитая Транссибирская магистраль (7,5 тыс. км рельсового пути, 55 км тоннелей, 5 мостов через великие реки). Эта стройка получила признание всего мира, ее назвали «чудом» того времени. Все это отнюдь не означает, что необходимо идеализировать различные мелкие товарищества, но традиции взаимоотношений конкретных производителей необходимо сохранять и развивать. Важно отметить, что созидательный компонент Русской цивилизации включает в себя производительную многоукладность экономики страны.

Другая важная характерная черта Русской цивилизации связана со *стремлением народа к социальной справедливости и свободе.* Причем, свободу он понимал как осознанную необходимость.Существовавшее крепостное право прошло через несколько этапов своего оформления. Но при этом нельзя не учитывать, что крепостничество распространялось менее чем на половину русских крестьян. К тому же около половины из этих последних были оброчными, т.е. жили, где хотели, и подчас становились более богатыми, чем их владельцы-помещики. Большинство русских купцов и промышленников вышло именно из рядов

оброчных крестьян. Уместно сказать и о том, что многие деятели русской культуры начинали свой путь в качестве крепостных, но в силу русского «своеобразия» многие бывшие «рабы» стали известными не только в своей стране, но и во всем мире.

Борьбой за социальную справедливость отмечены многие восстания, крестьянские выступления и революции. Восстания Булавина и Болотникова, войны Разина и Пугачева, крестьянские бунты в начале XX в., последовавшие за ними революции: 1905–1907 гг., Февральская и Октябрьская, крушение СССР в 1991 г. – вот далеко не полный перечень катаклизмов, включавших в себя как гроздья народного гнева, так и проявления стихийного, порой бессмысленного бунта.

Разумеется, противоречия социально-экономического характера сыграли роль катализаторов этих потрясений, но решающим фактором стала все-таки утрата доверия к власти со стороны значительной части населения. Эта утрата доверия происходила по-разному. Тут и проблемы законности царствующих лиц, несостоятельность властного аппарата в руководстве страной, отсутствие элементарных свобод и т.д. Однако, если возникала угроза существованию русской государственности, самому народу, разногласия и противоречия уходили в сторону. Русский народ консолидировался вне зависимости от сословной принадлежности и вел решительную борьбу за свою независимость. Вспомним русскую смуту начала XVII в., Отечественную войну 1812 г., Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Важное значение в консолидации народа на патриотической основе имело возвращение Крыма в состав России в 2014 г.

Важнейшим компонентом Русской цивилизации стала *духовность*. Не материальная, а духовная сторона – вот что определяет специфику Русской цивилизации. Не алчный, эгоистический интерес, а сострадание, готовность помочь людям, попавшим в беду, поиск истины – эти качества присущи русскому народу. Следует отметить глубокую специфичность русского язычества, создавшего довольно стройную философско-космологическую систему пред-

ставлений о мире. Но если язычество было связано с поклонением людей Природе, то православное христианство обращалось непосредственно к самому Человеку, страдания и поучения Христа были понятны людям. Поэтому принятие христианства в его православной сущности было назревшим, закономерным и прогрессивным. Оно отвечало духовным нуждам, нравственным чертам и устремлениям восточных славян. От прежних времен наследовались верность роду, добру, слияние с природой.

Распространение и утверждение Православия привело к тому, что национальное миропонимание стало все больше исходить из служения идеалам добра, правды, справедливости, милосердия и жертвенности, выполнения святого долга перед Отчизной. Но уникальность и своеобразие Православия заключалось в том. что эта ветвь христианства не являлась агрессивным антиподом верованиям и традициям других народов. Поэтому не случайно нерусские народы внесли весомый вклад в развитие Русской цивилизации.

Духовный компонент Русской цивилизации тесно связан с компонентом *соборности*. Существуют разные определения этого всеобъемлющего понятия, но главное заключается в том, что понятие «соборность» прямо противоположна понятию индивидуализма. Соборность – это не только принцип организации церковной православной деятельности. Это еще и принцип организации национальной, общественной, культурно-нравственной, экономической жизни, утверждение добра, справедливости, гражданского согласия, свободы, благосостояния этноса, его гармоничного взаимодействия с другими народами.

Русскую нацию в моменты ее организованных действий можно определить как активную соборную волю. Без возрождения соборо-способности не возродить ни русский, ни белорусский, ни украинский народы. Соборность – это деятельность сообща, интеграция интеллекта и души[10].

Однако Русская цивилизация как сложное явление включает в себя массу противоречий и противоречивых тенденций. Например, свободное гармоничное развитие лучших черт русской национальной психо-

логии в свое время сдерживалось феодально-крепостническими порядками. Крепостничество мешало проявляться инициативе и предприимчивости. Общинность зачастую несла в себе негативные моменты «круговой поруки», кстати, поддерживаемой властями, когда ответственность за моральные преступления отдельных лиц возлагалась на всех общинников.

Диалектическая противоречивость Русской цивилизации состоит в том, что русские люди разные по складу: одним нужны экономические стимулы, хозрасчет, предпринимательская инициатива, другим – морально-этические, коллективистские ценности. Если удастся одновременно дать простор развитию ценных качеств, проистекающих из общины, артельности, и не менее ценным – предприимчивости и подвижничеству, можно сделать очень многое. И тогда мировые кризисы нам будут не страшны.

Таким образом, *Русская цивилизация – это совокупность способов жизнедеятельности народа в экономике, политике и культуре, включающих в себя компоненты созидания материальных и духовных благ на основе многоукладности экономики, стремление к социальной справедливости во властных решениях и распределении результатов труда, преобладание духовно-нравственных начал над материальными, и соборности, воплощающей единство свободы и ответственности*. Указанные компоненты проявились в той или иной степени на всех этапах существования Русского государства, Российской империи, СССР.

Русская цивилизация как важнейший социокультурный компонент может и должна стать основой для евразийской интеграции народов, а также для формирования будущей мировой цивилизации реального гуманизма.

Примечания

1. *Кожинов В.В.* Основы национализма. М.: Алгоритм, 2012. С. 22.

2. *Чаадаев П.Я.* Полн.собр.соч. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 96–98.

3. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб: Тип. Брат Пантелеевых. 1895. С. 437, 556.

4. *Коялович М.О.* Чтения по истории Западной России. Новое изд. перераб.и доп. с изд. 1864. СПб., 1884. С. 11,16.

5. *Лавринович Д.С.* Деятельность Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905-1918). Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова, 2009. С.206-207, 211.

6.*Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Русский мир. Сборник. М.: Эксмо; СПб: Terra Fantastica, 2003. С.732.

7. *Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре // Русский мир. Сборник.М.: Эксмо; СПб: TerraFantastica, 2003. С. 763.

8. *Кожинов В.В.* Указ соч. С. 122.

9. Русская артель /*Сост., автор предисл., отв. ред. О.А. Платонов*. М.: Институт русской цивилизации. 2013. С. 5, 25-26.

10. *Троицкий Е.С.* Что такое русская соборность. М., 1993. С. 104.

С.Н. Чумаков (г. Краснодар, Российская Федерация)

ГАЛЧИНСКИЙ И БЛОК

Многие польские поэты XX века (особенно первой его половины) в той или иной степени испытали влияние творчества Александра Блока. Владислав Броневский признавался, что Блок помог ему в поисках «собственного мира», а переводы его произведений стали «школой и первым сознательным творческим опытом» [1]. Существенное влияние в жанрово-тематической сфере, в области мелодики стиха Блок оказал на Юлиана Тувима. Обаяние блоковской музы испытал и один из оригинальнейших польских лириков минувшего столетия – Константы Ильдефонс Галчинский (Konstanty Ildefons Gałczyński, 1905–1953).

Русская поэзия всегда была особо близка Галчинскому, и не только по биографическим причинам (знание русского языка, отрочество, проведенное в Москве, женитьба на русской). Следует говорить о некоем генетическом родстве, в силу которого особенностью его поэтики стало сочетание высокого художественного уровня, неповторимой индивидуальности, гуманизма и гражданственности,

которое было характерно для Пушкина и Лермонтова, Блока и Есенина.

Влияние творчества Блока польский автор испытывал на протяжении всей своей жизни. С молодых лет у него формируется особое отношение к художественному гению русского поэта, которое без преувеличения можно определить как пиетет, глубокое и осознанное преклонение. Внешне оно проявлялось и в быту, в общении с друзьями (по воспоминаниям последних, Константы часто читал Блока наизусть, не скрывая восторга, называя автора «Божественным Александром»), и в творчестве (в своих произведениях Галчинский не раз включал имя Блока в круг важнейших имен мировой культуры, использовал мотивы и реминисценции из его произведений, талантливо переводил его стихи). Наследие русского поэта стало для него одним из важнейших художественных ориентиров, образцом для самостоятельного творческого развития.

Прозаик С.М. Салинский вспоминает, как однажды, увидев на небе вечернюю звезду, Галчинский «тихо и доверительно» продекламировал одно из наиболее любимых им стихотворений Блока «Свирель запела на мосту…», после чего, словно к человеку,

обратился к той звезде, сказав по-русски: «Теперь я понял Ваш секрет, Александр Александрович. Я знаю…». И, тем же тоном, но уже по-польски, признался: «Хотел бы я стать таким, как он» [2].

Комментируя данный эпизод, литературовед Анджей Дравич отмечает, что «блоковская звезда» для Галчинского «временами обретала значение путеводной» [3].

Что же конкретно сближало польского поэта с русским? Каковы глубинные точки соприкосновения этих столь несходных на первый взгляд художников слова? С учетом естественных различий национально-исторического, хронологического и художественного характера элементы типологического родства их творчества можно усмотреть как в области мировоззрения, так и в сферах эстетики и поэтики.

Отметим, что оба прошли сходный путь в своем идейно-творческом развитии (имеется в виду самый общий вектор этого

пути, общая тенденция эволюции). Как в свое время Блок, Галчинский начал с приверженности к литературному направлению постромантического характера («Молодая Польша», во многом близкая русскому символизму). Как и Блок, он некоторое время разделял постулаты аполитизма, ухода в частную жизнь. Как и у Блока, социальная линия в мировоззрении и творческой практике Галчинского неуклонно укрепляется, что привело поэта к пониманию и приятию перемен в послевоенной Польше.

С этой общей схемой судеб связаны конкретные факторы, определяющие элементы типологической близости Галчинского и Блока. Среди идейных факторов подобного рода упомянем сходное

отношение обоих поэтов кпротивостоянию старого и нового в историческом процессе.

В российском литературоведении утвердилась концепция, согласно которой в творчестве Блока воплотилось трагическое предощущение неизбежности крушения старого мира. Аналогичные мотивы определяют многое и в довоенном творчестве Галчинского. Правда, у польского поэта они чаще окрашены не в трагические, а в сатирические тона, что можно объяснить не только авторской индивидуальностью, но и тем, что Галчинский в силу разночинного происхождения в меньшей степени осознавал свою социальную самоидентификацию. Вместе с тем, и Блок, и польский поэт не скрывают демократических симпатий, интереса и сочувствия к людям труда. В этом плане можно усмотреть сходство

между «фабричными» стихами Блока и такими программными стихотворениями Галчинского, как «Товарная улица» (1929) и «Песнь херувимская» (1930).

Идейно-типологическая близость поэтов проявляется в общем для них интересе к роли интеллигенции, прежде всего – к вопросу взаимоотношений интеллигенции и народа.

А. Блок остро ощущал в настроениях предреволюционной русской интеллигенции «неотступное чувство катастрофы», «чувство болезни, тревоги, <...> разрыва» [4]. Аналогичные мотивы несложно найти и в творчестве Галчинского, как довоенном, так и после-

военном. Они пронизывают стихотворение «Всё убегаем» («Wciąż uciekamy», 1937), на них в значительной мере строится поэма «Бал у Соломона», в отдельных частях которой доминирует лирически выраженная атмосфера одиночества и потерянности интеллигента в мире социальных реалий. Польский поэт также осознавал существование «недоступной черты» между «интеллигенцией прошлых дней» и народом, и при воплощении этого мотива вполне сознательно использовал блоковский опыт. Так, в стихотворении «Малая симфония со свечами» («Małasymfonia świecznikowa», 1947) просматриваются отчетливые реминисценции из «Двенадцати»:

A ulicą, a ulicą
robotnicy ulicą szli,
szli, śpiewając, raźnym krokiem,
a my boczkiem, a my bokiem,
inteligencja dawnych dni.
Oczywiście. Oczywiście.
Żeśmy chcieli. Razem! Eeech…
Brak kontaktu. Gorycz faktu.
A w dodatku taki śnieg [5].

Показательно, что комментируя данные строки, Галчинский воскликнул: «Насколько же Блок сделал это лучше!» [6].

В целом, определенное сходство судеб, мировоззрения, этапов эволюции сыграло не последнюю роль в восприятии Галчинским творчества Блока. Идейная сторона блоковского творчества не определила, конечно, полностью, но в известной степени катализировала социальное становление и формирование гражданской позиции польского поэта.

Наряду с прямыми художественными воплощениями гражданская программа выразилась у обоих авторов в сфере эстетических исканий.

Область коренных вопросов эстетики – о природе творчества, предназначении искусства, роли поэта, – представляется одним из важнейших звеньев типологической близости русского и польского поэтов. Известно, например, что польский поэт знал и высоко ценил

поэму Блока «Соловьиный сад». Не подлежит сомнению, что в этом произведении его привлекла именно эстетическая концепция, близкая собственным воззрениям на литературу и искусство.

Идеал творца, осознающего свою практическую связь с людьми, с читателями, начал складываться у Галчинского довольно рано. Еще в 1928 г. он признавался: «Я только тогда без стыда буду носить звание поэта, когда займу в общественной жизни Польши столь же полезное место, как электромонтер или шофер» [7]. В то же время во многих его довоенных произведениях можно усмотреть и стремление уйти в «прохладный и тенистый сад», отдаться «соловьиным напевам» камерного интимного мирка, беззаботной игре в искусство.

Постепенно эстетическое сознание польского поэта достигает той стадии, для которой характерно гармоничное сочетание личного и общественного, основанное на понимании творчества как созидательного общезначимого труда. Наиболее полно эта концепция воплотилась в таких послевоенных произведениях Галчинского, как поэма «Ниобея», лирический цикл «Песни» и – в первую очередь – в поэме «Вит Ствош». По своему эстетическому содержанию (а оно в произведении доминирует) «Вит Ствош» близок «Соловьиному саду». Лирический герой поэмы – мастер Вит с его резцом ваятеля – идентичен блоковскому «рабочему с киркою». Галчинский формулирует в своем произведении мысль, которую можно считать краеугольным камнем его послевоенной эстетики: «Труд породил красоту» («Totrudzrodził urodę»). Так в осмыслении поэта «соловьиные напевы» вытесняются идеалом художника-мастера, отдавшего свой талант народу. Опыт Блока подтверждал для Галчинского правильность избранного пути.

Народность, демократическая целеустановка эстетических воззрений проявились в сходном отношении Галчинского и Блокак читателю. Обоих поэтов характеризует решительное неприятие «кастовых», элитарных теорий искусства, сознательная ориентация именно на массового «потребителя поэзии», доверие к нему. Блок считал, что «последнее и единственно верное оправдание для писа-

теля – голос публики, неподкупное мнение читателя» [8]. Аналогичное мнение не раз высказывалось и Галчинским. Так, в 1938 г., в речи по случаю присуждения ему читательской премии одного из журналов, он отмечал: «Поэт, который пишет стихи для народа, а не для кучки подобных ему бесполезных балбесов, не погибнет. <...> Читатели – вот главное условие полноты поэтического творчества» [9]. По воспоминаниям одного из друзей польского поэта, он, всегда с необычайной охотой читавший стихи в широких аудиториях, после одного из своих авторских вечеров признался: «Я мог бы так до полуночи… Я хотел бы работать для них до полуночи» [10].

Демократизм эстетики, ориентация на широкие читательские массы обусловили во многом сходное отношение Блока и Галчинского к проблеме художественного метода, способствовали самоопределению обоих поэтов относительно пестрой картины современных им литературных школ, течений и группировок.

В творческой практике Блока с особой силой ощущается постоянное стремление к обретению собственного голоса, к освобождению от всяческих случайных влияний, что нашло выражение в неуклонном усилении реалистической струи в его творчестве, в последовательном отходе от декаданса и модернистских тенденций.

Органичное неприятие различных вариантов декадентско-модернистской поэзии характерно и для Галчинского, которого отвращали всякая нарочитость и заданность в литературе. Вместе с тем, польский поэт использовал в своей практике некоторые частные приемы нереалистических школ письма, если они могли усилить выразительность текста. Думается, что и в Блоке Галчинский ценил именно реалиста, преодолевающего узость символистских доктрин, но сумевшего ассимилировать наиболее ценные элементы не столько теории, сколько практики символизма (например, мастерство художественной детали, яркость образов, пластичность и музыкальность, интонационная выразительность).

Неизменно близким Галчинскому было романтическоемировосприятие, причем с Блоком польского поэта роднит сходное понимание романтизма как метода. В своих теоретических статьях

Блок подчеркивал, что подлинный романтизм не является только литературным течением, но определенной формой чувствования, обновленного переживания жизни. Подобную трактовку метода, выдвижение в нем на первый план эмоционального начала, духа свежести и новизны, собственно «романтики» Галчинский несомненно поддержал бы, ибо сам именно в этом усматривал «вечную» природу романтизма в противовес некоторым постромантическим идейным схемам.

Близость между Блоком и Галчинским в эстетической сфере не ограничивается общим тяготением к реалистической достоверности и романтической «свежести чувств». Существенное влияние на польского поэта оказали также элементы художественной условности, наиболее ярко выраженные в драматургии Блока.

По свидетельствам современников, Галчинский с юных лет был знаком с блоковскими пьесами, из которых наибольшее впечатление произвел на него «Балаганчик». Очевидно, в этом произведении он увидел профессиональное использование богатых традиций народного театра, дающих художнику новые возможности для выражения разнообразного гуманистического содержания.

Емкость, лапидарность условных фольклорных персонажей всегда привлекали польского поэта, и в этом отношении блоковский театр несомненно повлиял не только на его собственные драматургические опыты («Театрик «Зеленая Гусыня»»), но и на прозаическое (сатирическая повесть «Порфирион Ослик») и лирическое творчество (стихотворения «Пиноккио», «Въезд на ките», отдельные партии в поэмах «Бал у Соломона», «Конец света», «Заколдованный извозчик»). С «Балаганчиком» Блока эти произведения объединяет атмосфера нарочитой условности, ироническое начало, причудливое сочетание лиризма и сатиры, до прихотливости свободная сюжетно-композиционная схема.

Интересный материал для сопоставления могут дать мысли и творческая практика Галчинского и Блока, имеющие отношение к так называемым «межкультурным связям» (литература и музыка, литература и изобразительные искусства). В своих статьях Блок го-

ворил о «синтетической русской культуре», подчеркивая, что писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте. Аналогичные мысли выражал и Галчинский, считавший, что смешение форм очень перспективно в искусстве и ведет к его развитию, что именно пограничье различных видов искусств всегда становилось одним из ценнейших источников художественного вдохновения, являлось элементом прогресса.

Одним из факторов, сближающих поэтику Галчинского и Блока, надо считать характерное для обоих живописное, цветовое видение, тесную связь эмоциональной выразительности с непосредственным зрительным восприятием мира. Нельзя, правда, не отметить индивидуальные различия в этом восприятии, выразившиеся не только в несходстве излюбленной цветовой гаммы (у Блока преобладают красный, синий, голубой, черный, желтый цвета, у Галчинского – серебристый, золотистый, зеленый), но и в функциональном отношении. Блок обычно использует цвет в его прямой, реалистической функции, как окраску реальных предметов, Галчинский же – в функции метафорической, как окраску состояний души. Тем не менее, общее обостренное чувство цвета не могло не сыграть своей роли в восприятии польским поэтом творчества русского классика.

Особо сближает Галчинского с Блоком музыкальное началов поэзии. Оно в значительной степени определило художественную систему Константы Ильдефонса, влияя не только на ритмику, но и на композицию его произведений, многие из которых строятся в подчеркнутой форме «концерта», «симфонии», «фуги», «сонаты» и т.п. В свою очередь, у Блока музыкальное начало выражалось не столько в композиции, сколько в тончайшем ощущении мелодики и звуковой гармонии. Именно мелодическое начало, создающее настроение, эмоциональный фон, властно привлекало Галчинского во многих блоковских стихотворениях. Не случайно Константы знал наизусть и чаще всего цитировал те стихи русского поэта, в которых гармонический элемент ощущался наиболее выраженно. Это и упомянутое «Свирель запела на мосту…», и не менее извест-

ное «Девушка пела в церковном хоре…», и ряд других произведений с доминантой вербальной музыкальности.

Думается, тонкое восприятие этой стороны блоковской лирики определяло и переводческую практику Галчинского. Так, в его прекрасном переводе полякам известно стихотворение Блока «Ты проходишь без улыбки…», характерное изысканной интонационно-мелодической оркестровкой. Друзья поэта вспоминают, как однажды, еще в 20-е годы, услышав прочитанное по-русски незнакомое для него стихотворение Блока, Константы «поднялся, и сразу же, без запинки, без малейшей паузы перевел весь текст, словно прочитал с листа. Перевод был поразительно точным, со всей блоковской музыкой, это было вернейшее эхо Блока на польском языке. И никто не записал, не запечатлел! Это был бы бриллиант чистейшей воды среди переводов» [11].

Отмеченные примеры сходства и влияния, обусловленные определенной общностью идейной эволюции, эстетических принципов и деталей поэтической техники, порождены преклонением Галчинского перед Блоком как перед Художником с большой буквы, всецело преданным искусству и сумевшим донести его до широких масс.

Блоковская звезда высветила для польского поэта тот же путь. Не случайно, в последний раз беседуя со Станиславом Салинским (в 1953 году, незадолго до собственной смерти), Галчинский вновь продекламировал «Свирель запела на мосту…» и, имея в виду А. Блока, серьезно и тихо сказал: «Так знай же…, я хотел стать таким, как он, и таким стал. Это тяжкий путь, можешь мне верить. Как после него, так и после меня надолго останется то, что я написал» [12].

Примечания

1. Современная художественная литература за рубежом. 1986, № 1.С.75.

2. Wspomnienia o Gałczyńskim / *Przedm. i red. A.Kamieńskiej i J.Śpiewaka.* W-wa, 1961. S.100-101.

3. *Drawicz A.* Konstanty Ildefons Gałczyński. W-wa, 1973. S.30.

4. *БлокА.*Собр. соч. в 6 томах. Т.4. Л.,1982. С.115, 116.

5. *Gałczyński K.I.* Dzieła w 5 tomach. T.2. W-wa, 1979. S.206-207.
6. *Drawicz A.* Konstanty Ildefons Gałczyński. W-wa, 1973. S.193.
7. *Gałczyński K.I.* Dzieła w 5 tomach. T.4. W-wa, 1979. S. 13.
8. *Блок А.* Собр. соч. в 6 томах. Т.4. Л., 1982. С.125.
9. *GałczyńskiK.I.* Dzieław 5 tomach. T.5. W-wa,1960. S.587-588.
10.Wspomnienia o Gałczyńskim / *Przedm. i red. A.Kamieńskiej i J.Śpiewaka.* W-wa, 1961. S.389.
11. Ibid. S.87.
12. Ibid. S.107.

И.С. Гребцова (г. Одесса, Украина)

ПОЛЯКИ В СТАНОВЛЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ОДЕССЕ И НОВОРОССИЙСКОМ КРАЕ (10–60-е гг. XIX столетия)

Выходцы из польских земель обосновались в Одессе практически со времени ее основания. Историк XIX столетия А.А. Скальковский в книге «Первое тридцатилетие Одессы» среди купеческих контор и обществ юного города особо отметил «Польское торговое товарищество», которое еще в 1802–1803 гг. начало свою активную работу. Его суда под российским флагом отправлялись с пшеницей в Триест, Марсель и другие портовые города Средиземноморья. Успешная деятельность польских негоциантов нашла отражение в названиях улиц Одессы, ведущих к порту (ул. Польская, Польский спуск). В административном центре Новороссийского края поляки играли важную роль не только в торговой, но и культурной жизни. Первое театральное представление в Одессе было дано в 1805 г. артистами польской труппы, и до появления итальянских трупп здесь доминировали польские актеры из Киева, Житомира, Вильно. В Одессе постоянно или периодически жили представители известных польских родов: Потоцкие, Любомирские, Собаньские, Маньковские, Ржевусские, Пржздецкие и др.

Заметный след оставили также поляки в распространении и развитии образования в регионе. В Одессе в 1817 г. был основан Ришельевский лицей, в котором обучались дети дворян и купцов.

Этнический состав лицеистов отражал главную особенность края – его многонациональный состав. Большинство студентов были русскими и украинцами, но в лицее обучались также поляки, болгары, греки, немцы, евреи, молдаване.

С группой преподавателей из Нежина в лицей прибыли несколько поляков, занявших должности адъюнктов. Преподавать в гимназии при лицее были намерены даже польский поэт Адам Мицкевич и его друг Юзеф Ежовский, сосланные Александром I в Одессу в 1825 г. за участие в тайном обществе «филоматов». Однако к преподаванию они не были допущеныправительством [1]. Девять месяцев поэт прожил в Одессе, создав здесь цикл своих сонетов; в южной ссылке у него возник замысел яркой поэмы «Конрад Валленрод». В декабре 1825 г. он уехал в Москву, увозя с собой альбом с сонетами и проекты новых произведений.

После польского восстания 1830–1831 гг. в жизни одесских поляков произошли серьезные изменения. Многие представители польской аристократии, принимавшие участие в тех событиях, были вынуждены эмигрировать. Однако в 40-х гг. XIX в. в Одессу вновь переселились до 50 семей польских дворян из западных губерний. Их сыновья обычно поступали в Ришельевский лицей. К тому же в лицее воспитывались юноши из шляхетских семей Киевщины и Подолии, реже Волыни. Польские землевладельцы имели деловые контакты с одесскими коммерсантами и поэтому, нередко стремились отдать своих сыновей в местный лицей. Интересным источником для изучения жизни поляков-лицеистов той поры являются мемуары деятеля польского национально-освободительного движения писателя З. Милковского (псевдоним Т.Т. Еж) и выходца из Волынской губернии И. Дунин-Карвицкого. В них содержатся сведения о постановке учебного процесса в лицее, емкие характеристики лицейских преподавателей, данные о жизни польской студенческой общины [2]. По утверждению мемуаристов, одной из причин, побуждавших поляков Правобережной Украины получать образование в Одессе, было убеждение, что в учебных заведениях Одесского учебного округацарит более либеральная атмосфера, чем в Киев-

ском округе [3]. Известно, что после временного закрытия Киевского университета, группа студентов-поляков перешла в Ришельевский лицей [4].

Лицеисты польского происхождения жили отдельно от остальных (как правило, на квартирах у своих соотечественников) и свободное время проводили в польском окружении, хотя серьезного отчуждения между юношами-поляками и лицеистами других национальностей замечено не было. Материальное положение поляков-лицеистов было неоднородным. Среди них в 40-е – начале 50-х гг. XIX в. выделялась группа студентов – сыновей крупных польских землевладельцев из Правобережной Украины, которые имели возможность жить на съемных квартирах, нанимать прислугу, содержать собственный экипаж и ездить за границу «для усовершенствования в науках» [5]. Менее обеспеченные студенты нередко зарабатывали частными уроками.

Опасение влияния польского освободительного движения стало причиной запрета в 1852 г. принимать в Ришельевский лицей и другие учебные заведения Одесского учебного округа поляков – уроженцев Царства Польского и западных губерний Российской империи. Вскоре последовало уточнение, согласно которому все же разрешалось принимать в лицей поляков, но только являвшихся сыновьями чиновников, служивших в Новороссийском генерал-губернаторстве [6]. Эти действия правительства, естественно, повлекли за собой сокращение количества студентов-поляков. Правда, в 1856 г. запрет на прием в лицей поляков из западных губерний был снят.

При всех достоинствах лицея по своему статусу он существенно уступал университету. Попечители Одесского учебного округа, основанного в 1830 г., активно выступали за преобразование Ришельевского лицея в университет [7].

Этот процесс увенчался успехом при попечителе А.А. Арцимовиче (1828–1893), выходце из семьи мелкой польской шляхты. А. Арцимович,назначенный попечителем Одесского учебного округа в 1862 г., сразу приступил к реформированию учебных

заведений края. В первый же год с целью контроля и оказания практической помощи педагогическим коллективам он лично посетил целый ряд казенных и частных учебных заведений округа. Попечитель убедился, что во многих уездах нет училищ, плохо развито женское образование, нуждались в обновлении национальные учебные заведения. А. Арцимович энергично взялся за решение этих проблем.

Попечитель содействовал открытию в Комрате болгарского училища с преподаванием на родном языке, основанию новых гимназий в Николаеве и Керчи, учреждению Одесского коммерческого училища, важную роль он сыграл в усовершенствовании деятельности еврейских начальных школ.

В период его руководства округомв Кишиневе, Симферополе, Таганроге, Екатеринославе, Херсоне и Николаеве были открыты женские училища I разряда; несколько девичьих училищ II разряда; приходских как мужских, так и женских училищ. Как отмечал генерал-губернатор края П. Е. Коцебу, А. Арцимович приложил много сил, чтобы в Кишиневе, Херсоне, Таганроге, Николаеве здания гимназий, «находившиеся в самом ветхом и неприглядном виде, частию были вновь возведены, частию совершенно заново переделаны» [8].

В Одессев 1864 г., одним из первых в России, был учрежден ведомственный орган печати «Циркуляр по управлению Одесским учебным округом». В журнале публиковались официальные распоряжения правительства и попечителя, но главноеместо в нем занимали статьи педагогического содержания. В «Циркуляре» А. Арцимович помещал свои проекты по реформированию учебных заведений округа с целью ознакомления с ними общественности. На его страницахбылаоснована рубрика«Пожертвования», в которой сообщались сведения о благотворительных организациях и частных лицах, жертвовавших учебным заведениям имущество, книги, денежные средства. В качестве приложений ко многим номерам «Циркуляра» выходили учебные и методические пособия по отдельным предметам.

В 1865 г. А. Арцимович осуществил ряд преобразований в двух одесских гимназиях. Будучи сторонником отмены сословных ограничений на учебу детей в школах разных типов, он превратил привилегированную Ришельевскую гимназию в учебное заведение для обучения мальчиков всех сословий и вероисповеданий.

Преподаватели и студенты Ришельевского лицея с нетерпением ожидали преобразования лицея в университет, однако реализация решения, принятого еще при предшественнике А. Арцимовича, затянулась. Занятия в лицее продолжались, но учебное заведение переживало не лучшие времена: вакантными оставались многие кафедры; общее количество студентов было крайне низким. Так, в конце 1863/1864 учебного года в лицее училось всего 55 студентов: на юридическом отделении – 41, камеральном – 11, физико-математическом – всего3 юноши [9]. Лицей замер в ожидании перемен.

Наконец, 11 июля 1864 г. Александр II подписал указ об открытии в Одессе императорского Новороссийского университета с тремя факультетами: юридическим, историко-филологическим и физико-математическим. 1 мая 1865 г. состоялось торжественное открытие Новороссийского университета, 150-летие которого отмечалось весной этого года.С основанием университета завершилась эпоха Ришельевского лицея, давшего стране дипломатов, сенаторов, судей, чиновников, банкиров, педагогов. Выпускники лицея работали не только в Новороссийском крае, но и в Польше, Сибири, на Кавказе.

Однако уже в следующем году над А. Арцимовичем сгустились тучи. Министр народного просвещения Д.А. Толстой 3 мая 1866 г. издал предписание, согласно которому надзор за преподаванием в школах мог возлагаться исключительно на лиц православного вероисповедания. А. Арцимович, будучи католиком, счел необходимым подать в отставку, хотя напрямую этот документ его не касался. Отставка была принята. Несмотря на это,четырехлетняя деятельность А. Арцимовича была высоко оцененажителями региона и генерал-

губернатором края, утверждавшим, что «следы его управления округом останутся здесь навсегда заметны» [10].

Весомый вклад в развитие женского образования в Одессе и в целом на юге Российской империи принадлежал Е.К. Воронцовой (1792–1880), урожденной Браницкой. Отец ее, Ксаверий Браницкий, представитель знатного польского рода, дипломат, был женат на графине А.В. Энгельгардт, обладательнице громадного состояния, в создании которого велика роль ее дяди – князя Г.А. Потемкина. После двух разделов Польши К. Браницкий поселился в своих белоцерковских поместьях. Их дочь Елизавета вышла замуж за героя Отечественной войны 1812 г. М.С. Воронцова, вскоре назначенного (в 1823 г.) генерал-губернатором Новороссийского края. Семья переехала в Одессу, где в новом статусе Е.К. Воронцова смогла проявить себя как поборница развития женского образования и видная благотворительница.

В первой половине 20-х гг. XIX в. переживали финансовый кризис женские учебные заведения города: Одесскийблагородный девичий институт и городское девичье училище. В этой ситуации генерал-губернатор и его супруга справедливо связывали их возрождение с подчинением ведомству Марии Федоровны. Смерть императрицы в 1828 г. несколько замедлила процесс передачи, но не отменила его: в1829 г. институт благородных девиц, а в 1835 г. девичье училище вошли в состав учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии [11].

Е. Воронцова стояла у истоков одесской благотворительности: ею было основано первое женское благотворительное общество в Одессе. Его участницы учредили детский приют, в котором дети не только воспитывались, но и получали начальное образование [12].

После назначения М.С. Воронцова Кавказским наместником семья переехала в Тифлис. На Кавказе Е.К. Воронцова продолжила просветительско-благотворительную деятельность. Весной 1846 г. по ее инициативе в Тифлисе было основано женское благотворительное общество Св. Нины, которое открыло девичье училище Св. Нины. Учредив общество в Тифлисе, Е.К. Воронцова распро-

странила его деятельность и на другие города: в 1847 г. было создано Кутаисское отделение общества, весной 1848 г. начало работу отделение в Шемахе. В связи с этим последовала череда открытий женских училищ в Закавказье. В 1859 г. в учебных заведениях общества Св. Нины обучалось уже 233 воспитанницы [13].

В Ставрополе по инициативе Е.К. Воронцовой в 1849 г. было учреждено женское благотворительное общество Св. Александры. Основным направлением его деятельности также была сфера женского образования. В 1850 г. Е.К. Воронцова выступила инициатором основания женского общества Св. Рипсимии в Эривани и пожертвовала 2 тыс. руб. на создание материальной базы женского училища Св. Рипсимии [14]. После возвращения супругов в Одессу Е.К. Воронцова продолжала содержать за свой счет воспитанниц в училищах Кавказского наместничества. Следует признать, что ее деятельность по распространению и развитию женского образования на юге Российской империи, была не менее эффективна, чем попечителей учебных округов.

Таким образом, поляки оставили заметный след в истории развития образования в Одессе и южном регионе, выступая при этом в двух качествах. Во-первых, польские юноши обучались в учебных заведениях Одессы, получив возможность затем применить свои знания в практической сфере, в том числе на ниве образования. Во-вторых, поляки, занимавшие административные должности, и частные лица, имевшие материальные возможности, внесли свой вклад в основание и развитие учебных заведений в крае.

Примечания

1. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 44. Оп. 1 (1825). Д. 95. Л. 35-38.

2. *Jež T.T.*Zewspomnieñ odesskich. Warszawa, 1893. S. 1–55; [*Dunin-Karwicki J.]* Wspomnienia wolyniaka. Lwów, 1897. 339 s.

3. [*Dunin-Karwicki J.*] Wspomnieniawolyniaka. Lwów, 1897. S. 108-109.

4. *Яковлев В.А.* Кое-что об иноплеменниках в истории г. Одессы // Из прошлого Одессы / *Сост. Л. М. де-Рибас*. Одесса, 1894. С. 390.

5. ГАОО. Ф. 153. Оп.1. Д. 510. Л. 84, 87.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 66 (1843–1847). Д. 631. 20 л.; Годичные акты Ришельевского лицея (исторические записки и речи). 1852/53 гг. Одесса, 1853. С. 49-50.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 78 (1856-1862). Д. 818. Л. 41, 45.
8. РГИА. Ф. 733. Оп. 5. Д. 209. Л. 62.
9. Годичные акты Ришельевского лицея (исторические записки и речи). 1863–1864 гг. Одесса, 1864. С. 18.
10. РГИА. Ф. 733. Оп. 5. Д. 209. Л. 64.
11. РГИА. Ф. 759. Оп. 5. Д. 612. Л. 3-5
12. Одесский вестник. 1843. 24 марта.
13. Кавказ. 1859. 24 мая.
14. Кавказ. 1857. 12 мая.

М.В. Братолюбова (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

ВАРШАВСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ЗЕРКАЛЕ ДОНСКОЙ ПРЕССЫ (1915–1917 гг.)

В начале XX в. Ростов-на-Дону не оказался в кругу городов, по которым раскинулась отечественная высшая школа. До 1915 г. город не был отличен печатью университетской избранности. Вопрос об открытии в Ростове университета с медицинским факультетом поднимался еще в 1910 г. Ростовской Городской Думой [1]. Однако вопрос этот решен не был. В связи с эвакуацией в июле 1915 г. Императорского Варшавского университета в Москву и намерением перевести университет в «коренную» Россию, претензии на звание «университетского», заявили ряд крупных городов империи. Победителем в этом соревновании сумм пожертвований за Варшавский университет вышел Ростов. 17 сентября 1915 г. университет переехал в Ростов в составе четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского[2]. Первое заседание Совета Императорского Варшавского университета в Ростове состоялось 19 сентября 1915 г. [3]. 1 декабря 1915 г. начались занятия на новом месте, а с 10 декабря от-

крылось чтение лекций на большинстве факультетов [4]. Преподавание велось по тем же кафедрам и в том же объеме, что и в Варшаве. Вплоть до 1917 г. университет назывался Императорским Варшавским и подчинялся Варшавскому учебному округу. 5 мая 1917 г. декретом Временного правительства он был закрыт, а на его базе учредили Донской университет [5]. 5 сентября 1918 г. Приказом Всевеликого войска Донского Донскому университету было присвоено имя М.П. Богаевского, помощника Войскового атамана генерала А.М. Каледина [6].

Проблемы изучения городского контекста эволюции университетов Российской империи совсем недавно переместились из исследовательской периферии в центр внимания отечественных и зарубежных исследователей [7]. До сих пор город, как пространство, в котором находился университет, и сами горожане, затрагивались лишь изредка [8].

Представляется важным провести критический анализ донской периодической печати за 1914–1917 гг. и осмыслить проблему академической составляющей городской культуры, проанализировать насколькоприставка «университетский» к топониму города Ростова-на-Дону меняла его общегосударственный статус в иерархическом ряду российских городов, предопределяла его всероссийскую культурно-историческую известность.

Важно отметить, что, если в конце XIX в. полемика о необходимости развития сети высших учебных заведений в Области войска Донского носила камерный характер, велась в основном, в интеллигентской среде без заметного участия торгово-предпринимательской среды. То, в первой трети XX века картина существенно изменилась. Дискуссия о появлении университета в Ростове обрела характер широкой общественной кампании представителей городской общественности. Теперь уже первую скрипку в ней исполняли ростовские промышленники и купечество, готовые на значительные траты ради достижения вожделенной цели.

Ростов долго добивался университета и когда обрел статус университетского, обсуждение события не сходило со страниц местной

периодической печати. Донские газеты пестрили заголовками о чествовании приехавших в августе-сентябре 1915 г. в Ростов профессоров Варшавского университета [9, 10, 11].Ректор Варшавского императорского университета С.И. Вехов весьма определенно отзывался о городе: «Ростов заслужил, чтобы в нем открылось высшее учебное заведение, город весьма благоприятен для университета»[12].Профессор В. Хмелевский в своей статье «Первое впечатление приезжего о Ростове-на-Дону пишет: «Ростов – большой красивый город, а Большая Садовая улица – это самая прелесть, и другие улицы тоже производят эффект своим культурным видом, они широки, с хорошими тротуарами, почти везде посажаны деревья, благодаря чему город похож на сад. Ростов богат средствами, и живая сила имеется в лицах общества. Университет вольет новую волну в жизнь города [13].

На страницах местных газет развернулась острая дискуссия между профессорами университета и представителями городской общественности о том, достоин ли Ростов стать университетским городом, обладает ли он, город классического торгового типа, достаточным уровнем культурного развития для университета. Непримиримое мнение в этом вопросе занял профессор А.М. Евлахов, который заявлял: «Ростов не созрел для университета»[14]. Он обозначил свою позицию следующим образом: «Я утверждал и утверждаю последнее: не будь каприза судьбы, игры рока, Ростов еще многие и многие годы не имел бы университета»[15]. А.М. Евлахов опубликовал серию критических статей, указывая на «низкий уровень культурной развитости Ростова и его жителей»[16]. Возражали профессору Евлахову как коллеги-профессора, так и представители ростовской общественности и городских властей. Взаимоотношения Варшавского Императорского университета и ростовцев нашли отражение и в юмористических формах, в газетах появились не только фотографии профессоров и студентов, но карикатуры, шаржи.

Университет придал мощную энергетику развития высшей образовательной сферы городской культуры Ростова-на-Дону. В Ро-

стове возникла конгломерация разных государственных и частных высших учебных заведений, к февралю 1917 г. их насчитывалось уже три [17]. Под покровительственной сенью университета на академической почве университетского города легче укоренялись молодые высшие учебные заведения. С взаимодействием с университетом, окрепла негосударственная частная школа, основу которой составили высшие женские курсы, которые существенно повышали потенциал городской культуры.

Периодическая печать помогает реконструировать отображение истории Варшавского Императорского университета в субъективном восприятии и опыте конкретных людей той эпохи. Материалы, находящиеся в донских газетах и касающиеся истории университета, отражают не только научную деятельность, но и другие аспекты социальной жизни учебного заведения. Это дает представление о развитии науки и об общественной жизни университета.

Стоит отметить, что университет в Ростове не обладал, как другие вузы империи, своим неповторимым культурно-градообразующим свойством. Не были созданы специально для университета архитектурные комплексы, возведенные по специальным проектам. Местным властям приходилось приспосабливать здания, которые уже являлись доминантными элементами городской архитектуры. Об этом красноречиво повествуют донская периодическая печать.

Университет в Ростове явился своего рода агентом цивилизации, оказал общее цивилизационное воздействие на жизнь Ростова. Деятельность Варшавского университета на Юге страны привела к его трансформации. Варшавский университет в Польше функционировал в условиях фронтира. Перед ним стояла альтернатива национальной либо политической самоидентификации в условиях сложного конфликта национальных и имперских интересов. В дальнейшем, представляется интересным проследить механизмы ухода от работы по складыванию пограничной или смешанной идентичности университетского человека на Дону.

Примечания

1. Журнал Ростовской на Дону Городской Думы за 1910 год. Ч.1. Ростов-на-Дону. 1911. С.245-253

2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО) Ф. 527. Оп.1. Д.31. Л. 348об.

3. ГАРО. Ф. 527. Оп.1.Д.1. Л.224.

4. ГАРО. Ф.527. Оп. 1. Д.103. Л. 56.

5. ГАРО. Ф. 527. Оп. 1. Д.290. Л.6–8

6. ГАРО. Ф.527. Оп. 1. Д.356. Л.193–193об.

7. *Казакова В.С.* Коллективная биография профессуры – новый путь в социальной истории русских университетов // Клио. Журнал для ученых. 2001. №1 (13). С. 254–258; Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов*: под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой.* Нац. исслед. ун-т. Высшая школа экономики, Ин-т гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 386 с.; Университет и город в России (начало XX века)/ *Под ред. Т. Мауэр, А. Дмитриева.* М.: НЛО, 2009.- 784 с.

8.*Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* TerraUniversitatis: два века университетской культуры в Казани, Казань, Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – 500 с.; *Иванов А.Е.* Университет как феномен культуры российского города конца XIX – начала XX века // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX- XX веков. (Материалы международного коллоквиума, Санкт-Петербург, 14-17 июня 2004 г.). СПб.: Издательство «Европейский Дом». 2009. – 428 с.

9. К приезду в Ростов-на-Дону профессоров Варшавского университета // Приложение к газете «Приазовский край». 1915. 15 августа

10. Университет переводится // Приазовский край. 1915. 16 августа

11. Ростовский университет // Приазовский край. 1915. 22 августа

12.*Вехов С.* Университет в Ростове // Приазовский край. 1915. 6 сентября.

13. *Хмелевский В.* Первое впечатление приезжего о Ростове-на-Дону // Приазовский край. 1915. 6 сентября.

14. *Евлахов А.* Ростов и Варшавский Университет (К психологии взаимоотношений) // Приазовский край. 1915. 7 сентября.

15. *Евлахов А*. Ростов и Университет // Приазовский край. 1915. 20 сентября.

16. *Евлахов А.* Кому снится сон // Приазовский край. 1915. 6 ноября.

17. *Иванов А.Е*. Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. М., 1991. С.376.

И.Г. Брызгалова (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

РОЛЬ ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ РОСТОВА-НА-ДОНУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Южный Федеральный Университет является преемником Варшавского Императорского Университета, который был в 1915 г. эвакуирован из Варшавы в Москву, а затем в Ростов-на-Дону. С переездом университета на Юг России связана не только трансляция форм преподавания и организации высшего образования, но также и определенных форм повседневности – организации досуга и общения, различных культурных традиций.

«Варшавские истоки» университета в Ростове-на-Дону всегда занимали значимое место в корпоративной памяти и официальной генеалогии. Университетский текст во все ростовские времена представал своего рода палимпсестом, в котором были отчетливо различимы следы или «варшавского периода», или конкретно Императорского Варшавского университета [1].

До перевода университета в Ростове не было ни одного научно-учебного заведения, ни одного человека с ученой степенью и званием. В справочниках конца XIX – начала XXв. указывалось, что в Ростове имеется одно научно-культурное учреждение – музей церковных древностей [2].

С переездом же Варшавского Императорского университета в городе оказался большой коллектив ученых, появилась благодатная среда для формирования интеллектуальной среды города. Профессора и студенты университета инициировали создание научных и просветительских обществ, образовательных курсов, научных кружков, которые объединяли широкие слои ростовского городского сообщества. Все это способствовало распространению научных знаний, пропаганде новейших достижений науки, раскрытию и развитию творческого потенциала городского сообщества. Это по достоинству было оценено городской общественностью, о чем свиде-

тельствуют многочисленные публикации в «Приазовском крае» и «Ростовской речи».

Университет занимал огромное значение в городском культурном ландшафте. Ростовская общественность понимала, что неразвитость университетской системы самым неблагоприятным образом отзывается на состоянии образования на Дону в целом а, следовательно, и на перспективах культурного процветания Юга России.

Местная периодическая печать запечатлела психологическое воздействие на ростовскую публику от появления университета: «Наш чумазый город, – писал «Приазовский край», – делает первые шаги по пути высокой культуры, по пути духовного развития, по пути научного прогресса. Университет переводится, а это значит, что ростовское население встало на защиту городских интересов» [3]. Университет поражал ростовцев как средоточие российского интеллектуализма в лице людей науки, городская общественность была уверена, что «университет обогатит культурную жизнь и станет собирательным центром для ростовской интеллигенции»[4].

Общественная дискуссия на тему о месте, роли университета и его отношениями с городской общественностью запечатлена в донской периодической печати, публицистике, документах официального делопроизводства. Само по себе публичное обсуждение этих вопросов было показателем высокой степени осознания общественностью непреходящей значимости института высшего образования для культурной модернизации Ростова.

В Ростове университет развернул большую организационную и научно-просветительскую деятельность. Профессорами и преподавателями были созданы Высшие женские курсы, Археологический институт, Народный университет, Коммерческий институт. Возобновили работу научные общества, существовавшие в Варшаве, в них приняли участие, в первую очередь, представители ростовской интеллигенции, врачи, преподаватели, инженеры и т.п. В 1916 г. было издано шесть выпусков «Варшавских университетских известий», начали печататься работы профессуры. Многие профессора выступали с научно-популярными лекциями перед широкой ауди-

торией [5]. Все этооказывало положительное влияние на культурный облик Ростова.

Университет оказал существенное значение на демографическую компоненту культурной жизни, интенсивно умножая слой городской интеллигенции. Притягивая к себе молодежь, университет придавал городу функцию центра межрегионального культурного взаимодействия на Юге России, более чем важную для империи.

Городская культурная жизнь обогащалась, в нее вживлялась субкультура студенческого сообщества, пульсирующая молодой энергией, заряженная высоким социально-психологическим напряжением, отмеченная особым строем межличностных отношений студентов, выражаемая в типичных для студенческого сообщества нравах и обычаях в неустанной борьбе с присущей для основной массы студенчества материально-технической необустроенностью, к способности к массовым выступлениям политического свойства.

Материалы по истории университета, находящиеся в ГАРО и в донских газетах отражают не только научную деятельность, но и другие аспекты социальной жизни учебного заведения. Это дает представление не только о развитии науки, но и о социальной, общественной жизни университета.

В истории России на долю университетов выпала огромная роль, которая выходила далеко за рамки значения их только как высших учебных заведений и научных центров, они участвовали в создании той социокультурной среды, в которой разворачивалась борьба за прогрессивное развитие страны. Университет в Ростове явился своего рода агентом цивилизации, оказал общее цивилизационное воздействие на жизнь региона. Деятельность Императорского Варшавского, затем Донского университета на Юге страны привела к его трансформации.

В период с 1915 по 1918 гг. университет оказался в совершенно уникальной ситуации, когда он сменил не только географическое местоположение, что само по себе было колоссальной проблемой для нормальной работы. Он оказался в итоге в совершенно новом государстве, существование в котором было сопряжено с большими

изменениями в его структуре и учебном процессе, но и означало изменение самой идеи университета как социального института в обществе.

Утратив вначале свой статус «Императорского», затем свое название «Варшавского», пройдя через пламя Гражданской войны и советизации, университет станет совершенно новым, но в его тексте останутся навсегда различимыми «варшавские следы», задающие регистр преемственности между Варшавой и Ростовом.

Примечания

1. История Ростовского государственного университета (1915–2005): монография / *А. Е. Иванеско, А. И. Нарежный, М. А. Пономарева, М. В. Пятикова, В. П. Трут, Е. В. Шандулин; отв. ред. В. Ю. Апрыщенко;* Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. С. 4.

2.*Белозеров С.Е.* Очерки истории Ростовского университета. Изд-во Ростовского университета.1959. С. 50.

3.*Морев А.* Университет переводится // Приазовский край. 1915, 15 августа.

4. *Саликовский А*. Университет в Ростове. Добро пожаловать // Приазовский край. 1915. 6 сентября.

5. *Белозеров С.Е.* Очерки истории Ростовского университета. Изд-во Ростовского университета.1959. 52–53.

К.В.Русанов (г. Харьков, Украина)

ФАРМАЦЕВТЫ-ПОЛЯКИ В ВОЛЬНЫХ АПТЕКАХ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ

После окончания Кавказской войны начался переход Кубани и Черномории от военного к гражданскому управлению, коснувшийся и фармации. В дополнение к госпитальным (больничным) аптекам, финансируемым из казны, в регионе появились вольные аптеки – частные предприятиясо свободной продажей лекарств. Владеть

ими мог любой, но управлять должен был человек со званием провизора.

Немало фармацевтов-поляков служило в военных госпиталях Кубани еще в 1830–1860-ее гг., но тогда они работали по приказу командования. Теперь поляки вели здесь предпринимательскую деятельность по личной инициативе. Вопрос об их вкладе в развитие сети вольных аптек Кубани и Черномории пока не исследовался. В публикациях о польской диаспоре, где упомянуты многие работавшие здесь в то время медики, фактически нет имен фармацевтов.

Доля поляков – содержателей или управляющих аптеками [1] изучена нами по ежегодному «Российскому медицинскому списку» (РМС) за 1867–1916 гг., отчасти по «Памятной книжке Кубанской области» (ПККО). В РМС вероисповедание фармацевтов указывали с 1890 г., а национальность – с 1898 г.; до этого времени поляки-католики были выделены по фамилиям, именам и отчествам [2].

Первая вольная аптека на Кубани открылась в Екатеринодаре в 1866 г.; этот факт отмечен в РМС в 1867 г. [3]. До Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. аптечная сеть развивалась медленно. По данным на 1877 г., число вольных аптек в области достигло 6, но поляков среди их содержателей/управляющих еще не было.

Первыми стали провизоры Иван Доминикович (диплом 1873 г.) и Марцелий Доминикович (диплом 1876 г.). Семья Конечных начала свою фармацевтическую карьеру на Кубани в ст. Усть-Лабинской – соответственно с 1878 г. и с 1881 г. Позже И.Д. Конечный обосновался в ст. Лабинской, где и работал до самой смерти в 1912 г. А основным местом работы М.Д. Конечного стал с 1884 г. Армавир, где он владел аптекой и в 1916 г.

Окончание войны дало импульс росту числа аптек и аптечных отделений – см. табл. 1. В начале 1880-х гг. на Кубань приехали провизоры Леонард-Феликс Иванович Хацинский (правильнее, вероятно, Хенцинский) и Примысл(ав) (иногда – Промыслав) Исидорович Витушинский (диплом 1872 г.). Первый открыл аптеку в ст. Невинномысской, где и умер в 1891 г. Второй проработал в ст. Уманской четверть века – по 1909 г. включительно.

На динамику развития аптечной сети между 1884 и 1916 гг. существенно повлияли изменения законодательства. В начале 1880-х гг. было разрешено открывать вне городов упрощенные сельские аптеки, которыми мог управлять и аптекарский помощник (звание ниже провизора); в них не было производственного отделения по изготовлению лекарств и лаборатории, обязательных для нормальных аптек. Это значительно удешевляло сельские аптеки, и до 1905 г. аптечная сеть расширялась в основном за счет них, а число аптекарских помощников, владевших/управлявших аптеками, приблизилось к числу провизоров (табл. 2).

Таблица 1

Развитие аптечной сети Кубанской области и Черноморского округа в начальный период

Год	Число НА + АО		Число провизоров, содержавших аптеки или управлявших ими, человек		Из них поляков, человек (%)	
	По данным РМС	По данным ПККО	По данным РМС	По данным ПККО	По данным РМС	По данным ПККО
1867	1	-	1	-	-	-
1869	3	-	4	-	-	-
1872	3	-	4	-	-	-
1876	5+1	5	6	6	-	-
1879	7+1	9	8	8	-	1 (12,5)
1883	11+2	13+1	14	11	2 (14,3)	4 (36,4)

Сокращения в табл. 1, 2: НА – нормальные аптеки; АО – аптечные отделения.

Аналогичный результат дала и отмена после революции 1905 г. ряда существовавших ограничений и запретов на открытие аптек.

Из фармацевтов-поляков, работавших на Кубани с середины 1880-х гг., назовем провизора Николая Людвиговича Сцислáвского

(диплом 1881 г.), начавшего в1884г. с управления аптекой в Екатеринодаре, а затем работавшего в станицах Славянской, Ильской (с 1894 г.), в сел. Козьминском(1900-1905 гг.), в станицах Петропавловской и Кореновской (перед началом войны 1914–1918 гг.). В 1916 г. Н.Л. Сцислáвский переехал в Донскую область.

Таблица 2

Развитие аптечной сети Кубанской области и Черноморского округа (губернии) по данным РМС

Год	Число фармацевтических учреждений				Число фармацевтов, владевших или управлявших аптеками			
	НА	О	СА	Все-го	Ф	Пр	АП	Все-го
1884	18		3	21		21	2	23
1886	19		10	29		28	5	33
1888	19		17	37		28	9	37
1889	18		22	41		28	16	44
1891	19		22	43		26	17	43
1892	20		23	45		29	18	47
1894	21		27	50		31	20	51
1896	23		41	65		43	24	67
1898	25		47	75		44	38	82
1900	25		54	82		54	36	91
1901	27		53	83		54	36	91
1904	27		57	88		57	51	109
1905	29		56	89		60	49	110
1908	38		66	108		57	58	118
1909	42		67	112		62	59	124
1910	51		71	126		72	68	143
1911	59		74	138		78	73	155
1912	64		81	149		92	75	171
1913	75		88	168		101	86	190
1914	80		98	182		112	94	209
1916	85		106	195		114	106	223

Сокращения в табл. 2: СА – сельские аптеки; МФ – магистры фармации; Пр – провизоры; АП – аптекарские помощники.

Из аптекарских помощников-поляков отметим Ивана Ивановича Соколовского, работавшего с 1886 по 1893 гг. в ст. Новопокров-

ской, и Викентия Станиславовича Голубецкого (Голобецкого), владевшего аптекой в ст. Отрадной с 1886 по 1893 гг. В аптеке Голубецкого начал служить (с 1889 г.) аптекарский помощник Игнатий Иосифович Бржозовский. Позже он стал ее владельцем и содержал ее до 1916 г. Кроме того, с 1909 г. И.И. Бржозовский владел аптекой и в ст. Спокойной.

В целом с середины 1880-х гг. доля поляков среди владельцеви управляющих аптеками была намного выше, чем среди остального населении Кубани и Черномории – как, в общем, так и в городском [4]. В 1894-1905 гг. поляки владели/управляли здесь третью аптек (табл. 3).

Таблица 3

Число фармацевтов-поляков, владевших/управлявших учреждениями фармации в Кубанской области и Черноморском округе (губернии) по данным РМС

Год	Провизоры		Аптекарские помощники		Всего	
	Человек	% от общего числа	Человек	% от общего числа	Человек	% от общего числа
1883	2	14,3	-	-	2	14,3
1884	6	28,6	-	-	6	26,1
1886	7	25,0	2	40,0	9	27,3
1887	7	25,0	2	25,0	9	25,0
1888	6	21,4	2	22,2	8	21,6
1889	6	21,4	3	18,8	9	20,5
1891	5	19,3	3	17,7	8	18,6
1892	7	24,1	3	16,7	10	21,3
1894	11	35,5	6	30,0	17	33,3
1896	16	37,2	6	25,0	22	32,9
1897	15	36,6	10	31,3	25	34,2
1898	16	36,4	13	34,2	29	35,4
1899	17	36,2	16	41,0	33	38,4
1900	18	33,3	15	41,7	33	36,3
1901	18	33,3	15	41,6	33	36,3
1904	19	33,3	22	43,2	41	37,7
1905	19	31,7	21	42,8	40	36,3

1908	14	24,6	18	31,0	32	27,1
1909	14	22,6	17	28,8	31	25,0
1910	14	19,5	21	30,9	35	23,5
1911	14	18,0	21	28,8	35	22,6
1912	22	23,9	24	32,0	46	26,9
1913	22	21,8	28	32,6	50	26,3
1914	22	19,7	30	31,9	52	24,9
1916	25	22,0	37	33,9	62	27,8

Последующее снижение доли поляков было связано с Русско-японской войной 1904–1905 гг. и отправкой фармацевтов (прежде всего аптекарских помощников) на Дальний Восток. Не менее важной причиной стала конкуренция фармацевтов-евреев, вытеснявших бизнес поляков из относительно крупных центров.

Примеры тому – Екатеринодар и Майкоп. В областной столице в 1913 г. 9 аптек и 3 аптечных отделения содержали и/или ими управляли 14 евреев, 2 русских и ни одного поляка. В 1916 г. число аптек в Екатеринодаре выросло до 11, все евреи остались на местах, но поляк всего один – управляющий в городской общественной аптеке. В Майкопе же, где работало 6 аптек, поляковв них не было ни в 1913, ни в 1916 гг.

Относительный паритет имел место в Ейске (в 1913 г. – 6 аптек, 1 поляк, 2 еврея; в 1917 г. – 7 аптек, по 3 поляка и еврея) и в Новороссийске (в 1913 г. – 4 аптеки, по 1 поляку и еврею; в 1916 г. – 6 аптек, 1 поляк, 3 еврея). Лишь в Армавире среди владельцев и управляющих 5 аптек поляков было устойчиво больше, чем евреев.

Таким образом, большинство фармацевтов-поляков было рассеяно по станицам и селам Кубани и Черномории, поэтому устоявшееся мнение о концентрации диаспоры в городах [5] в их отношении, по-видимому, несправедливо.

В коротком сообщении нет возможности перечислять десятки фамилий, и тем более приводить биографические данные фармацевтов. Ниже мы ограничимся (сверх уже названных) теми поляками, кто проработал в аптеках Кубани и Черномории 7–8 лет и более, в силу чего, возможно, оставил след в памяти станичников.

Филипп-Яков Даниилович Валявский, ставший провизоромв 1891 г., со следующего года работал в ст. Невинномысской, в 1894–1895гг. – в ст. Вознесенской. Затем Ф.Д. Валявский 16 лет владел аптекой в ст. Упорной, а в 1913–1916 гг. – снова в ст. Вознесенской.

Иосиф Петрович Турчинский приехал в Черноморию в 1894 г. уже опытным провизором (диплом 1876 г.) и до самой революции содержал аптеку в Новороссийске, а одно время – и аптечное отделение в Геленджике.

Меньше повезло Константину Антоновичу Знамеровскому, провизору с 1875 г. В 1894 г.он поселился в ст. Усть-Лабинской, где проработал 15 лет.

Сложная судьба ожидала Иосифа Александровича Атлера, провизора с 1894 г. С 1898 г. он управлял аптекой в Армавире, но в 1900-е гг. покинул Кубань и вернулся в тот же Армавир только в 1911 г. Здесь И.А. Атлер доработал до 1916 г.

Если только справочник РМС не ошибался, указывая год рождения вместо года получения диплома, то старейшиной кубанских фармацевтов был Генрих Августинович Бухартовский, провизор с 1853 г. (!) В ст. Славянскую он приехал в 1896 г. и владел здесь аптекой по 1912 г. включительно.

Брунон Львович Венцковский (диплом 1883 г.) начал кубанскую часть своей карьеры в 1896 г. со ст. Великокняжеской. А с 1900 по 1914 гг. провизор Б.Л. Венцковский бессменно владел аптекой в ст. Невинномысской, где и умер.

С 1896 по 1906 гг. проработал в Темрюке Феликс Владимирович Цыбульский, провизор с 1885 г. Но затем какие-то причины заставили его уехать в Варшаву.

Его сверстник, провизор Владимир Александрович Гитцингер, управлял аптекой в Екатеринодаре с1897 по 1905 гг.Но затем он выбыл из РМС, что обычно означало смерть.

Управляющим в Екатеринодаре начал карьеру на Кубани с 1898 г. и другой провизор – Петр Иосифович Мацюкевич (диплом 1890 г.). С 1902 г. стал владельцем аптеки в ст. Васюринской и дожил в этом статусе до 1916 г.

Много мест работы пришлось сменить, начиная с 1903 г., Владимиру (Владиславу?) Эдуардовичу Вер(ж)бицкому, провизору с уже десятилетним стажем: ст. Приморско-Ахтарская, Темрюк, ст. Баталпашинская, а в 1916 г. снова Темрюк. Напротив, провизор Я. Н.Меер (диплом 1901 г.) работал с 1904 г. до революции 1917 г. в одной и той же станице Лабинской.

Среди аптекарских помощников отметим, прежде всего, тех, кто за время работы на Кубани сумел получить звание провизора [5]. Адольф Исидорович Трусковский как аптекарский помощник служил с1894 по 1907 гг.в ст. Новопокровской. Но с 1912 по 1916 гг. он, уже став провизором, владел аптекой в Ейске.

Аналогичный путь прошел Казимир Карлович Ясевич в ст. Староминской. Начинал он здесь в 1908 г. аптекарским помощником, управляющим сельской аптекой. А в 1912 г. уже как провизор владел этой аптекой, получившей статус нормальной.

Вот еще несколько имен аптекарских помощников-поляков.

Антон-Онуфрий АнсельмовичХилевский работал в станицах Гиагинская и Новопокровская с1894 г.; выбыл из РМС в 1904 г.

Виктор КарловичДобржинский с 1896 г. работал по несколько лет в станицах Белореченской, Платнировской, Холмской, пока не осел окончательно в 1907 г. в ст. Выселки, где и встретил 1917 г.

Владислав-Казимир Матвеевич Собонь с 1898 по 1916 гг. владел сельской аптекой в ст. Ново-Малороссийской. В том же году стал работать на Кубани Владислав ФомичРусецкий, но ему пришлось поменять за 18 лет три места работы: ст. Псебайская, сел. Филипповское, ст. Рязанская

Станислав МихайловичОтмар-Штейн служил с1898 г. в ст. Абинская, в 1904 г. – в ст. Ильинской. С 1908 г. выбыл из РМС.

Юрий ИгнатьевичРадзвицкий начал работать с 1899 г. в ст. Михайловской, ас 1904 по 1916 г. включительно владел сельской аптекой в ст. Урупской [6].

И еще три аптекарских помощников благополучно доработали на Кубани до 1917 г., начав карьеру в 1904 г. Все трое владели сельскими аптеками: Антон Константинович Вишневский – все время в

ст. Тенгинской, Клавдий Витальевич Голембиовский – в ст. Медведовской, а перед войной – в ст. Роговской и Поповической. Наконец Иосиф Варфоломеевич Аткочайтис работал в станицах Спокойной, Бесскорбной и в селе Успенском.

В заключение добавим, что провизоры с литовскими фамилиями были не редки на Кубани. Так, нормальной аптекой в ст. Лабинской управлял провизор Иосиф Варфоломеевич Демикис, а в ст. Отрадной– Вацлав Антонович Жемойтель. Больше «литвинов»-аптекарских помощников управляли в разные годы сельскими аптеками: Казимир Францевич Норкайтис – в ст. Ильинской; Павел Игнатьевич Кетвиртис – в ст. Ильской; Петр Устинович Катинас – в ст. Спокойной; Альфонс Киприанович Урбанас – в ст. Старощербиновской; Петр Константинович Балтрушайтис – в ст. Калниболотской; Виктор Юстинович Гуделис – в ст. Незамаевской; Станислав Иванович Маргис – в ст. Темиргоевской.

Встречались среди римо-католиков и аптекарские помощники-белорусы, управлявшие сельскими аптеками: Казимир Иванович Евдокимов – в той же ст. Темиргоевской; Петр Казимирович Рынкевич – в ст. Константиновской; Владимир Семенович Волчек – в ст. Бекешевская (в то время Кубанской области); Болеслав Викентьевич Веремий – в ст. Кирпильской.

Итак, фармацевты-поляки сыграли значительную, а временами – ведущую роль в бурном развитии аптечной сети Кубани и Черномории в 1880–1910-е гг. При этом они работали по большей части в станицах и селениях, относительно равномерно распределяясь по территории. Некоторую часть этих фармацевтов составляли выходцы с бывших литовских и белорусских земель Речи Посполитой.

Автор надеется, что приведенные имена аптекарей-поляков, работавших на Кубани и в Черномории до 1917 г., помогут историкам и краеведам более полно восстановить картины прошлого городов и станиц.

Примечания

1. Фармацевтический персонал нормальных аптек, особенно в крупных городах, состоял не только из владельцев/управляющих (что было типично

для сельских аптек), но и из рядовых сотрудников, среди которых тоже могли быть поляки. Поэтому представленные в статье данные являются не исчерпывающими, в то же время достаточно репрезентативными: среднее по всей России число работающих в одной аптеке было между 2 и 3.

2. Автор засчитывал не только собственно поляков, но и лиц, назвавших-ся литвинами и белорусами римскоо-католиками – выходцев с земель бывшей Речи Посполитой, вошедших в конце XVIII в. в состав Российской империи. Нередко одни и те же фармацевты в разные годы именовали себя в РМС то поляками, то литвинами (белорусами).

3. Справочники включали данные за год, предшествовавший году их издания.

4. По данным Всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.), в Кубанской области числилось 2719 человек, назвавших польский родным языком (0,14%), и около 7,5 тыс. католиков; количество фактических поляков находилось между этими цифрами, то есть составляло менее процента.

5. «Статистические данные (1897 г.) указывают на то, что 47,8% кубанских поляков проживало в городах» (Цит по: *Гайворонская А.В.* Поляки в этнокультурном пространстве юга РоссииXIX – начало XXI вв.// Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.)Всероссийская научно-практическая конференция. Краснодар, 2013 г. С. 152. Л.Я.Апостолов в 1897 г. писал: «Поляки живут, главным образом, в городах, где они занимают различные должности»» (Цит по: *Селицкий А.И.* Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар, 2008. С. 67).

6. Для получения диплома провизора аптекарский помощник должен был прослушать курс лекций при одном из университетов и сдать экзамены. На это обычно уходило не меньше двух лет.

7. Эту аптеку и измененное имя ее владельца (Ю.И. Радвиц) сохранила неофициальная история станицы, ставшей позднее Советской – см. Интернет-форум «Вольная станица» (forum.fstanitsa.ru›СтаницаУрупская).

Н.А.Съедин (г. Симферополь, Российская Федерация)

ПОЛЬСКИЙ СЛЕД В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КРЫМА XIX ВЕКА

Культурная жизнь Крыма на протяжении всей истории формировалась под влиянием множества цивилизационных факторов. В разные периоды каждый из них играл большую или меньшую роль, но ни один из них не проходил бесследно. Культура разных народов представлена в Крыму памятниками археологии, истории, топонимами, литературными и художественными произведениями, бытовыми традициями. В отношении одних народов, это имеет ярко выраженный характер, касательно других – менее заметный, фрагментарный, почти забытый, стертый историей след. Но даже незначительные вкрапления в культуру Крыма культуры других народов имеют свое значение, ибо придают культурному ландшафту полуострова специфические, неповторимые черты, лучше раскрывают своеобразие многих крымских мест, делают их узнаваемыми и понятными представителям разных народов.

Таковым, безусловно, является польский след, который, несмотря на малочисленность польской диаспоры в Крыму, все же остается заметным здесь и, особенно, в XIX в. Это связано, с одной стороны, с тем, что после присоединения Крыма к России полуостров становится более открытым для представителей европейских народов. С другой, включение польских земель в состав Российской империи в этот период влечет за собой естественное включение поляков, как одного из народов, составляющих ее население в процесс активного освоения крымских земель. Это происходит по разным направлениям. В Крыму появляются польские переселенцы. Первые 170 польских семей пребывают в Крым как раз на рубеже XVIII–XIX вв. сразу же после издания манифеста от 13 февраля 1798 г., разрешающего иностранцам селиться в Таврии. Эти семьи заселяют пустующие земли на севере полуострова в районе Перекопа и Армянска. В 60-е гг. XIX в. переселение поляков принимает более массовый характер. Это связано как с последствиями Крымской войны, вызвавшей отъезд части татар в Турцию и стрем-

лением русского правительства заселить обезлюдившие части территории полуострова, так и с событиями на польских землях, в результате которых многие бедные польские крестьяне, опасаясь репрессий и высылки в Сибирь, оставляют родину в поисках лучшей жизни.

Тем не менее, общее количество поляков было незначительным и к концу XIX в. по итогам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. достигло 6 929 человек. Это составляло немногим более одного процента от численности всего населения Крыма. К тому же, следует иметь в виду, что в отличие от греческих, болгарских или немецких колонистов, польским переселенцам запрещаются компактные поселения. Как правило, они селятся вместе с православными переселенцами из западноукраинских земель. В результате в некоторых крымских селах наряду с церквями появляются костелы. Общее их количество было невелико. Всего в Крыму насчитывалось 9 приходов. О том насколько заметно было присутствие поляков в этой среде, свидетельствует тот факт, что, хотя прихожанами костелов были не только поляки, местное население Симферополя, Ялты, Севастополя именовало их не иначе как «польскими» [1].

Еще более значительный след в культурной жизни Крыма связан с пребыванием в Крыму отдельных представителей польской политической и культурной среды, приобретением на полуострове владений представителями известных родов, интегрированных в политическую элиту Российской империи. В этой связи нельзя не упомянуть фамилии Потоцких, Браницких, Понятовских. Владениями первых некоторое время была Массандра, где даже планировалось основать город Софиеополь, по имени Софии Константиновны Потоцкой [2]. С фамилией другого известного польского рода Браницких, представительница которого Елизавета Ксаверьевна Браницкая, как известно, стала супругой графа М.С. Воронцова, тесно связано имение Воронцовых в Алупке. Дочь племянницы князя Г.А. Потемкина Александры Васильевны Энгельгардт и великого коронного гетмана Польши, графа Франциска Ксаверия (в России

Ксаверия Ивановича) Браницкого, перешедшего на службу России, составила великолепную партию потомку рода Воронцовых. Свидетельством тому является факт того, что на их свадьбе, состоявшейся 20 апреля 1820 г. в Париже почетным отцом невесты был герцог Веллингтон. Умная и очаровательная Елизавета Ксаверьевна была объектом восхищения многих современников. В их числе был и А.С. Пушкин, посвятивший ей несколько прекрасных стихов. Несмотря на сплетни и злословия, окружавшие эту семью, Елизавета Ксаверьевна была на протяжении почти 40 лет надежным другом ипомощником М.С. Воронцова [3]. В том, сколь красиво выглядело Алупкинское имение Воронцовых, несомненная заслуга Елизаветы Ксаверьевны, выросшей в имении «Александрия» под Белой Церковью, парк в котором считался одним из лучших в России и Европе. Именно по ее указанию, в Алупкинском дворце был создан Бахчисарайский дворик и фонтан «Мария», как знак уважения к А.С. Пушкину [4]. Благодаря ее таланту общения, Алупкинский дворец графа М.С. Воронцова стал не только великолепным архитектурно-парковым ансамблем, но и культурным центром Южнобережья, в числе гостей которого были члены императорской фамилии и сам император Николай I с супругой. Алупка была местом паломничества знаменитых государственных деятелей близких и дальних родственников писателей, художников. В их числе были и гости польского происхождения, которые, по всей видимости, пользовались особым расположением Елизаветы Ксаверьевны.

Одним из них был граф Густав Олизар. Польский аристократ, добившийся достаточно высокого общественного признания (к 28 годам он занимал должность предводителя киевского дворянства), был владельцем имения, располагавшегося под горой Аю-Даг. Сначала он приобрел здесь за 2 рубля серебром небольшой участок земли, размером ¾ десятины. Со временем он увеличил его до 200 десятин, построил дом, хозяйственные здания, окружил имение стеной и вел здесь на протяжении двух лет довольно уединенный образ жизни, принимая лишь ближайшего соседа, владельца Кучук-Ламбада, губернатора Крыма А.М. Бороздина и супругов Во-

ронцовых. Романтический характер этого пребывания здесь отражало даже название имения, данное ему хозяином – «Кардиотрикон», что означало «страдание сердца». Возможная причина этого уединения – его любовь к Марии Николаевне Раевской, чья семья владела имением Карасан. Граф дважды неудачно сватался к дочерям героя Отечественной войны 1812 года Николая Николаевича Раевского – Елене и Марии. Интересно, что при этом он счел нужным заручиться поддержкой представителей высшего Польского общества и лично князя Адама Чарторижского. В письме к нему он объяснял свой выбор тем, что Раевские по генеалогическим данным были польского происхождения. Сам генерал, впрочем, не был рад такому сватовству, полагая, что брак с дочери с иноверцем был бы неравным [5]. Впрочем, решающую роль сыграло не это, а отказ самих дочерей. Между тем граф был действительно влюблен, и это чувство к одной из дочерей – Марии, впоследствии графини Волконской, он пронес через всю жизнь. Об этом он признался Марии Николаевне спустя многие годы, уже после возвращении графини Волконской из Сибири, назвав ее при встрече в Берлине в 1863 г. своей Беатриче [6]. Сватовство и сердечные страдания не были тайной для окружающих. Это нашло отражение даже в стихах А.С. Пушкина, шутливо отразившего неудачную любовь графа к Марии: «И наша дева молодая, привлекши сердце поляка – не примет, гордостью пылая, любовь народного врага».

Пребывание Олизара в Крыму оставило след в поэзии еще одного великого, но уже польского поэта. В его имении в 1825 г. две недели гостил Адам Мицкевич, написав прекрасные строки об этом месте Крыма: «Мне любо, Аю-Даг, следить с твоих камней, как черный вал идет, клубясь и нарастая…». В сонете косвенно нашла отражение и романтическая история любви, которую поэт в своем произведении сравнил со стихией. Мотивы появления в Крыму польского поэта в составе довольно разношерстной кампании, включающей в себя начальника военных поселений графа Ивана Осиповича Витте, его сожительницы Каролины Собаньской, ее престарелого мужа и брата, впоследствии известного польского писа-

теля Генрика Ржевусского, а также агента тайной полиции Александра Бошняка, до конца не понятны. В краеведческой литературе Крыма эпизод пребывании поэта на полуострове, как правило, объясняется политическими мотивами. Высказывается версия о том, что, пригласив с собой в поездку А. Мицкевича, граф Витте через свою сожительницу и по совместительству осведомительницу всех событий в высшем свете, пытался выяснить возможные связи высланного из Петербурга вольнолюбивого поэта с потенциальными заговорщиками. Эта версия очень хорошо ложилась в советскую интерпретацию дореволюционного либерального движения в России и соответствовала традиционной идеализации всех, несогласных с существующим режимом. Но и в советское время (скажем, в примечаниях Б. Стахеева стихам А. Мицкевича) высказывалось мнение о том, что путешествие поэта в кругу этих людей, было продиктовано его желанием приобрести в глазах властей репутацию благонадежного, и обезопасить себя от новых гонений [7]. Оставляя право на существование этих версий, представляется все же, что главными были не столь политические, а романтические обстоятельства. Любовь к путешествиям, влюбленность в интересную женщину и, конечно, желание быть в кругу соотечественников, вызванное тоской по родине – скорее всего, это и были главными причинами согласия поэта на участие в путешествии.

Собственно эти три темы и есть лейтмотив крымских сонетов Мицкевича, появившихся в результате этого путешествия. Помимо высокой художественной ценности этих, безусловно, прекрасных стихов, они имели и немалое прикладное значение. Во-первых, они пробуждали интерес к Крыму не только в России, но и за ее пределами. Не следует забывать, что ко времени путешествия после присоединения Крыма прошло лишь немногим более трех десятков лет. Эти края еще оставались даже для многих подданных Российской империи все еще далекой и экзотической стороной, красивым, но, далеко не всем понятным, приобретением. Еще более важным было открытие Крыма, как части России, для европейцев. Описание Мицкевичем крымских достопримечательностей в поэтической

форме способствовало пробуждению интереса к ним и превращению их в знаковые места, символизирующие полуостров, делающим его узнаваемым в России и Европе. Чатыр-Даг, Аю-Даг, Чуфут-Кале, Балаклава, Бахчисарай – все эти описанные А. Мицкевичем и другими поэтами места, не в последнюю очередь именно благодаря поэзии, начиная с XIX в., становятся местом паломничества туристов. С другой стороны, крымские сонеты во многом способствовали росту известности Мицкевича как поэта и развитию его литературных и общественных связей. Следует сказать, что и личное знакомство Мицкевича и Пушкина состоялось благодаря все той же Каролине Собаньской, в сопровождении которой Мицкевич побывал в Крыму. Крымские сонеты Адама Мицкевича многократно переводились на русский язык как при жизни поэта, так и после его смерти. Первым это сделал в 1827 г. поэт Вяземский в виде подстрочного перевода к сонетам. Чтобы максимально сохранить авторское изложение к этой работе привлекались Дмитриев, Баратынский. В дальнейшем крымские сонеты Мицкевича переводили поэты Козлов, Лермонтов, Майков, Бенедиктов, Ходасевич, Бунин. Их переводы сделали сонеты достоянием не только польской, но и русской культуры. И это является чудесной иллюстрацией провидческих слов А.С. Пушкина, который в стихотворении к графу Олизару, описывая весьма непростые отношения двух народов, закончил свое послание к нему словами: «Но глас поэзии чудесной сердца враждебные дружит…».

К этим замечательным словам следует добавить, что сердца поляков и русских побуждает дружить не только поэзия, но и просветительская, научная деятельность других известных крымчан, поляков по происхождению, внесших огромный вклад в формирование образа Крыма как центра духовной и культурной жизни. Имена лишь двух из них, родившихся в XIX веке, известны любому человеку знакомому с культурой Крыма. Это Валентин Феликсович Войно-Ясинецкий, выдающийся русский хирург, обладатель Сталинской премии, принявший сан православного священника, канонизированный русской православной церковью как святитель Лука

и известный исследователь жемчужины античной культуры и духовной святыни православия – Херсонеса, первый директор Херсонесского музея Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич. Впрочем, их деятельность в большой мере относится к XX в., который преподнес новые сюжеты в истории отношений двух народов и роли Крыма в этих отношениях. Но это, видимо, тема для другой статьи.

Примечания

1. *Кравцова Л.П.* Страницы истории римско-католической церкви в Крыму: по архивным материалам // Крымско-польский сборник научных работ. Т. 9 . С. 15.

2. *Пальчикова А.П.* Массандра. Дворец. Парк. Усадьба // Очерк-путеводитель. Симферополь, 2003. С. 8.

3. *Захарова О.Ю.* Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь, 2005. С. 103–105.

4. *Галиченко А.А.*Старинные усадьбы Крыма. Симферополь, 2008. С. 64.

5. *Белова С.Л.* Раевские и Крым. Симферополь, 2006. С. 151.

6. *Брагина Т.А, Васильева Н.В.* Путешествие по дворянским имениям Крыма. Симферополь, 2005. С. 66.

7. *Мицкевич А.* Стихотворения. Поэмы. М., 1968. Т. 96.

У.Д. Каррер (г. Базель, Швейцарская Конфедерация)

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ПОЛЬСКОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

Выбор названия для данной статьи – «Советский Союз в польском народном искусстве» – может показаться неожиданным. Все же понятие народного искусства в исторической ретроспективе устойчиво связано с национальной образностью. Концепция народного искусства разрабатывалась в XIX в. – в период романтизма и возникновения национальных государств. Немецкий философ И.Г. Гердер видел носителей традиции, передаваемой в течение

многих столетийиз уст в уста, в деревенских жителях. С незапамятных времен общая традиция рассматривалась как основа деревенской культуры, воспринималась как сущность народов. Этнографы работали над ее документированием с целью идеологического обоснования вновь провозглашенных наций. В Польше также понятие народного искусства использовалось в отношении того, что трактовалось как древнее, характерное для данной местности, национальное [1].

Однако в публикациях из Польши 2-й половины XX в. в том, что именуется народным искусством, мы находим многочисленные отсылки к изображению известных советских политиков. Предметы искусства, содержащие мотивы, связанные с Лениным (Владимиром Ильичом Ульяновым), упоминаются в работах К. Голуб-Марчиняк, М. Долиньски и Д. Грушки, А. Кроха [2].

Эти отсылки показывают, что образ Ленина принадлежал к числу постоянно используемых. Наиболее часто в работах упоминаются деревянные скульптуры Ленина. Однако, несмотря на популярность этого образа, найти фотографии данных скульптур в польских публикациях и сами эти произведения – на современных выставках достаточно трудно. Редкими находками выступают иллюстрации небольшогоразмера [3]. Ксчастью, несколько деревянных скульптур Ленина опубликовано в каталоге немецкого частного коллекционера Кристины Орт [4]. Еще одна хранится в немецкой частной коллекции, о которой пойдет речь дальше.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы ввести данные скульптуры в научный оборот и проанализировать их. Работа начинается с представления и иконографического анализа скульптур, далее дается анализ политического и исторического контекста их бытования, что позволяет показать их место в культурной политике Польши и обозначить проблему последствий, которые породило создание скульптур и их восприятие. В заключении работы на примере скульптур Ленина мы покажем изменение трактовки понятия народного искусства в Польше.

Скульптура, представленная на рисунке 1, носит название «Ленин за своим письменным столом». Она была выполнена в 1982 г. польским художником Станиславом Денкевичем (1913–1990), который жил и работал в поселке при железнодорожной станции Едлня Кошчельня в Келецком воеводстве. Скульптура изображает Ленина сидящим за письменным столом. В руках он держит ручку и свернутый в трубку лист бумаги с надписью “Komunikat” («Коммюнике»). На письменном столе лежит пачка бумаги, на которой Ленин пишет. Текст гласит: “Proletariuszewszystkichkrajów łączciesię” («Пролетарии всех стран, соединяйтесь»). Ленин изображен с характерной прической и бородой, на нем черный костюм и красный галстук, который символически подчеркивает его политическую позицию. На внешней части фигуры расположено название работы: “Lenin przyswymbiorku”. Это название очень описательно, т.к. оно лишь подтверждает то, что может быть легко понято из иконографического анализа скульптуры. Зрителю показаны те явные признаки, которые позволяют определить изображаемого человека как Ленина. К ним принадлежат черты лица, подбор цветов и надписи. Очевидно, что Станислав Денкевич поставил в центр своего произведения политическую работу Ленина. Акцентирована его роль как теоретика и общественного деятеля. Также скульптура содержит надпись: “St.Denkiewicz. Jedlnia 1982” – имя художника, место его жительства и работы и год, когда выполнена скульптура.

Рис. 1. Станислав Денкевич. Ленин за своим письменным столом. 1982 г. Фото Уты Каррер

Объекты исследования. Данное произведение представляет собой предмет из частной коллекции, хранящейся в Западной Германии. Ее состоятельный владелец, который предпочел остаться неназванным, сообщил, что приобрел скульптуру напрямую у художника в 1982 или 1983 г. Скульптура, изображение которой публикуется впервые, стоит на книжной полке в гостиной большого особняка в одном из крупных немецких городов.

Очень похожая скульптура Станислава Денкевича с тем же названием – «Ленин за своим письменным столом» (рис. 2) – является частью коллекции Ганса Иоахима и Кристины Орт. Пара из Берлина собирала предметы народного искусства с 1953 по 1980 гг.

Как и в случае первой скульптуры, Ленин показан за написанием своих политических работ. Образ узнаваем благодаря характерным чертам лица и надписи “Włodzimierz Ilicz Lenin”. Хотя скульптура содержит меньше надписей, образ политика считывается благодаря тому, что Ленин держит перо и на его столе лежит несколько книг. Как и в первом случае, подбор цветов призван подчеркнуть высказывание художника.

Для интерпретации художественных работ важно упомянуть, что С. Денкевич в период Польской Народной Республики активно сотрудничал с одним из государственным учреждений. Он был членом правления Ассоциации народных мастеров (“Stowarzyszenie Twórców Ludowych”) в Люблине, позже – заместителем председателя местного отдела Ассоциации народных художников в Кельце. Благодаря данной деятельности он много знал о политическом заказе того времени. Он также сотрудничал с организациями, осуществляющими торговлю польскими товарами на международном рынке, – CPLiAiDesa. Они занимались отбором и продажей созданных в Польше произведений искусства, как в самой стране, так и за ее пределами.

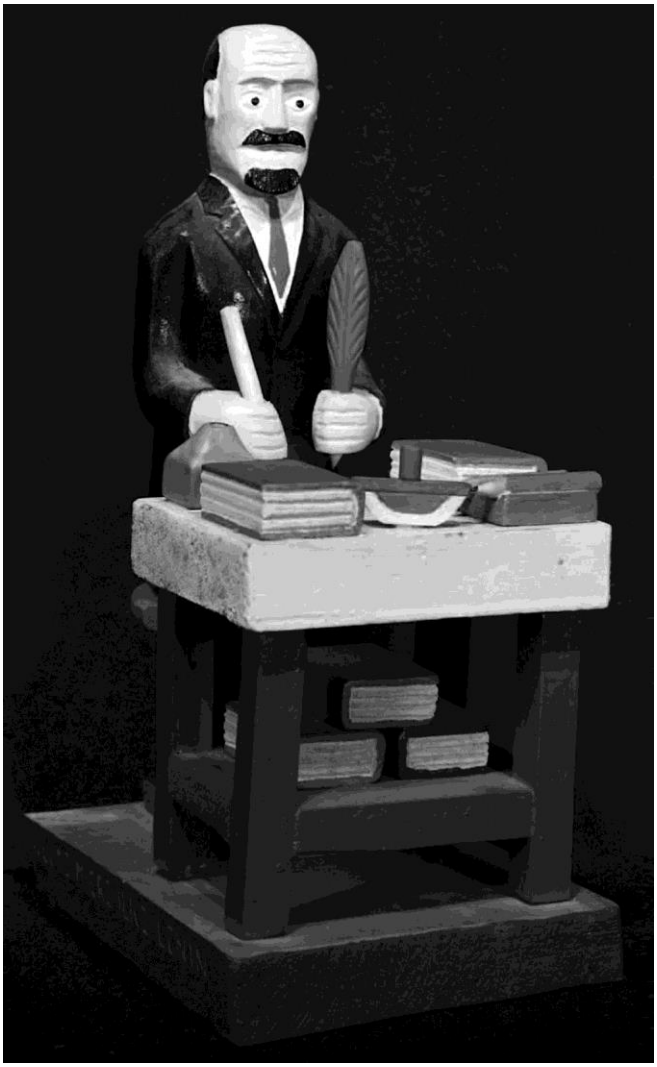

Рис. 2. Станислав Денкевич. Ленин за своим письменным столом. Год неизвестен. Фото Кристины Орт [5]

На рисунке 3 мы видим скульптуру Ленина, выполненную другим художником. Ее автор – Вацлав Суска, 1922 г.р., живущий в Дубровке (Любушкское воеводство). Произведение хранится в коллекции Ганса Иоахима и Кристины Орт.

Данная скульптура заметно отличается от выполненных Станиславом Денкевичем. Здесь Ленин изображен стоящим в свободной позе. Его голова непропорционально больше тела, изображены характерная прическа и борода, однако усы необычной для визуализаций Ленина формы. Длинные руки фигуры вытянуты вдоль тела.

Как и ранее рассмотренные примеры, данная скульптура полихромная. Костюм выполнен в черном цвете, ярким пятном смотрится красный галстук. Использована другая техника резьбы: контуры скульптуры мягче, поверхность неровная. Год создания скульптуры указывает на причину ее изготовления. 1977 г. был 60-й годовщиной возглавленной Лениным Октябрьской революции. В этом году правительство организовало конкурсы, результатом которых стало появление многочисленных скульптур Ленина, созданных народными художниками [7]. Как и Станислав Денкевич, Вацлав Суска был членом Ассоциации народных художников и продал многие свои работы через государственные торговые организации CPLiA i Desa. В 1981 г. он получил высшую награду в области народного искусства в Польше – имени Оскара Кольберга.

Рис. 3. Вацлав Суска. Ленин. 1977 г. Фото: Кристины Орт [6]

*Стиль скульптур***.** Проанализировав отдельные предметы искусства, мы можем далее обратиться к вопросу об их стиле. Если рассматривать тему Ленина, особенно в случае обсуждения «профессиональных» скульптур, изображающих вождя, то первым, что приходит в голову, будет ее связь с соцреализмом. Но эта ассоциация будет с легкостью отвергнута при взгляде на приведенные выше примеры. Во-первых, несоблюдение пропорций расходится с принципами социалистического реализма. Кроме того, нетипичны для этого направления и полихромность изображений, неровность поверхности, нечеткость техники. Эти признаки позволяют заключить, что художники не ставили цель соотнести свои произ-

ведения с методом соцреализма.

При дальнейшем анализе скульптур можно обнаружить очевидное использование и повторение ярких иконографических черт. К ним принадлежит изображение прически и бороды Ленина, а также черного костюма и красного галстука. Эти свойства находят параллели во многих фотографиях и картинах, изображающих Ленина. Сами эти мотивы не являются уникальными, поскольку являются элементами широко известных образов вождя.

Однако если сами эти черты постоянно повторяются, то их воплощение художниками очень специфично. В скульптуре Суски отчетливо видны следы резца, контуры фигуры не выделены. Эти черты авторского стиля присутствуют и в более поздних его работах [8]. ОченьузнаваемистильработСтаниславаДенкевича [9].

Можно заметить, что основное отличие скульптур заключается в стиле, используемом их создателями. Работы индивидуальны не в том смысле, что каждая из них существует в единственном экземпляре, – так, скульптуры Денкевича очень похожи. Они индивидуальны, потому что выполнены в уникальном – авторском – стиле, характерном для работ только этого мастера.

Анализируя эти произведения, мы можем говорить об очень необычной художественной концепции. Она отличается от распространенных определений «профессионального» и «современного» искусства и базируется на выражении своеобразного, нового видения художника. И в то же время отличается от традиционного понимания народного искусства, при котором личность мастера практически не значима, поскольку он транслирует общее художественное знание группы.

Представленное здесь понимание искусства, выраженное художниками и разделяемое коллекционерами, которые приобретают и публикуют их работы, характеризуется реализацией тем в индивидуальном стиле художника.

Культурная политика и скульптуры Ленина. Для того чтобы объяснить эту своеобразную художественную концепцию, нужно

вернуться к личностям художников, которые выполнили рассматриваемые работы.

Как видно из их биографий, оба мастера плотно сотрудничали с государственными организациями Польской Народной Республики. В этот период данные структуры, поощрявшие народное искусство, обладали большим влиянием. Будучи народной республикой, государство идеологически было нацелено в первую очередь на представление интересов рабочих и крестьян. Для правительства народное искусство было эффективным средством легитимации режима и саморепрезентации, как в самой Польше, так и за ее пределами. Какследствие, правительствоПольскойНародной Республики (пол. PolskaRzeczpoczolitaLudowa) активно поддерживало народное, фольклорное искусство (пол. sztukaludowa) как искусство народа, людей (пол. lud). Как видно из данных обозначений, наименование государства (PolskaRzeczpoczolitaLudowa) и польского народного искусства (sztukaludowa) содержат общий элемент lud, поскольку в польском языке нет разницы, присутствующей, например, в английском – между словами peopleи folk. Это усиливает символическую связь между представителями государства – народа – и фольклорным – народным – искусством. Государственные организации поддерживали художников относительно высокими гонорарами и другими денежными выплатами, а также организацией многочисленных выставок.

Будучи средством государственной репрезентации, то, что воспринималось как народное искусство, было тесно связано с государственной самоидентификацией. В соответствии с государственной идеологией народное искусство должно было получить то же признание, что и профессиональное искусство, художник должен был не противопоставляться народу, а принадлежать ему. В первое десятилетие существования Польской Народной Республики понятие народного искусства было наполнено новым содержанием, которое соответствовало коммунистическим принципам, оно рассматривалось как главное художественное направление в стране, имевшее политическое значение [10].

Как следствие, культурная политика Польской Народной Республики была нацелена на то, чтобы оказывать влияние на художественные работы. Государственные организации интенсивно стремились контролировать используемые авторами темы. С одной стороны, они работали над введением в репертуар светских тем, а с другой – над снижением популярности религиозных мотивов. Поэтому организовывалось множество специальных тематических конкурсов. Типичными художественными задачами были изображение прогресса в жизни деревни, польских исторических событий. Конкурсы, объединенные темами, связанными с Россией, специально организовывались Обществом польско-советской дружбы (“TowarzystwoPrzyjaźniPolsko-Radzieskij”) [11]. Наряду с этим региональные организации, например в Подгале, проводили конкурсы с акцентированием воплощения рассматриваемого здесь образа Ленина [12]. Размеры денежных призов на этих мероприятиях были значительны и служили стимулом для создания новых художественных творений.

Помимо введения и популяризации ряда новых тем и мотивов, государственные служащие осуществляли строгий контроль тех произведений искусства, которые передавались на выставки и продажу в Польше и за ее пределами. Чтобы продать работу через CPLiAiDesa (государственную организацию, практически единственную осуществлявшую торговлю произведениями искусства), художники должны были представлять работы, удовлетворяющие определенным критериям. Прежде всего это касалось выбора тем. В перечни данных работ должны были включаться в первую очередь работы на светские темы.

Для коллекционеров в Польше и за границей государственные организации публиковали книги с адресами художников, работы которых удовлетворяли государственно определенным критериям [13]. Таким образом, на международный художественный рынок попадали преимущественно работы авторов, сумевших адаптироваться к требованиям государственной политики.

Как следствие, произведения, которые государство выставляло и продавало в качестве образцов народного искусства, могут рассматриваться как средство его саморепрезентации и способ трактовки термина «народ». В этом контексте важно отметить, что поддерживаемое государством понятие «народное искусство» выражало моноэтничный концепт польской нации. Художественные произведения, созданные представителями этнических меньшинств, таких как украинцы или евреи, не включались в публикации и коллекции народного искусства в Польше.

Последствием всего этого для художников стало сильное давление, заставлявшее их принять навязанные обстоятельства. Наряду с тем, чтобы государственно определенные мотивы были легко узнаваемы, для художников было важно, чтобы узнаваемыми были и их работы. Благодаря индивидуальному стилю, они могли привлечь к себе внимание, завоевать популярность и повысить свою ценность на рынке. По сравнению со значением индивидуального стиля, использование индивидуальных и творческих мотивов стояло на втором месте. За индивидуальные темы не присуждали ни высоких призов, ни наград. Напротив, их использование могло привести к санкциям, как объяснил мне художник из Гданьска Эдвард Зелински.

Вышесказанное приводит нас к выводу о том, что в представленных здесь скульптурах Ленина выражена специфическая концепция искусства. Ее возникновение было последствием применения государственной политики и строгого правительственного контроля над самими произведениями искусства и их экспонированием. Приняв это утверждение, мы подходим к завершающему вопросу статьи: какое воздействие эта культурная политика оказывала на восприятие художественных работ?

Восприятие скульптур Ленина. Если вернуться к скульптуре Станислава Денкевича, то представляется, что это было позитивная репрезентация политической деятельности Ленина. Вработаххудожникаакцентированаегополитическаяиобщественнаядеятельность.

Напротив, скульптура Вацлава Суски, как кажется, представляет несогласие с интерпретацией политической деятельности Ленина как положительной. Пропорции фигуры явно нереалистичные. Верхняя часть головы слишком большая, руки излишне длинные, а ноги – короткие. Усы необычно миниатюрные: они доходят только до крыльев носа, даже вызывая ассоциации с усами Адольфа Гитлера. Если учесть, что скульптура была выполнена в год 60-летия Октябрьской революции, она может быть воспринята как карикатура. Повод для подобной интерпретации давала не только рассматриваемая скульптура Ленина. Энтони Крох упоминает и другие фигуры советского вождя с необычными чертами лица и фигуры [14]. Однако публикаторы и коллекционеры не воспринимали эти детали как политические высказывания.

Обладатель первой из рассматриваемых скульптур Денкевича рассказывал мне, что эта скульптура не имела политического значения. Народное искусство, по ее мнению, не имеет ничего общего с политикой. На книжной полке этого коллекционера рядом с фигуркой лежит лист бумаги с переводом названия работы на немецкий язык: «Ленин за своим письменным столом». Однако ясное высказывание не считывается коллекционером. Вместо этого она акцентирует тяжелый жизненный путь художника, по ее мнению, определенно пострадавшего в период Второй мировой войны. Далее она указывает на то, что большая часть скульптур, полученных ею от Денкевича, содержат христианские мотивы (она использует слово «получить», а не «купить» для обозначения способа приобретения скульптур).

Кристина Орт также не вкладывает никакого политического смысла в скульптуры, помещенные ею в каталог. Скульптуры Ленина изображены в каталоге рядом с фигурами, отсылающими к религиозным, христианским образам, политическим и историческим событиям, а также повседневной жизни [15]. Это объединение разных тем не провоцирует никаких дискуссий и не дает пространства для интерпретаций. Скульптуры представлены как объекты, признанные в мире визуальных искусств, само-

стоятельные темы, иконография, которая не может выступать объектом интерпретации или дискуссии.

Причинаподобноговосприятиятакже может быть найдена в культурной политике Польской Народной Республики. Согласноееепринципам, люди, которые жилималеньких, удаленных от городов и лишенных благ цивилизации деревнях, были выбраны в качестве тех, кого наделяли статусом народных художников. Однако сами эти люди имели очень ограниченные возможности для участия в политической деятельности, условия их появления в обществе и включения в рынок искусства определяли этнографы, историки искусства и другие государственные служащие. Они «исследовали» этих людей, представляли в публикациях и на выставках, объясняли смысл их работ, биографий и мотиваций [16].

Процесс размежевания народных художников и их произведений интенсифицировался после беспорядков 1968 г. В то время когда проблемы и противоречия становились все более очевидными, народное искусство стало восприниматься как идиллическое бегство от государственной политики. Государство отреагировало на политическую ситуацию усилением поддержки народного искусства и фольклора. В 1968 г. была основана упомянутая выше Ассоциация народных художников (“StowarzyszenieTwórcówLudowych”). Несмотря на то что спектр тем для художественных работ, которые в дальнейшем могли быть опубликованы, жестко контролировался культурной политикой, сохранялась возможность для индивидуального самовыражения в заданных рамках.

Воспринимая и представляя художников как выделенных из контекста политических действий, государственные служащие говорили от имени мастеров искусства, не рассматривая их как участников политических диспутов [17]. Художники сами по себе были лишены голоса. В музеях и публикациях их представляли отдельно от тех, кому была дана возможность донести их мнение о политических преобразованиях в стране.

Вследствие того что художественное выражение было отделено от темы, художник и его работы были лишены ряда возможностей по передаче смысла через мотивы и иконографию. Оставшись без одного из средств, необходимых для функционирования в рамках эстетического регистра искусства, по определению философа Ж. Рансьера, художники представляются как неспособные соотнестись с существующими законами чувственного опыта и предложить альтернативный порядок. Возможно, когда Станислав Денкевич создавал свою скульптуру в 1982 г. – в период масштабных протестов и нарастающей нестабильности, – он хотел вернуть людей к коммунистическим идеям в их первоначальном значении. Возможно, Вацлав Суска хотел создать карикатуру к годовщине Октябрьской революции, но никто не обсуждал темы их работ, их ценили только исходя из эстетических критериев. Таким образом, художники не имели возможности предлагать альтернативную точку зрения. Аналогично другим социальным группам, описанным Рансьером, которые были исключены из участия в политической жизни страны, художники и созданные ими произведения были отнесены к концепции наивного искусства и в большинстве случаев преподносились как безгласные в отношении идеологического и социального контекста [18].

Вплоть до сегодняшнего дня ни художники, ни произведения, которые они создали в анализируемый период, не рассматриваются как обладающие способностью ясного высказывания и потому лишаются шанса быть услышанными. Художественное высказывание интерпретируется как воспринимаемое благодаря способу реализации, а не выбранной темы. Поэтому темы и иконография, выпав из числа критериев для оценки художественных достоинств произведений искусства, были лишены права голоса и собственного значения.

1990 г.: исчезновение образа Ленина из польского народного искусства. Как видно из текста статьи, понимание народного искусства со временем менялось. Его трактовка в значительной степени зависела от государственной самоидентификации. В период суще-

ствования Польской Народной Республики именно нанятые государством сотрудники определяли, что будет называться народным искусством.

Вследствиедеятельностигосударственнойцензуры и контроля, работы, выражавшие несогласие с официальной позицией, не афишировались или конфисковывались. Например, скульптуры, показывавшиеоппозиционноедвижение «Солидарность» (“Solidarność”) недемонстрировалисьпублике. Поэтому художники не имели возможности реагировать на политические перемены 1980-х гг. Как следствие, народное искусство в Польше все чаще стало восприниматься как рупор государства, которое в тот период времени большинством граждан воспринималось как противопоставленное народу. Таким образом, то, что носило название народного искусства, к концу существования Польской Народной Республики стало отделено от самоидентификации большинства людей.

Когда в 1990 г. государственная система окончательно рухнула, это привело к глубокому кризису народного искусства в Польше. Были поставлены под сомнение не только взаимосвязь между понятиями «народное искусство» и «нация», но также и сами термины «нация», «народ». Особенно это касалось понимания нации как моноэтничной, что выражалось и подразумевалось в народном искусстве в период Польской Народной Республики, поскольку правительство вновь основанной республики признало меньшинства и наделило их конституционными правами.

Реакцией многих художников на эти события было стремление соотнести свои работы с концепцией народного искусства, которая была актуальна в конце XIX – начале XXвв. Наиболее востребованными, как и столетие назад, оказались религиозные темы.

Скульптурные изображения Ленина больше не относятся к тому, что понимается как народное искусство. Народные художники создают в основном произведения на религиозные сюжеты или связанные с деревенской жизнью. Скульптуры Ленина также не появляются больше на рынках произведений искусства.

В настоящей статье мы показали, что образ Ленина в определенный период времени относился в Польше к области народного искусства. В течение существования Польской Народной Республики скульптуры Ленина были распространенным явлением, их создание поощрялось правительством путем организации конкурсов и присуждения наград. Со сменой политического режима в 1990-е гг. изменилось и понимание польской нации. Поскольку Ленин больше не рассматривался как часть самоидентификации польского народа, он также был исключен из того, что понималось как народное искусство. А то, что рассматривается как народное искусство, напрямую связано с национальной идентичностью, интерпретацией национальной истории и культурной политикой.

Анализ показал последствия применения культурной политики в отношении народного искусства в период Польской Народной Республики и его восприятия. В течение этого времени в народное искусство было введено много новых тем, одной из них был образ Ленина. Темы народного искусства формировались под сильным влиянием и контролем государственных организаций и официальных лиц. Вследствие этого, достоинства работы рассматривались не исходя из идей и тем, а исходя из индивидуального стиля художника. В результате представленные в статье скульптуры Ленина не интерпретировались аудиторией как политические высказывания.

Перевод с англ. Н.А. Власкиной

Примечания

1. *Klekot E.* Samofolkloryzacja. Współczesna sztuka ludowa z perspektywy krytyki postkolonialnej // Kultura Współczesna. 2014.№ 1. P. 95.

2. *Gołąb-Marciniak K.*Folk art and socrealism: The polish example // Ethnologia Polona. 1995.№ 19. P. 62; *Dolińska M., Gruszka D.* Sto i pół. Opowieści z Muzeum Etnograficznego w Krakowie. Kraków, 2011. P. 166; *Kroh A.* Wesołego Alleluja Polsko Ludowa czyli O pogmatwanych dziejach chłopskiej kultury plastycznej na ziemiach polskich. Warszawa, 2014. P. 85, 183.

3. См. напр.: *Kroh A.* Op. cit. P. 181.

[4]. *Orth C.* Sammlung Orth. Naive Kunst aus Polen. S.l., 2007.

[5]. Ibid. P. 33.

[6].Ibid. P. 179.

7. См.: *Kroh A.* Op. cit. P. 181.

[8]. *Orth C.* Op. cit. P. 170–172.

9. *Engels M.T.* Naive Plastik aus Polen. Recklinghausen, 1979; *Schauss H.J.* Contemporary Polish folk artists. New York, 1987. URL: http://opacplus.bsb-muenchen.de/search?isbn=0-87052-295-7.

10. *Reinfuss R.* Z zagadnień sztuki ludowej // Polska sztuka ludowa.1952. № 6 (2). P. 65–67; *Piwocki K.* O historycznej genezie polskiej sztuki ludowej // *Piwocki K.*(Hg.): O historycznej genezie polskiej sztuki ludowej. Wrocław,1953.

[11]. *Kroh A.* Op. cit. P. 85.

[12]. *Kroh A.* Op. cit. P. 84.

13. *Pokropek M.* Atlas sztuki ludowej i folkloru w Polsce. Warschau, 1978; *Pokropek M.* Atlas der Volkskunst und Folklore in Polen. München; Warschau, 1983.

14. *Kroh A.* Op. cit. P. 85.

15. *Orth C.* Op. cit.

16. См., напр.: *Kroh A.* Współczesna rzeźba ludowa Karpat Polskich. Katalog wystawy pokonkursowej. Nowy Sącz, 1972; *Kroh A.*Wesołego Alleluja Polsko Ludowa…

17. Ibid.

18. *Rancière J.* Das Unvernehmen. Politik und Philosophie. 1. Aufl., Originalausg. Frankfurt am Main, 2002; *Rancière J.* Die Aufteilung des Sinnlichen. Ästhetik und Politik // *Muhle M.* (Hg.). Die Aufteilung des Sinnlichen. Die Politik der Kunst und ihre Paradoxien. 2., durchges. Aufl. Berlin, 2008. P. 40–41; *Rancière J.* Die Politik der Kunst und ihre Paradoxien // *Muhle M.* (Hg.). Die Aufteilung des Sinnlichen. Die Politik der Kunst und ihre Paradoxien. 2., durchges. Aufl. Berlin, 2008. P. 77.

Н.А. Власкина (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

ЭЛЕМЕНТЫ ЮЖНОРУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ТРАДИЦИЙ В ДОНСКОМ КАЛЕНДАРЕ: ИВАН КУПАЛА[1]

День Ивана Купалы (в церковном календаре – день Рождества Иоанна Предтечи) – одна из самых известных современному обывателю дат народного календаря. Этот праздник, в традиционной

культуре символически осознаваемый, прежде всего, как время летнего солнцеворота, был популярен в большинстве европейских стран [2], развернутые обрядовые действия в канун этого дня в некоторых местах восточнославянского региона сохранялись вплоть до середины XX в. (например, в Западном Полесье [3], в Харьковской области [4]). Основными доминантами праздника выступают обряды и представления, связанные с растительностью, водой, огнем (кострами), разгулом нечистой силы, бесчинствами и природными чудесами [5].

В памяти же коренных жителей станиц, сел и хуторов бывшей Области Войска Донского этот праздник запечатлен крайне фрагментарно. Настоящая статья ставит своей целью проследить, какие элементы купальской обрядности сохранились в донской традиции и почему, как донской материал соотносится с традициями соседних регионов. Подробное рассмотрение купальской обрядности на Дону позволит включить данный регион в область этнолингвистического картографирования локальных вариантов традиционной культуры восточных славян.

Материалом для анализа послужили сведения, полученные в этнолингвистических экспедициях Южного федерального университета и Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН (как совместных, так и самостоятельных), проводившихся с 1993 по 2014 г. [6], а также из доступных опубликованных источников [7]. Текстовую выборку составили фрагменты интервью из 22 районов Ростовской [8] и 8 районов Волгоградской области [9].

В различных частях восточнославянского ареала уже в XIXв., согласно классическому исследованию В.К. Соколовой, купальская обрядность и фольклор были представлены неравномерно. Наиболее высокую степень сохранности демонстрируют белорусская и украинская традиции, в то время как у русских этот фрагмент традиции оказался редуцирован, преимущественно свелся до отдельных элементов, не связанных между собой полноценным, разверну-

тым ритуалом. Некоторые компоненты праздника были перенесены на другие даты – Троицу, Петров день [10].

На Дону обрядность Иванова дня представлена еще более фрагментарно, чем это описывает В.К. Соколова в отношении наиболее редуцированной из восточнославянских – общерусской традиции. Низкая степень сохранности этого элемента духовной культуры обусловлена действием ряда причин: во-первых (и, возможно, в-главных), поздней фиксацией материала, когда процессы утраты традиции стали активнымии повсеместными, и, во-вторых, переселенческим характером донской культуры, которая выборочно сохраняла элементы метропольных традиций. Иван Купала оказался на периферии круга значимых дат в народном календаре Дона.

Рассмотрим далее обрядовые действия и представления, обеспеченные в анализируемом регионе репрезентативным материалом.

Наиболее устойчиво оказалась закреплена в донской традиции водная символика праздника, воспоминания о тех или иных действиях с водой были записаны во всех обследованных районах, откуда получена развернутая информация об Ивановом дне. На наш взгляд, консервация именно этого элемента обусловлена закреплением символа в названии праздника. В ситуации редукции компонентов традиции и утраты символического обоснования действий название служит якорем, который удерживает мифологические представления в активной памяти носителей культуры. Роль народной этимологии как мотивирующей и генерирующей, порождающей обрядовые действия была подробно рассмотрена Н.И. и С.М. Толстыми [11]. В многочисленных контекстах респонденты используют для обозначения ритуальных действий именно глаголы «купать», «купаться»: «На Ивана Купала ходылы купаца» (с. Кагальник, Азов.) [12]; «Иван Купала… эта купаить он нас» (ст. Малая Лучка, Дуб.); «Иван Купала – купали адин аднаво» (х. Донской, Мор.); «В энтат день такая жара, и гаварять: “Ивана Купайла, нада скупать фсех”» (ст. Обливская (р.ц.)). В трех районах (Конст., Милл., Сем.) праздник считался датой, с которой разрешалось купание.

Привлекает к себе внимание мотивировка действий с водой в этот день. В.К. Соколова, Л.Н. Виноградова и С.М. Толстая указывают прежде всего на очистительную функцию купания и обливания, целительную силу воды в этот день [13], однако в рассматриваемом регионе на первый план выходит магическая функция – вызывание дождя: «Да, абливали, эта была точна… Вот штобы дощ пашол. Эта на Ивана Купала делают» (ст. Манычская, Баг.); «Вот мы раньшы у стипи жы работали, и на этат Ивана Купала панавозить вадавоз вады у бощки, и тада абливаимси, купаимси. Бываить жы суш такая, дажжа жы нету. Йиво мы вызывали» (х. Крюков, Конст.); «Раньшы, када работали ф поле, то абливалися, абливалися вадою, уже взрослые были, штоб дождь пашёл» (х. Волоцкий, Черн.); «Все же празнавали вроде бы, ну занимались, купали адин аднаво, штоб вроде дажди пашли» (п. Нижний Чир, Сур.). Соответствующие мотивировки получают не только действия взрослых, но и поведение детей, которые, обливаясь, исполняли заклички: «На Ивана Купальнава там абливаюца, да ой: “Дождик, дождик, припусти, мы паедим на кусты. Богу малица, царю пакланица”. Эта если даждя нету, на Ивана Купальнава вызывають. Эта я знаю, што было в децтви» (х. Грузинов, Мор.).

К этому же дню на Дону оказываются приурочены крестные ходы по полям с молением Богу о дожде (Баг., Зим., Конст., Обл.). В сохранении ритуальных действий с водой, как видится, сыграли свою роль не только фактор имени праздника, но и природный – специфика южного климата, жаркая середина лета, которые вывели проблемы засухи и ритуального от нее избавления на первый план. Неслучайно в донском календарном «репертуаре» обеспечены многочисленными текстами и праздники второй половины лета – так называемые «страшные», «наказные», прежде всего дни Казанской, Смоленской икон Божией Матери, св. Пантелеймона, грозящие нарушителям запретов на работу в этот день жестокими пожарами [14].

Приуроченность окказиональной обрядности, направленной на преодоление засухи, к летним календарным праздникам характерна

и для других южных регионов, в частности, купальские обливания и крестные ходы, имеющие целью вызывание дождя, встречались в Воронежской, Орловской областях [15], в восточнославянском регионе в целом ритуальные обливания, обладающие рассматриваемой прагматикой, могли быть приурочены к разным датам троицко-купальского периода [16].

В трех районахпреодоление засухи связывалось с широко распространенными на других территориях действиями в отношении ведьм,запирающих небесные воды. Считалось, что если облить ведьму водой, пойдет дождь: «А ишо гаварили: “Хто ведьма, от её бы искупать”. Калдунья дажжа баица» (ст. Обливская (р.ц.)); «Вот эта как на Иван Купала… сматрити, как Пришиха придёт вады набирать, давайти иё абальём. Вдрух дощ пайдёт» (х. Чебачий, Сем.); «Была такое паверие, што если на Ивана Купала аблить ведьму вадой, то дошть пайдёт» (г. Цимлянск (р.ц.) – х. Сиволобов, Обл.). Необходимо отметить, что купальские поверья, связанные с ведьмой, сохранились в старых казачьих населенных пунктах, это позволяет предположить, что они были характерны и для более раннего пласта донской традиции.

Вода в купальской обрядности может сочетать в себе свойства предметного и локативного символа. Роль последнего она приобретает в ритуальных действиях с венками. В нескольких районах (Азов., В.-Дон., Конст., Мор., Милл.), а также в населенных пунктах по течению Хопрабыли зафиксированы гадания с венками. Какая из метропольных традиций в данном случае выступила источником для ритуальной практики, сказать сложно, действия с венками – неотъемлемый элемент купальской обрядности разных групп восточных славян. Азовский и Миллеровский районы, в которых действие описывалось с обилием вариантов, – это места, где украинское по происхождению население превалирует над русским, заселение территории Морозовского района происходило позже других, из разных станиц ОВД, южной России и восточной Украины. С другой стороны, в некоторых случаях решающим фактором при закреплении в традиции этого типа практик могла стать близость

населенных пунктов к воде – рекам Дону, Хопру. В целом же гадания с венками в донском регионе гораздо более многочисленны в троицкий период (что характерно в первую очередь для русской традиции) и в большинстве случаев сконцентрированы именно в станицах и хуторах по течению крупных рек: Дона, Северского Донца, Маныча, Хопра и Медведицы.

По венкам, брошенным в реку, гадали о суженом: смотрели, в какую сторону поплывет венок – с той стороны будет жених (х. Коса, ст. Елизаветинская, с. Кагальник, х. Донской, Азов.; ст. Мальчевская, Милл., х. Парамонов, Мор., ст. Нижнегниловская); поплывет ли вперед – это предвещало девушке скорое замужество (х. Донской, Азов.); кто поймает пущенный девушкой на воду венок – тот станет ее женихом (х. Донской, Азов.); наблюдали, утонет венок или останется на поверхности воды (х. Крюков, Конст.), окунувшись в венке в воду, вынимали его и по цветку зверобоя из венка гадали: «любит – не любит» (сл. Колодези, Милл.).

Наряду с этим венки могли забрасывать на крышу, «чтобы голова не болела» (с. Кагальник, Азов.), приносить домой (сл. Кудиновка, сл. Колодези, Милл.).

Собирание трав – одно из типичных ритуальных действий Иванова дня на более северных территориях и на Украине, – вдонском регионе, как и гадание с венками, оказалось приурочено преимущественно к Троице и в Иванов день было зафиксировано только в двух районах: Константиновском и Урюпинском, а также в ст. Нижнегниловской (ныне – часть Ростова-на-Дону).Все записанные рассказы о собирании трав содержат важные символические детали: в ст. Богоявленской сообщали, что «сорок трав, все понемножку рвали»; в ст. Нижнегниловской бытовало присловье: «Иванов день пришёл, траву собирать пошёл»; в х. Бубновском растительная символика праздника оказалась запечатлена не только в самих ритуальных действиях, но и в названии праздника – только в этом населенном пункте ОВД, по имеющимся в нашем распоряжении данным, бытовал хрононим Иван Травный.

Составной частью верований, связанных с растениями и имеющих купальскую приуроченность, являются представления о чудесной силе цветка папоротника, распускающегося в канун Иванова дня, они известны в широком европейском ареале, часть имела хождение с XIIIв. [17]. Как развернутые тексты, так и (основная часть) краткие поверья о папоротникебыли записаны в 6 районах (Зим., Милл., Мор., Тар., Шол., Алек.).Верили, что, если принести папоротник в дом, он будет защищен от воров (сл. Кудиновка, Милл.); что корень папоротника обладает целебными свойствами (сл. Колодези, Милл.); что тот, кто сорвал цветок, «всё будет знать» (х. Табунный, Мор., х. Терновской, Шол.), «будет иметь счастье» (ст. Митякинская, Тар.).

Единственный раз в Ростовской области был записан текст о случайном обретении цветка папоротника (х. Терновской, Шол.). Единична и запись сюжета о ведьме, которая получила сверхъестественные способности (мгновенно перемещаться на большие расстояния, забирать все, что угодно, не получая наказание), сорвав цветок папоротника и зашив его в руку (х. Веселый Гай, Зим.). Особенности формирования населения данного хутора позволяют заключить, что на эту территорию сюжет проник из Восточной Украины.

Возжигание костров, характерное для украинской традиции, было встречено в лишь двух районах – обладающем украинскойдоминантой населения Миллеровском и «казачьем», однако пограничным с Воронежской областью – Верхнедонском.

Единожды в Чернышковском районе М.А. Рыбловой были записаны упоминания купальских бесчинств [18].

Наконец, в двух районах нам сообщили о приуроченности к Иванову дню хозяйственных работ: в этот день готовили топливо на зиму – «кизеки мяли» (х. Бубновский, Урюп.), начинали ткать (х. Тормосин, Черн.). Появление этих мотивов можно было бы связать, на наш взгляд, с религиозной активностью респондентов, для которых актуально в первую очередь то, что данный день приходился на время поста, поэтому символический акцент переносился

на хозяйственные работы. Такая трактовка укладывается в характерную для других русских регионов, выделенную В.К. Соколовой особенность утраты ритуальных действий в Иванов день[19].

Итак, в настоящей статье мы попытались показать, что купальская обрядность донского региона – даже в своем крайне редуцированном виде – может служить источником для обобщений на уровне выявления характерных черт региональных традиций.

Анализ популярности мотива обливания позволил актуализировать проблему причин сохранения определенных фрагментов культуры [20], акцентировать роль культурной терминологии в закреплении народных верований в репертуаре территории.

Перечень и распространение основных сохранившихся в памяти респондентов действий позволяют заключить, что в целом донской вариант празднования Иванова дня ближе к характерному для русских регионов. В то же время бóльшая развернутость и репрезентативность текстов о праздновании Ивана Купалы на территориях с украинской доминантой, значительным процентом неказачьего населения (Азов., Милл., Зим.) показывают, что более мощный культурный слой праздника, существовавший в украинской традиции, не был размыт и после переселения на Дон. В этих и пограничных с ними районах обряды Иванова дня становятся культурным маркером, позволяющим противопоставить казачью и украинскую, крестьянскую традиции, в частности, в первой из них ритуалы, связанные с зеленью, будут приурочены к Троице (как и в большинстве русских регионов), а во второй – ко дню Ивана Купалы.

Станицы и слободы со стабильным населением демонстрируют лучшую сохранность полноценных текстов, в то время как в более поздних по формированию населенных пунктах сведения о празднике оказываются более отрывочными.

Примечания

1. Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Украинское и русское в элитарной и народной культуре: украинофильство и взаимодействие традиций» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН

«Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья».

2.*Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XXв. М., 1979. С. 228.

3.*Толстая С.М.* Материалы к описанию полесского купальского обряда // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978. С. 132 и др.

4. Матеріали фольклорно-етнографічної експедиції «Муравський шлях – 97» (по селах Богодухівського, Валківського, Краснокутського та Нововодолазького районів) / *упор. М.М. Красиков, Н.П. Олійник, В.М. Осадча, М.О. Семенова.* Харків, 1998. с. 27–37.

5.*Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Иван Купала // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / *под общей ред. Н.И. Толстого.* Т. 2. Д–К. М., 1999. С. 363.

6. Необходимо оговорить, что материал на данной территории собирался неравномерно, в одних случаях он был получен в процессе работы по специализированным вопросникам, в других – возникал спонтанно, в рамках бесед по другим темам. Соответственно, произведенную выборку нельзя рассматривать как исчерпывающую. Сбор материала по теме будет продолжен в дальнейшем.

7.*Рыблова М.А.* Календарные праздники донских казаков / *отв. ред. А.В. Венков.* Волгоград, 2014. 168 с. (электронная версия); Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.) / *П.Т. Тимофеев,С.С. Сингур, В.С. Хитеева и др.; под общей ред. П.Т. Тимофеева.* Донецк, 2013. 384 с.; Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. М., 2003. 608 с.; Словарь донских говоров Волгоградской области / *авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой.* Волгоград, 2011. 704 с.

8. Азовский (Азов.), Багаевский (Баг.), Боковский (Бок.), Верхнедонской (В.-Дон.), Веселовский (Вес.), Дубовский (Дуб.), Зимовниковский (Зим.), Константиновский (Конст.), Миллеровский (Милл.), Морозовский (Мор.), Обливский (Обл.), Октябрьский (Окт.), Орловский (Орл.), Пролетарский (Прол.), Ремонтненский (Рем.), Семикаракорский (Сем.), Советский (Сов.), Тарасовский (Тар.), Тацинский (Тац.), Усть-Донецкий (У.-Дон.), Цимлянский (Цимл.), Шолоховский (Шол.) районы.

9. Алексеевский (Алек.), Иловлинский (Илов.), Кумылженский (Кум.), Михайловский (Мих.), Новоаннинский (Н.-Анн.), Суровикинский (Сур.), Урюпинский (Урюп.), Чернышковский (Черн.) районы.

10.*Соколова В.К.* Указ. соч. С. 230, 242.

11.*Толстые Н.И. и С.М.* Народная этимология и этимологическая магия // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М., 2013. С. 182–196.

12. Здесь и далее в связи с небольшим объемом статьи ссылки на биографические данные респондентов опускаются, указано только место, где была произведена запись.

13.*Соколова В.К.* Указ. соч. С. 234; *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Указ. соч. С. 365.

14. См. подробнее: *Шестак С.А.* Система календарных запретов донских казаков по современным полевым материалам // Palaeoslavica. 2010. Vol. XVIII. № 1. С. 155–157; *Шестак С.А.* «Страшные праздники»: материалы к этнолингвистическому словарю донского казачества // Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: междисциплинарный синтез: тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / *отв. ред. Г.Г. Матишов.* Ростов н/Д, 2010. С. 356–357.

15.*Христова Г.П., Ревнева С.Н.* Календарные праздники и обряды Воронежской области // Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области. Афанасьевский сборник: материалы и исследования: вып. III / *сост. Т.Ф. Пухова, Г.П. Христова*. Воронеж, 2005. С. 20; Соколова В.К. Указ. соч. С. 245. Исследователь приходит к выводу о том, что «вызов дождя был одной из важных и исконных функций купального обряда» (там же).

16.*Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летнийцикл. М., 2002. С. 324–325.

17. *Klintberg B.* Wonders of Midsummer's night: the magical bracken. Доклад, прочитанныйнамеждународнойконференции"6th Nordic-Celtic-Baltic folklore symposium "Supernatural places" (June 4–7, 2012, Tartu, Estonia).

18.*Рыблова М.А.* Указ. соч.

19.*Соколова В.К.* Указ. соч. С. 250.

20.*Левкиевская Е.Е.* Что остается в результате разрушения былички? // Тезисы докладов научной конференции «"Осколки" в традиции: как культура утрачивает свои элементы?» (Москва, РГГУ, 18 марта 2015 года). М., 2015. С. 7.URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/2015_conf_oskolki_layout.pdf (дата обращения: 15.09.2015).

И.А.Кузнецова (г. Краснодар, Российская Федерация)

ВИДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ

Несмотря на значительные трансформационные процессы в народной славянской культуре, которые повлекли за собой утрату ряда её компонентов, значимые элементы традиционной картины мира сохраняются в сознании жителей кубанских станиц. Технический прогресс и система общего образования не вытеснили представлений о народной религиозности. В устных нарративах наших респондентов иной мир постоянно напоминаето себе, а граница между миром осязаемым и миром потустороннем оказывается не столь непроницаемой. Знания об инобытии в народной среде передаются через пересказы снов, обмираний и видений.

Если рассказам о снах и обмираниях, выделенным в качестве особых фольклорных жанров, посвящено достаточно много работ [1], то описания видений во время бодрствования рассматриваются лишь в контексте современных религиозных практик [2]. В исследуемых текстах представители духовного мира (Богородица, ангелы) являются отдельным лицам, которые обладают особыми духовными качествами. А.В. Тарабукина рассматривая, рассказы о видениях в контексте духовных бесед, выделяет два типа: 1) видения, которые были в прошлом и открывают историю какого либо почитаемого места; 2) видения, связанные с современной практикой. При этом она отмечает, что второй тип повествований встречается крайне редко и служит доказательством, что визионер «в данный момент ближе к Господу, чем все остальные» [3]. В тех случаях, когда в поле исследований включаются повествования о встрече с умершими, круг визионеров расширяется. Сны и видения как форму посещений усопшими живых в контексте взаимоотношений пред-

ставителей этого и иного мироврассматривает И.А.Разумова [4]. В качестве видений публиковались рассказы о летучем змее и приходящем покойнике [5].

Однако фонд сюжетов, включающих в себя описания видения значительно шире. В ходе работы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции неоднократно фиксировались тексты, в которых описывались видения образов инобытия во время бодрствования. В данном сообщении будут представлены нарративы, связанные с представлениями о смерти и переходе в иной мир.

Если сновидение обусловлено определенным физиологическим состоянием человека, то видения связанные с иным миром в рассказах собеседников могут быть вызваны очень разными обстоятельствами.Прежде всего это близость смерти.

Согласно народным представлениям к умирающему приходят смерть, ангелы и бесы. *«Ему все показывают. Все демоны перед ним»*[6].*«Це говорят по Псалтырю, что встречают ангелы, стоят и встречают если она заслужена, если вона Богу дана, до тех пор душа радуется»*[7].

Человек, которому предстоит скоро умереть, становится способным видетьтех, кто пришел встречать его душу. По репликам умирающего присутствующие могут составить образ представителя духовного мира.

«А вот кум мой, тот лежит разговаривает, с дитями разговаривает, а дочка его самая старшая говорит:

- Пап, а с кем ты разговариваешь?

- Чи вы не видите? Вот сидят дети, а вы их не видите. А я разговариваю с дитями, с этими. – Да ещё рукой (показывает), – Вот они сидят по ту сторону и по эту.

А это видно ангелы были. А мы с сестрой вот сегодня его проведали, а на другой день... Детей на Том Свете у него один только сын был. Убило током его. А так вот никого»[8].

Характер и действия представителей иного мира зависит от жизни умирающего, от его поступков. *«Одна мне рассказывала старушка, уней был кум, у кума не было ноги. И он как заболел –*

пришли проведать его. И сидим же беседуем с этим кумом. А он и говорит: «вот, вот, пришли, пришли». А эта ж спрашивает: «А кто пришел?» – «А пришол за мной.Нихто не хотел лезть колокол кидать, а я первый полез, ани теперь за мной пришли». Вот так с церкви колокол первый он скидывал». Рассказывая эту историю собеседница избегала называть того, кто пришел, но при слове «нечистые» подтвердила нашу догадку:*«Умер сразу, или на следующий день как пришли. К достойным Ангелы приходят, а если недостойный – то вот эти ш нехорошие»*[9].

Видение, связанное с приближающейся смертью может быть за несколько дней до смерти. Являясь фрагментами биографических историй, подобные нарративы подробно описывают персонажей загробного мира. При этом умирающий уже наяву начинает ощущать то что ждет его после смерти: «*У нас зять у моей сестры, заболел, а он картежник был, у карты играл, и вот он уже перед смертью за три дня говорит: «Тай, а ты знаешь сколько у нас людей в хате?» А она говорит: «А сколько ш у нас? Ты да я двое нас». А он говорит: «Нет, ты так не говори. У нас столько людей, ты не видишь. Ани бьють, кусають один одного, кусають, кровь течет». Она смотрит на него» Ну ладно, говорит, хватит». На вторую ночь: «Ты знаешь, что мене будет за карты?» Она говорит: «А что ж тебе будет?» – «А вот сейчас пришел виновый туз, и мене дал какой то газ под нос, я задыхаюсь». А он же задыхался, а она говорит: «Ну че Вась, може давай я тебе уфилин разобью?» А он говорит: «Да нет, не надо разбивать, там две ампулки осталось – она видит, значит и правда, он же знает что у неё две ампулки, – а тогда, говорит, среди ночи что случится, что ты будешь делать?». А на третью ночь говорит: «Тай, а я Смерть вижу»,и она тут». Ну надо было б мне спросить, что она из себя представляет, какая она Смерть?Она: «Ой, Вась, та ладно тебе». Он говорит: «Ты не думай, что я с ума сошел, но я все вижу». Вот это он ей все рассказал*[10].

В пересказах снов и обмираний визионер отправляется в путешествие по раю или аду где видит почивших родственников и зна-

комых. Во время видения человеку так же может открыться участь умершего в загробном мире. «*Знаешь, у нас здесь мущина молодой повесился, у него остались и жена и дочка, мама. Все были дома. Он взял и повесился. И вот крёсной матери было ведение, ево крёсной матери. Днем, она рассказывала, зашла в кухню, и говорит: «Ввот такая музыка, всё забивает, такая музыка громкая, и, прямо открылось передо мной какое то поле зелёное-зелёное, и пляшут хвостатики. А наш Коля, говорит, с ними так пляшет, а я говорит, кричу: «Коля, а зачем ты сюда?». А он говорит: «Ой, мамашка. Мне тут хорошо». Вот, говорит, только он сказал эти слова, всё, ни музыки не стало, окно обычное окно, я, говорит, как испугалась, я как выскочила с этой кухни, мне страшно, это ж днём, она не спала, это же не во сне ей было»*[11].

Видение может быть вызвано не только состоянием визионера, а ситуацией, например нарушением традиционных норм. В нарративе, записанном в с. Новоермолаевском, девочка пошла с дедушкой рождествовать, нарушив тем самым запрет. Когда шли мимо кладбища, девочка увидела на горящие свечи: «*Горят свечки вот как в церкви. Я говорю:*

- Деда Кирюшка, гляньте, какие шо?!

- А че?!

- Да, вы поглядите на кладбище.

- Нэ, ничего там нэма, –дед говорэ.

Чи ей показалось, чи ей так Бог дал шоб она видела шо там мертвые»[12].

Трагические исторические события, произошедшие в XX в. дали толчок формированию сюжетов. В станице Губской в 1921 году карательный отряд расстрелял казаков вместе со священником. Казненные были лишены традиционного погребения. Однако, по свидетельству жителей станицы, священник перед расстрелом отслужил погребение о себе и о других приговоренных. Среди станичников бытует рассказ о том, что спустя некоторое время жительница станицы, родственница одного из казненных, находясь на

месте их казни и погребения, видела казненных сидящих верхом на белых конях, направляющихся в сторону востока [13].

В современной устной традиции присутствуют нарративы, не соотносимые с реальными персонажами. В речи собеседника они появляются при необходимости обычаи и номы поведения. Рассказ, записанный в ст. Кардоникской,поясняет значимость помина усопших. В ней повествуется о том, как в дороге встретились два друга. Ко времени встречи один из друзей преставился. Умерший рассказывает своему живущему другу о загробной жизни. *«А этот живой говорит: “Ну дак расскажи, что для вас дороже всего, поминовение какое?” А он говорит: «Это Псалтырь, шо читают, по телу читают сорок дней, пол года, – вот это дорого стоит чтение и обедню заказывают батюшке» <…>. А этот тогда живой спрашивает еще: ”А это что ж за домик, ты выходил из домика, один он в степи, а ты с него выходил?” Он ему всю правду открыл: «А это я как на земле жил вдова одна, муж у ней умер, она одна жила, осталась под открытым небом, сгорел дом. И так эта вдова плачет, так эти дети плачут, некуды им приселится, усем они не нужны, а у меня были деньги, у живого, – он же священником работал - я купил им домик, вдове и этим детям, и поселил их туда». Какая ему благодать была у будущем – домик свой у него был*»[14].

Ниже описание видения, рассказанное в ответ на вопрос об одежде, в которую одевают усопшего, в частности про обувь: «*Было видение одному человеку в Зеленчуке. Был на покосе. Месячно было, видно. Он косил чи шо делал, пришел до своего табора, или там балаганчик, там веща какие у него.<…>) тай говорю: «Чи лягать уже отдыхать, чи покушать надо»,– сам себе мечтает. А ему вслух: «Не ложися, а то змея укусит». Ну он тогда и слухает, что ж это никого нету, я один,когда идут люди. Все идут в одну сторону и малаи и стараи, всякаи. Идут, а одни стоят, стоят – ожидают. И несут свои кресты на плечах, деревянные ж были раньше кресты. Несут, те просют: «Дайте нам крест». А они отвечают, какие идут с крестами: забирайте свои коробки, которые там становлют, гробницы». А переходят такой яр и говорит, тол-*

стая такая, как провод, переходят по этой веревке на другую сторону и кто перейдет, а кто обрывается, в тот яр падает. Так вот говорит, кто шел – купленная обувь, не переходють, падають в этот яр, а кто идет – тряпошные обувка, с материала – переходять. Еще сказал: «Приходи завтра на это место, еще много коечего увидишь». Но он отказался, напугался, больше не пошел туды на покос на это т [15].

Подводя итог краткому обзору, отметим, что нарративы, включающие в повествование сюжеты видений, нередко носят биографический характер, повествования соотносятся с конкретными людьми. Видения ангелов или бесов дают возможность делать предположения о состоянии душ усопших.Через образы явленные в видениях дается народная оценка не только конкретным лицам, но и историческим событиям: бесы приходят к человеку, скидывавшему церковный колокол, невинно казненные облекаются в светлые одежды. В современной устной традиции сохраняются нарративы носящие явный дидактический характер, в которых апелляция к инобытию поясняет установившиеся обычаи и нормы.

Примечания

1. Изучение сновидений как объекта научного гуманитарного исследования в отечественной науке началось в конце XIX века с работ фольклористов, выделивших рассказ о сновидениях и сонник в качестве особых фольклорных жанров. См.: *Соколовский С.В.* Сновидческая реальность – бессознательное российской антропологии? // Этнографическое обозрение. 2006 г. № 6 .

2. Напр.: *Островский А.* Видения Лаврентия, старовера общины в селе Замежное Усть-Цилемского района // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции / *Отв. ред. О.В. Белова.* М. 2006. С.164–170; *Тарабукина А.В.* Видения в духовной беседе // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / *Сост. О.Б. Христофорова, отв. ред. С.Ю. Неклюдов.* М. 2001 С.261–269.

3. *Тарабукина А.В.* Указ. соч. С. 263

4. *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт.

Фольклор. История. М. 2001. С. 110.

5. *Запорожец В.В.* Сны и видения как часть ясновидения (По материалам, собранным в Москве летом 1998 г.) // Сны и видения в народной культуре. С. 95–116.

6. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 2007 года (ПМКФЭЭ-2007). Станица (ст.) Раздольная Кореновского района (р-на) Краснодарского края (кр.). Аудиокассета (А/к) № 3759. Информатор (Инф.) Конакова Р.А., 1930 года рождения (г.р.).

7. ПМ КФЭЭ-2010г. Ст. Сергиевская Кореновского р-на Краснодарского кр. А/к № 4198. Инф. Жила К.А. 1935 г.р.

8. ПМ КФЭЭ-2007 г. Ст. Раздольная Кореновского р-на Краснодарского кр. А/к № 3748. Инф. Походнева Л.А. 1920 г.р.

9. ПМ КФЭЭ-2003. Ст. Тверская Апшеронского р-а Краснодарского кр. А/к № 2869. Инф. Олейник В. И., 1927 г.р.

10. ПМ. КФЭЭ-2009. Ст. Чамлыкская Лабинского р-а Краснодарского кр. А/к № 4133. Инф. Полякова В.А. 1935 г.р., ЖилинаР.Ф. 1939 г.р., Звягинцева Л.П. 1938 г.р.

11. ПМ КФЭЭ-200. Ст. Ильинская Новопокровского р-а Краснодарского кр. А/к № 3269. Инф. Прокопенко Е.П. 1941 г.р.

12. ПМ КФЭЭ-1998. Село Новоермоловка Зеленчукского р-а Карачаево-черкесской республики (КЧР). А/к №1646, Инф. Гайдай М.Е., 1927 г.р.

13. ПМ КФЭЭ-2006. Ст. Губская Мостовского р-а Краснодарского кр. А/к 3661. Инф. Беседина Зинаида Афанасьевна1940 г.р., Скиба Мария Антоновна 1938 г.р.

14. ПМ КФЭЭ-1998. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-а КЧР. А/к № 1696. Инф. Плотникова М.Я., 1907 г.р.

15. ПМ КФЭЭ-1998. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-а КЧР. А/к№ 1696. Инф. Плотникова М.Я., 1907 г.р.

И.В. Жуков (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ТУМЫ И БОЛДЫРИ В ВОЙСКЕ ДОНСКОМ

А жены себе красныя и любимыя,
водим и выбираем от вас же из Царяграда,
а с женами детей с вами вместе приживаем…

На Дону прозвище Болдырь, ставшее впоследствии фамилией Болдырев было довольно распространённо. В Донских Делах, Актах, относящихся к истории Войска Донского и других материалах, часто встречаются Болдыри [1]. Принято считать, что прозвище «тума» и «болдырь» давалось на Дону детям, рождённым от ясырок, пленниц-инородок. В 1686 г. упоминается донской казак Емелко Тума. Тумами в некоторых источниках называют рождённых невольницами от татар и турок. Вспомним легендарного запорожского кошевого Ивана Дмитриевича Сирко, выводившего тум из Крыма. Возможно, что и на Дону называли так рождённых от казачьих жен-турчанок, бывших невольниц. Некоторые авторы называют тумами Степана и Фрола Разиных, якобы их старший брат Иван был рождён русской женщиной, а они – невольницей.

Вероятно, тумы, которых на Нижнем Дону в XVII – начале XVIII вв. было немало, особенно в Черкасске, представляли в Войске несколько обособленную группу. Так они не поддержали занявшего Черкасск Кондратия Булавина и с сыном бывшего войскового атамана Фрола Минаева отогнали конские табуны в Азов, к тамошнему губернатору Толстому. Когда после неудачного для России Прутского похода Азов был передан Турции, янычарский ага Азова Алходжа Селим-ага в 1713 г. на встрече с донцами склонял их к выступлению против Москвы. И говорил «непристойные слова»: «… *свои вы казаки и ежели вы оное зделаете, и мы вас не такими чекменями наградим, какие ныне на вас, а на некрасовцев вы не смотрите, что они голы ходят, для того что они мужики, а вы наши природные* ***тумы***..». Таким образом, давал понять, что среди нижнедонцов много *турецкого кореня*, некрасовцы, выходцы со среднего Дона русаки.

В словаре издания под редакцией Б.А. Алмазова Болдырь – ребёнок от смешанного брака казака и местной женщины (татарки) [2]. Однако волгоградский исследователь Виталий Гусев убедительно опровергает эту версию. Из опубликованных им источников («О происхождении донских казаков. XVII–XVIII вв. Материалы по истории и генеалогии казачества») видно, что «болдырями» назы-

вались выходцы из плена (татарского, турецкого, калмыцкого) [3]. В «Списке награждённых за службу казаков» 1722 года записаны *Кирила*, *Раман* и Алексей Болдыри [4]. В Реестре жалованным казакам 1726–1728 годов Середней станицы г. Черкасска из 211 человек 12 болдырей [5]. Практически у каждого приписка *выходец ис полану*. В составе Зимовых станиц часто включаются один-два Болдыря. Как известно, в Зимовые станицы включались вышедшие из плена, *турские и крымские полоненики*, чтобы они могли дать информацию и получить дополнительное государево жалованье *за полонное терпение и выход*.

Сторонники традиционной версии могут предположить, что все эти выходцы из плена всё равно рождены инородками. Но в опубликованных В. Гусевым архивных документах есть «скаски» о происхождении казаков, записавшихся на Царицинскую линию (смотрите ниже таблицу). В них указано, здешний уроженец или сходец, откуда родом, а если сходец, то когда пришёл на Дон. Среди Болдырей (в некоторых случаях записаны Балдырь) люди различного происхождения. Тут были казачьи сыновья с Дона и черкашенин, серб и уроженец Каменец-Подольска, однодворец и попович [6]. Чтобы утверждать, что все они были рождены ясырками, надо обладать весьма богатой фантазией.

Из известных людей болдырем можно считать одного из виднейших предводителей казачества в эпоху Смутного времени атамана Ивана Мартыновича Заруцкого. Уроженец западноукраинского Тернополя, он ребенком попал в плен к татарам. Повзрослев, он сбежал от них и ушёл на Дон, где быстро выдвинулся в атаманы. В то же время совсем отвергать версию о болдырях-метисах, представляется, рано. В калмыцком языке слово балдыр (с окончанием на последнем слоге) означает человека смешанного происхождения, например калмыка с русским. Балдыр, балдырка – так в Калмыкии называют метисов, детей, чьи родители принадлежат к разным этническим группам.

Реестр Жалованным Казакам в Низовом корпусе1726–1728 гг.

Яков Болдырь вышел ис полону;
Максим Болдырь выходец ис полану;
Павел Михайлов Болдырь выходец ис полану;
Василей Пирожников Болдырь выходец с полану;
Иван Тимофеев Болдырь выходец ис полану;
Фома Маленькой болдырь выходец с полану;
Тимофей Дмитрев Болдырь выходец ис полану;
Болдырь Федор Иванов вышел с полану, живет в нашей станице;
Болдырь Прокофей Федоров сказал: вывезен с полану тому будет шестнадцать лет, о чем свидетеля скаска взята;
Болдырь Никита Никитин сказал: свезен с Кубану в малых летах, о чем свидетеля скаска взята;
Болдырь Василей Васильев Кубек.

В «Реэстре бурлакам» *Болдырь Иван Барисов сказал: вывезен он ис полану бывшим старшиною Никифором Антипьевым, о чем свидетеля скаска взята* [7].

Как видим, Болдыри встречаются и среди бурлаков. Кстати, вопреки распространённому мнению, среди бурлаков были и казачьи сыновья, рождённые на Дону.

Реестр записавшихся казаков для поселения на Царицинскую линию коликое число и которых станиц и сколько значит ниже. 1733 году марта 19 дня [8].

Середней станицы	Максим Денисов сын *Балдырь родом сербенин,* пришол на Дон своею волею до 700 году, в казачью службу написан в 700 году, от роду 55 лет, у ево жена Афимья Анофрева дочь, детей: сын Никита 16 лет, Петрокей 14 лет, Дмитрей 12 лет, Сергей 7 лет, дочь Федосья 4 лет
Дурновской стани-	Тарас Иванов сын Чебарай *Балдырь*

цы	*родом черкашенин* Сумского полку села Пень, был в неволе в Кубане, а ис Кубани вышел; пришел в Черкасской в 710 году и по ныне жил в Черкаску, а в казачью службузаписан в 712 году, от роду 70 лет, у ево жена Марья Матвеева дочь 45 лет, детей нет.
Скорадумавской станицы	Астафей Петров сын *Болдырь уроженец на Хопре* в Тишанской станице был пушкарем, в Черкаском 7 лет жил и жалованье брал, от роду 42 года, жене ево 30 лет. Сын Степан 6 лет.
Митякинской станицы	Прокофий Герасимов сын *Балдырь родом города Ельца* села Калабина однодворец, сошел на Дон с отцом в малых летах тому 40 лет, в казачью службу написан в 700 году, от роду 50 лет, у ево жена Елгинья Федорова дочь 30 лет, детей: сын Иван 17 лет, Анисим 2 лет, дочь Хавронья 8 лет, Дарья 6 лет, Парасковья 3 лет.
Нижней Михалевской станицы	Григорий Григорьев сын *Болдырь родом ис Польши* города Каменского Подольца, взят был крымскими татарами в полон. Вышел из полону на Дон в 711 году, в казачью службу написан тогож году, от роду 60 лет, у ево жена Авдотья Аристова дочь 60 лет, детей: сын Михайла 20 лет.
Зимовейской станицы	Иван Петров сын *Болдырь* от роду ему двадцать шесть лет, жена у нево Евдотья Павлова двадцать восемь лет, оной уроженец Нижегороцкой епархии Болохонскаго уезду дворцовой Толоконцов-

	ской волости села Юрасова попов сын, а жительство имеет в Зимовейской станице с 731 году.
Новогригорьевской станицы	Фрол *Болдырь* оной уроженец на *Дону* в Иловлинской станицы казачий сын, а жительство имеят в Новогригорьевской станицы с 725 году
Кумшатцкой станицы	Петр Федоров сын *Балдырь* от роду ему тридцать три года, жена у нево Ульяна Ларионова осьмнадцати лет, оной уроженец Донетцкой станице казачий сын.
Верхней Чирской станицы	Агей Фетисов сын Подосинников *(Болдырь)* от роду ему двадцеть восемь лет, жена у нево Авдотья Кузьмина от роду ей двадцеть лет, дети у нево: дочери шести и дву лет, оной уроженец на Хопре в Касартинской станице казачий сын, был в полону у калмык, а жительство имеет в Верхней Чирской станице с 728 году

Примечания

1. Донския дела. СПб., 1898. Кн. 1; Донския дела. СПб., 1906. Кн. 2; Донския дела. СПб., 1909. Кн. 3; Донския дела. СПб., 1913; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А.Лишиным. Новочеркасск. 1891.Т. 1. С. 4, 189; Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск, 1894. С. 193, 248.

2. *Алмазов Б.А*. Казаки. СПб., 1999.

3. *Гусев В.А.* Материалы по истории и генеалогии казачества. Волгоград, 2013. Вып. 2. О происхождении донских казаков. XVII–XVIII вв. С .7

4. Там же. С.19, 21.

5. Там же. С. 28–31

6. Там же. С. 131, 133, 145, 152, 158, 200, 208, 215, 223.

7. Там же. С . 31.

8. *Гусев В.А*. Материалы по истории и генеалогии казачества. Волгоград, 2013. Вып. 3. Поселение на Волге донских казаков. XVIII век. С. 196-198, 201, 205, 226, 227, 229.

Е.М. Белецкая (г. Тверь, Российская Федерация)

СЛАВЯНСКИЕ МОТИВЫ В ПЕСЕННОМ НАСЛЕДИИ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ

Проблема взаимоотношений русской народной поэзии с фольклором других славянских народов неоднократно привлекала внимание исследователей [1]. Общность славянских песен, по наблюдениям И.И. Земцовского, наиболее ярко представлена в балладных сюжетах, что объясняется «самозарождением» образов и сюжета (например, о дочке-пташке) в сочетании с их последующей миграцией [2]. Иными словами, общность, как результат творческой миграции широко распространенных в фольклоре многих народов сюжетов, есть особая форма проявления и распространения типологических связей, хотя сюжеты отдельных баллад имеют международный характер, не обязательно обусловленный типологической общностью [3].

Типологическая общность строится на трех главных принципах: 1) общности исторического развития народов; 2) их культурном и языковом родстве; 3) общности и родстве конкретных фольклорных традиций [4].Архаический тип славянской баллады генетически связан с обрядовой поэзией и сказочным творчеством [5], что также является общей индоевропейской основой, реализованной в локальных вариантах и версиях.

Сопоставительный анализ календарной обрядовой поэзии зарубежных славян показал, что рождественско-новогодний праздничный цикл отличается «особенно устойчивой повторяемостью всех ее главных компонентов в разных, часто весьма отдаленных этнографических зонах» [6]. Ученые также отмечают сходство летне-

осенних обычаев и обрядов в странах зарубежной Европы, что обусловлено языческими представлениями древних славян о мире. Истоки и смысл этих праздников «настолько прозрачны, что в толковании их согласны между собой почти все исследователи» [7].

Сходство проявляется, например, в обряде кумления на Троицу, бытовавшего в станице Гребенской Шелковского р-на (ЧИАССР), сопровождавшейся песней с припевом «Кумитися, любитися»[8], и обряде побратимства сан-Джованни на Сардинии [9]. Обряд кумления девушек, которые целовались через венки, называя друг друга кумой, бытовал и в других терских станицах. По мнению В.Я. Проппа, этот архаический обряд символизировал приобщение женщин к рождающей силе земли, подготовку к материнству. Южнославянские этнографы считают, что в его основе лежали обряды женских инициаций, освещавшие переход девочек в группу девушек, которые уже могли вступать в брак [10].

На Тереке в силу различных исторических причин сложилась своеобразная этническая общность, основу которой составляли русские казаки.Приток населения за счет переселенцев, соседство с горскими народами Северного Кавказа, добровольное (а зачастую и принудительное) пополнение казачьих войск и станиц обусловило неповторимое сочетание различных элементов материальной и духовной культуры. Сосуществование русских, «азиатских» и славянских реалий соединилось в устнопоэтической, преимущественно песенной, картине мира.

Календарные обряды в терских станицах сохранились достаточно хорошо, о чем свидетельствуют записи 1965–1985 гг., частично опубликованные в сборниках [11]. Впервые в советское время был представлен анализ записей обрядового фольклора с комментариями, дополненный последующими экспедициями и материалами фольклорных практик [12].

Святочная обрядность в этническом пространстве терских станицпредставляет собой конгломерат христианских и языческих элементов, украинских и русских. На святках ходили «Христа славить» и колядовать, петь «Христос рождается» и «Леску» («В леску,

леску на желтом песку»). Однако образы Христа и других святых встречаются только в украинских текстах.

Колядки православных были насыщены образами христианских святых: «Вышла Мария из монастыря», где упоминаются Христос, дева Мария и Иван Креститель (ст. Гребенская); «А недиле пораненько» (ст. Новый Щедрин) и др. Зафиксирована и колядка с широко известным в украинском и белорусском фольклоре мотивом «Бог и святые участвуют в полевых работах»: «*Во поле, поле плужочек ходэ, за тем плужочком сам господь ходэ*», а дева Мария носит ему «*йисты*» и просит: «*Уроди, боже, во поле зерна! /Во поле зерна, во доме добра!*»[13].

Троица отмечалась преимущественно у староверов, православные в основном ограничивались посещением церкви. Пускание кораблей по Тереку – обряд, который сохранился только в гребенских станицах[14], а также имел место в Сибири. Однако сюжетная ситуация «Казак тонет, ловя венок» в песнях, содержащих украинизмы («Вой, там, за рекой, криница нова»), связана именно с троицкой обрядностью[15]. Пускание венков было общеславянским обрядовым действом, что также сближает русскую и украинскую народную культуру.

Таким образом, в фольклорном репертуаре терских станиц бытовали параллельно существовавшие русские и украинские обряды и сопровождавшие их песенные тексты, входящие в единое культурное пространство. Специфика украинских песен в том, что они содержат образы Христа и святых, в песенных текстах и обрядах старожилов-батяков (староверов) больше языческих элементов. Сосуществование русско-украинской культуры способствует как сохранности особенностей каждого этноса, так и процессам их взаимопроникновения и взаимосвязей [16].

Общность славянских песен наиболее ярко представлена в балладах. В составленный Ю.И. Смирновым указатель общеславянских балладных сюжетов и их национальных версий вошли далеко не все балладные сюжеты, бытовавшие в терских станицах [17]. Из 250 сюжетных форм указателя совпадают с терскими записями более 30

сюжетов. Кроме того, нами были зафиксированы не отмеченные Ю.И. Смирновым балладные сюжеты «Муж (казак) жену губит», «Свекровь губит невестку», а также «Сестра отравила брата (или молодца)», которые, по всей вероятности, также имеют славянские параллели.

В станице Нестеровской Сунженского р-на были записаны два близких варианта балладной песни об отношениях невестки и свекрови – «Да женила мать сыноченьку» («Как женила мать сыночка с-под неволюшки»). Чтобы разлучить сына с немилой сношенькой, мать посылает его *«службицу служить, а нелюбимую сношеньку в поле лёник брать»,* причем с условием: *«А не выберешь лёника,/ Не ходи домой, /Да ночуй, ночуй, сношенька /С край дороженьки»*. Возвратившийся со службы сын обращается к матери со словами: *«– Ой, да родимая маменька, / Пусть лен пропадет, / Ой, да моя жена да женушка / Пусть домой идет, / Ох, да где ж я ни бывал, / Такой жены не видал»* [18].

Украинской по происхождению является баллада «Во поле береза, во поле кудрява», в которой мать провожает сына «во солдаты», а после его возвращения собирается отравить нелюбимую невестку: *«Наливала мати пива да горилки, /Молодой невестке зеленого яда. / Молода невестка казака любила, / Она ту чару пополам делила. /– Ой, боже, ты мой боже, чи я наробила! / Молодую пару навек погубила. / Схоронила сына под зеленой елкой, /Молоду невестку под колючей розой»* [19].

Баллада «Вдова и сыновья-корабельщики», широко известная в белорусских, украинских и русских версиях, связана с Дунаем (в указателе сюжетов Ю.И. Смирнова – № 21). И в терском варианте вдова, что «*семь лет без мужа жила, два купчика любила, два сыночка родила*», бросает своих детей в Дунай-речку. Через 30 лет корабль с сыновьями возвращается; один из них сватает вдову, за второго она готова отдать дочь. Заканчивается текст осуждением этого поступка: «*Да какой же свет настал, / Сын матерю не узнал, / Сын матерю не узнал, / За себя он замуж взял*»[20].

Сюжет «Дочь кузнеца родила и погубила сына», с ссылками на украинские, белорусские и сибирские публикации, приведенные Ю.И. Смирновым(№ 25),в станице Гребенской был зафиксирован в двух версиях, русской и украинской. Песня «Что ж ты, коваль, не пьешь, не гуляешь» явно украинского происхождения, о чем свидетельствуют не только украинизмы (*нэ маэ, жалю, наробыла*), но и обращение к богу, и упоминание «колдунов и ворожек», а также национальнаяпринадлежность исполнительницы (несмотря на фамилию –Пешкова) и характер ее репертуара [21]. Русская песня «Собирались гуси-лебеди в кружок» содержит тот же мотив: «…*У девчонки призаплаканы глаза, / И она ли все сыночка родила. / Спородивши, сама его сповила, / Сповивавши, в Дунай-речку пустила. / – Ты плыви, плыви, детина, с рыбками, / А я пойду погуляю с девками*» [22].

Значительную группу балладных сюжетов объединяет мотив увоза девушки. Тексты, связанные с Дунаем, с учетом поэтики и характера мелодии, свидетельствуют о древности сохранившегося у казаков сюжета. Балладный мотив осложняется историческими деталями (через Дунай прошли три партии – белого царя, прусского короля и парень с девушкой) и социальным конфликтом: молодец хочет выдать девушку замуж за своего верного слугу и сделать ее своей любовницей, но она отказывается, и молодец рубит ей голову острой саблей.

В украинских и других славянских версиях иногда обозначены имя и статус мужчины – Стефан (Штефан)-воевода. Обстоятельный анализ различных версий этого сюжета содержится в монографии В.М. Гацака, где упоминается и записанная на Тереке песня, которая заканчивается тем, что в третьей партии – парень, сманивший девушку с Дона на Кавказ [23]. Песня, которую записал Б.Н. Путилов в 1945 году в станице Червленной, начинается с развернутого обращения к Дунаю [24].

Эта баллада почти без изменений была записана в станице Гребенской 20 лет спустя. Примечательно, что «очеловеченный» Дунай характеризуется в гребенском варианте дополнительными каче-

ствами, которых нет в червленском тексте: он ответ держал «*умом-разумом да человеческим, да гулким голосом да молодеческим*» [25].

Славянские мотивы в терском фольклоре появлялись в разное время и по разным причинам. Сначала сюжеты были занесены на Терек первыми поселенцами; последующее пополнение общего репертуара станиц произошло благодаря поздним переселенцам. Взаимопроникновению фольклора разных этносов и народов способствовало их совместное проживание и межэтнические связи (соседские, дружеские, брачные). Происходило заимствование и распространение особенно понравившихся произведений, независимо от их происхождения, как форма культурного обмена.

Украинские песни проникали в общий репертуар станиц и в результате «оказачивания» прибывших украинцев. Нередко это сопровождалось сменой фамилии. Так, в станице Калиновской А.Ф. Ткаченко рассказала нам о том, что ее прапрадед, Евтушенко,1842 года рождения, был из Харьковской губернии. Примерно в 1864 году его записали в казаки и дали фамилию Евтеев.

В результате смешанных браков в семье сохранялись песни на разных языках. Например, жена у жителя ст. Шелковской Т.А. Петрова (Петрашвили) была украинка, поэтому в семейном репертуаре звучали грузинские, украинские и русские песни [26]. Подробный анализ украинских песен, записанных в терских станицах, содержится в опубликованной ранее статье «Украинские песни на Тереке: особенности бытования» [27].

Возникновение славянских мотивов в казачьих песнях происходило и в результате заграничных походов, в которых казаки воевали «*за поруганных славян*». В 1983 году был найден рукописный сборник, датированный концомXIX века, принадлежавший казакам, служившимв Лейб-гвардии 4-й Терской сотне собственного Его Императорского Величества конвоя (Ф. Рогожину, С. Пимычеву, Я. Феньеву). Этот сборник не только расширяет круг украинских песен, известных червленцам («Засвистали козаченьки», «Гей, у мене був коняка», «Закуковала та сиза зозуля» и др.), но и содержит уникальную запись песни, в

которой О.В. Матвеев увидел «удивительные совпадения с первым национальным гимном Болгарии “Шуми Марица”» [28].

В популярной балладной песне «Шинкует шинкарочка» появление польской тематики связано с поведением трех мужчин, одному из которых удалось сманить хозяйку шинка: *«...Поляк сидит, пиво пьет, монету кладет. /Солдат сидит, водку пьет, червонцы кладет. /Гребенской казак, братцы, он пить не пьет: /Коня заложил, шинкарочку зманил»*[29].

Подобные случаи увоза действительно имели место, что иногда подкреплялось устными рассказами. Так, А.Д. Петрова (ст. Гребенская) рассказывала про казака Бросима, который привез в станицу девушку из Польши. Жил он бедно, а сказал, что у него дома лавки с товарами да косяки табунов. Уже в станице все прояснилось: «в той избушке, где они жили, было 16 дверных косяков, да по углам голые лавки стояли» [30].

Обобщая наблюдения над бытованием украинских песен в терских и сунженских станицах и подводя итоги собирательской работы, необходимо отметить, что среди украинских песен, сохранившихся на Тереке, можно выделить группу песен на украинском языке; в них встречаются слова и выражения, которые трудно понять без перевода.

Другой песенный тип отличается мотивами и сюжетами, которые характерны только для украинской народной поэзии и не встречаются в русском песенном фольклоре. К третьему типу следует отнести параллельно существующие варианты общих сюжетов, которые маркированы украинизмами или типично русскими выражениями, символами, образами.

Таким образом, русские и украинские песни при сходстве сюжетов отличаются особенностями языка и образной системы, а также характером мелодии. Славянские мотивы сохранились и в общеславянских сюжетах, и в локальных песнях, созданных сравнительно недавно. Вместе с тем все названные группы песен входят в общий репертуар казачьих станиц, образуя единое культурное пространство.

Примечания

1. См.: Русский фольклор. Т.VIII: Народная поэзия славян. М.; Л., 1963; Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965; Славянский и балканский фольклор. М., 1971 и др.

2. *Земцовский И.И.* Баллада о дочке-пташке: к вопросу о взаимосвязях в славянской народной песенности // Русский фольклор. Т.VIII. С. 159.

3. *Путилов Б.Н.* Русская историческая баллада в ее славянских отношениях // Там же. С. 131.

4. *Путилов Б.Н.* Действительность и вымысел в славянской исторической балладе // Славянский фольклор и историческая действительность. С. 172.

5. *Линтур П.В.* Балладная песня и народная сказка // Славянский фольклор. М., 1972. С. 164.

6. *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 5.

7. *Гроздова И.Н., Токарев С.А.* Введение //Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: летне-осенние праздники. М., 1978. С. 6.

8. Полевые материалы фольклорной экспедиции Чечено-Ингушского педагогического института, 1966 г. Станица Гребенская Шелковского района. Информатор Докторова Мария Фоковна, 1903 года рождения.

9. *Красновская Н.А.* Итальянцы // Календарные обычаи и обряды... С. 13.

10. *Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф*. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. Ставрополь–Саарбрюккен, 2012. С. 119.

11. Песни Терека. Песни гребенских и сунженских казаков / *публ. текстов, вступ. статья и примеч. Ю.Г. Агаджанова*; *отв. ред. Б.Н. Путилов*. Грозный, 1974. С. 45–50 (9 текстов); Терек вспышный: песни гребенских казаков / *сост. Белецкая Е.М. Художник Наймушина С.В.* Грозный–Екатеринбург, 1991–2007. С. 122–147 (21 текст).

12. *ЧеботареваВ.Г.* Календарный обряд и календарная обрядовая поэзия казаков Терека // Некоторые вопросы русской и вайнахской филологии: Сб. статей преп. ЧИГУ. Грозный, 1972. С. 81–107; *Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Виноградов В.Б.* Календарная обрядность терских казаков // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 50–63; *Белецкая Е.М.*Русско-украинский календарно-обрядовый фольклор терских станиц // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3: Памяти В.П. Попова / *под ред.О.В.Матвеева*. Краснодар, 2007. С. 329–338 и др.

13. Полевые материалы фольклорной экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета, 1984 г. Станица Старогладковская Шелковского района. Информатор Бобрусова Александра Никитовна, 1922 года рождения.

14. Подробнее о праздновании Троицы на Тереке см.: *Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Виноградов В.Б.*Указ. соч. С. 58–61.

15.Полевые материалы фольклорной экспедиции Чечено-Ингушского государственного пединститута, 1966 г. Станица Гребенская Шелковского района. Информатор Уманцев Алексей Иванович, 1898 года рождения.

16.*Белецкая Е.М.*Русско-украинский календарно-обрядовый фольклор терских станиц. С. 336–337.

17.*Смирнов Ю.И.* Восточнославянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988.

18. Полевые материалы фольклорной экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета, 1977 г. Станица Нестеровская Сунженскогоо района. Информатор Салкунова Анна Дмитриевна, 1923года рождения.

19. Полевые материалы фольклорной экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета, 1978 г. Станица Мекенская Наурского района. Информатор Синельникова Валентина Авакумовна, 1938 года рождения.

20. Песни гребенских казаков / *публ. текстов, вступ. ст. и коммент. Б.Н. Путилова.* Грозный, 1946. С. 142.

21.Полевые материалы фольклорной экспедиции Чечено-Ингушского государственного пединститута, 1966 г. Станица Гребенская Шелковского района. Информатор Пешкова Матрена Гавриловна, 1900 года рождения.

22. Полевые материалы фольклорной экспедиции Чечено-Ингушского государственного пединститута, 1965 г. Станица Гребенская Шелковского района. Информатор Иванова Евдокия Михайловна, 1863 года рождения.

23. *Гацак В.М.* Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. М., 1975. С. 14.

24. Песни гребенских казаков. С. 170–171.

25. *Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф*. Указ. соч. С. 201–202.

26.Терек вспышный. С. 27.

27. *Белецкая Е.М.*Украинские песни на Тереке: особенности бытования //Мир славян Северного Кавказа. Вып. 2 /*под ред. О.В.Матвеева.* Краснодар, 2005. С. 287–295.

28. Там же. С. 6.

29. Терек вспышный. С. 160.

30. Там же. С. 151–152.

В.В. Воронин (г. Краснодар, Российская Федерация)

ИЗ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРЯЧЕКЛЮЧЕВСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ОБРЯД ПРОВОДОВ НА СЛУЖБУ

Обряд проводов на службу, включенный в жизненный круг, является одним из основополагающих для казачьей культуры. Через проводы на службу происходит переход казака из мира гражданского в военный, изменение социального положения в обществе, а вместе с этим и рост статуса, как человека отслужившего военную службу.

В ходе работы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (1992, 2007, 2010, 2015 гг.), проводимой Научно-Исследовательским Центром традиционной культуры ГБНТУК КК «Кбанский казачий хор», в станицах Горячеключевского района (Саратовская, Бакинская, Суздальская, Мартанская, Имеретинская, Черноморская, Кутаисская) был собран полевой материал, позволяющий дать описание исследуемого обряда.

Многие наши респонденты в горячеключевских станицах отмечали, что и в советское время, несмотря на утрату казачьих воинских традиций, служба в армии было обязательным для мужчин. Напротив, не служивший мужчина, в глазах станичной общины резко понижался в статусе: «*Да, это позор, ты чё! Не! Это баба!*»[1]; «*Это был не мужчина»* (М.Г.), «*Неполноценный»* (В.М.). «*Тада наоборот рвались!*» (М.Г.) [2].

Несмотря на некоторую вариативность элементов обряда в традиционной культуре населения станиц Горячего Ключа, можно от-

метить, что в целом обряд имел свою общую структуру. В советский период, в связи с уничтожением казачьего уклада жизни, и когда служба в армии стала обязательной для всех лиц мужского пола, структура обряда претерпела значительные изменения. Тем не менее, многие элементы сохранялись и воспроизводились.

По воспоминаниям и рассказам своих родителей, респонденты отмечали, что обряду проводов предстоял долгий период подготовки новобранца в материальном, физическом, и воспитательном отношении.

Материальный аспект включал в себя подготовку обмундирования – «справы», холодного оружия, коня новобранца, и всецело возлагался на плечи отца семейства. «Требовалось купить отличную верховую лошадь у конезаводчика, которого укажет начальство за драконовскую цену. Кроме коня казаку необходимо было иметь бурку, шапку, казачью форму. И для повседневного ношения: сапоги парадные и рабочие, кинжал, шубу, две черкески, два бешмета, два башлыка, два пояса, белые портянки, носки, сёдла форменные, сумы перемётные ковровые, сумы с кормом для лошади» [3]. Естественно, что глава семьи всеми силами старался подготовить сына к службе. Однако станицы района в дореволюционный период были слабо развитыми в экономическом отношении, и стремление глав семей «не упасть в грязь лицом» при подготовке «справы» зачастую грозило разорением. Это подтверждается обращением выборных ст. Пензенской, с просьбой и выделении станице дополнительного надела: «При перечисленных наших заработках таких скудных, наша жизнь делается слишком тяжёлой, будучи казаками Кубанского казачьего войска и желая служить Государю Императору и Отечеству с преданностью, как выказали себя наши предки, но, не будучи в состоянии отправлять своих сыновей на службу при нынешних требованиях, вследствие выясненных условий жизни, нам, как не желающим отстать от наших же казаков других более богатых станиц, приходится разорять положительно наши скудные хозяйства и тратить на тот же предмет скудные доходные общественные поступления в нашу кассу»[4]. То есть, в трудных ситуациях,

навстречу шло станичное общество, выделяя средства из станичной общественной казны. Это происходило во многих станицах, например в ст. Суздальской: «Расходует же общество немало; в особенности при снаряжении казаков на службу. Из числа выступающих на службу в последнее время почти все снаряжаются на общественный счёт»[5]. Еще сложнее было семьям, в которых было несколько сыновей: «Горе тому отцу, у которого несколько сыновей. Такие семьи после влачили жалкое существование. В случае падежа коня или исчезновения одежды, других принадлежностей в период срока службы казака отец обязан был приобрести их вновь и направить к месту службы сына» [6]. Неслучайным, в данном контексте, является бытование пословиц: «*Лучше сундук напхать, чем коня покупать*» (т.е. рождение девочки менее затратное в будущем, чем мальчика) [7]; «Слава казачья, а жизнь собачья»[8].

Необходимо отметить, что сохранность/годность обмундирования, и запрет использовать строевого коня в хозяйственных работах – важные условия для казака и после окончания службы: «Несколько раз в год атаман со своими помощниками и военным писарем проводил смотры. Все военнообязанные первой и второй очереди являлись на станичную площадь со всем положенным. Всё должно было быть в исправности, идеальной чистоте разложено против каждого владельца впереди строя. Комиссия всё тщательно проверяла. И беда тому казаку, у которого окажется не вычищен конь или обмундирование окажется в неполном наборе. Его выводили перед строем и позорили. Кроме этого он мог быть посажен в карцер на трое суток на хлеб и воду. Или наказан денежным штрафом и принудительной работой. Припоминаю характерный случай в период такого смотра. Один из казаков за неимением белья прихватил белую женскую сорочку, аккуратно свернул и положил среди своих вещей. Атаман обнаружил, что бельё не мужское. Приказал казаку встать перед строем и показать своё бельё. «Полюбуйтесь, в каком обмундировании казак намерен защищать царя!». Присутствующие хохотали, а казак готов был провалиться сквозь землю»[9]; «*Боже тебе сохрани* [запрячь строевого коня]. *Если не дай*

Бог если обнаружили шо у коня хде-то потёрто. Как дедушка рассказывал, гаварит, это сразу на месяц в какую-то дальную станицу, куда-нибудь загоняют. Езжай и то там служи целый месяц. За конем не смотрел. Страшное дело. Наказывали, дюже наказывали»[10].

Немаловажную роль играли физическая подготовка и воспитание казаков-новобранцев: «Все военнообязанные до призыва в армию проходили двухлетнюю военную подготовку по месту жительства. Изучался устав военной службы, конный и пеший строй, стрельба и рубка лозы шашкой на полном скаку лошади, взятие различных препятствий на скаку лошади, взятие различных препятствий конных и пеших, гимнастических упражнений на турнике, кольцам, лестнице, прыжки через деревянного коня, и другие упражнения. Для обучения военному делу назначался руководитель из отслуживших казаков в чине не ниже вахмистра. Каждый призывник обязан был знать все воинские звания и чины, знать, как титулуют царя, членов его семьи, и всех князей и министров, начальника Кубанской области атамана Екатеринодарского отдела. О царе, например, нужно было докладывать: «Его Императорское Величество, царь Польский, великий князь Финляндский, император Всероссийский, царь Николай Александрович». В полк приходило пополнение полностью обученных и подготовленных к военной службе». [11].

Следующим этапом являлись непосредственно проводы на службу.«Проводы»/ «вэчир»/ «обид»/ «гульня/гулянка» проводились накануне отъезда новобранца из станицы на службу. На этот вечер приглашались гости – родня, соседи, кумовья. Обязательно приглашались крестные отец и мать. Приглашение взрослых гостей возлагалось на родителей новобранца, а он приглашал молодежь: «Родители приглашалы. А вин молодешь приглашае. А бувае так, шо по пути, вин бижить, и ему кажуть: «Забижи там до тих, скажи шоб на якэ врэмя прыходылы» [12]. Но помимо приглашенных, на проводы могли прийти и просто жители станицы: «И все шли, то кума, то сват. И все приходили приглашонние. И кто даже не при-

глашался, тот приходил» [13]. Обязательно приглашали тех, кто славился как песельники: «Вот прыгласыли нас на проводы куды. Нас больше прыглашали из-за песен». [14]. Так же на вечер он приглашал свою девушку «невесту», а она в свою очередь приглашала/собирала подруг: «Если невеста своего жениха провожает, она, значить это, зовёт подружек»[15].

Пришедшие на проводы гости приносили различные подарки: мыло, хлеб, пироги. Девушки приносили платочки, которые прикалывались к черкеске/рубашке на груди. Замужние женщины приносили полотенца. Мать/крестная мать (либо по очереди – мать, крестная мать, сестра, невеста, родственники) перевязывала его крест накрест вышитыми рушником: «Дивчата, стико ему нацiпляли платочкив, вся его грудь была била. <…> Вся грудь била! Каждая идэ, ну девчат много, каждая хоче почиплять то полотенце, то, я сестра, я полотенце вышитое. Мне женщина вышивала. А той платочки чипляли, богато. Щас такого нима» [16]; «Дивчата прыносылы, но подаркы яки — платочки чиплялы, полотенця вишалы. Кресна маты обизательно. Кресна маты повисэ соби, и батько кресный, ны батько а його жинка — тэж соби» [17]. «А тада як провожають в армию, и платочкамы обвишають, дивчат повно. И дивчата, мы объвязуем платочкамы, полотенце вышитэ» [18]; Помимо рушников и платочков использовались бумажные цветы: «Полотенцем перевязывали. Платочки вешали. Цветы вешали такие, шо на свадьбу покупають» [19]; «Должна ж девушка вышивать, что его провожает платочки, во так вот красиво. Вешали, и на каждый платочек – цветок. Цветы тада ж были» [20]; «Вяжемо рушныкы, рушныкы вяжемо, пырывязуем рушныком. На рушныку цвиткы таки бумажни делани, як на свадьби, ти цвиткы штукы тры-два повисишь, платочки. А полотенце дарэ мама, платочки дарють невесты. Значит ти цвиточкы мама чипля и рушнык»[21]. Девушка-невеста новобранца, помимо платочка или полотенца, обязательно дарила вышитый кисет с табаком.

Собравшиеся гости чаще всего садились за два стола, отдельно для молодежи и старших: «Бывало в одной комнате молодёжь, в

другой – все пожилые сидим. Молодёжь посидели и ушли вместе с солдатом, а мы оставались»[22]; «Молодежь отдельно стол стоить в хати, стари за другим. Молодежь чуть-чуть и пишлы гулять до клуба». [23]. Новобранцу определялось отдельное место: «На пэрвом мисти, возли иконы, як жиных и нивеста, так и вин, со своей невестой. Еси есть нивеста вона тихо так сида, тико бис шубы. Там шубу пидстилалы, молодим. А ти так на лавочки» [24].

Важно отметить, что первые три рюмки спиртного всем гостям наливал отец новобранца, при этом обходя все столы: «Атец налыва, налыва, налыва до трех рюмок. А потом становэ, а тада у нас була водка, а як отец провожалы братив мы провожалы, так там динатурат був. И вин читвертя ти становэ: «А тэпэр, кажэ, кажин сам»». И третий тост – «На коня!» – считался наиболее важным, так как он был связан с одариванием новобранца: «Деньги на коня! Выпылы раз, выпылы два, за третим разом – давай на коня! Хто выходыв. По-моему, хоть систра, хоть брат, от таки. <…> На коня. Сразу за третей рюмкой: «Давайте на коня!». А той тада ш деньги каки булы, той рубль, той два, той тры рубля. Тада дороги деньгы булы. Накыдають!» [25]. Собранные деньги должны были хотя бы частично компенсировать затраченные средства семьи на подготовку казака к службе.

После этого, каждый из присутствующих старших обязательно говорил тост, давал напутствие казаку: «Чтоб служил, уже отслужил, нотацию ему: «Смотри, то-то, то-то, то-то». Подсказывали, что не надо, как в армии лучше служить. Чем выполняешь все приказы и указы, никогда ты не будешь виноватый»[26]; «Чтобы ты отслужил, чтобы ты не попал. Чтобы был хорошим, дисциплинированным. Защищал. Чтобы мы ночью спали, а ты нас охранял» [27]; «Старики там или дедушка: «Смотри, нас не подведи!». И я своих внуков провожал: «От пухлого не отставай! С голоду помрёшь!»[28]. Для каждого благопожелания новобранца специально приглашали к столу старших: «Да. Мы ему желаем, за него пьём, приглашаем его до стола, давай сынок, шоб ты служил» [29].

Взрослые и старики просиживали за столом всю ночь, предаваясь воспоминаниям о былых временах и военных победах. Беседы прерывались песнями, при этом песенный репертуар был довольно определенным в сюжетном отношении. Большая часть текстов, сюжетно была связанна с проводами на службу, тяготами казачьей службы, разлукой с семьей, военными темами. Тем не менее, в станицах Горячеключевского района выделилась группа песен, приуроченных именно к проводам. Наиболее широко распространенные тексты, которые бытуют и в других районах Краснодарского края, это: «Последний нонешний денечек», «Провожала маты, сына у солдаты» и др., напр.: «Маты сына, сына в дориженьку слезно праважа, / Иды, иды, иды мий сыночок, иды ны дэ ны борысь, / Чирис тры-читыри, читыри гадочка назад варатысь»[30].

«Казак у поход собырався, / Вороного коня осидлал. / У гаю дивчина стояла, / Вин дывчини свою говорыл: «Ты не плач, не журився за мною, / Я с кровавого боя вэрнусь, / Як нэ вкрыюсь сырою землёю,Я на вики тим залышусь…[31].

«Калына, малына, лыстя опадают, / Молодых ребяток служыть забырають. / Служыть забырають пид город Варшаву. / Пид город Варшаву, дэ бьють барабаны, / За багатым сыном плаче вся Вкраина, / А за сыротою молода дивчина. / За богатым сыном, батько, маты плаче, / А за сыротою чёрный ворон кряче»[32].

«Конь боевой с походным вьюкам, / Мой конь не ржёт, кого-то ждёт. / А на крыльце военной школы / Казачка горько слёзы льёт…»[33].

Утром гости вновь сходились ко двору казака. Все садились за стол и завтракали. Выйдя из-за стола, выходили во двор, куда уже сходились все соседи с улицы: «А утром идёть, кто не гулял - всё равно выйдеть, пожелает здоровья, хорошо отслужиться» [34]; «Вутром сбигаюця, проулянцы бигом бижать – провожать» [35]. На дворе родители благословляли сына на добрую службу, давали иконку и узелок родной земли: «Тада ж жизнь була така, совецка, шо, та надо було. Но так пырыхрыстылы, пэрыхрыстылы, ну благословылы.» [36]; «Я даже пошёл на войну и мне мать дала иконку,

ещё там ходил на войну и брат её, материн и много. Она и мне давала… [Землю] Ну как всегда завязывали у платочек.» [37].

Важнейшими этапами в проводах на службу считались переходы границ – «своего» пространства и «чужого»: выход с дома, выход со двора, выход за границы станицы. При этом ряд ритуалов были целенаправленны на обязательное благополучное возвращение новобранца домой.

С родного дома новобранца выводили отец и мать. В ст.Бакинской его выводила мать из дома на двор, а затем за калитку, ведя его за платочек. При этом новобранец выходил спиной назад: «Платочок ну нывылыченькый, такий нывылыченькый, дае йёму платочок, и вин задом идэ. Вин бэрэ за конэц за одын, маты за другый, и задом выводыла черес порох, и аж за калитку задом. Вона идэ пэрэдом, а вин идэ задом. Цэ для того, як до дому ж идэ ны задом. Вона выводэ за калитку…». Уже за калиткой мать давала ему деньги – «И шоб вин их ны дэ ны тратив. На дорогу, шоб було назад доихать» [38]. Коня новобранцу за ворота мог выводить крестный отец[39].

В ст.Саратовской был зафиксирован такой ритуал. При выходе из хаты мать давала новобранцу пирожок со словами: «Надкусы, а як прыйдышь – дойисы». Надкусанный пирожок клали «на бижныцю», где он хранился до возвращения казака со службы[40].

Традиционно все новобранцы, украшенные полотенцами и платочками, сходились вместе с провожающими к центру станицы. В центре так же провожающие пели, танцевали. Уже в момент, когда новобранца сажали в машину/автобус, он должен был не оборачиваясь бросить один платочек через голову: «А када в армию провожалы тоже проводылы, платочок чириз голову кынув вин и поихалы, пишлы. От проводылы до остановкы, платочок вин чириз голову кынув.<…> Назад платочок кынэ. Дают ему в рукы платочок»[41].

Последним местом, где вновь совершалось прощание с новобранцами, была окраина станицы, граница станичного юрта. Зачастую этот локус имел свою особенность и свой топоним. Например,

в ст. Абхазской – поляна «Пьяная груша»: «А там, значит, провожают. Там есть поляна Пьяная Груша. Я её знаю. Чрез поле большая была груша. Вот такая толщиной. И вот тада всей станицей, все родственники, заходят туда последний раз. Чарку на коня и потом уже пошёл служить. А те возвращаются до дома» [42]. В ст.Кутаисской границей являлся дуб, на котором висела икона: «Провожалы в край станыци, сюда дороги нэ було, у нас дорога була. <…> И на войну провожалы в край станыци, був дуб, старый дуб. И церковь була. И повисылы там икону. Цэ ужэ росказуют нам. Икона була. И там благословылы мужикив яки шлы на хфронт, шоб оставалыся живи. <…>. И солдат в армию провожалы, туда провожалы, до того дуба» [43].

В целом, фольклорно-этнографические материалы полевых экспедиций позволяют говорить о том, что обряд проводов на службу, в традиционной культуре населения исследуемого района, в прошлом играл значимую роль, не только для отдельного человека, но и всего общества в целом. Многие элементы обряда имеют параллели с другими обрядовыми комплексами жизненного цикла: родильным, свадебным, погребальным. Однако, в настоящее время сильная трансформация народной традиции, а точнее ее деградация, наряду с активной сменой старожильческого населения, приводит к печальному результату – воспроизведение обряда проводов на службу как на семейно-бытовом, так и на общественном уровне утрачивает свое значение.

Примечания

1. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее ПМ КФЭЭ) – 2010. Аудиокассета (далее А/К) №4227. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Мартанская. Информант (далее инф-т): Жолтик А.Н. (1935 г.р.)

2. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4229. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Мартанская. Инф-т: Носатов М.Г. (1946 г.р.), Носатова В.М. (1949 г.р.)

3. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3901. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Бакинская. Рукопись по истории ст. Бакинской, хранящейся в станичной школе.

4. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 2564. Л.47-47об. Из обращения 32 выборных от общества ст. Пензенской Начальнику Кубанской области 12 июля 1897 г.

5. *Болтенко В.* Ст. Суздальская // Кубанские областные ведомости. 1901. № 67. 24 марта. С.1–2.

6. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3901.

7. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4223. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Мартанская. Инф-т: Мишурова М.В. (1924 г.р.), Кошель Е.М. (1926 г.р.)

8. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3901.

9. Там же.

10. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4223. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Мартанская. Инф-т: Афонасов Н.В. (1947 г.р.)

11. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3901.

12. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3899. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Бакинская. Инф-т: Шрамко А.В. (1925 г.р.).

13. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4265. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Имеретинская. Инф-т: Твердохлебова А.Ф. (1935 г.р.).

14. ПМ КФЭЭ-1992. А/К№328. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Мартанская. Инф-т: Попова Л.А. (1942 г.р.), Гавриленко В.Н (1921 г.р.)

15. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4227. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Мартанская. Инф-т: Жолтик А.Н. (1935 г.р.).

16. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3915. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Бакинская. Инф-т: Каркач М.А. (1922 г.р.).

17. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3899.

18. ПМ КФЭЭ-2015. Аудиотрек (далее А/Т) – Кут.1. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Кутаисская. Инф-т: Третьякова З.И. (1938 г.р.).

19. ПМ КФЭЭ-1992. А/К№328.

20. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4229.

21. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-Черн3. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Черноморская. Инф-т: Маторина М.К. (1929 г.р.).

22. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3910. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Бакинская. Инф-т: Сенявская М.Я. (1925 г.р.), Сенявский Г.Е. (1922 г.р.)

23. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т – Кут1.

24. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-Черн3.

25. Там же.

26. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3991. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Саратовская. Инф-т: Евтушенко Н.М. (1927 г.р.).

27. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4227.

28. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4255. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Имеретинская. Инф-т: Шкурко М.В. (1930 г.р.).

29. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3910.

30. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-Черн3.

31. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3972. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст. Суздальская. Инф-т: Осипова В.А. (1928 г.р.), Дудченко Н.Ф. (1961 г.р.).

32. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3940. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Бакинская. Инф-т: Захарченко Е.А. (1937 г.р.)

33. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3972.

34. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4265.

35. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-Черн3.

36. Там же.

37. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3911. Краснодарский край, Горячеключевской район, ст.Бакинская. Инф-т: Китюх Г.И. (1927 г.р.).

38. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3899.

39. ПМ КФЭЭ-2007. А/К№3911.

40. Рукописные материалы Пащенко Л.Н. по ст.Саратовской. Хранятся в архиве НИЦ ТК ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор»..

41. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-Черн3.

42. ПМ КФЭЭ-2010. А/К№4255.

43. ПМ КФЭЭ-2015. А/Т-Кут1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Андрей Владимирович – профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (КубГУ), доктор политических наук, доктор исторических наук.

Барбарунова Зоя Александровна – независимый исследователь, выпускник исторического факультета МГУ и аспирантуры Института археологии АН СССР (г. Прага).

Белецкая Екатерина Михайловна – доцент Тверского государственного университета, кандидат филологических наук.

Бемм Герман Владимирович – сотрудник научно-образовательного центра «Северокавказское славяноведение» КубГУ, кандидат исторических наук.

Бондарева Виктория Викторовна – доцент кафедры истории, политологии и социальных коммуникаций социально-гуманитарного факультета Кубанского государственного технологического университета, кандидат исторических наук.

Брацун Егор Васильевич – старший преподаватель кафедры обществоведческих дисциплин и регионоведения ГБОУ «Институт развития образования» Краснодарского края, кандидат исторических наук.

Брызгалова Ирина Генриховна – доцент кафедры исторической политологии Института истории и международных отношений, Южного федерального университета (ЮФУ, г. Ростов-на-Дону), кандидат исторических наук.

Братолюбова Мария Викторовна – доцент кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений ЮФУ, кандидат исторических наук.

Вартаньян Эгнара Гайковна – профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ, доктор исторических наук.

Васильев Игорь Юрьевич – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Государ-

ственного бюджетного научно-творческого учреждения (НИЦ ТК ГБНТУ) «Кубанский казачий хор», кандидат исторических наук.

Ващенко Александр Владимирович – декан факультета истории, социологии и международных отношений КубГУ, кандидат исторических наук, доцент.

Власкина Нина Алексеевна – старший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону), кандидат филологических наук.

Войтова-Долгих Яна Николаевна – доцент кафедры СГЕНД СКФ ФГБОУВПО «Российская академия правосудия» (г. Краснодар), кандидат исторических наук.

Воронин Василий Владимирович – старший научный сотрудник НИЦ ТК ГБНТУ «Кубанский казачий хор».

Гребцова Ирэна Светозаровна – профессор кафедры новой и новейшей истории Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, доктор исторических наук.

Жуков Игорь Викторович – преподаватель Новосибирского медицинского базового колледжа.

Иванов Александр Гаврилович – проректор по учебной работе и качеству образования – первый проректор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ, доктор исторических наук, профессор.

Каррер Ута – аспирант Базельского университета (Швейцария), Мюнхенского университета (Германия).

Коваленко-Черная Елена Сергеевна – кандидат технических наук, независимый исследователь, хранитель семейного архива А.П.Черного (г. Краснодар).

Козляков Владимир Егорович – профессор кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета (БГТУ), доктор исторических наук.

Косач Надежда Николаевна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ.

Крючек Пётр Степанович – доцент кафедры истории Беларуси и политологии БГТУ, кандидат исторических наук.

Кузьмичева Анастасия Евгеньевна – соискатель кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кузнецова Ирина Анатольевна – старший научный сотрудник НИЦ ТК ГБНТУ «Кубанский казачий хор».

Лаптева Людмила Павловна – профессор кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук.

Матвеев Олег Владимирович – профессор кафедры истории России КубГУ, доктор исторических наук.

Парфирьев Дмитрий Станиславович – студент 4 курса исторического факультета МГУ им. им. М.В. Ломоносова.

Пашинин Андрей Петрович – учитель истории МОУ СОШ № 52 г. Саратова, кандидат исторических наук.

Подхомутникова Марина Викторовна – преподаватель кафедры истории России КубГУ, кандидат политических наук.

Русанов Константин Викторович – научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина

Самсонова Лариса Олеговна – доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ, кандидат исторических наук.

Синицына Елена Владимировна – аспирант кафедры истории России КубГУ.

Степанова Анна Алексеевна – студент 4 курса исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Съедин Николай Александрович – доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь), кандидат политических наук.

Узлов Юрий Андреевич – доцент кафедры истории России КубГУ, кандидат исторических наук.

Факторович Александр Львович – профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций КубГУ, доктор филологических наук.

Хут Людмила Рашидовна – профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета, доктор исторических наук.

Чумаков Сергей Николаевич – доцент кафедры зарубежной литературы КубГУ, кандидат филологических наук.

Шаповалов Сергей Николаевич – преподаватель кафедры истории России КубГУ, кандидат исторических наук.

Яловега Вячеслав Игоревич – студент 4 курса исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Содержание

Предисловие *(Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев)*……..…3
Раздел I. Вопросы славянской историографии и источниковедения……7
Хут Л.Р. Историографические практики исторической политики в Польше: взгляд из России ……..……7
Крючек П.С. Проблема Люблинской унии в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв……...17
Лаптева Л.П. Виктор Иванович Григорович (1815–1879). К 200-летию со дня рождения.……....25
Узлов Ю.А. Польский вопрос в историко-культурном контексте……..……..31
Матвеев О.В. Из жизни и военно-литературного наследия Людомира Ржевусского….……..…..……...37
Лаптева Л.П. Русский университет в Варшаве (1869–1915 гг.)….49
Яловега В.И. Религиозный аспект «Мужицкой правды» В. К. Калиновского…….…..71
Синицына Е.В. В.А. Потто как мемуарист польской компании 1863 г. ...……..……...79
Ващенко А.В. И снова Катынь: проблема источников…….85
Факторович А.Л. Поляк и россиянин: амбивалентное притяжение в медийном представлении……..…….....93
Раздел II. Народы России и Польши в глазах друг друга. Проблемы международных отношений и внутренней политики славянских стран и их соседей……...100
Шаповалов С.Н. Взаимоотношения Российского государства и Речи Посполитой во второй половине XVI в.: упущенные возможности……100
Пашинин А.П. Политическая борьба в Чехии в середине XV в. …109
Самсонова Л.О. Адам Ежи Чарторыйский и польское национальное восстание 1830–1831 гг. …..…….……115
Бондарева В.В. Организация экзархийского ведомства болгар в условиях османского господства (1870–1876 гг.)…….……...…123

Брацун Е.В. Из славяно-кавказского боевого содружества: Конно-иррегулярная сотня Кубанской области в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. ….……....133
Степанова А.А. Национальная идеология Романа Дмовского в Польском Коло Государственной Думы Российской империи II созыва……..……..140
Барбарунова З.А., Коваленко-Черная Е.С. Политика Польши в отношении сепаратистских и националистических движений внутри русской эмиграции. Казаки-националисты (1920 –1930-е гг.) ……148
Парфирьев Д.С. Образ Литвы в антипольской риторике УВО-ОУН межвоенного периода……..154
Кузьмичева А.Е. Реакция Варшавы на франко-советское сближение 1934–1935 гг. ..……..……..162
*Иванов А.Г. С*ССР и Польша в условиях европейского кризиса 1939 г. ……...……..……..172
Бемм Г.В. К вопросу о роли внешней политики СССР в распаде Польши в сентябре 1939 г. ……...……..……...190
Войтова-Долгих Я.Н. Особенности российско-польского сотрудничества в юридической сфере в конце XX – начале XXI в. …..……198
Васильев И.Ю. Социально-политическое наследие Речи Посполитой в современной Украине……..……..206
Баранов А.В. Противоборство внешнеполитических ориентаций в украинском обществе (2005–2013 гг.) в контексте кризиса идентичности ……..……..……213
Косач Н.Н. Влияние Евразийского экономического союза на экономику Республики Беларусь……...…….…….222
Раздел III. Историко-культурные связи и духовное наследие славянских народов и их соседей……..……227
Вартаньян Э.Г. Формирование Новой польской культуры: от просветительства к романтизму (вторая половина XVIII – начало XIX в.)……..……227
Подхомутникова М.В. Этнокультурная идентичность в условиях

глобализации (на примере Польши)…….....236
Козляков В.Е. Русская цивилизация как социокультурный феномен……..……..242
Чумаков С.Н. Галчинский и Блок…….……253
Гребцова И.С. Поляки в становлении образования в Одессе и Новороссийском крае (10–60-е гг. XIX столетия)……...262
Братолюбова М.В. Варшавский Императорский университет в зеркале Донской прессы (1915–1917 гг.)…...……..…….269
Брызгалова И.Г. Роль Варшавского университета в развитии интеллектуальной среды Ростова-на-Дону в начале XX в…...…274
Русанов К.В. Фармацевты-поляки в вольных аптеках Кубанской области и Черноморской губернии…..……...277
Съедин Н.А. Польский след в культурной жизни Крыма XIX в…..…….287
Каррер У.Д. Советский Союз в польском народном искусстве. Пер. с англ. *Н.А. Власкиной*……..……....293
Власкина Н.А. Элементы южнорусской и украинской традиции в донском календаре: Иван Купала……..309
Кузнецова И.А. Видения в современной устной традиции восточнославянского населения Кубани……..…319
Жуков И.В. Тумы и Болдыри в Войске Донском……...……325
Белецкая Е.М. Славянские мотивы в песенном наследии терских казаков…..……..……..331
Воронин В.В. Из традиционной культуры восточнославянского населения Горячеключевского района Краснодарского края: проводы на службу……..……340
Сведения об авторах…….……....…..350

Научное издание

ГОД ПОЛЬШИ В РОССИИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ И ИХ СОСЕДЕЙ

Материалы Международной научно-практической конференции
(17октября 2015 г., г. Краснодар)

Подписано в печать Формат 60×84/16.
Печать цифровая. Усл. печ. ед. 22,1 Тираж 100 экз.

Заказ №

358